

ЖЕНЩИНА-ЛЕГЕНДА

Изабелла Кастильская

Лоуренс УИНОВЕР

ЖЕНЩИНА-ЛЕГЕНДА

*Серия романов
о великих правительницах:
галерея женских портретов
в дворцовом интерьере*

Нефертити
Изабелла Кастильская
Мессалина
Елизавета Английская
Семирамида
Клеопатра
Царица Хатшепсут
Королева Виктория
Жозефина

Лауренс УИУОВЕР

Изабелла Кастильская

ЭКСМО
ПРЕСС
1998

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)
III 95

LAWRENCE SCHOONOVER
THE QUEEN'S CROSS

Перевод с английского *Д. Бромберг*

Составление серии *С. Смирнова и В. Мартова*

Разработка серийного оформления
художника *И. Саукова*

Серия основана в 1998 году

Шуновер Л.
III 95 **Изабелла Кастильская: Роман.** — М.: ЗАО Изд-во
ЭКСМО-Пресс, 1998. — 512 с. (Серия «Женщина-легенда»).

ISBN 5-04-001854-1

Прекрасная и воинственная, рассудительная и темпераментная, как сама Испания, — такой была Изабелла Кастильская. Она выстояла в вихре кровавых междоусобиц, затеянных гордой испанской знатью, и дворцовых интриг, направленных против нее королем Энрике Бессильным и его коварной супругой. Поднявшись на трон, она приняла истерзанную страну и превратила ее в могучую державу. Королевой милостью Божьей, «королевой на все времена», изобразил Изабеллу в своем ярком романе известный мастер исторической беллетристики Лоуренс Шуновер.

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)

© Оформление. ЗАО «Издательство
«ЭКСМО-Пресс», 1998 г.
© Перевод Д. Бромберг, 1998 г.
© Вступительная статья С. Смирнов, 1998 г.

ISBN 5-04-001854-1

Если страной правит король,
Корона давит на голову,
А если — королева,
Корона давит на сердце.

Мария-Антуанетта

ИЗАБЕЛЛА КАСТИЛЬСКАЯ И ЕЕ ВРЕМЯ

История знала немало великих правительниц, возвысивших свое государство. Такими были ассирийская царица Семирамида, египтянка Хатшепсут, царица Грузии Тамара, британские королевы Елизавета Первая и Виктория, российская императрица Екатерина Вторая... Но, пожалуй, лишь одна королева могла бы прямо сказать: «Я приняла маленькую страну и сделала из нее великую державу». Вот чем по праву гордилась Изабелла Кастильская — прекрасная и воинственная, рассудительная и темпераментная, как сама Испания.

Чтобы ясно представлять себе, какое государство приняла в свои руки Изабелла, необходим краткий экскурс в более раннюю историю Пиренейского полуострова.

ГЛАВНЫЕ СОБЫТИЯ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ

В V веке нашей эры Пиренейский полуостров был захвачен германским племенем визиготов, или вестготов, которые вытеснили оттуда римлян. В течение недолгого времени королевство визиготов было самым обширным и могущественным из всех варварских королевств Западной Европы, появившихся на землях гибнущей Римской империи.

В 589 году визиготы обратились в христианство.

В 70-е годы седьмого столетия на территорию визиготского государства начались первые вторжения арабов, воодушевленных своей новой верой, которую они восприняли от пророка Мухаммеда (ок. 570 — 632).

К 713 году арабы захватили почти весь полуостров, кроме северного побережья (где образовалось маленькое христианское королевство Астурия).

С начала VIII века и на протяжении последующих восьми столетий длилась практически непрерывная война христиан против мусульман по обратному отвоевыванию европейских земель. Этот великий исторический процесс, самый грандиозный и самый длительный, крестовый поход, получил название Реконкисты, что буквально и означает «отвоевывание». Именно Реконкиста подобно кузнецу выковала испанскую нацию с ее гордым, темпераментным и весьма противоречивым характером.

Поначалу маленькая Астурия противостояла грозному Кордовскому государству мусульман. Мало-помалу ее владения начали расширяться благодаря успешным военным действиям королей Альфонса II Целомудренного (791 — 842) и Альфонса III Великого (866 — 910).

В 917 году королевская резиденция была перенесена из Овьедо в Леон, а немногим позже от Леона отделилось самостоятельное графство Бургос, или Кастилия, ставшее главной силой в борьбе с мусульманами.

В начале XI века на карте полуострова сосуществовали уже четыре христианских государства: королевство Леон, графство Кастильское, королевство Наварра и графство Барселонское. Их правители были слишком горды и самонадеянны, чтобы объединиться в единую силу против Кордовского халифата.

Фердинанд I, правивший в 1037 — 1065 годах, приняв титул короля Кастилии, стремился расширить свою террито-

рию не только за счет арабских владений, но и за счет своих соседей.

В это же время возникло королевство Арагон, ставшее вторым столпом Реконквисты.

В результате неослабевающего напора христиан владения их государств неуклонно расширялись. Образовалось графство Португальское (конец XI века), вскоре ставшее королевством, а в дальнейшем — одним из самых сильных европейских государств позднего средневековья и начала Нового Времени.

1137 год — графство Барселонское (с XII века именовалось Каталонией) объединилось с Арагоном.

1212 год — историческая битва при Навас де Толоса, в которой соединенные силы Леона, Кастилии, Арагона, Наварры и крестоносцев из других государств разгромили армию мавров.

XIII век был веком сплошной лавины завоеваний: Леон и Кастилия захватывают такие важнейшие города, как Кордова, Севилья, Медина-Сидония, Херес, Кадикс; Арагонское королевство — остров Майорку, Валенсию, наконец — Сицилию (1302).

Постепенно мусульманское господство на Пиренеях сузилось до сравнительно небольшой гористой области на юго-востоке полуострова, где был расположен Гранадский эмират.

Однако наряду с расширением и усилением христианских государств усиливались противоречия как между ними, так и внутри самих королевств. Участились периоды феодальной анархии, войн между королями и своенравной знатью, стычек между феодалами, столкновений феодалов с городскими общинами, крестьянских восстаний. Такова была Испания: начиная с королевского дома каждое сословие отстаивало свои права и свое гордое имя с оружием в руках.

Вступлению Изабеллы на кастильский престол предшествовала смута, связанная с борьбой за престолонаследие, а Арагоно-Каталонское государство полыхало восстаниями: каталонцы боролись за независимость, а на Майорке бунтовали крестьяне.

ИСПАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА

Мятежный, вспыльчивый характер испанцев поддерживала в первую очередь сама Реконкиста. Многовековая жизнь «на линии фронта» выработала в каждом сословии стремление к известной самостоятельности и способность (как и готовность) к быстрой организации наступательных и оборонительных действий.

Образцом для краткого описания общественной структуры может послужить Леоно-Кастильское королевство, главная сила Реконкисты.

На вершине общественной лестницы стояли аристократы-феодалы, получившие к концу XII века название «рикос омброс» («богатые люди»). Их владения расширялись по мере продвижения на юг как путем захватов, так и пожалований со стороны королей. Как правило, такие пожалования — населенные пункты, замки, земли — давались знати с единственным условием, а именно: защищать и укреплять их. «Богатые люди», всегда обладавшие внушительной военной силой, имели весьма независимое положение и широко пользовались правом денатурализации, то есть свободной смены государя по собственному усмотрению. Легко видеть, что испанская знать обладала силой неизмеримо большей, чем знать иных европейских стран. За время Реконкисты в обстановке постоянных войн и междуусобиц выработался особый тип авантюриста-завоевателя, «конкистадора», действующего на собственный страх и риск, вне всяких норм и обязательств.

Таким образом, всякая смена королей на престоле неизменно сопровождалась кровавыми междуусобицами между крупными владетельными фамилиями, стремившимися занять господствующее положение в стране.

Несколько ниже по положению стояли «сегундос» — знать второго ранга, непосредственно зависевшая от короля. Эти дворяне именовались «идальго» и подразделялись на

«кабальерос» (способных явиться на военную службу полностью снаряженными и на своем коне) и «эскудерос» (щитоносцев).

Поскольку Реконкиста была фактически «священной войной» христиан против мавров, роль Церкви и ее высших представителей — магнатов и прелатов — была чрезвычайно высока. Материальная мощь Церкви складывалась обычным путем пожалований, а также — изъятий из общего податного обложения. Особенностью испанской Церкви было отбывание военной службы и самими ее прелатами как «воинами Христа». В XII веке в Леоне и Кастилии возникли могущественные духовно-светские организации — ордена: Калатрава, Компостелла и Алькантара. В решающие периоды Реконкис-ты, а именно в конце XII и в XIII веках, кабальерос этих орденов составляли самую многочисленную и организованную часть армий. Неудивительно, что эти ордена в конце концов стали владельцами обширных территорий и огромных материальных богатств.

Государственный фундамент королевств, как и везде, покоился на крестьянстве, чья закрепощенность на Пиренейском полуострове была куда более глубокой и жесткой, чем в других странах Европы. Корни крепостничества уходили во времена визиготского владычества, когда основная масса земледельческого населения превратилась в сервов, ограниченных во всех правах, в том числе в наследовании имущества и свободе брака, и колонов (так называли крестьян, обрабатывавших чужую землю на договорных началах), то есть в наиболее угнетенное сословие. Реконкиста и рост самосознания были неотделимы, поэтому напряженная борьба крестьян за свои права, часто выливавшаяся в грозные восстания против знати, проходит красной нитью через всю средневековую историю Испании.

Уже с начала Реконкис-ты, то есть с XI века, в расширении христианских государств и во внутренней политической

борьбе большое значение стали играть города, городские общины. Возникавшие на отвоеванных участках, города становились прежде всего военными форпостами, и это давало им возможность занимать весьма устойчивые позиции в противостоянии как с маврами, так и с местной знатью. Города располагали военной силой и добивались широких прав самоуправления, а также многих привилегий. Наиболее сильные и влиятельные города нередко вели себя как самостоятельные государства, не спрашивая согласия короля. По собственному почину они затевали войны с маврами, со знатью или друг с другом. Часто восставшие крестьяне находили в городских общинах мощных союзников.

По мере того как разгоралась борьба между отдельными знатными фамилиями, города стали объединяться в братства — так называемые эрмандады (германдады), которые издавали собственные приказы, имели свою администрацию и суд, выносили свои решения и приговоры, не считаясь даже с королевской властью. В отдельных районах эрмандады даже вели войны с иностранными государствами и заключали мирные договоры «на государственном уровне».

В такой обстановке процесс централизации власти наталкивался на множество препятствий и был весьма затяжным. Кастильские короли не располагали достаточно крепким административным и судебным аппаратом. Наряду с органами управления, непосредственно подчиненными королю, существовали более сильные организации — в городах, у отдельных сеньоров, у духовной знати, у военно-рыцарских орденов. И все они обладали к тому же внушительной военной силой, готовой дать отпор кому угодно — хоть маврам, хоть своему королю.

В условиях внешней угрозы естественным образом происходили и противоположные процессы — направленные на примирение сословий, на поддержание политической целостности государства. Их результатом стало учреждение кортесов — собраний представителей от трех сословий: дворянства, духовенства и городских общин. Первые кортесы

были созданы в 1189 году. Со времени окончательного слияния Леона и Кастилии стали созываться общие кортесы, причем преобладающую роль в них стали играть города. Благодаря своему могуществу и организованности кастильские города оттеснили на задний план первые два сословия и посредством кортесов определяли политику королей по всем вопросам управления — ведения войн, престолонаследия, учреждения новых налогов. Порой кортесы вмешивались даже в личную жизнь королей, устанавливая для них прожиточный минимум и предостерегая от излишней расточительности. Формально кортесы были совещательным учреждением, и король мог согласиться или не согласиться с их мнением, однако часто голос городских общин имел решающее значение, тем более что все три сословия являлись на заседания со своими «вооруженными силами». При этом с самого начала вошло в обычай, что король перед лицом кортесов приносил присягу в верности законам и установлениям страны.

Нельзя забыть и о роли еще двух специфических групп населения, во многом определявших ход испанской истории. Это — мудехары и евреи. Мудехарами называли мусульман, поглощенных волнами Реконксты и оставшихся на отвоеванных территориях. В арабском Кордовском государстве предприимчивая и образованная еврейская община пользовалась значительными привилегиями и поэтому была весьма влиятельной и многочисленной. И мудехары, и евреи играли ведущую роль в промышленной и торговой жизни на Пиренеех, и на первых порах — особенно в конце XII и в начале XIII века — по отношению к ним проводилась политика терпимости. Однако факт остается фактом: постепенно как на политическом уровне, так и на чисто этническом, национальном, неприязнь к мудехарам и евреям стала нарастать. Иноверцев тотально презирали, а новообращенным не доверяли. Церковь закрепляла такое отношение официально. В конечном итоге началось изгнание арабов и евреев с полуострова или их истребление, которым стало вестись особое «министерство чистоты веры» — инквизиция, чьи деятели

написали, пожалуй, наиболее мрачные страницы средневековой истории.

Ветер инквизиции дул по всей Испании из Арагона, и об этом королевстве, как и о Каталонии, необходимо говорить отдельно, поскольку устройство Арагона и Каталонии отличалось от кастильского, а между Каталонией и Арагоном также было много несхожего, что весьма затрудняло объединительный процесс и приводило впоследствии ко многим междуусобицам и мятежам.

Главные отличия Арагона заключались в следующем. Арагон был экономически весьма отсталой областью, где преобладало натуральное хозяйство. Вошедшая в состав Арагонского королевства Каталония была куда более развита в промышленном и торговом плане, однако не обладала политической силой, поскольку не смогла противопоставить мощи арагонских феодалов равную ей социальную силу.

Феодальная система Арагона во многом напоминала французскую. Здесь сложилась очень могущественная и влиятельная аристократия, восходившая своими корнями еще к визиготским временам. Высшая арагонская знать, сплоченная между собой куда сильнее, чем в других королевствах, получала от королей на условиях службы сначала в пожизненное, а потом и в наследственное владение королевские земли. В пределах своих огромных (опять же в сравнении с другими областями полуострова) владений феодалы имели полный иммунитет, а кроме того, полное освобождение от общегосударственных платежей и податей.

Огромной силой в Арагоне обладала и Церковь, основу которой составляли мощные организации монашеских орденов — прежде всего францисканцы и доминиканцы. Они окрепли в борьбе с ересями, проникавшими на Пиренеи с юга Франции. Наиболее значительной была ересь альбигойцев, распространявшаяся с конца XI века до начала XIII века, когда против еретиков, обладавших уже значительной политической силой, был организован крестовый поход, в ходе которого они были уничтожены. Альбигойцы отрицали хрис-

тианские догматы и таинства и считали, что материальный мир был создан не Богом, а дьяволом.

В арагонских кортесах в отличие от кастильских заседало не три, а четыре сословия. Духовенство занимало в них первое место. Второе — высшая знать, третье — среднее и низшее дворянство, а четвертое — горожане. Кортесы ограничивали королевскую власть исключительно в интересах высшей знати и духовенства в гораздо большей степени, чем в Кастилии. Именно кортесы юридически закрепили за знатью все ее сословные вольности, предоставив знати право защищать их с оружием в руках и низлагать короля.

Наряду с кортесами существовала должность Великого судьи Арагона. Он назначался королем, но благодаря особенностям арагонского общества его полномочия были настолько велики, что ставили его едва ли не выше королевской особы. Великому судье можно было жаловаться на любого представителя власти, в том числе и на самого короля.

Нетрудно догадаться, что закрепощенность крестьян в Арагоне была наиболее тяжелой и жестокой в сравнении с их положением в других государствах Европы. Арагонские крестьяне облагались колоссальным количеством феодальных повинностей. Они были лишены всякого права судебной защиты против произвола сеньоров. Феодалы фактически распоряжались жизнью и смертью своих подданных, держа их на положении рабов. Вообще пережитки рабства на северо-западе Пиренейского полуострова оказались весьма крепкими и живучими. Если в Арагоне это положение поддерживала всеильная знать, то в Каталонии, наиболее экономически развитой области королевства, потребность в дешевой рабочей силе создала в XIII веке рынок рабского труда. Торг невольниками (из восточной Европы, в том числе из русских земель) был поставлен на широкую ногу. И это не могло не повлиять на положение закрепощенного крестьянства.

Таковы были Кастилия и Арагон, связавшие себя «узами брака» вместе со своими правителями в 1479 году. Характеры королевств различались не меньше, чем характеры их правите-

лей — Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского. И однако этот брак, вероятно, оказался самым удачным «государственным браком» во всей европейской истории.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К МОГУЩЕСТВУ

С конца XIV века на Пиренейском полуострове наступает сплошная череда смут, междоусобиц, полной анархии. Разнузданность знати и князей Церкви, бесчинства и разбой дворянских банд и авантюристов — все превращается в гремучую смесь. Если бы маврам не предписано было судьбой сойти с исторической сцены, то, пожалуй, попытка «арабской реконкисты» могла бы иметь временный успех. Но кровь арабов Магриба (севера Африки) уже остыла, а в их последней европейской твердыне — Гранадском эмирате — также наступала черная полоса дворцовой неразберихи.

На фоне безудержного разгула феодалов прошла вереница чрезвычайно слабых кастильских и арагонских королей. Вспышками мятежей сопровождалась каждая смена на обоих престолах, причем в большинстве случаев корона возлагалась на малолетних принцев, за которых затем правили многочисленные регенты из знатнейших феодальных домов.

В Кастилии такое положение дел тянулось всю первую половину XV века и стало особенно напряженным после вступления на престол двухлетнего Хуана II (1406 — 1454).

Сходная картина наблюдалась и в Арагоне. Дело осложнялось тем, что правящая династия пресекалась и началось острое соперничество претендентов, тем более что при разнородности социального состава Арагоно-Каталонского объединения далеко не так просто было добиться всеобщего признания. В 1412 году все же был достигнут компромисс: представители кортесов трех областей остановили свой выбор на Фердинанде, бывшем в ту пору регентом в Кастилии. Правление Фердинанда, получившего прозвище Справедливый, длилось очень недолго — всего два года, — но оно поло-

жило начало политическому процессу сближения, а затем и объединения двух королевств.

Надо также заметить, что в течение первой половины XV века земельная знать Кастилии значительно возвысилась и заняла положение, сходное с положением крупных феодалов в Арагоне. С другой стороны, силы городских общин Кастилии сильно пошатнулись. При последнем короле династии Трастамары (см. Генеалогическую таблицу), Энрике (Генрихе) IV, прозванном Бессильным как за политическую, так и за мужскую слабость, мощь феодалов, а вместе с ней и анархия достигли небывалого размаха. Король Энрике щедро раздавал земли крупным знатым фамилиям, подстегивая их жадность. Знать превратилась в разбойничьи банды, нападавшие на города и села.

В период правления Энрике Четвертого кровавые междоусобицы не прекращались ни на день. Династии дома Трастамары угрожало отсутствие детей у Энрике от первой жены. Король женился повторно и родившуюся от этого брака дочь Хуану объявил наследницей престола. Появление на свет этого младенца приписывалось, однако, не королю, а любовнику королевы Бельтрану, ставшему временщиком при слабом короле. Это и дало повод к образованию лиги знатных фамилий во главе с архиепископом Толедо. Лига выдвинула кандидатуру престолонаследника — Альфонса, брата короля, — и объявила короля низложенным. На сторону Энрике встала новая неродовитая знать и часть городов, и в 1476 году ему удалось одержать верх над мятежниками, однако при том пришлось временно уступить домогательствам знати и признать Альфонса наследным принцем. Через год он снова восстановил Хуану в правах инфанты (наследницы престола), а Альфонс вскоре волею судеб скончался. Эти события поначалу привели в замешательство лигу противников Энрике, но вскоре они выбрали своим новым кумиром сестру короля Изабеллу, дочь короля Хуана II, родившуюся в 1450 году. Изабелла, однако, мудро отклонила предложение короны при живом брате и тем самым, вероятно, уберегла страну от

новой кровавой усобицы. Она решила довольствоваться титулом кастильской инфанты. Однако на этот раз сам Энрике открыто признал «истинную генеалогию» своей дочери Хуаны... И вот, взяв по уздцы лошадь, на которой восседала его сестра Изабелла, он проводил ее от монастыря святого Иеронима (в Гисанде) до города Сеговия, где и признал за ней право наследования.

Изабелле было уже восемнадцать, поэтому самым актуальным в тот период оказался вопрос о ее замужестве. Этот вопрос имел огромное политическое значение, ведь заключение брачных союзов определяло судьбу территорий и целых государств. Неудивительно, что в связи с замужеством Изабеллы развернулась борьба многочисленных претендентов на ее руку. Среди них были: брат очень расчетливого и хитрого короля Франции Людовика XI (прозванного «королем-пауком») герцог Гиеньский Карл, король Португалии Альфонс, английские принцы — Ричард, герцог Глостерский (будущий король Ричард III), и герцог Кларенс — и, наконец, сын арагонского короля Хуана II, Фердинанд.

Придворная партия Энрике поддерживала великого магистра ордена Калатрава, а также португальского короля. Португальская кандидатура могла привести к слиянию Кастилии с государством, в ту пору очень небольшим, но очень энергичным и упорно стремившимся к колониальным захватам. Однако по воле Провидения этому союзу не суждено было сбыться (в романе представлена весьма любопытная версия неудачного сватовства дряхлеющего Альфонса Португальского к Изабелле). Предпочтение английского или французского претендента ставило Кастилию в зависимость от политики этих сильных и весьма чужеродных по своему «этническому характеру» государств, чего кастильская знать весьма опасалась.

Совершенно иначе представлялось возможное объединение Кастилии с Арагоном. Престол последнего занимала кастильская династия, и арагонская аристократия не возражала против кастильского кандидата. Внешняя обстановка

также подталкивала оба королевства к сплочению сил и созданию противовеса домогательствам соседней Франции с ее могущественным «королем-пауком». Кроме того, несомненно, важное значение имел и личный выбор Изабеллы, своей нравной и весьма разумной. Фердинанд явно приглянулся ей больше остальных. О нем шла слава не только как о настоящем воине, но и весьма умеренном, здравомыслящем человеке. Он сочетал в себе черты рыцаря и хитрого, очень хладнокровного политика. Наконец, он был достаточно хорош собой и к тому же... на год младше Изабеллы, что могло стать залогом ее подспудного превосходства над будущим мужем.

В январе 1468 года в Сервере уполномоченные Изабеллы и Фердинанда подписали брачное соглашение на весьма выгодных для Кастилии условиях. Фердинанд обязывался свято блюсти законы и обычаи Кастилии, иметь свою резиденцию именно в этом королевстве и не отлучаться из него без ведома Изабеллы, не оказывать предпочтения иностранцам при назначении на городские должности, на военные и гражданские должности давать назначения только с согласия Изабеллы, предоставить ей исключительное право раздавать церковные пожалования. Фердинанд обязывался также неуклонно вести борьбу против мавров, не покушаться на владения и привилегии знати и не добиваться восстановления прав на территории, ранее принадлежавшие его отцу в Кастилии. Все государственные акты должны были подписываться обоими...

Первая встреча Изабеллы и Фердинанда была похожа на приключение в стиле походов Дон Жуана. Она подробно описана в романе. 19 октября 1469 года архиепископ Толедский совершил брачный обряд, о котором Энрике IV, находившийся в Андалусии, узнал, что называется, «задним числом». Его оставили с носом. Разрыв Энрике с Изабеллой дал толчок новым междусобицам.

Положение в Арагоне в ту пору было еще более тяжелым. В Северной Каталонии и на Балеарских островах вспыхнуло и приняло огромный размах восстание крестьян против знати. Феодалы не шли ни на какие уступки и не соглашались

на ослабление крепостнического гнета. Дело дошло до того, что знать вступила в военный конфликт с самим арагонским королем Хуаном II, отцом Фердинанда. Король Хуан, опираясь на восставших крестьян, повел войну против каталонской знати. Эта война затянулась на несколько лет, и мир воцарился только в 1472 году.

В Кастилии придворная партия предпринимала отчаянные усилия, чтобы отстоять дело Хуаны, дочери Энрике и сомнительной наследницы престола, путем различных брачных комбинаций и интриг. Однако недаром Энрике был прозван Бессильным. Он вновь пошел на примирение со своей крепкой характером сестрой, и можно сказать, что его бессилие на этот раз сослужило добрую службу Испании, сохранив силы страны. Смерть Энрике, последовавшая в 1474 году, открыла для Изабеллы прямой путь к престолу. В том же году она была провозглашена королевой Кастилии, однако всеобщее признание получила опять же не сразу: против нее образовался сильный союз крупной знати и городов во главе с ее недавним соратником, архиепископом Толедским. Новая партия, заручившаяся поддержкой португальского короля, упрямо отстаивала притязания злосчастной Хуаны. Лишь в 1479 году усобица затихла, завершившись всеобщим признанием Изабеллы. В том же году скончался арагонский король Хуан II. В истории Испании началась новая эпоха — два государства объединились под властью «католических государей», Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской.

Придворные перипетии, предшествовавшие восхождению Изабеллы на кастильский трон, а также самый нелегкий, потребовавший огромных усилий и продлившийся до 1492 года период правления описаны в романе Л. Шуновера очень подробно, живо и достоверно. Однако все же стоит перечислить главные события, происшедшие в ее царствование.

Несомненно, первым главным достижением Изабеллы и Фердинанда, кроме объединения их королевств, стало резкое усиление центральной власти и подавление феодальной анархии. Им удалось утвердить в стране мир и спокойствие —

зыбкое, что естественно для испанского характера, но необходимое в ту пору, как воздух. Опершись на учрежденную в стране Святую Эрмандаду — обладавший мощной военной силой союз городов, — короли повели беспощадную борьбу против крупных феодалов, ликвидируя дворянские банды по всей стране и не оставляя от непокорных замков камня на камне.

Была произведена реформа управления: на первых кортесах, созданных в 1480 году в Толедо, был проведен ряд актов, лишавших знать права воздвигать новые замки и чеканить собственную монету. Коронные земли, захваченные самочинно или даже пожалованные прежними королями, были отобраны. Обширные владения духовно-рыцарских орденов также перешли в ведение короля; рыцари этих орденов были переведены на фиксированное жалованье, и даже само управление орденами в конце концов перешло в руки короля Фердинанда, что было санкционировано и римским папой.

Борьба короны с крупными феодалами косвенным образом придала новые силы крестьянскому движению, которое в первые годы правления королей широко развернулось в Каталонии и нашло отражение в других областях полуострова. Результатами этого движения стала отмена крепостного права в Каталонии и так называемых «дурных обычаев», унижавших народ («право первой ночи», насильственный привод кормилиц в дом сеньора и т. п.), а также — существенное ослабление некоторых форм феодальной зависимости.

Другим великим достижением стало завершение многовековой Реконквисты. Одиннадцатилетняя война против мавров (1481 — 1492) привела к окончательному падению Гранадского эмирата и переходу всех его земель под христианскую корону.

1492 год стал, конечно же, «звездным часом» Изабеллы и одним из важнейших вех европейской истории. В тот год пала мусульманская Гранада, и в том же году Христофор Колумб «с легкой руки» Изабеллы, взявшей энергичного генуэзца под свое покровительство, достиг берегов Америки.

Перед путешествием королева сказала Колумбу, что, если в казне не хватит средств на его экспедицию, она заложит свои драгоценности...

Лоуренс Шуновер имел основания завершить свой роман кануном великого путешествия. Второй период правления кастильской королевы, длившийся двенадцать лет, был не слишком богат событиями. «Новости из Испании» в это время приходили в основном мрачные: там свирепствовала инквизиция. Увы, Изабелле не повезло с духовниками: сначала им стал доминиканец Томас Торквемада, превратившийся в символ христианского фанатизма, затем — именно с 1492 года — Хименес де Сиснерос, ничуть не менее жестокий церковник. Эти сильные и «пламенные» личности имели большое влияние на королеву. Однако нельзя не сказать о том, что Изабелла действительно долго противилась введению этого религиозного трибунала, который под видом очищения веры от «лицемеров-иудеев», крестившихся, но тайно исповедовавших иудаизм, послал на костер около десяти тысяч человек. Сиснерос постарался превзойти Торквемаду: при нем был издан указ об изгнании всех евреев из Кастилии и Арагона, а затем началась насильственная христианизация мудахаров, мусульманского населения королевств. Это привело к восстаниям, которые были жестоко подавлены, а все мусульмане были также изгнаны. Остались только обращенные в христианство мавры, получившие название «морисков», но в дальнейшем и их ждала трагическая судьба.

Не повезло Изабелле (как и Фердинанду) и с детьми. Печальная поговорка «Природа отдыхает в детях» полностью подходит к этой венценосной чете. Наследницей всех владений Изабеллы стала дочь Хуана, не слишком крепкая здоровьем, характером и рассудком, потому и оставшаяся в истории Хуаной (Иоанной) Безумной. Она была отдана замуж за Филиппа, сына германского императора Максимилиана из династии Габсбургов. В 1500 году от этого брака родился Карл, будущий властитель Испании, а потом и Священной Римской империи.

Изабелла Кастильская умерла 24 ноября 1504 года в замке Мота, в Медине дель Кампо. Назначив в завещании свою дочь наследницей, она отметила, что в случае если Хуана окажется неспособной принять бразды правления, то регентом должен стать Фердинанд — до того времени, как первенцу Хуаны исполнится двадцать лет.

После смерти супруги Фердинанд доказал, что он был и остается блестящим политиком, и за свою ловкость получил похвалу от самого Никколо Макиавелли (1469 — 1527), бога средневековой политики. Изабелла осталась бы довольна своим мужем. Высшая кастильская знать, не любившая арагонца, сразу подняла голову, а честолюбивый Филипп решил сам управлять Кастилией, отстранив Хуану, которая была признана душевнобольной. Тогда Фердинанд удалился в арагонские владения и стал дожидаться смут в Кастилии. Смуты, вызванные своеволием кастильской знати, не замедлили начаться, Филипп, не долго повластвовав, скончался, а Хуана была не в состоянии править страной. Фердинанд дождался своего: кастильцы, не способные справиться со своим хаосом, сами пригласили его на регентство.

Вернувшись в Кастилию и серьезно занявшись ее внутренними делами, Фердинанд продолжил дело территориального расширения Испании. Еще задолго до смерти Изабеллы он сумел отобрать у Франции провинции Руссильон и Сержань. С помощью многоходовой политической интриги ему удалось закрепить за Испанией и Неаполитанское королевство. Будучи уже единоличным правителем Кастилии и Арагона, он прибрал к рукам Наварру, которая долгое время была яблоком раздора между Испанией и Францией. Он сумел использовать для захвата Наварры старинных союзников Кастилии, англичан, рассорить наваррцев с папой и в удобный момент (в 1512 году) без труда захватил большую часть Наварры, на юг от Пиренеев. Последним аккордом его политики была попытка путем брачного контракта подготовить присоединение Португалии, но эта попытка не увенчалась успехом, а план взять силой эту страну, ставшую мощной ко-

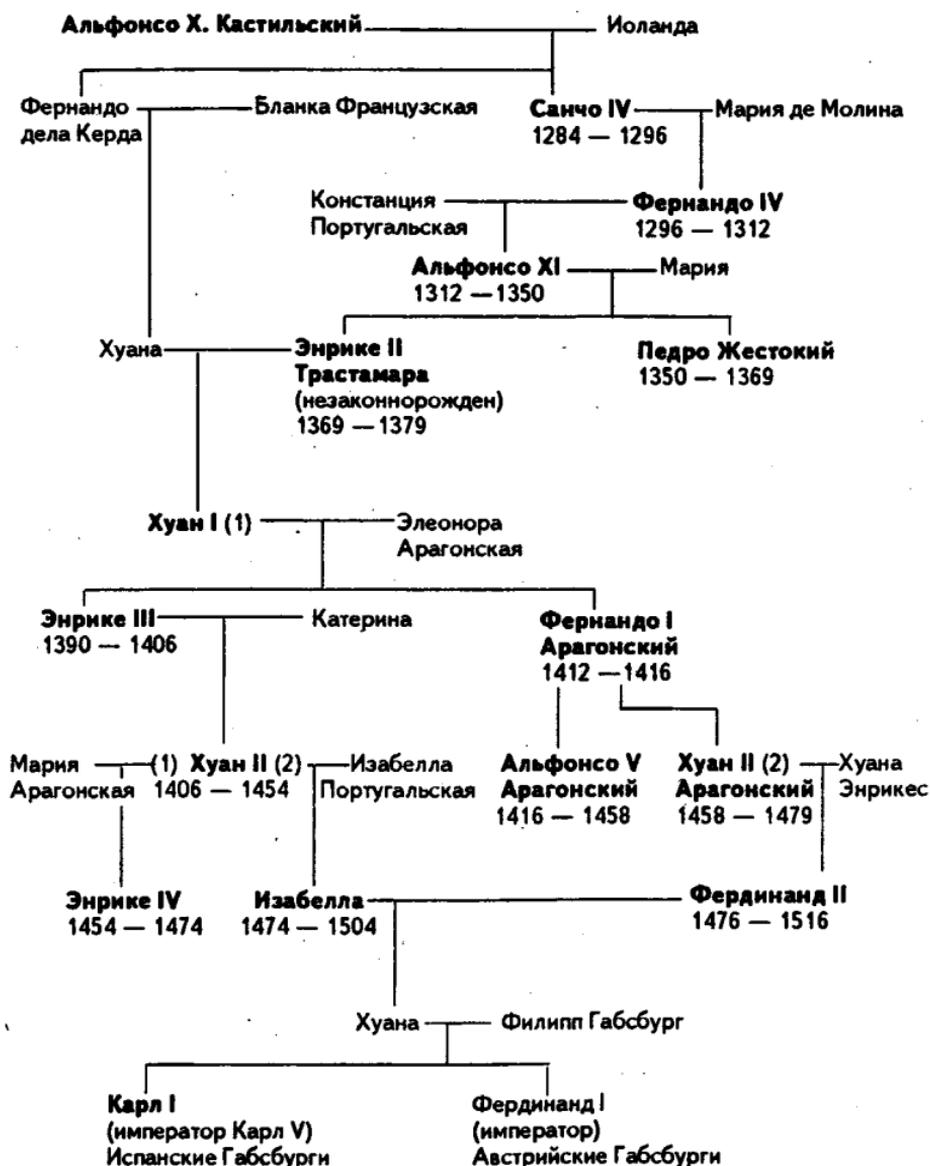
лониальной державой, мог быть лишь плодом больного воображения, чем Фердинанд никогда не страдал.

Фердинанд умер в феврале 1516 года, пережив Изабеллу на одиннадцать с половиной лет...

Испанский престол перешел к его внуку Карлу, унаследовавшему от деда многие полезные для политика черты характера и ума — многие... но только не главную — любовь к Испании. Он присоединил к своим владениям Нидерланды, а затем — будучи избранным «по совместительству» еще и германским императором — покинул Испанию и стал править внезапно образовавшимся в Европе огромным государством. Могущественным, но, увы, недолговечным. Однако это, как говорится, уже совсем другая история...

Сергей СМЕРНОВ

ДОМА КАСТИЛИИ И АРАГОНА В СЛИЯНИИ ОСНОВНЫХ ЛИНИЙ

ГЛАВА I

Вдовствующей королеве, конечно, не пристало бы жить в таком захолустном и ничем не примечательном городке, как Аревало. Стены алькасара, городской крепости, были в плачевном состоянии. Железные переплеты на окнах-бойницах, некогда украшенные росписью, насквозь проржавели. В садике при замке царило запустение, поскольку королева уже потеряла интерес к цветам. Да и тех мизерных средств, которые двор отпускал ей на жизнь и к тому же постоянно задерживал, не хватало на приличный штат слуг.

Зато окрестности города радовали глаз и обладали целебной силой. Бескрайние поля пшеницы сияли и волновались, словно золотое море, омывавшее длинную гряду холмов у самого горизонта. Пурпурные цветы шафрана, незаменимого в кастильской кухне, наполняли чистый воздух сладким ароматом, изумлявшим случайных путников.

Среди холмов, огибавших небольшую долину, заселенную густо, как все плодородные земли в Кастилии, неторопливо текла река Адаха, петляя между крестьянскими хуторами. Однако несколькими милями севернее или южнее река то бурлила в камнях, то мелела, почти превращаясь в болото, непостоянная, как все в

Испании, где постоянство можно заметить только в чередѣ неожиданных событий.

Лучшее, что подносила река королеве, — дешевая рыба по средам в течение всего года. В Великий пост, который королева соблюдала строже, чем большинство людей в те времена, все сорок дней к столу подавалась только рыба. Даже духовник говорил ей, что такое самоотречение подобает аскету, но не вдовствующей королеве, ушедшей на покой. Комендант замка, старый вояка, толстый, краснорожий и грубый, воспринимал реку как дурную, но все же сносную служанку: только благодаря реке вода в замковом колодце была всегда чистой и вкусной. В замках, стоящих на вершинах холмов, колодцы, как правило, были грязными, а знатные обитатели страдали от таинственных болезней. Прибрежные замки оставались более пригодными для здоровой жизни. У дона Педро все лицо было иссечено длинными шрамами. Его запястья и лодыжки носили следы мавританских оков. Он поздно женился и столько всего позволял своей юной дочери, что королева выходила из себя.

— Очень плохо, что вы разрешаете ей ездить на лошади, а не на муле, как подобает дамам, — однажды проворчала она, — теперь вот инфанта* тоже настаивает, чтобы ей дали лошадь.

Хотя у нее и в мыслях не было запрещать инфанте садиться на лошадь. Разве Жанна д'Арк не ездилa верхом?

— И еще до меня дошло, что вчера вечером ваша нахалка Беатрис купалась в замковом рву в чем мать родила! Это правда?

— Ваше высочество! Было очень темно, очень жарко.

Я ее вздул хорошенько. Но клянусь вам, она была одета.

— Еще одна подобная выходка — и вы немедленно будете уволены со своей службы. Запомните это, — ответила королева.

Комендант поклялся, что выходок больше не будет, и предложил еще раз высечь донью Беатрис за то, что та подает плохой пример инфанте. Но гнев королевы быстро улетучился. Коменданту не пришлось опять давать своей дочери взбучку, и он удержался на своем месте. Ведь, кроме него, никто не стал бы служить супруге умершего короля.

Королева забыла о случившемся и вновь погрузилась в дремотную меланхолию, с которой теперь была неразлучна. Ее маленькой верной свите казалось, что любые заботы тяготят ее с каждым годом все больше и она все глубже погружается в прошлое, где она была королевой Кастилии и Леона, а старый король был еще жив. В то время ненавистное слово «вдова» не преследовало ее по пятам, словно неотвязный кошмар.

Однако вдовствующая королева все еще оставалась важной персоной на фоне своих детей. Ведь если царствующему королю Энрике не удастся нажить наследников (за двенадцать лет брака с одной супругой, затем с другой он так и не обзавелся потомством), то ее сын, дон Альфонсо, унаследует корону.

Безопасность, прежде всего безопасность, привела ее в Аревало, ибо за пшеничными и шафрановыми полями в долине реки Адахи, за лиловой грядой холмов на многие мили вокруг тянулась голая скалистая пустошь. Здесь царила безопасность одиночества, безопасность королевского забвения; здесь она могла спокойно коротать свое вдовство и растить детей в благо-

пристойности, подальше от двора ее пасынка Энрике IV, которого история наградила бесстыдным прозвищем Бессильный*.

При дворе короля Энрике было много такого, что тревожило мать мальчика, который, возможно, станет королем, и зеленоглазой девочки, которая стояла следующей в ряду наследования и могла стать королевой. Когда из столицы приезжал очередной посланец с положенными ей средствами, она прятала дону Альфонсо, чтобы не заметили, какой он слабый, и донью Изабеллу, чтобы никто не увидел, что она почти уже стала взрослой. Никто не мог оставаться в безопасности при дворе в Вальядолиде*.

Король Энрике, вспоминая о вдовствующей королеве, иногда посылал ей и ее детям подарки. Ей — дешевый черепаховый гребень (хотя она больше не носила гребней в волосах), донье Изабелле — книжки со стихами о страстной любви; королева приказывала сжечь их. Дону Альфонсо обычно присылали ненужную одежду, признанную каким-нибудь высокомерным портным из Вальядолида давно вышедшей из моды. Королева велела все выкидывать. Длинные пестрые плащи, напоминавшие развевающиеся одежды мавров, — такое носить только чужакам или еретикам. Дон Альфонсо может пока походить и в своем поношенном коротком плаще, черном, как и положено быть настоящему испанскому плащу.

Однажды в припадке щедрости король прислал наследнику флакон духов с сентиментальной запиской о том, что такова последняя придворная мода. «Деревенская жизнь в Аревало не должна мешать принцу при-

обретать должный лоск, — писал король, — который очень, очень важен для принца». Дон Альфонсо так и не увидел этого странного подарка. Вдовствующая королева откупорила флакон, понюхала и опознала изделие мавров. Она швырнула его в ров. Флакон разбился о камни фундамента, и много дней спустя ветерки, залетавшие через стены, приносили нежный запах муската, жасмина и роз. Неужто, с тревогой спрашивала себя вдовствующая королева, мужчины при дворе короля Энрике пользуются духами? Сантьяго!* Зачем?

Конечно, не было принято навещать вдовствующую королеву, даже для того, чтобы отметить годовщину смерти короля. Но не все мужчины в Испании пользовались духами, а некоторые с теплым чувством вспоминали королеву в ее лучшие времена. Один из них, фра* Томас, завел привычку навещать ее четыре раза в год. Монахи, бывшие под его попечением, радовались его отъездам, потому что он заставлял их соблюдать строжайшую дисциплину. Они называли его визиты актом благотворительности, поскольку из его внимания к овдовевшей королеве нельзя было извлечь выгоды. Но они заметили, что фра Томас, который всегда запрещал им пользоваться такой роскошью, как мулы, был настолько суров к себе, что проходил все тридцать миль по глухой и опасной местности до Аревало пешком, без сопровождения, питаясь лишь хлебом. Фра Томас был как будто одинаково равнодушен к жаре, холоду, голоду, усталости и диким зверям, которые наводняли пустоши между Сеговией и Аревало.

Он бы очень удивился, если бы кто-нибудь сказал

ему: «Фра Томас, по своей жизни вы — святой, живущий в грезах, забывший о мире и предоставивший все Господу». Он был подобен дустынникам, которые жили на столбах* в Египте в ожидании воронов, которые прилетят клевать их. Но дни пустынников давно миновали. Испания в 1462 году была мало похожа на Египет времен первых христиан. Испания и фра Томас, который был прежде всего испанец, были очень практичны. Он шел пешком, потому что ходьба — хороший пример, ведь он был молод и силен и хорошо переносил долгий путь. Он не брал с собой никакой еды, потому что привык поститься. Он забыл вкус мяса, которого не ел больше десяти лет, и постоянное чувство голода среди изобилия еды было настолько привычно ему, что он попросту не замечал его. Что же до диких зверей — кабанов, медведей, диких кошек, — так у него был тяжелый посох. Он никоим образом не чувствовал себя под особой защитой, и если бы на него напал зверь, он просто проломил бы ему череп. Ибо звери, как и бесы и язычники, трусливы в сердце своем, и можно дерзким нападением обратить их в бегство; они опасны лишь для беспечных.

Фра Томас унаследовал эти черты, будучи отпрыском древнего кастильского рода — предки его сражались с маврами. В тридцать лет он стал приором* доминиканского монастыря Санта Крус* в Сеговии. Он превосходно управлял монастырем, ведомый верой в Господа, и не желал себе более высоких постов. Но дядя его имел резиденцию в Риме; фра Томаса могли бы отозвать из Испании, и для него это стало бы первыми кругами чистилища*.

Радость долгой, бодрящей кровь дороги обостряла его чувства. Путь вел его извилистыми лесными тропа-

ми, и в его сандалии с каждым шагом набивалось все больше сосновых игл; потом он шел голым безлесым нагорьем, с каменными завалами и колючей травой, спускался в долину Эресмы, переходил через мост, сильно обветшавший при прежнем короле, и ближе к ночи добирался до лиловых холмов, за которыми был виден Аревало, маленький и темный среди четких линий распашки и паровых полей. Он упрекал себя за то, что, словно мавр, наслаждается долгой жизнью среди красот Испании, хотя искренне любил свою страну, и ни один из его обетов не требовал предпочитать безобразное прекрасному. Но он успокаивал свою совесть тем, что всякий раз, навещая вдовствующую королеву, он посвящал себя наставлению инфантов.

Он принадлежал к ордену, где об образовании заботились особенно тщательно. Во всех странах Европы жили учителя-доминиканцы; и не только в Европе, но и за ее пределами — в России*, в далекой Персии, в Индии, Китае, по всему огромному миру. В своих дальних миссиях доминиканцы собрали огромные практические знания в области географии.

Для него учить было делом естественным, и дети ждали его прихода, потому что он знал больше, чем их постоянные учителя, и объяснял доступнее. Он сам, точно ребенок, видел мир в контрасте черного и белого, без оттенков — черный, как его мантия, белый, как его ряса. Он был высокого роста, с твердо очерченным подбородком, резким голосом, и вид его всегда немного пугал юных принца и принцессу.

Однажды, когда он с гордостью и восхищением рассказывал о дальних миссиях, Изабелла взволнованно спросила:

— Но разве не опасно миссионерам заходить так далеко, фра Томас?

— Расстояние не имеет значения, когда идешь к язычникам, моя принцесса.

— А разве они не могут свалиться с края Земли?

Фра Томас колебался всего мгновение. Купцу он бы ответил: «Пока еще ни один корабль туда не свалился». Философу он сказал бы: «Тень, которую Земля отбрасывает на Луну во время затмения, круглая». Студенту Саламанкского университета* он буркнул бы: «Перечитайте Аристотеля, молодой человек, и стыдитесь!» Но у него не было аргументов, понятных детям. Поэтому первое, что пришло ему в голову, — важно прочесть по-латыни: «*Mundi formam omnes fere consentiunt rotundam esse*», после чего он сразу перевел фразу, зная, что королевских детей не учат латыни:

— Считается, что Земля имеет круглую форму. Это слова его святейшества папы Пия II. — А потом завершил разговор доводом, понятным детским умам: — Только некоторые невежественные моряки все еще боятся плавать на кораблях, которые несут нашу святую веру в дальние страны. Только нечестивые и глупые люди думают, что Земля плоская, как блин. Разве вода могла бы удержаться на поверхности блина? Нет, она стекла бы с него. Так и с Землей. Если бы Земля была плоская, вся вода в морях сотни лет назад стекла бы с нее. Но Испания, прочие страны окружены морем.

Фра Томас на деле не интересовался формой Земли; он просто привел некоторые объяснения, чтобы принц или принцесса, которые когда-нибудь придут к власти, без колебаний посылали бы свои корабли с миссиями, распространявшими христианскую веру. Гораздо ближе его сердцу была Испания с ее бедами,

среди которых первым несчастьем оставалась Гранада — государство мавров, словно пиявка, присосавшееся к богатым полям Андалузии.

— Никогда не забывайте, что Испания имеет форму щита. Сама карта этой благословенной страны есть картина ее судьбы, которая заключается в том, чтобы быть щитом, заслоняющим не только нас самих, но и всю христианскую Европу против отвратительного зла — мавров.

Фра Томас рассказал, что Испания всегда стояла как щит, все семь долгих мрачных веков, когда временами казалось, что христианский крест навеки склонился перед полумесяцем ислама и орды неверных подступали к самым подножиям Пиренеев. Но испанцы никогда не сдавались. Отсюда, с Астурийских гор, суровые предки принца и принцессы медленно оттеснили завоевателей в тюрбанах обратно на юг.

Но с недавних пор война с неверными утихла. Нижний край щита все еще был замаран Гранадой, государством мавров, дерзким и богатым, с населением в три миллиона неверных.

Когда же наконец явится в Испании монарх, который завершит Реконкисту и отшвырнет мавров обратно в Африку?

Фра Томасу казалось, что теперешним испанским королям не очень-то под силу совершить такое, особенно королю Энрике. Но вслух он этого не сказал, потому что его дело — учить, а не вносить раздор между королем и его наследником. Тема единства оставалась самой важной в его поучениях. Дон Альфонсо слушал, повторяя его слова про себя. Как и его сестра, инфанта.

— Я помогу тебе, Альфонсо! Я выйду замуж в Пор-

тугалию... или в Арагон. Тогда христиане будут вдвое сильнее.

— Когда ты выйдешь замуж, сестренка, ты последуешь зову своего сердца. А о Гранаде я позабочусь сам, как король! Это мужское дело!

Фра Томас услышал детский шепот, но не стал бранить их. Он возблагодарил Господа за их высокий дух.

— В следующий раз я расскажу вам о соседних королевствах, Португалии и Арагоне. — Фра Томас улыбнулся тому, что Изабелла уже выказала признаки политической зрелости. — Верно, три христианские державы должны слиться в единое целое, чтобы против неверных встала единая Испания.

На обратном пути в Сеговию он четко продумал и составил свою следующую лекцию в надежде, что его уроки могут послужить во славу Испании и на погибель маврам. Он не задумывался над тем, запомнит ли его История, хотя считал, что имя его отца, кардинала, удостоится в хрониках строчки-другой. Он редко думал о собственном имени — Томас де Торквемада*.

Но судьба распорядилась так, что следующего урока не было. Когда он снова пришел из Сеговии в Арвало, маленький замок был наглухо заперт. Он долго стучал и дозывался, пока в одной из створок массивных ворот не открылось маленькое зарешеченное окошко.

— Убирайся, — буркнул стражник.

— Пожалуйста, доложите вдовствующей королеве, что пришел фра Томас.

— Она никого не принимает.

Стражник собрался было захлопнуть окошко перед носом приора, но фра Томас придержал створку посохом:

— Я не узнаю тебя, добрый человек; а ты, возможно, не узнаешь меня. Я фра Томас де Торквемада, приор монастыря Санта Крус в Сеговии. Я пришел, как обычно, воздать дань уважения вдовствующей королеве и дать урок инфантам. Извести ее высочество, что я пришел.

— Быстро же вы управляетесь с посохом, сеньор приор, прямо как кабальеро* с копьём, — стражник подозрительно оглядел фра Томаса. — Если ты и вправду приор, то где твои монахи, раздающие милостыню, охрана, кони?

— Я пришел один, пешком.

Стражника это не убедило, он покачал головой, но сказал:

— Погоди-ка, сеньор приор. — И отвернулся, бормоча: — А мне сказали, что из провинции должны прийти крестьяне за покупками.

Окошко закрылось, и фра Томас услышал скрип отодвигаемых засовов.

Вскоре появился сеньор Педро де Бобадилья, лицо его было странно искажено, и шрамы выделялись сильнее обычного. Он отодвинул стражника плечом и распахнул ворота.

— Десять тысяч извинений, ваше преподобие. У нас новые люди, все как один грубияны, подозрительные, дурно воспитанные, как вы изволили видеть. У них приказ от самого короля никого не впускать. Входите, входите... и благословите этот дом так, как никогда его не благословляли. Он нуждается в вашем благословении.

— Дети здоровы?

— Уехали они, все уехали, все старые слуги, моя жена, даже доченька моя, мое яблочко, Беатрис моя.

— Куда же?

— В Вальядолид, ко двору, чтобы стать придворными дамами и учиться, как падать на колени перед новой наследницей престола. Неделю назад приехал эскорт, и всех увезли, — дон Педро сплюнул. — Их капитан сказал: «Эта чудесная красная роза составит компанию белой розе!» — и ущипнул мою Беатрисочку за щечку. Да до нее ни один мужчина никогда не дотрагивался! Ужасный позор! А я ничего не мог поделать. Потом они все умчались, весь этот блестящий эскорт, в своих длинных плащах. Там было даже несколько знатных мавров в цветных тюрбанах — значит, чтобы вся процессия-то выглядела пороскошнее.

— Тише, дон Педро, — фра Томасу показалось, что стражник внимательно посмотрел на коменданта. Возможно, стражник был шпионом, только вот чьим и с каким заданием, фра Томас мог лишь догадываться. — Давайте лучше поговорим наедине.

— Мне нет дела до того, что здесь сейчас творится.

— А королеве есть.

— Увы, бедной королеве уже ни до чего нет дела.

— Она жива?!

— А вот это, друг мой, требует объяснения.

Объяснение произошло в личных покоях коменданта, вдали от любопытных глаз и ушей.

Неделю назад к воротам прискакал герольд и повелительным тоном потребовал принять его. Затем в присутствии коменданта, вдовствующей королевы, инфантов и всех слуг замка он развернул пергаментный свиток, исписанный королевским пурпуром и золотом, и прочел вслух:

«*Io, El Rey* — Я, король, сказал: Да будет известно вам, что милостью Божьей в только что минувший вторник королева, донья Хуана, наша дражайшая и возлюбленная супруга, разрешилась дочерью, Хуаной, инфантой Испании и наследницей двойной короны Кастилии и Леона и всех сеньорий, городов, владений, титулов и почестей, к сему относящихся, которые уже признаны кортесами* и утверждены знатными герцогами, графами, маркизами и другими грандами* семнадцати городов, входящих в упомянутые кортесы этих наших королевств. И сим сообщаем вам, что вы с нами вместе можете возблагодарить Господа, и возрадоваться, и принести присягу на верность и преданность упомянутой принцессе Хуане, нашей дочери и наследнице.

Io, El Rey».

А следом за герольдом примчался эскорт, потому что Энрике Бессильный, которому удалось наконец ниспровергнуть насмешливое прозвище, просуществовавшее так долго, времени не тратил. Дон Альфонсо, который больше не был наследником, и донья Изабелла должны публично явиться в Вальядолид и присягнуть новой инфанте, чтобы ни у кого не оставалось сомнений, что дети вдовствующей королевы теперь не у дел и исключены из ряда наследования. Капитан эскорта сказал, что дальнейшая воля короля такова: они должны поехать ко двору и поселиться там постоянно. Там, сказал он, их воспитание будет углублено.

— Не сомневаюсь в этом, — печально вставил фра Томас.

— ...а обеспечивать и направлять их будет сам король, которого, по словам капитана, «все верноподданные должны приветствовать как Энрике Великодуш-

ного». Во всех отношениях великодушного, — про-
рычал Бобадилья. — Знаете, отец приор, какая ходит
сплетня насчет принцессы Хуаны, которую он, как
дурак, признал своей дочерью?

— У меня в монастыре запрещено сплетничать, дон
Педро.

— Говорят, — продолжал комендант, понизив го-
лос, — что принцесса Хуана не дочь короля. Королева
завела любовника, вот этого самого красавца, рассоба-
чьего капитана, который приехал во главе эскорта,
дона Белтрана де ла Куэву, который ущипнул мою Бе-
атрису за щеку. Уже там, при дворе, кое-кто называет
новую «наследницу» Ла Белтранехой, дочкой дона
Белтрана, хотя, конечно, говорить громко они не ос-
меливаются.

— Значит, вы слышали об этом.

— От одного мавра.

— Мать знает, кто отец ее ребенка, — сказал фра
Томас. — За исключением случаев уж крайней распу-
щенности. А что говорит на все это королева?

— Ох, уж эта мне королева! Что она может сказать?
Она, конечно, говорит, что это ребенок Энрике.
Одним-единственным нечестивым деянием, которое,
без сомнения, было по душе им обоим, она прекратила
разговоры о короле — во всяком случае, по большей
части; она полностью подчинила себе короля с его ба-
бьим характером и весьма упрочила свое положение,
ведь королева, став матерью будущей королевы, теперь
вдвое сильнее. О, у нее множество причин сказать:
«Это дочь короля».

— А король?

— Совершенно счастлив.

— И не ревнует супругу к дону Белтрану?

— Напротив. Он начал возвышать его. Немедленно после рождения принцессы пожаловал ему новый титул графа Ледесма — «за выдающиеся заслуги перед короной», извольте видеть. Вот, прочтите сами. — Комendanт по-дурацки ухмыльнулся. Фра Томас даже не улыбнулся.

— Испания, Испания! И эта святая земля когда-то славилась как источник христианских добродетелей! Дом рыцарских орденов Компостелла, Калатрава, Алькантара*, чьи воинственные рыцари не искали на земле более высокой чести, чем пасть в бою с маврами, заслужив мученический венец на небесах! Испания, чьи короли носили имена Дерзкий, Мудрый, Добрый и даже Святой! Бедная Испания, как же низко пала ты, даже король у тебя нынче — *El Impotente*, Бессильный! Не только сплетня заставляет верить этому прозвищу. Когда он не мог жениться на этой своей ветреной королеве, разве церковь не расторгла его первого брака по причине бессилия, *por impotencia*. Я бы добавил слово *respectiva*, но из чистого сострадания, поскольку на деле оно означает «двусмысленность». Теперь нет сомнений, где корень зла. В Испании настали суровые времена, друг мой, если испанский король женат на нечестивице и приглашает поганых мавров к своему двору для пущей изысканности.

— В этой кавалькаде были и молодые женщины для сопровождения принцессы Изабеллы, ваше преподобие, все они веселились и смеялись — наглые красотки на белых мулах, покрытых дорогими малиновыми попонами, сверкавшими золотом. На них были красивые платья с большим вырезом, без рукавов, открывавшие их руки. Некоторые дамы перетянули платья под грудью кожаными шнурками от арбалетов, так что шелк

туго облегал их. Некоторые отобрали у мавров тюрбаны и напялили их на себя, а другие бесстыдно ехали с непокрытыми головами. Одна препоясалась мечом, у другой за тугой пояс был засунут кинжал. Все с подведенными глазами, размалеванными губами, и — вы не поверите, — когда поднимался ветер, у них так задирали юбки, что я видел их голые ляжки, и тоже раскрашенные. У них все тело разрисовано! Что ж теперь станет с моей дочуркой?

— А что станет с Испанией при таком омерзительном дворе?

Комендант не ответил.

— А вдовствующая королева, у которой отобрали детей?

— Боюсь, она обезумела, — сказал комендант. — Она всегда была подвержена меланхолии, но когда это горе обрушилось на нее, что-то в ней оборвалось. Она все время сидит в темном углу своих покоев, смотрит в одну точку и ни с кем не говорит.

— Позвольте мне повидаться с ней, дон Педро.

— Это безнадежно, фра Томас. Дон Белтран ходил к ней, долго разговаривал, а потом сказал мне: «Бесполезно говорить с ней о присяге на верность. Она не понимает, что делает». Потому-то он и оставил ее здесь.

— И все же я хочу видеть ее.

Но вдовствующая королева не узнала фра Томаса. Она сидела посреди сумрака в своем кресле, бесконечно и нелепо раскачиваясь взад-вперед. Бессильные руки неподвижно лежали у нее на коленях. Если бы только она сжала кулаки, или заплакала, или хоть моргнула! Фра Томас покачал головой и печально вздохнул. Она не сказала ему ни «здравствуйте», ни «до свидания», когда он вышел.

Но все же кое-что она произнесла. В ее некогда сильном рассудке еще теплилась какая-то искра, словно уголек в умирающем очаге. Один раз руки ее дрогнули, и она пробормотала: «Бессильный, бессильный, словно мавританский евнух», а в другой раз: «Грядут раздоры, грядут раздоры, грядут раздоры».

Размышляя над последними пророческими словами, фра Томас почувствовал подъем в душе — конечно, видит Бог, не из-за грядущих раздоров в Испании, где одна сторона будет за Ла Белтранеху, а другая — за дона Альфонсо. Напротив, он горячо молился, чтобы раздоров не началось вовсе, ибо это означало бы междуусобную войну, а междуусобная война означала, что Гранада так и будет «висеть» на краешке испанского «щита».

Но он знал простых испанцев. Грядет разделение на две стороны. «И дай Господь, — молился он, — достаточно сил сторонникам доньи Изабеллы и дона Альфонсо защитить их». Ему вспомнились артисты, выступавшие в Сеговии во время сбора урожая: они ходили по канату над головами затаившей дыхание толпы, держа тяжелые палки — казалось, это должно было затруднять, но на деле облегчало их движение.

Когда силы приходят в равновесие, иногда удается пройти извилистым путем и не упасть. Пути Господни чудны и неисповедимы.

ГЛАВА 2

Дон Белтран де ла Куэва расслабленно положил длинную, красивую ногу на мягкий подлокотник самого удобного королевского кресла. Его лицо было крас-

ным от ветра и холода. Он чувствовал себя усталым. Он ослабил перевязь меча и прекратил играть желваками на скулах.

Отвернувшись от зеркала, королева улыбнулась ему через плечо:

— Легок путь для кабальеро в покои дамы, дон Белтран. Вы утомлены?

— Немного.

— Чашу вина?

— О, не надо никого беспокоить.

— Нет, так будет лучше. Потому что ты должен иметь все.

Она оставила горшочек цвета охры, оправленный, словно драгоценный камень, в ярко-зеленый малахит, и тонкую кисточку, собравшись было припудрить губы. Встала, подошла к окну и достала из тайничка между занавесью и оконным переплетом два кубка и квадратную бутылку темно-зеленого стекла.

— По твоему оценивающему взгляду не скажешь, — проворковала королева, разливая наливку нежной и умелой рукой, — чего тебе больше хочется — то ли вина, то ли королеву...

От наполненных кубков в теплом воздухе спальни разнесся аромат персиков, созревших в знойную пору десять лет назад.

Дон Белтран лихорадочно подыскивал подходящий ответ, учтивый и в духе времени:

— Горячительные свойства вина и воспаляющие нас черты дам...

Она рассмеялась. Смех ее был низким и музыкальным.

— Погодите, дон Белтран. Маркиза Виллену вам

все равно не затмить. Я же сказала: у вас должно быть все.

Она поднесла кубок к его губам и, пока он пил, сама сделала один глоток. Потом нагнулась и поцеловала дона Белтрана. При этом изысканное кружево сорочки спустилось с ее плеча.

— Я люблю, когда у тебя влажный рот, — пробормотал он, жадно прикикая к ее губам.

Она не ответила — глаза ее закрылись. Длинные и густые черные ресницы оттеняли белизну щек. Она обмякла в его объятиях.

— Все. Всегда.

— Как мало быть столь великой королевой, — шептал он, зарываясь лицом в ее волосы.

— Я буду великой для тебя — и инфанты!

— Прекраснее этих черных глаз нет в мире!

— А как же черные глаза доньи Беатрис де Бобадильи? — В ее воркующем голосе послышалась резкость. Она уже знала, что он ущипнул Беатрис за щеку, как только впервые увидел ее.

— Она же ребенок!

— Пока, Белтран. Я предвижу: однажды она станет очень привлекательной, несмотря на свое низкое происхождение.

Большим пальцем он коснулся ее щеки.

— Прекраснейшая кожа в Испании.

— Прекраснее, чем у принцессы Изабеллы? Все говорят, что она самая красивая девушка при дворе. Или тебе не по вкусу зеленые глаза и золотистые волосы, дон Белтран? Ты просто отстал от моды. Даже король...

Дон Белтран рассмеялся.

— Что, и король тоже?

— У Энрике глаз наметан, — твердо ответила коро-

лева. — Никто так не разбирается в цветах, как он, а ты ведь сам говорил с восхищением, что она очень яркий цветок.

— Никто не может сравниться с моей королевой.

Снова — кубок на двоих, жаркий поцелуй влажных губ.

— Тем не менее я продолжу терзать себя ревностью, — пробормотала она.

В дверь спальни тихо постучали. Королева уселась перед огромным напольным зеркалом венецианского стекла. Дон Белтран вытер рот тыльной стороной руки. Королева снова взяла горшочек с пудрой.

— Войдите, — нетерпеливо крикнула она.

Лишь один человек мог потревожить королеву, когда она уединялась с доном Белтраном. Этот человек был вхож в любую дверь на обеих половинах дворца. Люди более низкого положения в соответствии с испанским этикетом, самым строгим в мире, могли входить только в одну дверь.

Паж благородного происхождения, с нежным, как персик, лицом, но твердым подбородком, придававшим его лицу лживое выражение, объявил:

— Его светлое высочество король!

Энрике Великодушный чуть замешкался на пороге.

— Добрый вечер, Ледесма. Хуана, можно мне войти?

Она не имела права задержать его у порога. Более того, в эти дни она ловила каждый удобный случай, чтобы создать впечатление счастливых семейных уз между ней и королем, во имя инфанты. Нельзя показывать раздражение в присутствии пажей, когда тот, кого ты старательно выставляешь отцом твоего ребенка, входит в твою спальню.

Она пожала голыми плечами и кивнула отражавшемуся в зеркале королю.

— Не вставай, Белтран, не вставай, — сказал король, фамильярно похлопывая гостя жены по спине.

Дон Белтран снова откинулся в кресле, а король прошествовал к королеве, которая искусно пудрила свои полные яркие губы. Король ступал по-кошачьи мягко и неслышно; на нем были туфли из зеленого бархата, с каблуками, украшенными маленькими сверкающими самоцветами.

— Ты дал мне так мало времени, Энрике, — капризно сказала она, — я готова лишь наполовину, да и дон Белтран ужасно утомлен.

— У меня важное дело, дорогая, иначе я не стал бы тебя тревожить. Я знаю, что он утомлен. Весь день скакать из Альмазана по этому холоду! Бедный мальчик! Но мне некому больше довериться. Нет человека с большей проницательностью, чем наш дорогой граф Ледесма. Нет, никто не мог бы скакать так быстро и так далеко — не смог бы. Паладин! Сид*! Настоящий...

— Энрике, Бога ради. Я очень ценю качества дона Белтрана.

— Он, конечно, сказал тебе, зачем я посылал его.

Ответа не последовало. Короля Энрике, казалось, ничуть не покоробил ни тот очевидный факт, что они наверняка говорили о своем, ни вид двух кубков.

— Нет? Я вижу, не сказал. Ладно, я потом сам расскажу. А сейчас... — он ткнул в пеструю кучу шелков, бархата и кружев, — ты... я просто прошу тебя помочь мне выбрать несколько подходящих платьев для Изабеллы.

— Святое небо, это еще зачем? Девочка и так одета

вполне подобающим образом, скромно, тепло, с достоинством, по возрасту.

— Она одета, как старая карга, да и ее подруга Беатрис тоже. Я хочу сказать, с этим надо что-то делать. Как на ваш взгляд, Белтран? Скажите честно. Разве правильно, что моя сестра и ее первая фрейлина одеты, словно крестьянки из Аревало? Эти тряпки портят их — люди могут подумать, что в королевской семье все сплошь мужланы и деревенщина. Даже пажи смеются над их платьями.

— Кто из пажей? — требовательно сказала королева.

Одного из этих юношей звали Франсиско де Вальдес — именно он только что открыл двери королю. Но по личным причинам король предпочел разыграть замешательство.

— Ну, мне просто кажется, что они смеются. В конце концов, пажи ведь тоже хороших кровей и великолепно воспитаны. Чувствительные молодые люди вроде них, конечно же, смеются над нелепыми старомодными платьями и над теми, кто чурается прекраснейших нарядов. Обе девушки были бы прелестны, особенно Изабелла. Только взгляните сюда! Я выбрал для нее зеленое платье с жемчугом. Беатрис, конечно, должна носить что-нибудь красное, с белой отделкой по вороту и, скажем, серебряными серьгами. Она может носить более массивные украшения, чем Изабелла, потому что ее цвета гораздо ярче. И, я думаю... — Он рылся в платьях, пока его пальцы, отягченные драгоценными перстнями, не остановились на одном из них. — Вот! — заявил он торжествующе. — То, что надо, чтобы подчеркнуть фигуру следующей весной, в Фуэнта-

набрии. Правда, Хуана? Дон Белтран? Великолепно, верно?

Он отложил остальные платья в сторону, осторожно, словно камеристка, стараясь не помять их, потом приложил платье к себе, показывая, как оно пойдет принцессе. Дон Белтран едва сумел сохранить невозмутимый вид; королева предостерегающе глянула на него. Нельзя смеяться над королем, который, по крайней мере на словах, был абсолютным монархом и отцом инфанты.

— Она должна будет встретиться с этим ужасным деспотом, моя дорогая. Все мы должны будем произвести хорошее впечатление на короля Франции*. В этом наряде моя сестренка станет залогом Дома Трастамара. Правда ведь? Да? Нет? — Он вымученно улыбался, глядя на кружевной корсаж и расшитые самоцветами рукава, утонувшие в складках шелковой зеленой юбки.

Королева Хуана не была уверена, что в ее планы входит встреча с упомянутым «королем-пауком», Людовиком Французским, но она живо интересовалась всем, что касалось иностранных дел Испании и будущего счастья инфанты, ее дочери, которой принесли присягу все гранды королевства, в том числе принцесса Изабелла и принц Альфонсо. Ибо, несмотря на ропот и сплетни, никто не осмеливался в открытую усомниться в законности рождения ребенка. Такое подозрение могло бы, в частности, взбудоражить невинные умы детей вдовствующей королевы — доньи Изабеллы и дона Альфонсо, чье наследство было узурпировано неожиданным младенцем.

Глядя на платье с подозрительно глубоким вырезом, висевшее в руках у короля, королева с неодобре-

нием поджала полные губы. Разумеется, не следует позволять донье Изабелле появляться в *таком* наряде! Она сразу привлечет внимание и сердца половины мужчин двора, включая и дона Белтрана.

— Я считаю, все это для нее слишком рано, — мягко начала королева.

— Нет, я не согласен, совершенно не согласен, — горячо запротестовал король. — Я горжусь, что у меня такое чутье в этих делах. Изабелла давно уже перестала быть по-детски пухленькой. Она прекрасно сложена, но кто может заметить это под жуткими балахонами, которые напялила на нее королевская вдова в Аревало? Разве это не лучшее доказательство того, что моя несчастная мачеха совсем выжила из ума? Когда мы будем встречаться с королем Франции — а это важное государственное дело, дорогая моя, — Изабелла должна выглядеть как и подобает сиятельной принцессе: зрелой, царственной, с грудкой, которая создана, просто создана для того, чтобы вешать на нее украшения. Эй, Белтран, да ты покраснел!

Горящие черные глаза королевы впились в Белтрана, и тот явственно прочел в них: «Только посмей согласиться! Только *посмей!*»

— Ваше высочество*, — ответил попавший в неловкое положение кабальеро, — признаюсь, я и не думал в таком свете о принцессе Изабелле. Для меня она останется лишь прекрасным ребенком, сестренкой вашего высочества.

— О других не скажу, но от вас, Белтран, я ждал большей уверенности. Может быть, я ошибаюсь. Но я считаю, что на этот раз я все же прав.

Он не стал развивать эту мысль.

— Маркиз де Виллена уверяет меня, что мы долж-

ны произвести наилучшее впечатление на короля Франции, в противном случае он никогда не примет решения в нашу пользу, — король произнес имя Виллены с ударением, глядя то на королеву, то на дона Белтрана, выдерживая паузу, напоминая, что Виллена, прежний фаворит, еще не был полностью вытеснен новым, доном Белтраном.

Арагонцы снова буянят, объяснил король. Арагон, соседнее королевство, занимал Средиземноморское побережье Испанского полуострова, как Португалия — Атлантическое. Между ними лежала Кастилия, отрезанная от моря, гористая, иссушенная, совершенно непохожая на прочие королевства Испанского щита, чья неласковая земля породила неласковый характер кастильцев. Королевства, которые лежат на побережьях, всегда кипят жизнью и отличаются терпимостью, они открыты для веяний и идей, «приплывающих» из-за моря, поскольку торгуют с другими государствами. На восток от Арагона за Средиземным морем лежала Италия, зараженная чумой умствования и нового язычества, которое назвали Возрождением. На запад от Португалии простиралась таинственная Атлантика, а на юг от нее — темный, запретный континент Африка, родина мавров. Долгие годы корабли португальцев пробирались все дальше и дальше вдоль ее побережий, привозя с собой золото, слоновую кость и негров-рабов — новый, нехристианский, но весьма выгодный источник доходов.

В рассуждениях короля дон Белтран и королева узнавали мысли маркиза Виллены. Энрике никогда не утруждал себя заботой о государственных делах. Сдерживаться было трудно. Виллена был враг. Ужасно то, что он все еще имел силу, находясь рядом с королем.

Они с пониманием переглянулись: что бы там ни замышлял Виллена, обряжая Изабеллу в нарядное платье, этому нужно было помешать. Королева улыбнулась собственным мыслям. Какой благовидный предлог для дона Белтрана! Прежде чем король успел произнести и половину своей речи, Изабелла была обречена на свой балахон, сшитый ей матерью в Аревало.

Король продолжал свою речь.

Горячие арагонцы многие месяцы бунтуют. Мятеж то прекращается, то снова вспыхивает. Предводители восстания обратились к Кастилии с просьбой о военной помощи против их короля.

— Я послал им немного войск, — сказал король, — чтобы все оставалось как есть, и таким образом прижал моего доброго кузена Хуана и его сыночка, который дерется как черт. Удивительно, в его-то юные годы...

— Как его зовут? — спросила королева.

— Кого, сына? Фердинандом.

— Сколько ему лет?

— Ровесник Изабеллы.

— Но ты же говорил, что Изабелла женщина в полном расцвете, зрелая, и еще Бог знает какую ерунду. Теперь ты утверждаешь, что на деле она очень юна. Ты сам себе противоречишь.

— Мужчины и женщины достигают зрелости в разное время, милая моя королева. Изабелла — женщина. А дон Фердинанд Арагонский — всего лишь зеленый юнец.

Королева пропустила это мимо ушей.

— Самое главное — король Людовик Французский видел Изабеллу и восхищался ею, — продолжал король.

— Если вы замышляете совратить его, — вмешался дон Белтран, — то лично я сомневаюсь, что Изабелла, да и любая другая женщина в состоянии воспламенить его обнаженным телом. Он из другого теста.

— Белтран! — рявкнула королева. Она терпеть не могла, когда дон Белтран начинал рисовать в воображении портреты обнаженной Изабеллы.

— Дорогой мой граф Ледесма, — произнес король, заливаясь девичьим румянцем, — мы говорим о моей сестре.

— Я не хотел обидеть ваше высочество, — поспешно вставил Белтран.

— Конечно нет, Белтран. У тебя правдивый язык. Истинно мужские мысли. Это одна из самых восхитительных твоих черт. Да ведь, Хуана? Нет? Ну, конечно же, да, и я вас прощаю, дорогой мой. Как говорится, правда не дым, глаза не выест. Виллена считает, и я с ним полностью согласен, что Кастилия должна предстать во всем блеске своего богатства и своей мощи.

Войска Кастилии, сражавшиеся на стороне восставших, так сильно теснили Хуана, короля Арагона, что тот обратился к Франции за помощью, объявил Энрике Кастильского захватчиком и пригласил Людовика Французского выступить в качестве третейского судьи. Поскольку Людовик согласился, Энрике пришлось тоже согласиться или отступить перед мощью французской армии. Теперь нужно было ухитриться предстать в Фуэнтанабрии, где назначили разбирательство, во всем величии. В конце концов маркиз Виллена решил, что в кастильской свите не должно быть ни одной уродливо одетой дамы. Ни одной.

— Так ли обязательно брать с собой Изабеллу? — поинтересовалась Хуана.

Оказалось, король предусмотрел это. Должно быть, Виллена придал его мыслям нужное направление.

— Французский король очень подозрителен и, конечно, удивится, узнав, что я не взял с собой члена семьи, сестру, которая к тому же должна наследовать мне в свою очередь. Он может подумать, что я ее отравил.

Временами королева мрачно думала, что яд — наиболее действенное средство в дипломатии.

— Энрике, кого волнует этот ребенок? Кто вспомнит о доне Альфонсо, который держится за ее юбку?

— Что значит «держится за юбку», дорогая моя?

— Ваше высочество всегда обращает свои невинные замечания против меня, — парировала королева. — Я просто имела в виду, что Альфонсо моложе Изабеллы.

— Виллена совершенно не знает характера короля Франции, — вставил дон Белтран, — если ему удалось внушить вашему высочеству, что демонстрация могущества со стороны Кастилии может решить дело в нашу пользу. Виллена обманывает ваше высочество, считая, что богатство надо выставлять напоказ, ведь Людовик только посмеется: «Если у кастильцев столько денег, так я лучше решу в пользу Арагона, потому что Кастилия становится чересчур сильна». Он правит, разделяя и властвуя, натравливает соседей друг на друга, так что его собственный голос всегда преобладает.

Королева согласилась.

— Что он подумает, когда увидит Изабеллу в дорогих кружевах и драгоценностях?

— Вспомните, ваше высочество, я ведь видел короля Франции, — сказал дон Белтран. Белтрану было все равно, что наденет Изабелла, но раз Виллена выбрал

для нее зеленое платье, Белтран уже заранее был против. — Его наихристианнейшее величество одевается как крестьянин, в лохмотья и тряпки.

— Изабелле никогда не затмит королеву Франции, — мягко добавила Хуана. — Ни одна женщина не сравнится с ней.

— Верно, верно, — произнес Энрике, его уверенность заметно поколебалась. — Трудно принять решение, когда мои добрые друзья, Виллена и Ледесма, дают мне совершенно разные советы. Как был одет французский герольд в Альмазане, дон Белтран?

— Как нищий.

Белтран знал, что в его словах была лишь доля правды. На герольде, которого он встретил и который передал ему приглашение французского короля явиться на суд (то был документ, ради которого Белтран едва не загнал коня, торопясь доставить его королю), был плащ с серебряными лилиями на голубом фоне. Конечно, этот плащ был поношен и покрыт дорожной грязью, но уж никак не походил на нищенские лохмотья. Однако в борьбе за расположение короля необходимо было всегда противостоять советам маркиза Виллены, так что пришлось подчеркнуть оборванный вид французского герольда.

Король вздохнул и снова взял платье, разглаживая его.

— Не могу решить, не могу, — бормотал он. — Слишком важно хорошо выглядеть, а теперь я уж и не знаю, что в данном случае значит пристойный вид — красивое платье или эти бесформенные мешки из Арвало. Что же мне делать?

Он пойдет к Виллене, думала королева, и послед-

нее слово останется за Вилленой. Придется найти компромисс.

— Энрике, это платье подойдет какой-нибудь из твоих юных дам. Но поверь мне, оно не годится для Изабеллы.

Лицо короля медленно просветлело.

— Это просто грандиозно! Его наденет Беатрис де Бобадилья, а, Белтран?

— Чудесно, ваше высочество! — ответил дон Белтран.

— Ты-то что так обрадовался? — прошипела королева.

Шепот был намеренно громкий, и король услышал его.

— *Sangre de Dios!* Кровь Христова! — встревоженно крикнул он. — Не ссорьтесь! Я не могу так рисковать. Или ты забыла о *нашей дочери*, Хуана? Ты хочешь волнений в Испании?

Он повернулся — только сверкнули камни на башмаках — и вышел своей странной кошачьей походкой, ставя ноги по линеечке, словно канатный плясун. Может, он им и был.

Перед самой дверью король дважды хлопнул в ладоши. Двойные двери отворились, вперед быстро выступил паж и застыл в низком кастильском поклоне. Они услышали, как король сказал пажу:

— Идем, Франсиско. Спой мне. Я очень утомлен важными государственными делами. Моя лютня в кабинете.

Дон Белтран поморщился, словно от дурного запаха.

Королева Хуана пожала точеными плечами:

— Да пусть его.

ГЛАВА 3

Король Людовик Французский сидел в Биаррице на Кот д'Аржан, названном так из-за серебристых сумерек, поднимавшихся с долгих ленивых волн Бискайского залива, которые омывали берег маленького рыбацкого поселка. Король Энрике Кастильский находился в Сан-Себастьяне, таком же городке на границе по реке Бидассоа. Король Хуан Арагонский ждал выше по реке, в Наварре, королевстве поменьше иного графства, которое в действительности было буфером между тремя государствами, окружавшими его. Три короля съехались издалека ради встречи, которая должна была разрешить спор королей Кастилии и Арагона. Издалека, да не очень.

Король Людовик потребовал, чтобы два испанских правителя перешли через реку на французский берег, поскольку они были тяжущимися сторонами, а он — судьей. Ни Кастилия, ни Арагон не согласились. Король Хуан возразил, что он уже и так проехал двадцать лиг и не сделает и шагу дальше. Король Энрике, при поддержке маркиза Виллены, ответил, что вести переговоры не на кастильской земле есть бесчестье для кастильца.

Пока три короля улаживали условия встречи, наступила мягкая ранняя весна Кантабрийской ривьеры, и местность преобразилась, чудесно засияла прекрасной зеленью, волновавшей всякого, кто вырос на неласковой земле старой Кастилии. Изабелла и ее брат выезжали на дальние прогулки по лесистым холмам и изумрудным полям этой восхитительной, не виданной ими земли, по случаю тешась охотой. Иногда они просто наслаждались видом бескрайних лугов, которые,

казалось, могли прокормить всех овец и коров на свете. Иногда они придерживали коней и вежливо слушали, пока какой-нибудь крестьянин или рыбак в красных штанах, сорвав с себя нелепую плоскую шапочку, произносил нечто вроде маленькой приветственной речи на совершенно непонятном баскском наречии. Дон Альфонсо кивал и отвечал так же величаво по-кастильски, а принцесса подкрепляла его дружелюбие сияющей улыбкой. Это было понятнее, и ей отвечали тем же.

— Женщина вроде тебя, — говорил брат с юношеским пылом, — могла бы состряпать какое-нибудь алхимическое зелье, чтобы смягчить гордыню трех королей и прекратить их глупое противостояние.

— Алхимия, по-моему, колдовство, — отвечала Изабелла. — По крайней мере, так говорил фра Томас. Он говорил, что золото есть золото, свинец есть свинец, мавры есть мавры, а евреи есть евреи, и ничто не превращается в другое естественным путем, поскольку Господь так устроил мир.

— Я ему не верю.

— Я тоже — по крайней мере, насчет мавров и евреев. Поскольку он еще говорил, что, если их окрестить, они становятся такими же, как все остальные. И все же он человек весьма ученый. Может быть, он говорил об алхимии, имея в виду лишь изменение золота.

— Во всяком случае, я говорил об алхимии, имея в виду золотые волосы и улыбку дамы.

— Пожалуйста, Альфонсо, не говори, как Белтран или Виллена.

— Клянусь, я имел в виду именно это, Изабелла! — Альфонсо испугался, что обидел ее, но она рассмея-

лась и так тепло улыбнулась ему, что вся ее сестринская строгость разом улетучилась.

— Давай галопом! До речки наперегонки! — Она ударила свою кобылу пятками под бока, и та понеслась так, словно у нее выросли крылья.

Альфонсо поскакал следом, но так и не смог настичь сестру.

— Просто я была первой с самого начала, — подытожила Изабелла, откидывая назад волосы, растрепанные ветром.

Она любила скакать без головного убора, и при простых нравах двора никто не осуждал ее, кроме королевы, когда поблизости появлялся дон Белтран.

На берегу Бидассоа они напоили коней. Река была мелкой, и в любое время года ее можно было перейти вброд, но сейчас она вздулась, ведь в Пиренеях таяли обильные снега. Посреди потока возвышался небольшой островок в несколько акров, увенчанный высоким дубом и ореховыми деревьями и покрытый ковром сверкающей свежей зелени.

— Прекрасное место для свершения правосудия! — воскликнул дон Альфонсо, оглядывая просторный мягкий торфяник под деревьями.

Изабелла ответила:

— Вот если б бархат для платьев был так же мягок и красив!

Они немного полюбовались красотой острова. Потом среди деревьев на берегу началось какое-то движение, и в воздух взлетел десяток великолепных фазанов, напуганных людьми. Их перья с металлическим отливом сверкали всеми цветами радуги.

Глядя на птиц, поднявшихся с острова, Изабелла внезапно осознала, как далеко они заехали. Они были

почти у самой границы трех стран — Наварры, Кастилии и Франции. Она встревоженно посмотрела на солнце — было уже далеко за полдень. Королева Хуана снова будет гневаться.

— Нам надо возвращаться, Альфонсо. Королева почти так же строга, как мама.

Лицо дона Альфонсо потемнело. Он терпеть не мог королеву. Но поскольку речь шла об Изабелле, пришлось признать, что королева проявляла дальновидность, не позволяя Изабелле оставаться наедине с мужчинами, за исключением ее брата. Изабелла подозревала, что королева Хуана обрадовалась бы, узнав, что все ее платья явно старомодны. Однако Изабелла охотно держалась в тени среди людей, пугавших ее своей ветреностью. Она не огорчалась, что ее обходят вниманием. Ее брат тоже — как и положено хорошему брату. Находясь в тени, она была в безопасности. Альфонсо понимал ее и чувствовал себя вполне свободным, проводя много времени с одной из придворных знаменитостей, доном Альфонсо Каррильо, первым прелатом* Кастилии, архиепископом Толедским, грузным, шумным человеком гигантского роста, воином и священником в одном лице. Этот церковник старой школы одинаково легко носил доспехи и рясу, а иногда и то и другое вместе, словно крестоносец былых времен. Каррильо нравился юноша, которому он рассказывал о том, что ему самому предстояло сделать. Каррильо должен был вести переговоры от имени короля во время разбирательства.

На обратном пути Изабелла попросила:

— Альфонсо, пожалуйста, сделай кое-что для меня. Только не говори, что это я придумала, иначе все эти великие государственные мужи станут смеяться над

девчонкой. Но ты — брат короля, мужчина, над тобой смеяться не будут. Скажи Каррильо, что ты считаешь Фазаний остров подходящим местом для встречи трех королей, ибо там никто из них не понесет урона для своей чести. Остров посреди реки никому не принадлежит.

Через несколько недель всадники уже купали своих коней на новом прекрасном месте, и Фазаний остров стал знаменит. Птицы улетели оттуда, спугнутые внезапным вторжением нескольких тысяч людей. Прибыли уполномоченные, согласившись с архиепископом Толедо в том, что островок, который само Провидение расположило на перекрестье трех границ, отвечает всем необходимым условиям встречи. Фазаний остров был объявлен ничейной землей, пригодной для ведения переговоров.

Три короля и их свиты съехались с трех сторон. Каждый прибыл из своего государства. Каждый добирался до ничейного островка через узкую полосу воды, которую легко мог перепрыгнуть конь. Поблизости не было селений, но на речных берегах выросли палаточные городки, полные шума, собачьего лая, конского ржания и команд на французском, кастильском и каталонском наречиях. Слышались даже гортанные выкрики на арабском наречии Гранады — король Энрике, к величайшему отвращению французов, привез с собой мавританскую гвардию. Сильно пахло праздничным вином и сидром из Гипускоа, поставляемым из окрестных баскских деревень. Предупреждения басков насчет того, что сидр — штука коварная и вызывает головную боль, пропускали мимо ушей. К аромату вина и сидра примешивались запахи походных кухонь, где над пылающими жаровнями на гигантских вертелах

весь день жарили быков, диких кабанов, рогатых оленей. И тянулась совсем неаппетитная, но привычная вонь отбросов, сливаемых в реку, а также жженных копыт — кузнецы «обували» коней шипастыми турнирными подковами.

Нужно было устроить небольшой дружеский турнир в дополнение к празднику, чтобы привести всех в хорошее расположение духа перед таким серьезным делом, как третейский суд. Для этого на Фазаньем острове наметили ристалище, воткнув копыя, на которых трепетали — на равной высоте — флаги Кастилии, Франции и Арагона. Множество ярких флагов (каждый с собственной историей, каждый соперничал с другими по геральдическому значению) развевалось в мирной близости друг от друга, призывая удачу.

Так же, в дружеском единении, сидели в тени позолоченного павильона монархи, когда зачитывали списки приглашенных. Тогда Изабеллу и Альфонсо единственный раз допустили на остров. Принцессе показалось, что французский король весьма стеснен в средствах — он сам и его свита были одеты во все домотканое, и он все время не то жадно, не то насмешливо посматривал на дорогой балдахин короля Энрике. В отличие от короля Людовика, считавшего каждую монетку, Изабелла знать не хотела о состоянии кастильской казны. Король Людовик приехал без королевы, а вот Хуан Арагонский привез свою жену, даму с резкими чертами лица, которая была намного моложе его. Король Энрике, конечно, тоже был не один. Хуана была объявлена Королевой Любви и Красоты и собиралась наградить призом рыцаря, который, по ее мнению, проявит себя достойнее всех. Иногда такой выбор затруднителен, особенно в состязаниях рыцарей из разных стран.

Надо быть необычайно осторожным, чтобы не покалечить кого-нибудь. В ином случае поединок легко перерастет в серьезный конфликт между государствами.

Предписывалось сражаться копьями с тупыми наконечниками, которыми вместо смертельного удара можно было нанести лишь незначительную царапину. Мечи делали из окованной серебром моржовой кости*. Для защиты от ударов копытами вдоль поля сражения тянулся прочный деревянный барьер, отделявший всадников друг от друга и заставлявший их скрещивать копыта над барьером. Тем не менее игра была довольно жесткой, и дон Белтран, на шлеме которого развевались перья цветов королевы, сумел выказать неслыханную ловкость и силу: он перескочил барьер и выбил французского противника из седла.

Королева Хуана отшвырнула букет и свиток со стихами, которые предназначались в качестве приза. Она порывисто сорвала с себя надушенную подвязку, покрыла ее поцелуями любви и повязала на мускулистую руку человека, который совершил столь коварный поступок. Короля Людовика, казалось, больше волновал французский рыцарь, которого оруженосцы подняли на ноги и который смог сам уйти с поля, но порыв королевы не ускользнул от него, и его тонкие губы растянулись не то в улыбке, не то в оскале. Король Хуан Арагонский, несмотря на свои шестьдесят с лишком и катаракту на обоих глазах, подался вперед, глядя сквозь пару стекол. Королева Кастилии носила мавританские шелковые чулки, и ножки ее могли сделать честь любому мавританскому гарему!

— Господь свят! — пробормотал король Хуан.

Его королева нахмурилась и что-то шепнула ему на ухо.

— Я знаю, что я здесь по делам, — ответил он раздраженным шепотом, так, что все его услышали.

— Нашего сына он не выбил из седла, — гордо сказала королева.

Королева Хуана дипломатично ответила:

— Есть договоренность, что члены королевских семей не участвуют в состязаниях во избежание несчастий. К тому же принц Фердинанд еще слишком молод, не правда ли?

— Все же у каталонских бунтовщиков есть повод бояться его, — твердо сказал король Хуан.

— Он слишком молод, — согласилась королева Арагона.

Позади их архиепископ Толедо, который веселился с остальными, пока турнир шел своим чередом, оставил богословскую беседу и сурово нахмурился, глядя на обнаженные ноги королевы Кастилии.

Беатрис де Бобадилья тем временем дергала за рукав Изабеллу и шептала:

— Кое-кто вместо того, чтобы сражаться, смотрит на тебя. Он даже не замечает моего платья!

Ее брат предостерегающе нашептывал с другой стороны:

— У Фердинанда Арагонского зоркий глаз.

Изабелла не стала оборачиваться. На поле было полно слуг, которые разбирали части деревянного барьера и расставляли их по-другому, образуя нечто вроде круглого загона перед королевским павильоном. Она заставила себя смотреть на то, что видела уже много раз и что ничуть не восхищало ее в отличие от взрослых.

На огороженном месте должно было происходить то, что венчало дневные состязания, празднества и ве-

селье и ознаменовывало начало переговоров. Нечто более серьезное, чем кровавые схватки на тупых мечах и копьях. То, что могло заменить собой кофе, который пьют мавры после сытного обеда, или бренди, который пьют христиане, — нечто одновременно возбуждающее и расслабляющее, после чего разум становится ясен, чувства спокойны, а человек готов к важным государственным делам...

Обезьяна на коне. Традиционное развлечение. Более живое, чем бой быков, и гораздо более смешное.

На арену вывели норовистого белого пони — именно белого. На его спине, прикованная железным поясом к седлу, сидела большая черная обезьяна с придурковатой мордой. Ее лапы были свободны; ее «нога», больше похожая на человеческую руку, вцепилась пальцами в стремя; ее морда, напоминая человеческое лицо, была искажена гримасой страха. Потом выпустили рычащих собак. Их вели на кожаных ремешках люди в поножах. Собакам нарочно не давали есть. На арене человек, который вел пони под уздцы, запустил горсть перца в морду обезьяне, а другую горсть — в ноздри пони, а сам перескочил барьер. Одновременно псари спустили собак с поводков и отскочили на безопасное расстояние. Обезьяна взвизгнула, пони жалобно заржал, попятился и, как слепой, поскакал к собакам, которые на него злобно набросились.

Теперь стало понятно, для чего был выбран пони белого цвета — на белом хорошо видна кровь. Собаки снова и снова набрасывались и рвали клыками его бока. Инстинкт побуждал пони защищаться ударами копыт с шипастыми подковами. Удачный удар копытном распорол брюхо одной из собак и бросил ее за ба-

рьер, словно выстрелом из катапульты, едва не достав королевский павильон, и теперь она издыхала на траве с вывалившимися из живота внутренностями. Но тот же инстинкт заставлял остальных собак рваться к горлу жертвы. С шеи пони уже свисали клочья окровавленного мяса. Вскоре лопнула артерия, и голова пони поникла. Собаки тотчас вцепились ему в уши.

Зрелище загнанного пони было само по себе неплохим развлечением, поскольку очень напоминало бой быков, весьма популярную забаву. Но «обезьяний бой» смешил так, что зрители едва не лопались от смеха, а причиной тому было совершенно невообразимое поведение обезьяны. Обезьяна не могла свалиться с пони, несмотря на все маневры и отступления своего скакуна, поскольку была прикована к последнему. Ее «нога», которой она вначале, как неопытный наездник, вцепилась в стремя, теперь была искусана. Обезумев от боли, обезьяна ляглась, как человек, и цеплялась, как положено обезьяне, стараясь «ногами» отогнать собак или схватить и придушить какую-либо из них. Между тем ее лапы дергались, рвали конскую гриву, молотили пони то по шее и голове, то по крупу, отбрасывая собак, которые подбирались слишком близко к крупу. То был наездник с четырьмя руками, которые внезапно и необъяснимо взбесились. Визг обезьяны, пронзительный, напоминавший человеческий, ржание пони и рычание собак слились с неистовым гулом схватки, с бесстыдными человеческими воплями и криками зрителей, подбадривавшими то пони, то собак, то обезьяну, но всегда призывавшими лишь убивать, убивать, убивать!

Король Хуан Арагонский, щурясь в свои стекла, кричал обезьяне:

— Кабальеро! Кабальеро! Бог дал тебе четыре руки! Давай же, вперед!

Король Энрике науськивал собак. Королева Хуана, рядом с которой сидел дон Белтран, уставилась на арену, которая быстро превращалась в кровавое месиво, ее дыхание участилось, грудь ее, туго стянутая шнурованным корсажем, порывисто вздымалась.

Король Людовик оставался равнодушным. Изабелла глянула на него и вдруг поняла, что его безжалостный зоркий взгляд устремлен прямо ей в глаза, словно он читает ее мысли. Он быстро отвел взгляд. Ей стало любопытно, что он прочел в ее мыслях, — выражение его лица было мягче обычного. Она надеялась, что не испортила ему удовольствия, и постаралась принять заинтересованный вид.

Она подбадривала пони, но тот упал и больше не поднялся. Собаки вцепились в него и перегрызли ему горло. Свалившуюся обезьяну разорвали на куски. Забава была окончена. Оруженосцы бросали на арену огромные куски мяса, чтобы удовлетворить аппетит все еще голодных собак. Потом, когда собаки отяжелели, люди с палками и кнутами выгнали тех из них, что еще могли двигаться, и добили тех, которые были слишком измотаны, чтобы назавтра снова участвовать в «обезьяньем бое». Между тем царственные зрители в позолоченном павильоне поднялись и стали расходиться, благодаря короля Энрике за устроенное развлечение.

Король Энрике, обычно бледный, теперь порозовел, словно выпил чересчур много вина. Он покинул поле в сопровождении своего оруженосца. Долго после заката из его палатки доносилось пение. Пел Франсиско де Вальдес под аккомпанемент расстроенной королевской лютни, на которой играл сам король.

Перед самым рассветом, когда сторожевые костры почти погасли и часовых сморила усталость, над спящей Изабеллой склонилась чья-то фигура и чья-то рука крепко зажала ей рот. Изабелла вскочила, и крик, который сразу поднял бы на помощь стражу, застрял у нее в горле — она услышала знакомый голос и узнала подругу.

— Беатрис! Как ты меня напугала!

— Тише, ох, тише! Не так громко, пожалуйста!

— Да что стряслось?

— У меня в палатке мужчина.

Беатрис де Бобадилье пришлось снова применить всю свою силу, чтобы подавить крик Изабеллы.

— Нет, нет, ты не поняла. Я сама его впустила.

— Ох, Беатрис, стыдись! — Изабелла едва не расплакалась. — Моя подруга, моя обожаемая компаньонка, единственная, кому я могу довериться! Но это не твоя вина, это не может быть твоей виной. Ты, должно быть, опилась баскского сидра за ужином, а я за тобой не усмотрела. А все эта разодранная на клочки мавританская страна; здесь воздух отравлен, он нежно пахнет духами, как колдовская мавританская ванна. Нет, ты здесь, ты пришла ко мне, ты не поддалась искушению. Пойдем, помоги мне одеться! Мы поднимем шум и пожалуемся королю. Этого негодяя повесить мало. Благословен Господь, что ты сумела держать себя в руках.

— Мужчина в моей палатке — паж Франсиско Вальдес, и не надо выдавать его королю.

Пристрастие короля к своему пажу было излюбленным предметом придворных сплетен, но Беатрис вовсе не была уверена, что Изабелла слышала эти рассказы

и понимала их, даже если слышала. Конечно, о сплетнях Беатрис не упомянула.

Она попыталась объяснить:

— Вальдес хочет жить как положено мужчине. Он хочет сражаться на турнире, а не петь для короля. Все над ним смеются и обзывают его гадкими словечками. Он больше не может выносить этого.

— То есть терпеть прозвища вроде «душенька, сеньорита, милашка»?

— Я думала, ты не знаешь...

— Альфонсо и падре де Кока рассказывали мне.

Ее брат и ее духовник. Конечно, она слышала, понимала и все знала. Образование Изабеллы продвигалось так же быстро, как и у Беатрис, но она никогда не сплетничала со своей подругой.

— Бедный Энрике, бедный мой сводный брат! Не то его околдовали, не то это какое-нибудь мавританское проклятие... Он связался с этими злокозненными язычниками!

— А я на свою голову притащила мужчину к себе в палатку! Он хочет бежать в Арагон.

— Я его не виню, Беатрис.

— Он сказал, у него больше не будет случая. Он бы ушел за реку, но там слишком много постов. Его могут поймать — потому он и спрятался в моей палатке. Я должна была помочь ему, Изабелла.

Изабелла улыбнулась в темноту.

— Ну конечно же. Я понимаю. А теперь у тебя неприятности.

— Неприятности! Да я просто попала как кур в ощи! Утром слуги придут, чтобы вытряхнуть и сложить постель, — а там дон Франсиско. Вот беда-то. Ему и не уйти, и не остаться. Я подумала было о платье...

- Он слишком длинный.
- Да он все равно отказался.
- Я согласна, оставаться в твоей палатке ему нельзя. Но он может остаться в моей...
- Ох, нет...
- ..пока я не придумаю уловку получше.

Изабелла поспешно оделась. Она торопилась — до рассвета оставался в лучшем случае час. Помочь могло только переодевание. Сначала она подумала было про рясу своего духовника, но падре де Кока путешествовал налегке, так что вряд ли у него с собой была запасная. Кроме того, наверняка любой добрый христианин будет подозрительно коситься на Вальдеса, переодетого монахом, — неважно, что из этого выйдет.

Тут она подумала про Альфонсо и его могущественного друга Каррильо. Кто еще, как не примас* Кастилии, окажет помощь — уж у него-то в гардеробе среди всякого добра, плащей, поддоспешников и светских нарядов водилась и лишняя ряса. Изабелла завернулась в плащ и шепнула Беатрис:

- Возвращайся в свою палатку и жди меня.
- Только осторожнее, Изабелла. Ах, дорогая, не надо было мне впускать его.

— Ты поступила совершенно правильно. К тому же мой план верен, а значит, все будет отлично.

Эту поговорку она переняла у матери, вдовствующей королевы, повторяя ее слова как собственный «Символ веры»*. Беатрис слышала, как часовой почтительно приветствовал Изабеллу, а затем — его удаляющиеся шаги: он взялся проводить Изабеллу до палаток Альфонсо и архиепископа. Беатрис скользнула в темноту и поспешила к своей собственной палатке. Хорошо иметь такого верного друга, как Изабелла. И хоро-

шо быть принцессой — часовой и слова не скажет. Когда же еще одна дама поднимет полог ее палатки и исчезнет во тьме, нахальные часовые только отвернутся.

Уже у себя в палатке она горячо зашептала:

— Все, что я знаю, — это то, что остаток ночи тебе придется провести у принцессы. Сантьяго! Если только ты выдашь себя голосом или что-нибудь сболтнешь...

— Никогда, благослови Господь ее светлость!

Никто особенно не заботился и не расспрашивал, куда делась принцесса на следующий день, поскольку начались переговоры и никому не было дела до Изабеллы. У королевы Хуаны отдых был слишком коротким, и она о принцессе не спрашивала — ее волновала лишь корона, которой она украдкой любовалась.

— Головная боль, — ответила она дону Белтрану. — Просто небольшая головная боль.

Она не собиралась впускать Белтрана и быстро выводила его.

Король был в ужасном настроении. Он, как всегда, выпил кофе за завтраком — утренний кофе, мавританский напиток, был одной из его причуд; но Франсиско не пришел разбудить его и прислуживать за столом. Франсиско де Вальдес исчез.

— Все начинается плохо, — бормотал король, стоя перед палаткой Изабеллы, раздраженно и подозрительно глядя на полог у входа. — Неудачный день. Теперь все пойдет не так, как надо, я предчувствую это. Кофе был слишком крепкий, меня лихорадит и... куда девался мой паж? Не дай Бог, он свалился в реку и утонул!

— Река слишком мелкая, ваше высочество, — отве-

тила Изабелла со своего ложа. — Пожалуйста, войдите...

Донья Беатрис тревожно перевела дыхание, притворившись, что кашляет, и с трудом сдержалась, чтобы не уставиться во все глаза на ложе Изабеллы, с которого до самой земли свисали два больших покрывала.

— ...или оставайтесь снаружи, ваше высочество. Я боюсь сквозняков.

— Верно, верно, — пробормотал король, входя и поспешно задергивая полог палатки.

Донья Беатрис кашлянула: донья Изабелла, одетая чересчур легко, наверняка схватила простуду, а король Энрике был не из тех, кто пренебрегает своим здоровьем.

— Ты не видела Франсиско? — спросил он. — Часовой сказал, что он провожал тебя ночью в палатку Альфонсо.

— Я никак не могла уснуть. Мне было нехорошо. Я просила Альфонсо прокатиться сегодня верхом, но, я думаю, сейчас мне будет не до прогулок.

— Да, да, конечно, я того же мнения. Лучше тебе оставаться в постели. Поправляйся, Изабелла. Я пришлю тебе врача, если сумею найти хоть кого-нибудь. Черт! Я не могу найти даже Франсиско. Либо он утонул, либо кто-то его похитил. Сантьяго! Попадись он мне, я бы его хорошенько выпорол, чтобы неповадно было так огорчать меня. С превеликим удовольствием. Собственными руками выпорол бы прямо по голой заднице — вот это была бы потеха! Бедняга Франсиско! Надеюсь, что он все же не утонул.

— Я уверена, вы его отыщете, — ответила Изабелла.

Она выдохнула, вознося Богу благодарственные

молитвы за то, что никто не заметил высокого человека в темной монашеской рясе, который проскользнул в ее палатку перед рассветом. А если и заметили, так она сказала бы, что попросила помощи у священника, когда почувствовала внезапное недомогание среди ночи. Это была бы ложь, а лгать она не любила, но в некотором смысле не совсем ложь, потому что в укрывательстве пажа короля Энрике помогал Каррильо, а уж он-то точно был священником.

Ее брат Альфонсо искренне смеялся, когда навестил ее позже днем, — на него никто не обращал внимания, пока великие особы вели переговоры на Фазаньем острове.

— Архиепископ рычал, плевался, хлопал себя по ляжкам и клялся всеми святыми. Потом он поклялся бесовским сонмищем. А потом выгащил монашескую рясу. Сегодня он выдал мне еще кое-что насчет Энрике, но в присутствии дам я этого повторять не стану.

— Вальдесу это и так известно, а я в это не верю, — ответила Изабелла.

— Сестренка, как все таинственно! Слушай, может, ему можно вылезти, а то вдруг он еще задохнется?

— Боюсь, до темноты не получится.

— Вальдес, с тобой там все в порядке?

Глухой, преисполненный благодарности голос из недр ложа произнес:

— Все хорошо, слава Господу и ее высочеству.

— Изабелла, снаружи ни одного часового. Все на острове. Никто и не спросит про монаха, направившегося к лесу, — настаивал Альфонсо. Его распирало при мысли, что сестра целый день укрывает беглеца.

— Они будут топтаться на острове до самой ночи. Виллена и Каррильо будут болтать до бесконечности,

королевы тоже захотят поговорить, особенно королева Арагона — она из них, кажется, самая волевая. У нас полно времени, а уж к ночи все будет в порядке.

— По-моему, именно ты должна была бы защищать интересы Кастилии, — сказал брат.

— Ты знаешь, что мне никогда не править Кастилией — королем будешь ты, а я здесь ни при чем.

— А ты будешь моим премьер-министром.

— Дурачок.

— Донья Беатрис, я глуп?

— Она должна быть королевой, — ясно произнесла Беатрис де Бобадилья.

Для полного надежд Франсиско Вальдеса, который исходил потом под кроватью, их непринужденная беседа ничем не отличалась от разговоров, которые он днем и ночью слышал среди советников короля Энрике Бессильного.

— Она будет королевой! — согласился он, понизив голос до шепота, и без того не слышного из-под покрывала.

В тот день на Фазаньем острове бесконечно длилось перечисление спорных требований. Король Франции вежливо слушал, ничего не говоря. До заката, без сомнения, и сотой доли всего сказать не успели, но Людовик XI, чувствуя усталость и приближение ночи, прервал короля Арагона на полуслове.

— Я счастлив, что все пришли к согласию, — бесцеремонно сказал он. Его канцлер, как по сигналу, подал ему большой пергаментный свиток, который явно был приготовлен еще до начала переговоров, поскольку являл собой образец договора, где отсутствовали

лишь подписи высоких сторон. — Всегда приятно потрудиться во имя мира. Конечно, по моему мнению, это очень хорошо, что моя армия никогда не участвовала в битвах ни против Кастилии, — он недобро глянул на короля Энрике, опустившего глаза, — ни против Арагона, — и он холодно посмотрел на Хуана Арагонского.

— Но во имя Господа, ваше величество, ведь я обиженная сторона! Король Энрике послал войска на помощь моим подданным, которые против меня, — а ведь я его двоюродный брат!

— Да, он это сделал. И они весьма успешно действовали против вас. Я думал, вы именно поэтому обратились к Франции.

— Против кого вы бы сражались, ваше величество? — спросила королева Арагона с натянутым и сердитым лицом.

— О, мадам, — мягко ответил король Франции, — я бы сражался против того, кто откажется подписать это.

Французская армия была предметом зависти и страха всей Европы. Ни Арагон, ни Кастилия, естественно, не желали войны с Людовиком.

Король Энрике кусал пальцы. Король Хуан сиял. Но вот великий канцлер Франции начал зачитывать договор, и мало-помалу лица обоих посветлели. То было искусство высокой политики, за которое короля Людовика чтили и боялись. Если в договоре и присутствовали какие-либо ухищрения, коими столь славился король Людовик, то они были искусно спрятаны.

Никто не остался в проигрыше. Лишь нейтральная Наварра*, никем не представленная, потеряла все. Король Энрике, как победоносный захватчик, которому

полагалась добыча, получил кусок земли, который придвигал границу Кастилии к наваррской Эстрелле, включая и этот укрепленный город, а в обмен на это он соглашался отозвать свои войска и прекратить оказывать помощь арагонским повстанцам. Король Хуан Арагонский, у которого имелись давнишние притязания к Наварре, уступил означенный кусок земли королю Энрике. Король Хуан, избавленный от злобы мятежников, получил также от Франции заверения, что Франция оставит некоторые пограничные города, по поводу которых между Францией и Арагоном годами тянулись разногласия, — болячка, из-за которой арагонцы постоянно держали войска в боевой готовности. Французы просто отказались от этого. Король Людовик, со своей стороны, выразил согласие не изъявлять личных притязаний на наваррскую территорию, на которую, по древнему праву, у него было прав не меньше, чем у короля Хуана.

Таким образом, кастильская честь была удовлетворена, не понеся урона, а арагонский трон снова был в безопасности; на Фазаньем острове воцарился дух дружелюбия, воплотившийся в великое празднество. Франсиско де Вальдес, беспрепятственно пройдя во тьме до реки, спрятал свое монашеское одеяние под камнем и переплыл через реку в лагерь арагонцев.

Еще до конца лета король Энрике поймет, что его новую границу, которой он так гордился, практически невозможно защищать и что форт перед укреплениями Эстреллы открыт с обеих сторон: подлые наваррцы могли устроить подкоп или попросту сломать ворота. Словом, все останется по-прежнему, за исключением того, что восставшие больше не будут угрожать королю Хуану и равновесие сил восстановится.

Король Людовик оказал милость Изабелле, которая, как вскользь упомянула королева Хуана, лежала больная. Людовик предложил услуги своего личного врача.

— Мужчине не подобает входить к кастильской инфанте, — гордо ответила королева Хуана.

— О, я думаю, теперь это не страшно, в этом случае можно, — сказал король Энрике. — У нее нехороший румянец, и она навалила на себя целую кучу одеял, целую кучу. Должно быть, она заразилась лихорадкой.

— Мадам, — продолжал король Франции, — когда вы увидите моего врача, ручаюсь, вы и не подумаете, что это мужчина. Но он человек, весьма сведущий в своем деле.

Королева взглянула на врача и удостоверилась, что появление этого создания не вызовет скандала. Она от всей души пожелала, чтобы все воздыхатели Изабеллы походили на горбатого медика, которого, по словам короля Людовика, звали шевалье Оливье ле Дэм. Он единственный во всем французском лагере был прилично одет, обут в туфли с загнутыми носами такой длины, что привязывал их под коленями подвязками с кисточками.

Изабелла повергла его в некоторую тревогу и смущение, когда он прибыл к ней на следующий день. У него был с собой красивый щенок. Изабелла решила, что это, видимо, обычай французских врачей: отправляясь к больному, брать с собой охотничьих собак.

— Мне вправду гораздо лучше, сеньор ле Дэм.

Он улыбнулся, низко поклонившись.

— От моих глаз не ускользнуло, что ваше высочество говорит правду, — ответил врач. — Теперь, когда мне остается лишь объявить своему хозяину, что ваше

высочество полностью выздоровели, позвольте вам сообщить, что именно об этом он молился прошлой ночью.

— Передайте его величеству, что я от всего сердца благодарю его за молитвы, — сказала Изабелла. Но поскольку горбун смотрел очень насмешливо, она прибавила: — Как раз прошлой ночью я себя очень плохо чувствовала.

— Его величество знает, что у вас есть повод для этого. Его величество попросил меня сказать вам... — горбун понизил голос и оглянулся, — что некий испанец плавает весьма неплохо, но проявил беспечность, бросив монашескую одежду. Она чуть не уплыла. Я ее закопал. Никто не узнает.

— Кажется; его величество хорошо осведомлен, — задумчиво протянула Изабелла. — Но я ничего не знаю об этом.

— Увы, значит, вашему высочеству будут непонятны слова, которые мне поручено добавить к уже сказанному, а именно: «Вальдес в безопасности, в свите Фердинанда, принца Арагона».

— Всегда приятно узнать, что кто-то в безопасности, сеньор ле Дэм. — Изабелле все меньше нравился этот француз.

Но горбун, поколебавшись лишь мгновение, произнес серьезно и совершенно искренне:

— Мой хозяин считает, что он прочел ваши мысли во время того отвратительного зрелища с участием «обезьяны-наездника», потому что он так же любит животных. Честно говоря, я не советовал ему сообщать того, что он поручил мне сказать, поскольку я не верю, что женщина способна хранить тайну. Но мой хозяин никогда не ошибается; ваши осторожные ответы гово-

рят о выдающемся чутье на людей. Он сказал, что вы станете самым великим государственным деятелем при испанском дворе. Он сказал, что вам еще предстоит услышать, что договор, подписанный вчера вечером, ставит условием брак инфанты Хуаны, по прозвищу Ла Белтранеха, с братом моего хозяина, великим герцогом Гиеньским. Мой хозяин велел мне сказать, что в сердце своем он желает, чтобы это были вы, а не принцесса Хуана, и что он приложит все усилия к тому, чтобы так и случилось.

То было странное, едва ли не дьявольское предложение. Он гадала, зачем французскому королю понадобилось предлагать это в настолько таинственной обстановке, что ей придется скрывать это. Внезапно ее обожгло подозрение, что ему нет дела, сохранит ли она тайну. Он был известен как любитель стравливать своих соседей.

— Я не искушена в политике, и я слишком молода, чтобы думать о браке, сеньор ле Дэм. — Она едва кивнула, зная, что он разочарован.

— Прежде чем я уйду, — сказал француз, — мой хозяин просит вас принять этого щенка. Он вырастет в сильного охотничьего пса.

Положительно, зловещий французский король знал, что она любит охоту. Неуютно чувствовать себя объектом столь пристального интереса.

Щенок дружелюбно сопел, лежа на ее тапочках и виляя хвостом. Ничего страшного не случится, если она примет этот подарок. К тому же ей не хотелось продолжать разговор с французом.

— Боюсь, мне нечем отблагодарить его величество.

Она улыбнулась, погладила щенка по голове, тот

лизнул ей руку, потом попробовал ее пальцы на зуб и нашел их все же несъедобными. Изабелла рассмеялась:

— Как его зовут?

Француз в ответ поклонился:

— Вы бы полностью отблагодарили моего хозяина, если бы назвали его Шарлем, так зовут его брата, герцога Гиеньского.

Шарль — дурацкое имя для красивого щенка. По-испански — Карлос, но звучит ничуть не лучше.

— Я буду звать его Дюк, — наконец решила она. — Передайте королю Людовику мое «большое спасибо».

ГЛАВА 4

После опустошившей кастильскую казну встречи на Фазаньем острове между Изабеллой и королем, ее сводным братом, надолго воцарилось «вооруженное перемирие». Она начала понимать, что мужчина со странностями и женственными манерами необязательно девственник. Иногда такой мужчина также обладает и женской интуицией.

Горюя об утрате любимого пажа, король Энрике стал еще более мрачным и подозрительным. Он вроде бы связывал исчезновение Франсиско с Изабеллой и часто напрямую спрашивал ее о том, что она делала в ту ночь, когда часовой доложил, что она пошла в палатку своего брата Альфонсо. Он мог внезапно в отвлеченном разговоре вспомнить об этом, пытаясь застичь ее врасплох, словно надеясь, что она растеряется и выдаст себя. Это превратилось в пытку, но пытка приучила Изабеллу к сдержанности; она оставалась

спокойной и равнодушной, избегая самых коварных ловушек короля.

Не в силах подтвердить собственные подозрения, король отлучил Изабеллу от главного обеденного стола и пересадил за второй стол, на ступеньку ниже королевского. То был публичный знак неудовольствия при дворе, где знать жестоко воевала друг с другом за каждую пядь помоста, на котором возвышался стол, и за место — кресло с подлокотниками, кресло без подлокотников или просто общую скамью.

Дон Альфонсо тут же ушел от королевского стола и сел рядом с сестрой. Ему было позволено оставаться там, и король объявил, что он подумывает о лишении прежних наследников их наследных прав. На первой волне успеха, вызванной рождением инфанты Хуаны и подкрепленной дипломатической победой на Фазаньем острове, король Энрике почувствовал в себе силу. Он был почти счастлив, если не считать исчезновения Франсиско де Вальдеса. Он взял себе вместо пажа сына благородного мавританского владетеля из Гранады, но маленький Ахмед варил слишком крепкий кофе и пел с арабским акцентом, раздражавшим короля Энрике.

Архиепископ Толедский при своем первом появлении на Фазаньем острове, заметив публичное унижение инфантов, нахмурился и отказался сидеть за королевским столом. Он уже был в двух шагах от Изабеллы и Альфонсо, когда король вдруг резко приказал ему вернуться.

— Что это такое, сеньор архиепископ? Вы решили вступить в распрю со мной? Вы хотите, чтобы начали говорить о существовании сторонников короля и сто-

ронников детей вдовствующей королевы? Сядьте на свое место!

— Сир, не я, а вы делите королевство, раз вы начали делить королевскую семью. Если инфантам нельзя сидеть за вашим столом, то они могут сесть за мой.

— Ну так идите, заберите их. Меньше будут мне глаза мозолить.

— Вы разрешаете?

— Идите же.

Были, однако, и препятствия к тому, чтобы забрать их обоих к Каррильо, — дело заключалось главным образом в мужчинах, священниках и солдатах.

— Я сначала заберу Альфонсо, — сказал архиепископ, садясь. — Изабелла — девица, мне надо провести особые приготовления к ее приходу. В моем жилище женщин нет.

— Поместите ее в монастырь. Вы единственный, кто может сделать это, — заметил король.

Архиепископ по очевидным причинам старался не усиливать нерасположения Энрике к Альфонсо и Изабелле.

— Не думаю, что монастырь — лучший выход. Она выказывает широту интересов, способность вершить государственные дела, в монастыре все это впустую угаснет.

— На мой взгляд, монастырь — идеальное решение, — промолвила королева Хуана, мысленно добавив: «И чем строже, тем лучше».

Изабелла становилась все более дерзкой, с каждым месяцем, с каждой неделей, с каждым днем. Менестрели* уже сейчас начинали поглядывать в сторону второго стола, как только собирались за ужином. Королева Хуана все чаще прибегала к горшочку с румянами,

заметив угрозу собственной незаурядной красоте, терзаясь ревностью и видя, как ее красота увядает столь же стремительно, сколь стремительно расцветает женственность и обаяние Изабеллы.

— Ты не говоришь вслух, — сказал Энрике архиепископу, — но думаешь, что Изабелла когда-нибудь станет королевой! — Он скорчил рожу, словно уличная торговка рыбой, впавшая в ярость при виде конкурентки. — «У нее широкие интересы, государственные способности»... Какие еще широкие интересы, монах? Какие такие интересы, сеньор архиепископ? Совращать молодых пажей для ночных утех, а потом топить их в реке, чтобы скрыть свой позор?

— Ваше высочество! — предостерегающе произнес архиепископ.

— Какие еще способности к государственным делам? Зачем ей эти способности?

— Энрике, прекрати или я уйду! — бросила Хуана. Король с трудом успокоился.

— Нет, нет, пожалуйста, дорогая, я просто хотел отметить, что Изабеллу никогда не будут принуждать взять на себя бремя правления. Она уже сейчас стоит третьей в линии наследования. Скоро она будет четвертой из-за твоего небольшого *бремени*, а, Хуана?

— Рановато объявлять об этом во всеуслышание, — с притворной скромностью пробормотала королева, — но это правда, Господь скоро благословит дом Трастамара* еще одним ребенком.

Архиепископ удивленно поднял брови.

— В самом деле? — За вторым столом, на третьем сиденье, дон Белтран поглощал мясо. «Дом Трастамара, как же!» — Ваше высочество, примите мои поздравления и гордитесь своим отцовством.

— Спасибо, — ответил король Энрике. — На сей раз, с Божьей помощью, получится принц.

Королева Хуана улыбнулась через стол дону Белтрану.

— С Божьей помощью, — лицемерно откликнулась она.

— Молитесь за принца, сеньор архиепископ, — сказал король.

— Я буду молиться, — ответил Каррильо, — за Кастилию.

— Это одно и то же, — решил король. Настроение его вроде бы поднялось.

А оно уже давно не поднималось. Войска, которые он послал занять его новый город в Наварре, увязли в длительной осаде. Он полагал, что город принадлежит ему по договору. На осаду у него не было сил. Армия, не получавшая денег и не подготовленная к сражению, без всякого приказа отошла на старую кастильскую границу и разбежалась. Он послал курьеров с сердитым протестом в Арагон и во Францию. Король Хуан ответил, что он тоже отказался от прав на Наварру, и заметил, что не стал бы напоминать об издержках прекрасного праздника на Фазаньем острове, которые, поскольку остров находился на отказной территории, теперь ложились на плечи кастильской казны. Король Энрике мрачнел, грыз ногти и хлестал своего мавританского пажа. Подлостям несть числа! Ему угрожают выставить счет за увеселения, которые были частью разбирательства, в результате которого он получил город, который его солдаты не могут занять, потому что разбежались, а разбежались они потому, что он не может выплатить им жалованье. Заколдованный круг,

зловещая череда невезения, катастрофы одна за другой. Он проклинал свою пустую казну.

Практичность и экономность были не в его природе, ибо он не мог заставить себя отказаться от роскоши. Поэтому он обвинял тех, кто давал ему добрые советы. Его крутом одурачили, и волна его гнева все росла — теперь она захлестнула не только Изабеллу с Альфонсо, которые испортили ему удовольствие, но и главных участников спора на Фазаньем острове, архиепископа Каррильо и прежнего придворного фаворита, маркиза Виллену.

Распри становились все более острыми и неприкрытыми. Королева Хуана и дон Белтран наслаждались ходом событий. Они втайне поздравляли самих себя. Виллена и Каррильо навлекли гнев короля! Их собственная звезда вот-вот взойдет!

ГЛАВА 5

В Гибралтар весна приходит рано, и первые месяцы года там в отличие от остальной Испании сухо: в мае и июне почти везде льет дождь. Больше королева Хуана ничего не знала об этих местах. Россыпь звезд и медовая луна в ночном небе над Средиземным морем наполняли древние мавританские города теплым чарующим светом. В этом свете толстый король Португалии будет казаться моложе, и, возможно, это магически подействует на Изабеллу, которая не выказывала энтузиазма по поводу предстоящего стговора при дворе.

В общем, про Гибралтар мало что было известно. Ни король Энрике, ни король Альфонсо ни разу там не бывали, как и их разряженная придворная знать; то

было недавнее приобретение одного из наиболее горячих и непокорных кастильских дворян, герцога Медины Сидония, обширные владения которого простирались далеко на юг в Андалузию, вплоть до мавританской границы. Медина Сидония, как и любой житель границы, живущий бок о бок с врагом, яростно отстаивал собственную независимость и всегда был готов к битве — хоть с простым обидчиком, хоть с врагом всей Кастилии. У него была и другая черта неотесанного мужлана с границы: он чуть не до безумия желал быть таким же утонченным, как столичные жители. Два года назад его личное войско очистило Гибралтар от мавров. Когда он услышал, что два короля и принцесса собираются почтить визитом его новые владения, он был вне себя от радости и тут же нанял учителя, чтобы с его помощью избавиться от худших проявлений андалузского наречия.

Щедрость его была безграничной.

Медина Сидония имел раз и навсегда сложившееся мнение об Энрике Бессильном, но лишь с улыбкой пожимал плечами. Уж как есть. Раз на кастильском престоле сидит этот слабак, то герцогу нечего бояться, что его суверен урежет его почти абсолютную, почти королевскую власть в его огромных андалузских владениях. При виде мавританского пажа Энрике он скривил губы. Мавры были не в чести на юге, где Реконкиста все еще продолжалась.

— Мы никогда не привечаем неверных, ваше высочество, — осмелился сказать Медина Сидония.

— Дорогой мой герцог, я совсем не люблю Ахмеда, *совсем*. Но я потерял своего любимого пажа, и теперь некому варить мне кофе. Может, у вас есть кто-нибудь. Это был бы воистину щедрый подарок. Да? Нет?

Медине Сидония было наплевать на мавританский кофе, да и Гибралтар, подумал он, сам по себе щедрый подарок королевству — щедрее не бывает, а король его даже не поблагодарил.

Герцог ответил, что сам он и все владения принадлежат его суверену, королю Кастилии, и (как предписывал этикет) поцеловал королю руки, а затем ноги.

— О, дорогой мой, — сказал король, воспользовавшись самой пустой и незначащей из всех кастильских фраз вежливости.

Пожалуй, надо было привезти королеву; она бы нашла хорошего пажа у этого гранда-деревенщины — у него на службе, наверное, много таких же неотесанных парней. Но королева Хуана осталась — по личным причинам, как-то связанным с братом Изабеллы, который, как сказала королева, слишком слаб для такого долгого путешествия.

Изабелла весь путь проехала верхом, с презрением отвергнув носилки, мула и женское седло. Мужлан Медина Сидония с большим удовольствием лицезрел бы бледную принцессу в носилках, но он равно восхищался принцессой, которая проскакала верхом шестьдесят пять лиг в настоящем кавалерийском седле и тем не менее к концу поездки осталась свежей и веселой.

Согласно наставлениям Энрике, который следовал наставлениям Хуаны, Медина Сидония провел царственных гостей в башню мавританского замка, а потом (на закате) устроил так, чтобы Изабелла и Альфонсо Африканец* остались наедине, остальные же удалились за пределы слышимости, но не видимости — из соображений пристойности. Все знали о цели этой встречи: Португалия подтвердила свое желание на брак короля с кастильской принцессой, и все, что теперь

Изабелле оставалось, так это формально принять португальского короля и португальскую корону. Как и предугадала Хуана, король влюбился в Изабеллу, и теперь можно было наконец добиваться от него щедрого предложения. Никто, зная Изабеллу, не сомневался, что Альфонсо Африканец воспылет страстью и заплатит. Никто не сомневался, что Изабелла примет его предложение, поскольку она не отказывалась в открытую. Учили каждую струну ее души: долг принцессы, которая никогда не должна думать о себе, ее патриотизм, преимущества длительного мира с Португалией и, прежде всего, усиление Кастилии и создание объединенного фронта против мавров.

Медина Сидония, заметив, как бледна Изабелла, увел ее под предлогом показа бойниц, через которые на головы врагов выливали кипящее масло и смолу.

— Вы примете предложение короля Португалии, принцесса? Во имя Господа, вам не стоит этого делать, если вы того не хотите!

Герцог Медина Сидония мог выставить войско, равное войску короля Энрике. Возможно, даже и больше.

— Я хотела бы поступить правильно, сеньор герцог; Господь да наставит мое сердце на путь истинный.

— Аминь, — ответил герцог.

— Многие советовали мне принять предложение для блага страны.

— Благо страны! А что благо для Изабеллы, инфанты Кастильской? — герцог сверкнул глазами.

Слова о том, что лишь безобразных принцесс можно приносить в жертву политике и что если король Энрике хочет защитить свое королевство, то он должен взять в руки оружие, так и вертелись у него на языке.

— С другой стороны, — улыбнулась Изабелла, — кое-кто советовал мне отвергнуть короля.

— Хорошо! И если Энрике Бе... я хотел сказать, Великодушный, будет разгневан твоим отказом, обратись ко мне. Защитники Гибралтара не боятся короля Энрике.

— Нет, друг, я не хочу быть причиной выступлений против моего брата короля.

— Сводного брата, — Медина Сидония улыбнулся.

— Но все же короля, сеньор! Не забывайте об этом.

Альфонсо Африканец стоял на валу, глядя через море. Вдали, в темной дымке на горизонте, виднелось побережье Африки. Изабелла заставила себя надеть открытое платье, но поверх накинула на голые плечи легкий плащ, сославшись на вечернюю прохладу. Боясь рассердить короля Энрике, она не стала закрывать кружевами глубокое декольте. Зато на груди ее блестел украшенный алмазами крест, священный символ, как бы кричавший «Стыдись!» слишком откровенным взглядом короля Альфонсо.

Португальский король был смуглым и, вероятно, в молодости привлекательным мужчиной — так сказать, мужская ипостась смуглой красавицы королевы Хуаны. Но Хуана была гораздо моложе своего брата; в нем Изабелла увидела дальнейшее разрушение очарования Хуаны: полные соблазна губы в зрелости увянут, тело, упругое в юности, обмякнет и раздастся за годы роскошной жизни и потакания своим прихотям.

Рука короля была волосатой и влажной. Она изо всех сил старалась скрыть неожиданный шок от прикосновения, когда он, склонившись, поцеловал ее

пальцы. Она стояла царственно-прямо и принужденно улыбалась. Внезапный вихрь воображения: она увидела, как прыгает со стены в разверстые челюсти скал. Нечестивые мысли, она отогнала их от себя. И произвольно вздрогнула.

— Холодно, принцесса? — Тяжелой хозяйской рукой он поправил плащ на ее плечах.

— Немного, — произнесла она, — спасибо, ваше высочество.

Вдалеке король Энрике, подглядывая за ними, прошипел:

— Старый дурак укрывает ее! Он слеп, как король Арагона!

Изабелла проследила за восхищенным взглядом Альфонсо, блуждавшим по ее фигуре вниз-вверх, от серебряной сеточки на ее светлых волосах до кончиков ее расшитых серебром туфель; она-то знала, что Альфонсо не слепой. И радовалась, что ее плечи прикрыты.

Он помрачнел, видя собственное отражение в глазах девушки, которая годилась ему в дочери. Он подметил, что она вздрогнула, и по вполне понятной причине не стал винить в этом холодный воздух, тем более что вовсе не было холодно. В ее серьезных широко распахнутых глазах не было приветливости, она напряженно смотрела на него; ни кокетства, ни расчетливо потупленного взора. Лишь беспокойные зеленые вспышки в глубине этих честных глаз, как молнии, обладающие неизмеримой силой. Кастильская инфанта была вовсе не так проста.

Солнце закатилось, взошла полная луна, золотая дорожка на море сменилась серебряной; но магия прекрасного вечера околдовывала скорее Альфонсо, чем

Изабеллу. Он поклялся, что не откажется от нее. Со временем она перестанет дрожать — может быть, она просто трепещет перед ним. Он уцепился за эту надежду.

Вспомнив, что у нее нет отца, что она молода и разлучена с матерью, поскольку несчастная вдовствующая королева так глубоко увязла в безумии, что не узнавала собственных детей, король Португалии разумно предложил ей свое покровительство: он достаточно стар, чтобы заменить ей отца, нежен, как мать, и в довершение еще достаточно молод, чтобы стать любящим мужем, который оградит ее от всех бед. Он заполнит пустоту ее жизни и отгонит опасности, а что касается супружеских обязанностей, то нет ничего лучше, чем выйти за зрелого мужчину, который уже искушен!

— Вы очень много всего сказали, ваше высочество, не все сразу и запомнишь.

— У нас есть время, моя принцесса, я не тороплю тебя.

Он стал вспоминать свой африканский поход, надеясь, что она полюбит его за выигранную им войну. Он провел военный флот по Средиземному морю и напал на мавров Туниса на их древней земле. Правда, он вернулся, не захватив земель, но зато посеял ужас в сердцах неверных и привез много добычи.

— Странно, что ваше высочество плавали так далеко за маврами, — промолвила Изабелла, — когда три миллиона мавров живут здесь, на испанской земле.

Он не мог сказать, что быстрый рейд на флагманском корабле удобнее, зрелищнее и имеет больше шансов на успех, чем утомительная война в непроходимых горах. Ему было стыдно признаться, что он уже не в том возрасте, когда легко с налету брать укрепленный

город. Больно трястись в седле, когда у тебя такие толстые ляжки.

— Это был стратегический расчет, — сказал он напыщенным тоном. — Бей по корням, а ветви сами отвалятся — вот моя политика.

Возможно, такая политика и была хороша семь веков назад, подумала Изабелла; но Гранада сейчас важнее, чем Африка. И Гранада находится в Испании.

— Принцессе не понять, что такое война, — сказал король.

Но больше всего он говорил о личных выгодах Изабеллы: на тот случай, если она примет его предложение. Гардероб из семисот платьев, украшения, которые затмевают любой наряд, зеркала от пола до потолка, не только из серебра, но и из золота — видела ли Изабелла стеклянное зеркало, покрытое сзади чистым золотом? Самое удивительное изобретение, привезенное из Венецианской республики, стоит немало, но все же меньше, чем ее благодарность! Армия личных слуг: дворецкие, садовники, портные, камеристки, горничные, маникюрши, менестрели, которые будут петь вечером, чтобы она заснула, менестрели, которые будут будить ее по утрам. Мавританские рабы-телохранители, если она разделяет пристрастие короля Энрике к цветным тюрбанам; негритянские рабы, если ей захочется иметь их, — новейший, самый забавный обычай в христианском мире.

Изабелла не была противницей рабства для пленников, поскольку множество христиан стеноло в мавританских подвалах, грызя от голода трехсотфунтовые цепи. Педро де Бобадилья, отец ее любимой подруги, все еще носил на себе отметины жестокости мавров.

Но обращаться в рабов только из-за черной кожи — это было для нее ново.

— В Кастилии нет чернокожих рабов, — сказала она с сомнением.

— Этот обычай идет из Португалии, — горделиво объяснил Альфонсо. — Исключительно модно, достойно королевы. Когда-нибудь этот обычай распространится по всему миру.

— Они христиане?

— Я не видал, чтобы кто-нибудь обращался в христианство охотнее их!

— Так почему тогда они рабы?

Альфонсо перевел разговор на другое, поскольку исчерпал все свои аргументы. Величайшее преимущество — португальская корона. Кто откажется от короны, древней, почетной, богатой и ко всему прочему — свободной! Он напомнил Изабелле, что она — третья в очереди наследования кастильской короны; нет, возможно, четвертая, поскольку королеве Хуане подходит срок, и герольд ежечасно ждет приказа объявить о рождении еще одного инфанта или инфанты Кастилии.

— От всего сердца желаю ей благополучного разрешения от бремени.

Он решил, что сумел продвинуться, и обнял ее за плечи. С некоторым самодовольством он начал говорить о щедрости предложения, которое он готовился сделать, если она примет его:

— Я думаю, в кастильских анналах очень мало примеров, когда за инфанту давали такой богатый свадебный выкуп золотом. Такова мера моей любви, Изабелла. Стало быть, твой брат король ничего не потеряет.

— Я уверена, ему доставит огромное удовольствие

возможность заплатить своим солдатам, — не думая, ответила Изабелла.

Лицо короля изменилось.

— Что ты сказала?

— Если я выйду за вас, он сможет заплатить жалованье армии.

— Кто сказал тебе об этом, моя принцесса? Или это твои собственные мысли? — Он вдруг совершенно переменялся. Он смотрел на нее не то с уважением, не то с подозрением. Он даже чуть-чуть отодвинулся.

— Это долг чести, — ответила она. Ненароком она выдала тайну, тайну, которая неприятна португальскому королю. И Каррильо, и Виллена говорили ей о том, как важно выплатить жалованье войскам. Она считала, что вопрос о выплате жалованья не представляет собой ничего секретного, и это была одна из причин, по которой она не посмела публично отказаться от замужества. Если бы король Энрике мог заплатить им, они не сбежали бы из Наварры.

И Кастилия обретет сильную и постоянную армию, возможную угрозу для Португалии! Альфонсо ждал, что король Энрике промотает выкуп на собственные удовольствия, как обычно. Это бы устроило его. Но все не то, что он только что услышал. Слишком высокая цена за принцессу.

— Я не предполагал, что мой дорогой кастильский родич станет извлекать выгоду из замужества сестры в столь воинственных целях, — сказал Альфонсо. — Такие деньги, да еще полученные в результате такого радостного события, надо тратить на более приятные дела. На праздники, путешествия, развлечения, торжества, на всякие чудесные вещи, которыми, как я знаю, любит наслаждаться мой дорогой брат. Кто-то подал

ему очень плохой совет. Вряд ли Хуана или этот добряк дон Белтран. Может быть, Виллена? Или Каррильо?

Изабелла почувствовала, что она — только вещь, предмет обмена, который может принести деньги на искушение ее и без того искушаемого сводного брата.

— Я думаю, первая обязанность короля — платить своим войскам, — произнесла она с усилием. В глазах ее полыхнули зеленые молнии.

— Итак, это Виллена и Каррильо, — сказал он низким сдавленным голосом. Мгновение он молчал.

— А разве вы не стали бы в первую очередь платить своим войскам? — Она вступила на неверный путь вопросов без ответов.

— Я не ждал, что наша встреча приведет к обсуждению подобных вещей. — В его голосе слышалась печаль.

Он надеялся, что уже завтра будет объявлено о помолвке. Его придворный поэт заранее написал несколько восторженных строф в память об этом событии. Но даже ради Изабеллы он не станет поднимать боееспособность могущественной кастильской армии, которая угрожает ему самому. Он собирался расширить свое влияние, а не урезать его.

— Надеюсь, я не сказала ничего такого, что было бы неприятно вашему высочеству. Только правду. Мне кажется, я должна всегда говорить правду.

— Когда кто-то говорит правду, все становится проще, — ответил он, пожав плечами.

Она выскользнула из-под его руки — сладкая чаша, которую отняли, прежде чем он успел пригубить из нее. Его настроение нельзя было назвать прекрасным, однако он успокоился.

— Ты — самое невинное дитя, — сказал он, очень низко кланяясь, — самый лучший государственный деятель из всех, кто одержал верх надо мной.

Соглашения не будет. Лучше совсем не получить ее, чем получить подлостью.

Его прощальный поцелуй был формальностью, его губы едва скользнули по тыльной стороне ее руки, пальцы короля Португалии и принцессы еле-еле коснулись друг друга.

— Изабелла, я прошу тебя обдумать мое предложение. А я, конечно, подумаю о деталях брачного контракта, которые требуют ясности. Это, на мой взгляд, займет время. Я тебя не тороплю. Кроме того, с твоей стороны будет некрасиво сказать кому-то, что ты отказала мне.

Она поняла, что он просит ее спасти его честь, в то время как переговоры начнутся заново, но теперь уже на другой основе. Она нехотя уступила, испытывая облегчение от разговора, словно она была осужденным преступником и получила отсрочку по милости монарха.

— Все же я не могу отказать вам, дон Альфонсо, это зависит не от меня — поскольку, прежде чем любая кастильская инфанта выходит замуж, кортесы королевства должны собраться и одобрить ее выбор. Разве не так?

Король улыбнулся снисходительно.

— А это кто сказал тебе, принцессочка? А, знаю. Опять Каррильо, так?

— Я знаю, что закон таков, — улыбнулась в свою очередь Изабелла.

Он вздохнул; он знал, что таков закон. И он также знал, что Энрике Бессильный не посмеет собрать кор-

тесы, которые потребуют уплаты долгов. Как было бы приятно заполучить ее просто так, без выкупа!

— Как бы то ни было; будем уважать закон.

Когда они вернулись, люди короля Энрике стояли с каменными лицами, щеки самого короля Энрике были мокры от слез, катившихся вниз и капавших с его трясущегося подбородка.

— О, не надо, дорогой родич, — Альфонсо Африканец рассмеялся. — Не принимайте это так близко к сердцу. Она все-таки не сказала «нет». Просто все это займет несколько больше времени... И кое-что касается нашего соглашения.

— То есть?

Энрике явно не понимал.

— Его надо бы пересмотреть на более реалистичных основаниях, в соответствии с ситуацией.

— Ситуацией?

Позади короля, в тени, стоял покрытый пылью вестник. Изабелла коснулась руки Альфонсо и прошептала:

— Он плачет не из-за нас. Он даже не услышал вас. Мне кажется, ему привезли дурные вести. Дурные для него.

— Более реалистичное соглашение? — король Энрике заморгал, ослепленный внезапным светом факела, который зажгли вассалы* Альфонсо, собиравшиеся проводить его в его покои. — Только не сегодня! Еще один удар! — кажется, до него начал доходить смысл слов Альфонсо. — Соглашения не будет. Сын мертв, я обманут, жестоко обманут самим небом! Мне не вынести этого! — Он с плачем кинулся прочь. Знать, собравшаяся, чтобы засвидетельствовать первую встречу Альфонсо и Изабеллы, разошлась в неловком смущении.

Изабелла оперлась на руку Медины Сидония, который стоял, крепко стиснув челюсти.

— Что он имел в виду, когда сказал «сын мертв», сеньор герцог?

— Королева Хуана только что родила ему, или кому там еще, мертвого мальчика. Дон Белтран де ла Куэва, говорят, выплакал свои красивые глаза, просидев всю ночь у ее постели.

Изабелла отдернула руку.

— Стыдитесь! Неужто у вас нет сердца? А если нет сердца, так помните хотя бы о приличиях!

Он пожал плечами:

— Боюсь, у меня ни того, ни другого — или слишком мало и того, и другого.

Некоторое время они в молчании шли к ее комнатам.

— Что король Энрике имел в виду, когда сказал «соглашения не будет»? — спросил герцог. Вообще-то он догадывался. Тут любой догадался бы.

— Португальцы считают, что я стою дешевле жалованья кастильской армии, — ответила она.

Медина Сидония ухмыльнулся:

— Я восхищаюсь вами, принцесса! Вот это, я понимаю, план.

— Я ничего не планировала. Но я рада, что все так вышло. Никто не остался внакладе.

У дверей ее комнат герцог сказал:

— Король отправляется на север завтра на рассвете. Тебе не обязательно с ним ехать. Мой дом и все, чем я владею... черт возьми, принцесса, не выходят у меня вежливые слова, как у придворного. Оставайся здесь и предоставь мне позаботиться о тебе.

— Бедная Хуана. Она была добра ко мне. Сейчас она нуждается в друзьях.

Медина Сидония снова ухмыльнулся, на этот раз менее радостно:

— Спроси-ка о «бедной Хуане» Беатрис де Бобадилью и своего брата.

Изабелла уставилась на него, ее огромные голубые глаза были полны тревоги и сомнения:

— Инфанта была немного больна, и королеве пришлось остаться, чтобы ухаживать за ней. Что такого знает Беатрис, чего не знаю я?

— Возможно, она только что узнала. Боюсь, вам лучше самой расспросить сеньориту Бобадилью. Это, вероятно, не для моих ушей. Она ругалась, как бродяга.

— Что вы слышали? Говорите все! Пожалуйста!

— Я слышал, что королева Хуана — распутная сука и отравительница и что сам дьявол держал ей свечу, когда был зачат ее нерожденный ублюдок. Беатрис — славная, храбрая девушка.

Изабелла выдохнула. Такие слова в минуты великого волнения порой срывались с уст дочери старого вояки, управляющего замка Аревало.

Дверь отворилась. На пороге стояла Беатрис в дорожной одежде. Она была крайне взволнована.

ГЛАВА 6

— Милая Беатрис! Моя милая, бестолковая, порывистая подруга! Ужели ты вправду убедила себя, что мы можем помочь моему бедному брату тем, что поскачем одни, без сопровождения, глухой ночью? Ужели ты

хоть на миг можешь представить, что Энрике позволит нам уехать? А если и позволит, как мы одолеем дорогу в шестьдесят пять лиг по горам и лесам? А если, по счастью, мы все это осилим, каким чудом две девушки проникнут сквозь стены мадридской крепости?

Приведя Беатрис несколько убедительных доводов по поводу трудностей, Изабелла сама растеряла остатки ясности и самообладания, которое ей удавалось сохранять весь день. Она повалилась на ложе и зарылась лицом в подушки, судорожно всхлипывая.

— Он мертв! Я знаю, он мертв! Хуана убила его!

Настал черед Беатрис успокаивать подругу:

— Давай-ка лучше надеяться, что сейчас он в безопасности, принцесса. У Каррильо есть солдаты.

Но Изабелла так и не успокоилась и не смогла заснуть в ту ночь. Снова и снова слова Медины Сидония возвращались к ней словно ночной кошмар: «Королева Хуана — распутная шлюха и подлая отравительница, сам дьявол держал ей свечу, когда был зачат ее нерожденный ублюдок».

Все понятно. Королева Хуана обезумела от потери своего отпрыска мужского пола, отчаялась унять все растущее недовольство высшей знати, которая сомневалась в законности происхождения маленькой Белтранехи, и предприняла покушение на жизнь принца, которого все считают законным наследником королевского дома Трастамара. На жизнь дона Альфонсо, брата Изабеллы. Герольд, который стоял в тени стены, пока Изабелла говорила с королем Португалии, торопливо прошептал все, что знал, на ухо Беатрис: сразу после того как королева Хуана родила мертвого ребенка, отряд пехотинцев арестовал Альфонсо именем короля Энрике и заточил его в алькасар в Мадриде, не-

большом городке в дикой лесистой местности, известном лишь игорными домами да еще преступниками-изгоями, живущими в окрестных непроходимых сосновых лесах. Там королева вначале морила его голодом, потом послала ему отравленную еду.

— Но Дюк, охотничья собака принцессы, был заперт вместе с принцем, — рассказывал герольд, — и принц, движимый подозрениями, дал вначале поесть собаке. У пса начались судороги, и вскоре он издох.

— Конец рассказа герольда все же обнадеживает, — сказала Беатрис. — Впоследствии она много раз повторяла эти слова на обратной дороге из Андалузии. — У тебя есть друзья, дорогая Изабелла, такие, как этот герольд. Но у тебя есть и более могущественные друзья, — и она рассказывала, как дон Альфонсо ухитрился подкупить или уговорить одного из стражников передать мольбу о помощи архиепископу Каррильо. — Каррильо всегда обожал тебя и любил Альфонсо как сына. Он пришлет своих солдат. Король не посмеет противостоять примасу Кастилии. Это означало бы междуусобную войну.

— Междуусобная война в этом случае — война за справедливость, — сказала Изабелла. В глазах ее полыхали зеленые молнии. — Бедный мой брат, бедный принц! Бедный мой сводный братец король! А королева, должно быть, сошла с ума! Увы моей Кастилии! — И она снова заплакала.

Угроза междуусобицы становилась все яснее по мере того, как кавалькада двигалась на север. Угроза разливалась в воздухе, в настроении людей, попадавших по дороге, которые порою улыбались, но чаще угрюмо молчали, провожая глазами вереницу всадников и грандов. Несколько городов закрыли ворота

перед королем Энрике, отказав ему в приеме, — неслыханное для испанской гордости оскорбление, открытое выступление против кастильского короля. В отсутствие королевы — его советчицы Энрике только и оставалось хандрить, обещая непокорным горожанам все потом припомнить, да еще дуться на свою сводную сестру.

— Это все из-за тебя. Ты против меня. Все против меня.

— Если бы вы только позволили мне навестить моего брата! Только убедиться, что он жив. Я доказала бы вашему высочеству свою верность короне.

Но король лишь с подозрением бормотал:

— Нет, нет, не надо тебе ездить в Мадрид.

Он словно боялся того, что она там увидит. Он удвоил стражу вокруг нее и Беатрис. Примечательно, что стража состояла из мавров.

— Я приказал этим сеньорам не спускать глаз с тебя и твоей подруги, — бурчал король. — И если вы вздумаете сбежать из-под их покровительства, я разрешу им схватить тебя любой ценой, любой ценой, сестричка моя дорогая. Надеюсь, ты меня поняла.

Изабелла храбро вскинула головку, хотя и без всякой самоуверенности. Даже Беатрис, обычно такая порывистая и смелая, после этого нагоняя старалась ехать поближе к Изабелле. Впервые Изабелла видела Беатрис испуганной. Они были полностью отрезаны от прочих дам кавалькады, словно пленницы, окруженные вышколенными чужеземными стражами в тюрбанах, чьи манеры были столь же изысканны, сколь сплетни о них зловещи и странны. То были привилегированные нехристи, которым Энрике (чтобы сделать свой двор еще пестрее) разрешил ввести в Кастилии

гаремный обычай языческой Гранады. Это была правда; правда была и то, что смуглым миловидным нехристям — Энрике нарочно выбирал миловидных — стоило лишь взглянуть на любую кастильскую девушку, как король Кастилии сразу делал какое-нибудь одолжение. Если она была высокого рода, ей внушали, что ей будет поручена приятная роль представительницы короля в мирном соседнем королевстве; простушка же обычно исчезала, и разъяренные отцы и матери напрасно зывали к королю, моля вернуть девушку, но король все отрицал, а суды ничего не могли поделать. Изабелла не очень-то верила в то, что Энрике мог отдать подобное распоряжение насчет инфанты Кастилии, но она боялась за Беатрис. Дикий, разнузданный нрав короля Энрике сейчас был совершенно непредсказуем.

Тем временем излишне близкое соседство с маврами, которые даже ночью заглядывали к ней в палатку, превратилось в постоянное оскорбление, сносить которое было все труднее. Это было тяжким испытанием даже для молодой, здоровой, крепкой души. Изабелла не понимала: то ли ее смуглые стражи расцветают похотливыми улыбками в тот момент, когда ветер задирает ей юбку выше колена, то ли весело скалятся, видя явное ее смущение.

Однажды ночью, когда она молилась, страж, стоявший снаружи, поднял полог палатки и просунул внутрь свою голову в пестром тюрбане. Изабелла обернулась, белея от гнева:

— У тебя что, совести нет?

А Беатрис вскочила с колен и швырнула в него кувшин с водой, вместе с напутственным словом, от которого бы покраснел и дюжий пехотинец. К несчастью,

кувшин был глиняный и потому разбился, оставив на лице мавра широкий болезненный порез через всю щеку.

Выражение лица мавра не изменилось, он не обратил внимания на боль, кровь или воду, залившую его яркую шелковую тунику. Он продолжал улыбаться все той же непроницаемой «восточной» улыбкой:

— Прошу простить меня, ваша высочество, неприлично врываться во время молитвы. Король велел мне передать вам: прибыл герольд архиепископа Каррильо с вестями, что ваш брат, дон Альфонсо, более не в Мадриде, а наслаждается здоровой жизнью во дворце епископа в Толедо. Король просил подчеркнуть, что дон Альфонсо в порядке.

— Благодарю Господа, который услышал мои молитвы. Каррильо ходил на Мадрид?

— С половиной королевской армии — и освободил инфанта, — ответил мавр, по-прежнему улыбаясь. — Очень многие кастильцы предпочитают вашего брата королю.

Раздробление королевской армии для мавра ничего не значило; нет, это было очень хорошо для Гранады, которая приветствовала бы раздоры в Кастилии не меньше, чем Португалия.

Беатрис в порыве раскаяния оторвала полосу от своей юбки и промокнула сочащуюся кровью рану на щеке мавра.

— О, пожалуйста, пожалуйста, простите! Я думала, вы пришли посмеяться над нами.

Он пожал плечами:

— Пустяки, мне и не больно, а даже если бы и не пустяки, и больно — это все равно ничего не значит. У нас есть поговорка: «Все, чего хочет Аллах, сбудется,

все, чего Он не хочет, не сбудется». Прежде чем старый Адам успел пикнуть, увы, в лицо ему полетел разбитый горшок, пущенный нежными пальчиками луноликой сеньориты Бобадильи. Сеньорита, целую ваши ручки и ножки. Ваша высочество, ваш покорный слуга, — и с удивительным достоинством, несмотря на промокшую одежду, он выполз на четвереньках из палатки.

Изабелла вздохнула. Ей никогда не понять мавров.

Хорошие новости о доне Альфонсо заметно подняли ей настроение. Но Беатрис, вспоминая слова мавра, не переставала сердиться.

— Лунолика, как же! — прошипела она. — Изабелла, я разве лунолика?

Изабелла, которая снова преклонила колени в благодарственной молитве, на минутку прервалась, улыбувшись:

— Это просто такой оборот речи, Беатрис. У мавров лунолика — значит, невероятно красивая.

Дорога на Вальядолид лежала через равнину Адахи. Если бы в королевстве было спокойнее, можно было бы остановиться и освежиться в Аревало. Но Аревало был одним из городов, отказавшихся принять короля. Королевский флаг больше не висел на стене замка, который так долго был домом Изабеллы, домом, где ее мать до сих пор живет во тьме, домом, которым все еще управляет Педро Бобадилья. На месте королевского штандарта развевались на ветру флаги восставшей знати, бросая вызов королю Энрике Бессильному. Подъемный мост был поднят. Никаких приветственных фанфар. На стенах — вооруженные люди.

— Мы можем проехать вперед, — напряженным голосом шепнула Беатрис. — Нас отец впустит.

Изабелла печально посмотрела на нее.

— Ты знаешь, что это не так.

— Да, отец нас не впустит, — согласилась Беатрис. — Даже если мы вырвемся из кольца стражи.

Мавр с рассеченной щекой улыбнулся:

— Сеньорита Бобадилья, по крайней мере, уже поэтому не стоит думать об этом. — И, обращаясь к Изабелле, добавил:— Умоляю ваше высочество дать совет вашей луноликой даме, чтобы она не предпринимала ничего необдуманного. Король в дурном настроении! — Он кивнул своим зеленым тюрбаном в ту сторону, где король Энрике разговаривал с оруженосцем, который затем побежал к вьючной лошади и вытащил из бархатной седельной сумки королевский шлем. — Опасно и неразумно, если какое-то неожиданное действие с ее стороны не даст нам теперь же договориться с замком.

Глядя на замок, король надел шлем, снял, протер рукавом, снова надел — и снова снял, расплакался и велел подать носилки. Остаток дня он будет ехать в них, как женщина или больной.

Люди слышали, как он сказал:

— Я снес столько оскорблений, сколько не сносил ни один кастильский король.

Никто не ответил, но усмешки на лицах мавров заставили вздрогнуть даже Изабеллу.

Однако главные оскорбления были впереди. Это случилось в Медина дель Кампо — менее чем в дне езды до столицы.

Медина дель Кампо возвышался на огромной серой скале, над огромным серым плато. То было сердце Старой Кастилии, старой, потому что это была первая большая провинция, освобожденная от мавров в пер-

вые века Реконкисты, многолетней войны с неверными, которая не прекращалась и по сей день. Никто, кроме ее уроженцев, не мог любить эту продуваемую ветром, иссушенную солнцем, лишенную деревьев равнину. Изабелла любила ее всем сердцем, яростно, как истинная испанка: ибо серая пыль расцветала золотом на солнце, деревья зеленели в речных долинах и трава покрывала широкие, словно степи, пастбища, кормившие овец, которые давали самую мягкую в христианском мире шерсть и приносили достаток городам вроде Медина дель Кампо. Упрямая земля становилась плодородной трудами крестьян. Они были суровы и тверды, как сама эта земля.

Земля всегда была близко, а ночью приближались и звезды, искрящиеся точки, словно разноцветные огоньки, разбросанные чьей-то щедрой рукой в воздухе, прозрачном как хрусталь. Здесь, в нагорьях Кастилии, где земля и небо были так близки, чувствовалось присутствие Бога; Бог был рядом, в душе каждого христианина. Изабелла, однако, не чувствовала ничего мистического. Она видела церковь в деревне, через которую проезжала их кавалькада. Изображение Спасителя было снято с креста и лежало на носилках на стеганом крестьянском одеяле. Голова, повисшая в смертной муке, увенчанная терновым венцом, покоилась на пуховой подушке. Наивный, но очень естественный акт уважения был понятен Изабелле.

Ворота Медина дель Кампо были открыты, но в этом чувствовалось высокомерие города, не желавшего защищаться. Армия величайших грандов королевства заняла город и расположилась большим лагерем на равнине. Среди полчищ знамен с гербами, развевавшихся над палатками и свисавших с городских башен,

виднелись штандарты Каррильо, маркиза Виллены, брата Изабеллы и еще одно новое знамя — знамя дона Фадрике де Энрикеса, кастильского адмирала. Таков был союз, собравшийся против короля. Дон Фадрике был персоной «межгосударственной»: он носил на своем щите не только замки Кастилии и леонских львов, но также малиновые полосы Арагона. Естественно, он не был арагонцем, но его дочь была замужем за сыном арагонского короля, и, таким образом, он приходился дедом арагонскому принцу Фердинанду, который в один прекрасный день займет арагонский престол. Этот человек обладал значительным влиянием.

Король Энрике застонал в своих носилках. Без сомнения, восставшие потребуют, чтобы он отрекся. Он отозвал мавританскую стражу и велел им держаться позади на безопасном расстоянии. Он заверил Изабеллу, что попросил их сопровождать ее только для защиты принцессы.

— Имея в виду ненависть твоих друзей, — сказал он нагло, — я могу доверять только моим маврам, только их непоколебимой верности. Заметь, они были внимательны и хорошо воспитанны.

— Я думаю, они старались, Энрике. Но мне они не нравятся, и я их не понимаю. И если мои друзья полны ненависти, то не я заставила их сделаться такими.

— Ты наконец-то встретишься со своим братом. Не знаю, откуда дошли до тебя безобразные, предательские слухи о том, что королева пыталась отравить его.

Изабелла не стала рассказывать ему, откуда она узнала это.

— Разве моя красавица Хуанита способна на такое? Предательские, лживые, подлые языки! Не верь им. Не бросай меня, Изабелла, не надо меня ненавидеть, ты

мне нужна, Изабелла. Эти мятежники собираются просить меня об отречении. Но я не отдам трона. Никогда!

— Я не стану присоединяться к ним, если они требуют этого.

— Я король. Разве не так?

— Конечно, Энрике.

— Разве я не единственный монарх?

— Двух монархов не бывает.

— Ты поддержишь меня, если они потребуют, чтобы я отрекся?

— Конечно, поддержу.

— Отречься — в пользу твоего брата.

Изабелла не колебалась:

— Даже если они попросят тебя отречься в пользу Альфонсо. А ты уверен, что они именно этого хотят? Парламентера что-то не видно.

— О, не знаю, не знаю. Но я уверен, что это именно то, чего они хотят. Чего еще они могут хотеть? О, милая, милая, *милая!*

Она наконец встретила с братом; на ее пути не было никаких препятствий. Король в сопровождении королевы Хуаны из кожи вон лез, стараясь ублажить инфантов — дону Альфонсо и донью Изабеллу. Изабелла про себя гадала, какие причудливые повороты политической распри сделали ее столь значимой фигурой. А что до ее брата, то его встречали с таким почтом, словно именно он, а не Энрике, был королем. Его попросили воспринимать заточение как розыгрыш.

— Возможно, королева пришла в отчаяние, когда узнала о слухах. Единственный несчастный случай — бедняга Дюк.

— На его месте мог оказаться ты.

— В любом случае все позади, благодарение Каррильо и дону Фадрике. Ты слышала великие новости?

— Только то, что ты жив и здоров. Как я молила Бога об этом! Остальное не имеет значения.

— Еще как имеет! Завтра королю Энрике предстоит полной мерой хлебнуть из горькой чаши, потому что завтра ему придется подписать документ о том, что он отстраняет Белтранеху от наследования и восстанавливает меня в наследных правах! — Альфонсо расправил плечи; вид у него был очень горделивый и важный. Быстро же братишка дорос до зрелого мужа. Если бы бедная мама могла узнать об этом прекрасном событии! Как бы она обрадовалась!

— Всегда заботься о ней, Альфонсо.

— Всегда. Обещаю.

— А король точно подпишет?

Альфонсо засмеялся:

— А куда он денется?

Король подписал, и Конкорд* в Медина дель Кампо стал известен всей Европе в несколько недель. Такого потрясения король еще не испытывал. Язык документа был резок: грехи и несправедные поступки. Тирания распространилась во время его царствования — такого в Кастилии прежде не бывало. Он окружил себя неверными, он расточал государственную казну, его суды не блюли законов. «Дело, которое заставляет нас обливаться кровавыми слезами, — было записано в Конкорде, — то, что граф Ледесма, дон Белтран де ла Куэва, подавил волю вашего высочества». И Конкорд требовал немедленно изгнать дона

Белтрана из числа придворных и со всех его важных постов.

В оскорбительной близости от этой фразы находилось прямолинейное заявление: «Донья Хуана, так называемая инфанта, не является Вашей дочерью». Король Энрике, подписывая, публично признавал свою королеву прелюбодейкой, а свою дочь — незаконно-рожденной.

Но это еще не все. Далее текст касался Изабеллы и Альфонсо. Для спокойствия королевства и в интересах справедливости дон Альфонсо именовался и признавался принцем Астурийским, наследником престола. Что до Изабеллы, то Конкорд «умолял и призывал», чтобы ей не навязывали никакого брака без согласия на то трех сословий королевства*.

— А что говорит по этому поводу королева Хуана? — спросила Изабелла.

Альфонсо пребывал в задумчивости.

— Это дело особое, сестра. Королева пытается полностью примириться с соглашением.

Изабелла была удивлена.

ГЛАВА 7

Нанеся королю столь сокрушительное поражение, армия восставших разъехалась по своим владениям и по своим делам. Дон Белтран исчез; мавров убрали. Все регулярно ходили в церковь. Королева перестала обильно румяниться. Никогда она не была так очаровательна; и никогда не приходилось ей прикладывать столько усилий, чтобы выглядеть очаровательной, особенно для Изабеллы, в которой она сейчас нуждалась.

И поскольку двор стал благопристойен и безопасен, даже Каррильо решил, что именно здесь подходящее место для сестры наследника престола.

— Я лучше уеду с вами и с Альфонсо, — сказала Изабелла.

— Мое дорогое дитя, что делать принцессе среди моих солдат и монахов?

— Меня не беспокоят ни воины, ни монахи.

Каррильо хихикнул.

— Ты их тоже не беспокоишь. Нет, боюсь, ты вызовешь сильное возмущение, которое не пойдет им на пользу. Лучше оставайся здесь, моя принцесса, в сердце всех дел, вместе с другими дамами. Помни: однажды, возможно, совсем скоро, ты выйдешь замуж. Я не могу позволить прятать тебя в Толедо — ни один уважающий себя принц не потащится в монашескую келью. — Он рассмеялся. — Мне сообщили люди, искусенные в таких делах, что, когда человек ищет себе жену, он не очень-то охотно нюхает соборный ладан или вонь от кожаных вериг*, которой несет от моих монахов, — ему хочется вдыхать запах духов, который он находит при дворе... Хотя я счастлив, что сейчас этот аромат немного слабее, чем раньше.

Изабелла улыбнулась: кабальеро и прелат, он же архиепископ, был и тем и другим одновременно.

Она осталась. Но мысли ее были не так легки, как мысли Каррильо. Королева Хуана стала подозрительно доброй.

Большинство подданных короля Энрике относилось к королю с холодным презрением. Многие жалели его. Некоторые, однако, движимые собственными

интересами или почтением к королевской свите, все еще были верны ему — они-то и составляли его партию. «В конце концов, — говорили они, — он никогда никого не обижал по-настоящему». Для таких было удобнее, что он повеселел и стал самоувереннее после подписания Конкорда в Медина дель Кампо. Раздор, который чуть не перерос в междоусобную войну, вроде бы уладился, тучи рассеялись.

Король Энрике, снова соединившись со своей королевой и теперь черпая от нее силу, выглядел веселым и довольным. Она подсказала ему, как вернуть утраченную власть и престиж. Это был путь возвращения маркиза Виллены. Это был путь возвращения армии. Это был путь из тисков бесчестья, в которое вовлек его Конкорд в Медина дель Кампо.

Этим путем был брак Изабеллы. Особый, подобающий государственно важному лицу.

— Условия Конкорда диктуют, что ее нельзя принуждать к браку с кем бы то ни было, — нервно говорил король, дергая ртом.

Голос королевы Хуаны был резок. Щеки ее были бледны. Дон Белтран отсутствовал много недель, и она едва сдерживалась.

— Во имя Господа, Энрике, хотя бы раз, ну хотя бы раз будь мужчиной! Смелее! Сделай же что-нибудь! Ты вечно ведешь себя как глупая мышь, позволяющая, чтобы ее загнали в мышеловку! Кто узнает о том, что Изабеллу должно... хорошо, назовем это «убедить» выйти замуж? У нее нормальный здоровый аппетит. Запри ее на некоторое время, и я думаю, скоро она оголодает так, что бросится даже на дона Педро.

— С ее братом эта штука не прошла.

— Там были совершенно другие обстоятельства, —

твердо ответила Хуана. — Откуда мне было знать, что рыба была испорчена?

— Конечно, в небольшом заточении нет ничего страшного, — ответил король Энрике, — и все же это может помочь подтолкнуть ее к дону Педро. Но не отвергнет ли она его потом?

— Когда она пресытится... — начала королева.

— Ты говоришь такие грубости, милая!

— Мы живем в грубом мире, в грубой стране, которой нужен грубый правитель. Я просто называю вещи своими именами. Но для твоих чувствительных ушей, Энрике, можно сказать, что ко времени, когда ей разрешат вырваться из заточения, она без разговоров примет святые узы супружества. Насколько я знаю дона Педро Гирона, он захочет подтвердить этот союз дважды, трижды, десяток раз, прежде чем они успеют сесть за свадебный стол...

— Хуана, Хуана, *пожалуйста!*

— Опять слишком грубо? Нежные ушки, а, Энрике? Скажи, что дурного в подтверждении союза? Это же святое таинство, нет? Изабелла же вечно сходит с ума по всему, что связано с верой, читает молитвенник, бегает в церковь, разве не так?

— Я просто подумал — я имел в виду, Педро Гирон — вот это мужлан!

— О, конечно, да. Это именно то, что ты имел в виду, не так ли?

— Всеблагой Господи!

— Мы говорили об Изабелле, Энрике. Или ты считаешь, что после этого она способна отвергнуть мужа?

— Нет. Нет, положительно, нет. Только не Изабелла. — Он помедлил, улыбаясь. — Что за прекрасный план! Его будет так просто осуществить. Даже почет-

ный план. Так ведь? Дон Педро не так плох, как о нем говорят.

Королева Хуана пожала плечами:

— Ты так думаешь? А по-моему, такой он и есть.

— Нет же, Хуана, не может он быть таким, — произнес король не своим голосом. — Нипочем не может.

Дон Педро Гирон, старый и толстый, как король Португалии, был одним из богатейших грандов Кастилии — немало людей завидовали ему. Он был одним из влиятельнейших людей в военных кругах, будучи гроссмейстером* рыцарского ордена Калатрава, который существовал уже триста лет, с самого начала Реконкисты и сражений с маврами. Устав ордена вел начало от монашеского, так как рыцари первоначально были настоящими монахами: им предписывалась строгая дисциплина, целомудрие, мясо разрешалось есть не чаще трех раз в неделю, за столом нужно было хранить молчание. Спать и молиться полагалось, опоясавшись мечом и будучи каждую минуту наготове вступить в битву.

Город Калатрава, некогда стоявший на границе с маврами, давно уже был присоединен к Кастилии. Столетия спустя настоящие монахи перестали вступать в орден. Воины-священники, вроде архиепископа Карильо, стали чем-то из ряда вон выходящим, их все еще уважали и почитали, но относились к ним как к забавному пережитку. С годами ушла из орденских порядков и строгость: члены ордена могли жениться, если были свободны от обетов, а освобождение было нетрудно получить — по крайней мере, офицерам. Мясо можно было есть в любое время и в любом количестве, о чем свидетельствовало грузное тело гроссмейс-

тера. Бедность уже не считалась добродетелью: орден был сказочно богат. Гроссмейстер имел неограниченный доступ к огромной казне, не обращаясь ни к совету, ни к королю. Рядовые члены ордена, хотя их дисциплина была менее строгой, чем у их древних основателей, считались лучшими воинами в Кастилии. Слово гроссмейстера было для них законом даже перед словом короля.

Во времена царствования короля Энрике порча разъела всю страну сверху донизу. Великий рыцарский орден все же был строг, верен короне и хорошо обучен. Испортилась только верхушка. Дон Педро Гирон получил свой пост всецело благодаря стараниям прежнего фаворита, маркиза Виллены. Он приходился маркизу братом.

Факты, известные о доне Педро, были просты и неприятны: ленивый и тщеславный сладострастный обжора, настолько безобразный, насколько его брат, маркиз Виллена, был куртуазным.

Слухи о доне Педро походили на рассказы о маврах, утонченные пороки которых он не только разделял, но и приумножал.

Вот какого человека прочил король Энрике в мужа Изабелле. Имея под рукой дона Педро, король мог перетянуть к себе его могущественного брата, маркиза, и всех преданных рыцарей ордена Калатрава с их городами, замками, владениями и огромными доходами.

— Милая, — повторил король, — это великолепный план.

— А потом, — сказала королева, розовая, — ты сможешь спокойно разорвать этот дурацкий Конкорд Медина дель Кампо.

— Конечно, смогу.

— И дон Белтран возвратится ко двору, на свое место.

— Да, — рассеянно ответил король. — Но, по-моему, Хуана, из твоих слов я понял, что гроссмейстер нужен тебе.

— Глупец, она может *выйти* хоть за свинью, а я нет! Я уже замужем за тобой!

Мягко и ловко королева Хуана повела разговор с Изабеллой: в семнадцать лет Изабелла уже созрела для замужества, и раз речь идет о принцессе, то даже перезрела. Надо смотреть правде в глаза — ведь обязанности принцессы тяжелее обязанностей обычной женщины, они связаны в том числе с высокой государственной политикой и требуют исполнения.

— Я всегда стремилась исполнять свои обязанности, — улыбнулась Изабелла. Она немного порозовела и вроде бы смутилась. Сам по себе брак был не противен ей, но кого предназначили ей в мужа на этот раз? Она была хорошо вышколена в традициях послушного исполнения своих обязанностей и принимала их; она была готова во многом отказать себе, но с тоской думала, как было бы хорошо, если бы назначенный ей принц был не слишком стар и не слишком безобразен, чтобы она со временем научилась любить его, — а главное, чтобы он смог полюбить ее. В европейских королевских домах все шире распространялся печальный обычай на время оставлять своих возлюбленных, а также незаконных детей, с тем чтобы жениться во имя государственных интересов (а затем возвращаться обратно). Она надеялась, что сама окажется счастливым исключением.

— Кто он, ваше высочество?

Беатрис, настроенная более скептически, сказала напрямик:

— Изабелле не обязательно принимать его. По Конкорду ее нельзя принудить.

Ей не следовало разговаривать с королевой Хуаной таким тоном.

— Это дон Педро Гирон, — сердито бросила она, — гроссмейстер ордена Калатрава. Лучше партии и придумать нельзя.

— Но разве на нем не лежит обет целомудрия? — спросила Изабелла.

— Обет уже отменен.

— Он сватался? Об этом все знают? Почему мне не сказали об этом?

— Естественно, надо сделать кое-какие приготовления: объявить, пригласить гостей, сшить несколько десятков платьев, украсить собор — мое дорогое дитя, тебе не кажется, что нужно поспешить? У тебя на все не больше недели.

Изабелла побелела: ей была известна репутация Гирана.

Королева ожидала отказа и поэтому уже решила, как справиться с этим. Но то, что сделала Беатрис, в ее расчеты не входило.

Полыхнув черными глазищами, Беатрис вскочила. Неожиданным порывистым движением, которое прославилось далеко за пределами дворцовых сплетен, попало на кончик пера каждого хроникера и обрело место в анналах* несчастного царствования короля Энрике, девушка выхватила из-за корсажа кинжал и взмахнула им перед глазами королевы Хуаны.

— Господь никогда не допустит такого предательства! — вскричала она. — И я тоже!

Королева Хуана тоже вскочила. Поскольку Беатрис так и не ударила ее, она отпрыгнула к самой двери и взвизгнула:

— Ты передумаешь насчет дона Педро, когда хорошенько поголодаешь!

Комната тут же заполнилась стражей. Мавры потихоньку стали возвращаться ко двору — еще один злоеущий знак. Косоглазый верзила, зажав волосатой лапической рот Беатрис, чтобы не было слышно ее криков, прощупал лиф ее платья в поисках других спрятанных кинжалов.

— Стыдитесь! — крикнула Изабелла маврам.

— Пожалуйста, не делай ничего такого, что еще ухудшит положение, — обратилась она к Беатрис.

Мавр пожал плечами:

— Не могу же я рисковать, чтобы мне в спину всадили отравленный кинжал, когда мы будем провожать вашу высочеству и эту тигрицу к месту вашего уединения. Это приказ короля.

Изабелла взяла Беатрис за руку, и обе молча позволили увести себя. Из светлых королевских покоев их препроводили в комнату в башне, с решетками, сквозняками и совершенно без мебели. Они слышали, как задвинули тяжелый засов. Они слышали мягкие шаги мавров, спускавшихся вниз, пока не громынула, закрывшись, другая дверь, оставив их во тьме и молчании.

Изабелла заговорила, и голос ее прозвучал гулко и жутко в пустоте комнаты:

— Великий Боже, позволь мне умереть с голоду, прежде чем я выйду замуж за дона Педро!

Беатрис, отыскав в темноте Изабеллу, безудержно рыдала и прижималась к ее коленям:

— Я одна, одна во всем виновата! Лучше бы я молчала, а ты согласилась бы... или притворилась, что согласна.

— Я никогда не соглашусь, Беатрис.

Беатрис не хотелось умирать. Прошел день, за ним другой — а у дверей их темницы никто не появлялся, никто не приносил ни кусочка пищи, ни свечки, ни даже глотка воды, а ведь воду давали даже осужденным на смерть преступникам.

— Может быть, тебе стоит кого-нибудь позвать и притвориться, что ты согласна? — умоляла Беатрис.

Изабелла позвала. Единственно из сострадания к Беатрис. Дальняя дверь мягко скрипнула: за ними наблюдали. Но не такой мольбы ждала королева Хуана; дверь снова закрылась, и больше ничего не произошло.

Потом неожиданно на утро третьего дня все переменилось: в одно мгновение появились и еда, и вода, и слуги, и все удобства.

Что-то случилось, что-то, о чем менестрели будут петь песни перед грядущими поколениями испанских грандов.

Столы в большом зале были убраны, огонь весело трещал в камине, и все вспоминают о деяниях Изабеллы.

«Легенда, небыль! — воспротивится воспитанный, утонченный потомок. — Всего лишь случайность!»

Но для Изабеллы и Беатрис, живших бесхитростной верой, то было торжество надежды и молитвы. То ли Господь явил справедливость, то ли дьявол помог, вмешавшись в жизнь дона Педро. И оборвал ее.

Он уже выехал из своего замка Альмагро с душистым воском на пегих усах, в новом бархатном костюме, в сопровождении свиты из прихлебателей-собутыльников. Так велико было рвение дона Педро и так неудер-

жимо его желание, что три боевых коня выполняли обязанности вьючных мулов — их заставили быстро скакать под грузом винных мехов. Всадники трубили и смеялись. Цокали копыта, и бились на ветру яркие флажки. С грубыми жестами и непристойными шутками, с какими обычно сопровождают жениха, гроссмейстер Калатравы прибыл в Вильярубюю. «Осталось всего каких-то несколько часов! — кричали ему. — Не надо загонять коня!»

«Мы будем на месте к вечеру, голову даю на отсечение», — ответил он.

«Нет, вам надо остановиться и освежиться, чтобы блистать на поле любовного сражения!»

«Вы думаете, мне нужен отдых?»

И все в таком духе. Но он все же остановился.

Ночью ему внезапно стало очень плохо. Что-то странное случилось с его горлом — он не мог набрать воздуха в легкие. Каждый вдох отзывался болезненным кашлем, не принося облегчения. Словно невидимые твердые пальцы сжимали и сдавливали его горло. Станным голосом он прохрипел, что кто-то будто бы душит его.

Прославленный медик пользовал его; но улучшения не наступало. Он медленно умирал целые сутки, потом закрыл глаза и с проклятиями испустил дух. Его многочисленные титулы и огромные владения достались его незаконнорожденным сыновьям. Очень скоро новости достигли Вальядолида и положили конец заключению Изабеллы.

Смерть гроссмейстера тут же эхом прокатилась по всей Европе. Во Франции король Людовик XI усмехнулся и одобрительно кивнул: «Отравить врага на таком расстоянии — великое искусство. За испаночкой

надо понаблюдать». В Англии сухорукий Ричард Йоркский*, терзаемый непомерными амбициями, бормотал: «Вот та принцесса, которая помогла бы мне пробиться к английскому трону, если бы я только мог жениться на ней!» В Португалии кусал локти король Альфонсо: «Кто бы мог подумать — такая смерть! Надо скорее жениться на ней, покуда она не стала слишком влиятельной». Такова была репутация двора Энрике Бессильного и таковы были нравы королевских домов пятнадцатого века. Но знаменитый врач, подписавший заключение о смерти, как полагалось по закону, ясно констатировал, что гроссмейстер умер от острого воспаления горла, развившегося в гнойный отек. Эта болезнь в тот год свирепствовала в этой местности и свела в могилу многих — богатых и бедных.

Только в Арагоне никто не улыбался и не подозревал нечистой игры. Старый король Хуан сказал сыну: «Фердинанд, что ты думал о кастильской инфанте, когда смотрел на нее во время развлечения с обезьяной?»

«Государь, у нее великолепная спина».

«Я отдал бы половину своих сундуков, чтобы заставить ее обернуться», — пошутил король-отец. Он всегда желал союза с Кастилией.

«Я тоже, государь!»

Внезапная смерть дона Педро и неожиданная стойкость духа, проявленная Изабеллой, разрушили планы королевы Хуаны и тщетные надежды короля Энрике. Королевство было ввергнуто в смятение и растерянность, ибо в то время как королевские герольды разносили радостные вести о свадьбе инфанты и гроссмейстера ордена Калатрава, герольды противников короля

мчались во все концы с новостями о том, что гроссмейстер мертв, а инфанта — пленница во дворце.

Позднее мятежники снова взялись за оружие, не только для защиты Изабеллы, но также потому, что кроме новости о ее свадьбе с гроссмейстером разнеслась весть, что Конкорд Медина дель Кампо — пустая бумага. Это означало возвращение доня Белтрана ко двору, восстановление Белтранехи в правах наследования, возвращение приязни к маврам и продолжение всех старых раздоров. Короче, все возвращалось на круги своя.

На этот раз кровопролития было не миновать.

В конце августа повстанцы сошлись с армией короля в Ольмедо. Силы короля и мятежников были почти равны. Архиепископ Каррильо послал из своего лагеря герольда с вызовом дону Белтрану по старинным правилам, сообщая, что его час настал, поскольку не менее сорока рыцарей лично поклялись убить его. Тщеславная скотина дон Белтран отправил посланца обратно с подробным описанием своей одежды, чтобы было легче разыскать его на поле брани — пусть-де ищут высокого рыцаря на белом жеребце, в серебристо-серых доспехах, с зеленым платком на шлеме — знаком расположения королевы.

Брат Изабеллы отважно сражался, хотя доспех был тяжеловат для его слабых плеч. Он уже давно был бы повержен, но архиепископ Каррильо, заметный в своем пурпурной плаще с вышитым белым крестом поверх кирасы из толедской стали, с устрашающим ревом подлетал к нему на высоком гнедом жеребце, прокладывая себе дорогу через полчища врагов туда, где опасность окружала юношу, потому что Альфонсо, естественно, был предметом особого внимания. Весь день

дон Белтран с видом храбреца, который должен заставить королеву страдать от любви, в доспехах, покрытых кровью тех, кто клялся убить его, показывал пример куртуазной бойни. Он воодушевлял воинов короля, пока солнце не село и обе армии не разошлись, еле держась на ногах от усталости. Никого из предводителей не убили. Король Энрике, правда, сбежал и спрятался в крестьянской хижине.

Каррильо, баюкая раненую руку, послал за ним разведчиков. Однако найти короля Энрике не удалось — он зарылся в стог сена.

На следующий день выяснилось, что потери гораздо больше, чем можно было ожидать, так что сражение не возобновилось. Обе стороны ушли с поля брани, унося ноги под грохот барабанов и победные трубные марши.

Когда стало ясно, что междуусобная война в Испании все же неизбежна, королева Хуана вместе с Ла Белтранехой бежала в укрепленный город Сеговию. С ней под усиленной стражей отправилась Изабелла — полузаложница-полугостья. Война — не женское дело.

Теперь в Кастилии было два короля, поскольку «победоносные» повстанцы в результате сражения окончательно низложили короля Энрике.

Оставалось только короновать короля Альфонсо, брата Изабеллы.

Коронация стала печальным событием.

ГЛАВА 8

Авила, место, где разыгрывалось действие коронации Альфонсо, была городом-замком, окруженным гранитной стеной с восемью сторожевыми башнями.

Стены Авилы были серыми и прочными. Их сложили из камня горного хребта Гредос, возвышающегося вдаль.

В событиях, разворачивавшихся в Авиле, было что-то от ночного кошмара.

Вне стен города, где располагалась площадка для зевак, архиепископ Каррильо и повстанцы воздвигли огромную деревянную платформу, такую высокую, чтобы всем было видно происходящее. На нее водрузили трон, а на трон посадили чучело Энрике IV, короля Кастилии, в короне, со скипетром и с королевским мечом. Хотя корона его была из мишуры, самоцветы — из стекляшек, меч — из крашеного дерева, а тело — из соломы, безжизненная маска походила на лицо короля, и несколько крестьян, глазевших на церемонию, даже сняли шапки.

Отряд барабанщиков глухо выбивал дробь. Один за другим предводители повстанцев подходили к чучелу; один за другим срывали с него знаки королевского отличия и швыряли в грязь: королевский меч, который не защитил страну, скипетр королевской власти, которую он не сумел укрепить, корону, носить которую он оказался недостоин. Затем, под яростную дробь барабанов, означавшую гнев его подданных, чучело тоже сбросили с платформы. Крик торжества раздался из рядов мятежной знати. Большинство простолюдинов тут же присоединилось к ним, но некоторые явственно зароптали.

Потом брата Изабеллы посадили на освобожденный трон под звуки фанфар и труб, и даже те, кто только что роптал, присоединили свои голоса к приветствиям в адрес этого юноши — он не успел совершить ничего дурного, его притязания на трон признавались всеми,

он был еще молод и на него возлагалось столько надежд. О чучеле забыли, все ликовали; и короля Альфонсо с почетом препроводили обратно в Авилу.

Изабелла в алькасае Сеговии узнала об этом, и первое, что она сказала: *Ay de mi Castilla*, «Увы моей Кастилии!».

В государстве с большим пристрастием к порядку существование двух королей привело бы именно к установлению порядка: один из королей был бы уничтожен. Но в Кастилии порядка не было уже давно. Слишком велик был хаос, а поддерживать порядок было никому. Коронация Альфонсо и воспоминание о битве при Ольмедо, которая окончилась вовсе не победой, заставили повстанцев несколько поостыть. Междоусобная война продолжала тлеть. В ее горниле то там, то здесь вспыхивали мелкие стычки. По всему королевству сосед воевал с соседом, замок с замком. Дороги стали небезопасны. Крестьян не воодушевляло происходящее, ибо люди не знали, удастся ли снять урожай, а если и удастся, то можно ли будет его сберечь или его украдет хозяин ближайшего замка? Ходили слухи о чуме. Знать интриговала и перебегала с одной стороны на другую. Народ безмолвствовал.

В Авиле Альфонсо умоляюще спрашивал архиепископа:

— Сеньор, моя сестра навсегда останется узницей в Сеговии?

— Мальчик, мальчик, — отвечал обеспокоенный прелат, — она не узница. Не совсем, во всяком случае. Мы не сможем сражаться, пока не станем чуточку сильнее.

— Я предлагаю сейчас же двинуть армию на Сеговию!

— Хм-м, — промычал Каррильо, потирая подбородок ручищей, покрытой шрамами. — Я не хочу сказать, что армия не пойдет за тобой. Но все вы погибнете. Сеговию не взять.

Сеговия была самой неприступной цитаделью во всей Испании. Ее древние стены возвели еще при римлянах, а в Римской империи умели строить на века.

Слезы гнева и стыда навернулись на глаза Альфонсо, но он смахнул их. Каррильо положил свою ручищу на его узкие плечи.

— Не принимай это так близко к сердцу, маленький король. Твоя сестра под двойной... нет, тройной защитой. Все, от чего она может страдать, — это небольшое волнение, какое бывает у всех женщин во время войны. Зато она в безопасности.

— Я не разделяю спокойствия вашего преосвященства, — ответил Альфонсо.

Каррильо зычно рассмеялся.

— Ну так мне придется кое-чему поучить тебя. *Item**: если мы не можем взять Сеговию, то и никто не может; так что тебе нечего бояться, что город будет разграблен каким-нибудь местным грандом. *Item*: если город настолько силен, он может сдаться сам, раз мы держим короля в благоговейном страхе. То есть они просто сами откроют ворота. *Item*: король Энрике может настроить нас против себя единственным образом — причинив вред Изабелле. Энрике это знает и постарается избежать подобного тактического просчета.

Альфонсо дрожал, словно от холода.

— Но ведь королева Хуана пыгалась отравить меня.

— Поверь мне, Альфонсо, я лучше твоего знаю ко-

варство этого мира. Сейчас зло в королевстве направлено не на то, чтобы предать смерти твою сестру, которую я люблю не меньше тебя. Ее охраняют надежнее, чем казну Энрике, — точнее, то, что от казны осталось и перевезено в Сеговию, в укрытие. Хорошо бы заполучить эти деньги.

Шутливое настроение Каррильо вдруг сменилось мрачной тоской. Из гордости Каррильо не мог открыто признать, что у повстанцев очень мало средств.

— Я уважаю вашу мудрость, ваше преосвященство, но я не могу оставить Изабеллу рядом с королевой Хуаной.

— Терпение, мальчик, — право на нашей стороне, и победа будет за нами, а значит, и куча денег. — Его голос вновь потеплел. — Я могу занять денег у Великого рабби* — кстати, он больше чем наполовину христианин. Я могу занять денег у Исаака Абрабанеля; он весьма благочестив, но беспокоится — не начнут ли резать его соплеменников из-за чумы.

— Евреи поддержат меня?

— Хорошие — поддержат, дурные — нет; как и христиане. А почему бы и нет? Великий рабби ненавидит Энрике за то, что тот сделал с этой землей. Интересы Абрабанеля больше привязаны к его народу, но если я шепну, что мои проповедники будут говорить во время проповедей, что евреи на самом деле не отравляют колодцы и не разносят чуму, то, конечно, он внесет свой вклад в дело.

— Но раз это правда, почему они не говорят об этом все время?

— Они проповедуют Евангелие, — ответил архиепископ. — Я никогда не позволяю им без необходимости вмешиваться в политику.

Альфонсо покосился на руку Каррильо, все еще лежавшую у него на плече.

— Благодарение Господу, что вы *амещиваетесь* в политику, ваше высокопреосвященство. Если евреи помогут, я буду молить Господа и за них.

— Из тебя выйдет хороший король, — мягко сказал Каррильо. — Помни, не все евреи плохие и все они гораздо лучше мавров. Фанатики вместе с Торквемадой, святым приором монастыря Санта Крус, иногда бранят меня. Он считает, что я слишком слаб, что мне не хватает твердости. Но комендант алькасара Энрике в Сеговии — отважный еврейский воин, он охраняет королевскую казну как свою собственную. А еврей-хирург только что удалил катаракту, ослеплявшую глаза старого короля Арагона, так что теперь король Хуан видит не хуже двадцатилетнего юноши. Нет, нет, среди них есть люди порядочные и очень способные. Хотя мы, естественно, не должны ослаблять наши попытки обратить их в истинную веру.

Как просты были уроки Торквемады в сравнении с теми уроками искусства управлять государством, которые должны были сделать из Альфонсо настоящего короля!

— И я думаю, дон Фадрике тоже может внести кое-что, — продолжал архиепископ. — Дон Фадрике, великий адмирал Кастилии. Возможно, он сделает это с помощью своего внука Фердинанда Арагонского*. Ты должен познакомиться с Фердинандом, Альфонсо; Фердинанд управляет финансами своего отца. Нежный принц с головой государственного мужа. Но какой скупой! Боже всемилостивый, какой скупой! Людовик Французский — мот по сравнению с принцем Арагона!

Архиепископ хладнокровно пересчитывал свои средства, словно войска перед битвой.

— А потом я смогу повести армию на Сеговию? — спросил Альфонсо.

— Обещаю. И я поеду с тобой.

— Скоро?

— Я почти так же нетерпелив, как и ты.

Логическое обоснование безопасности Изабеллы Каррильо сделал скорее для успокоения ума, чем сердца. Рядом с королевой Хуаной всякая логика рушилась.

...Но все же Изабелла обладала сильным инстинктом самосохранения. Аромат духов не мешал ей чувствовать и политические сквозняки, и коварство, скрытое в них. Она была вежлива, почти равнодушна со своими тюремщиками — по крайней мере с виду. Ее одиночество скрашивала Беатрис. Им предоставили лучшие комнаты в огромном старом замке, целую свиту высокородных камеристок. Изабелла никогда не жила в такой роскоши. Однако им не позволяли выходить за пределы замка.

— Что может слабая женщина, — говорила королева Хуана, пожимая прекрасными плечами, — в годину бедствий? Король никогда не простит мне, если я позволю его сводной сестре уехать, когда дороги так опасны.

Беатрис промолвила чарующе-дерзким тоном:

— Король скоро сделает дороги безопасными для своей сестры.

Хуана залилась гневным румянцем:

— Ты прекрасно знаешь, какого короля я имела в виду.

Даже Изабелла улыбнулась.

Летние дни были длинными и жаркими, ночи — тягостно-шумными от выкриков часовых и топота сапог по гранитным укреплениям. Изабелле, которая редко пила вино, казалось, что вода из замкового колодца горчит, и она с тоской смотрела на могучий римский акведук, снабжавший остальной город свежей водой из Рио-Фрио, стекавшей на юг с гор Сьерра-Фуэнфрия. Горы казались ей чистыми, близкими и четкими. Часто приезжали и уезжали герольды, но все — в ливреях цветов короля Энрике. Хуана говорила, что они не приносят вестей о политике, и, поскольку ее настроение не менялось, Изабелла верила ей. Положение оставалось прежним. Лето почти прошло, и зелено-голубые склоны гор Гуадамарры окрашивались в бурый цвет по мере того, как зелень сохла и увядала.

Беатрис без усталости разгуливала по крепостным стенам. Черные глаза, черные волосы, черная тоска и черные взгляды в сторону стражей, которые отказывались отвечать на ее вопросы, хотя всегда вежливо приветствовали ее: Когда она проходила, они начинали посмеиваться и толкать друг друга под локоть:

- Ты бы отдал дневное жалованье за ночь с ней?
- Годовое!
- Ну, год ты не протянешь.
- С такой дикой кошкой и часа не протянуть.
- Ну и что?
- Зато какой час!

Стражи тоже ничего не знали о том, что творится во внешнем мире.

Однажды, в душный день, будучи в особенно неважном настроении, Беатрис перешагнула через единственный запрет Хуаны на их передвижения по замку. Она постояла перед дверью большой квадратной баш-

ни, а потом вошла внутрь. Башня была самым высоким и крепким сооружением в замке, с массивной каменной кладкой — замок внутри замка, в окружении остальных укреплений. Все остальное могло пасть, но если затаиться здесь, то оставалась надежда выжить. Если башня падет, тогда падет и весь замок, словно человек, пораженный в самое сердце.

Беатрис беспрепятственно вошла в запретную дверь. Стражник-ветеран с иссеченными шрамами лицом глянул на нее с высоты своего роста и прохрипел:

— Вам сюда нельзя, сеньорита.

И остолбенел, услышав из уст Беатрис нечто, сказанное пронзительно-ясным голосом. Она обеими руками отпихнула его так, что его доспех клацнул о камень, и проскользнула мимо.

— Смерть Господня! — протянул изумленный стражник. — Никогда не слышал, чтобы дама так выражалась! — Он уставился в темноту башни, но Беатрис уже исчезла. — Тем хуже для нее. — Он пожал плечами, потом ухмыльнулся.

В этой части алькасара женщин почти не было, а Беатрис выйдет обратно, когда его уже сменят. Так что ему нечего бояться коменданта. Внутри есть и другие стражники, и одинокая девушка, пусть даже с острым язычком и сильными руками, едва ли представляет настоящую опасность для королевской казны. Она скоро вылетит отсюда, вот и все.

Беатрис вошла в темный коридор. Ее юбки шуршали в такт быстрым шагам. Она миновала несколько дубовых дверей с тщательно задвинутыми засовами и массивными железными цепями. Далеко позади нее, словно вход в пещеру, виднелся маленький яркий квадратик входной двери. Ее словно заточили под зем-

лю, хотя она прекрасно знала, что находится в башне. Ее дерзость немного поостыла. Она чувствовала себя погребенной заживо, ей очень хотелось назад, на открытое пространство; но она не отступила. Дойдя до череды крутых ступенек в конце коридора, она подобрала юбки и стала торопливо подниматься к солнечному свету над головой. Лестница была длинная, без окон, без перил — ее сделали для воинов, не боявшихся высоты. Она жалась к стене.

Лестница заканчивалась на самом верху башни, почти под стропилами, и тут страх ее начал слабеть. Она оказалась перед дверью в просторное помещение с множеством бойниц, узких и зарешеченных, но, главное, пропускавших свет. Повсюду валялись оружие и доспехи, груды железных котлов, каменные и железные пушечные ядра. Этим помещением пользовались, но в нем не жили, хотя его можно было бы превратить в пригодное для жизни, даже роскошное. На полу лежали мавританские ковры с толстым ворсом, на стенах висели картины, в канделябрах остались восковые свечи, а в углу — большая латунная жаровня с углем, которой можно обогреть комнату среди зимы. Там оказалось еще и ложе, и маленький обеденный стол, достаточный для одного человека. Ложем служила жесткая походная складная койка, зато на столе стояла роскошная утварь: серебряная тарелка, серебряный кубок, хрустальный графин, рядом лежала серебряная ложка и, к изумлению Беатрис, одна из тех новомодных вилок, которой люди брезгливые стали в последнее время пользоваться, чтобы подносить еду ко рту, вместо того чтобы, как обычно, брать ее руками. Этот обычай шел, как говорили, из Италии, подобно многим другим странностям. Большинство испанцев считало, что у

итальянцев очень грязные руки, раз они боятся брать ими собственную еду. Беатрис никогда прежде не видела вилок, хотя и слышала о них. Видимо, кто-то действительно жил здесь — возможно, он даже ждал к себе даму. Беатрис оглядела неуютную походную койку. Нет, вряд ли даму.

Голос, мужской и весьма властный, произнес позади:

— Какими судьбами сеньорита де Бобадилья удостоила меня посещением? Мне не сообщали, что королева Хуана отменила свое распоряжение.

В испуге Беатрис обернулась так стремительно, что юбки ее взметнулись, словно у танцовщицы, а сама она едва не споткнулась о бархатные туфли человека, подошедшего так близко, что она почувствовала на шее его дыхание, когда он заговорил.

— Я думала, я тут одна, — выдохнула она.

— Я тоже так думал, — ответил он, поклонившись вежливо, но не очень низко. — Как замечательно, что мы оба ошибались.

Он был высокий, смуглый, с лицом школяра, которое до смешного не вязалось с его огромными солдатскими ручищами, которые, в свою очередь, тоже выглядели странно — они были чистыми, как у монаха, а на указательном пальце правой руки темнело чернильное пятно. Беатрис перестала бояться.

Она сделала реверанс (не ниже, чем его поклон) и улыбнулась.

— Кажется, вы со мной знакомы, сеньор, хотя я не имею чести знать вас; я-то думала, я знаю всех мужчин в этом замке.

— Меня зовут Андрес де Кабрера, — сказал он.

— Вы комендант этого алькасаара?

— К вашим услугам, сеньорита де Бобадилья.

— Но... но я думала, комендант болен, потому что никогда не видела его в обеденной зале, за общим столом.

Он не отвечал. Возможно, он женоненавистник и терпеть не может общества королевы, инфанты и высокородных дам в своем замке. Хотя на вид женоненавистником его не назовешь — Беатрис показалось, что он разглядывал ее весьма одобрительно, ошибиться она не могла. Она опустила очи долу, чтобы скрыть, что во взгляде ее уже нет обычного равнодушия.

— Я прекрасно себя чувствую, сеньорита. Я совершенно здоров.

— И я думала, что вы гораздо старше, — сказала она. — Мой отец — комендант алькасара. В Аревало.

— Я знаю. Повезло дону Педро Бобадилья и с замком, и с дочерью.

Беатрис ответила насмешливо:

— Замок дона Андреса де Кабреры гораздо красивее, и дочь дона Андреса, должно быть, тоже.

— Вряд ли я об этом узнаю, пока у меня не появится дочь, сеньорита, а она не появится, пока я не женюсь. — Он слегка улыбнулся. — Очень приятно беседовать с вами, сеньорита.

Беатрис порозовела.

— Извините. Мне просто было любопытно. Вы меня прогоните?

— Королева разгневется. Вам нельзя было приходить сюда. Старый Санчес, который стоит внизу, ужасный болтун; он всем и каждому теперь разболтает, как его одолела девчонка — сначала выругалась, потом едва по стенке не размазала.

Беатрис покраснела пуще прежнего.

— Вы слышали, что я... сказала ему?

— Увы, — комендант ухмыльнулся, — увы, сеньорита.

— Он очень меня рассердил. Мне ужасно стыдно. Но как вы могли услышать?

Он поманил ее испачканным в чернилах пальцем:

— Подойдите, я покажу вам.

Он повел ее в угол: там стена несколько выгибалась — этаж выступал над нижней частью башни. Дверца в полу была открыта. Под ней зиял огромный колодец с гладкими отвесными стенками в шестьдесят футов глубиной. Беатрис была знакома с замковыми ловушками, позволявшими защитникам лить кипящее масло и расплавленный свинец на головы нападавших, и понимала, что железные котлы были предназначены именно для приготовления смертоносного горячего дождя. Ей никогда не приходилось видеть такого глубокого колодца.

— Колодец расположен прямо над главными воротами башни, — объяснил Кабрера. — Я часто открывал его в эти жаркие дни, чтобы глотнуть свежего воздуха, и случайно увидел, как вы расправились с моим стражником.

— Вы всегда живете в башне?

— Я имел честь уступить свои комнаты инфанте и вам.

Беатрис хотела подойти ближе к колодцу и заглянуть в него. Но Кабрера крепко схватил ее за руку и удержал.

— Осторожнее! — Он говорил с ней как с непослушным ребенком.

Беатрис позволила ему увести себя от колодца.

— Я боюсь высоты, — призналась она, — но мне хотелось заглянуть вниз.

— Я лучше закрою его, — ответил Кабрера. — Если произойдет несчастье, мне придется прыгать в этот колодец вслед за вами.

Кому-нибудь другому Беатрис ответила бы: «Ну и что ж такого, если я и упаду?» — но ей не хотелось шутить и флиртовать с комендантом, который был так строг. Очевидно, он неспроста живет здесь совсем один.

— Я не понимаю, дон Андрес.

— Если король Альфонсо победит, он повесит меня за то, что я не уследил за лучшей подругой его сестры. Если победит король Энрике, он тоже повесит меня — за то, что я позволил врагу шпионить в его сокровищнице. Это ведь сокровищница, сеньорита. Ваше присутствие здесь нежелательно, хотя мне, если честно, совсем не хочется прогонять вас.

— Тогда я пойду, дон Андрес.

— Я закрыл дверь, не так ли? — сказал комендант. — Зачем же вам уходить?

— Мне не следовало приходиться сюда. Я знаю о распоряжении королевы Хуаны, но я была сердита, я волновалась и гневалась, считая себя узницей.

— Благодарение Господу, что вы пришли, — ответил он.

— Я могу опоздать к ужину, если останусь здесь.

Он промолчал.

— А почему комендант замка никогда не ест за общим столом, дон Андрес?

Он помедлил. Потом со словами: «Позвольте, я покажу вам портрет моего отца, сеньорита» — подвел ее к одной из картин, висевших на грубых каменных стенах комнаты. Портрет был превосходный: почти живое

лицо — портрет кастильского гранда высшего ранга, с цепью королевской службы и с окладистой бородой ветхозаветного патриарха. На плечи его был накинут талиф с длинной синей бахромой, молитвенное покрывало, какие существовали у евреев с незапамятных времен.

— Он был министром финансов при прежнем короле Хуане*, — промолвил Кабрера. — Он умер еще до того, как я родился, и моя мать, христианка, воспитала меня в истинной вере. Но королева Хуана упорно считает, что я еврей, а королева, конечно же, не ест вместе с евреями. — Его голос был ровен и холоден.

То была теория, незнакомая Беатрис.

— Но ведь кровь еще не делает вас евреем! — Она вдруг испугалась, что Изабелла подумает иначе. — Кровь вообще ничего не значит. Почти у всех в жилах есть немного еврейской крови. Даже у маркиза Виллены, если уж на то пошло.

— Подозреваю, что в некоторых знатных родах есть немало и мавританской крови, особенно на юге. Было бы странно, если бы дело обстояло иначе после того, как они семьсот лет были нашими ближайшими соседями в Испании. Что до меня, то моя христианская вера не так горяча, чтобы удовлетворить королеву Хуану.

Зато Беатрис де Бобадилье этого было вполне достаточно, что она и высказала со свойственной ей откровенностью. Дон Андрес от благодарности покраснел как рак.

— Моя сеньорита, позвольте поцеловать вашу руку...

Она не отняла руки, хотя поцелуй был далеко не обычным вежливым прикосновением в рамках эти-

кета. Он был горячим, словно объятие, она ощутила тепло даже на собственных губах.

— ...и если бы я не был приучен к дисциплине, — добавил он с улыбкой, — я поцеловал бы и ваши ноги, как истинно сказано «*Os beso las manos y los pies*»*.

Беатрис такое и в голову не приходило.

— Странная поговорка и глупая, — ответила она. — Но очень красивая.

— Однако очень точная, сеньорита. Этот мавританский обычай, как и многие другие, хорош и плох одновременно: мавританские рабы все еще целуют своим хозяевам руки и ноги.

— Я не знала, — ответила Беатрис. — Я не школяр, сеньор комендант. — И потрогала чернильное пятно на его пальце. Этот небольшой жест дал ей возможность отнять руку; Андрес Кабрера явно собирался весь ужин продержаться за руку.

— Ах, чернила, — он рассмеялся. — Я не только охраняю казну короля Энрике, я еще раз в неделю пересчитываю деньги, хотя король ни разу не заглянул в мои книги. Как я уже сказал, я человек, приученный к строгой дисциплине.

— Не думаю, что там есть что считать, — сказала Беатрис. — Он живет не по средствам.

Комендант посмотрел на нее со странным выражением.

— Вы можете стать самым прекрасным и опасным шпионом, сеньорита.

— Во имя Господа, — ответила она, — мне все равно, сколько мараведи в кошельке короля Энрике — один или сто тысяч! Я жила при его дворе и видела его беспутство, его неумение вести дела, и я просто, как обычно, выразила свое мнение. Я ничуть не беспоко-

юсь, полны или пусты его сундуки за теми запечатанными дверями.

— Да, — произнес комендант, — именно там он их и держит.

— Я не спрашивала.

— А я не собирался говорить, поскольку никто, кроме короля, не бывает здесь дольше коменданта, с тех самых пор, как выстроен этот замок.

— Дон Андрес, дон Андрес, я не шпион. Я не стала бы входить в эту башню, если бы не устала от заточения и не тревожилась бы за Изабеллу, которая день ото дня становится все бледнее и печальнее. Хотя она никогда не подает вида. Неужто ей веки вечные мучиться? Мне для себя ничего не надо!

— Я бы в десять тысяч раз охотнее освободил ее, чем вас, — ответил комендант.

— А я в десять тысяч раз охотнее осталась бы вместо нее, дон Андрес.

— Из любви к принцессе?

Он спрашивал слишком много и слишком поспешно. Но такова была мера его одиночества, несмотря на высоту его поста.

— Устроит ли вас ответ: «Из любви к другу»?

— Да вознаградит вас за это Господь, сеньорита! — Ответ его устроил. В данный момент.

Они спустились вниз по замковой лестнице, которая на этот раз показалась Беатрис не выше второго этажа. Дон Андрес держал ее за руку и шел с той стороны, где за ступеньками без перил зияла пропасть.

— Осторожнее! — предупреждала она, притягивая его поближе к себе, подальше от темного провала.

— Я бы желал, чтобы ступеньки были еще уже, — произнес комендант.

На нижнем этаже, когда они уже приближались к входной двери, вызолоченной лучами заходящего солнца, он спросил:

— Смогу я снова увидеть вас, Беатрис?

Он не назвал ее «сеньорита» — это было неожиданно и приятно.

— Только не в башне, дон Андрес. Я ведь могу что-нибудь украсть.

— Вы уже украли, Беатрис, — то, что не принадлежит ни королю Энрике, ни мне.

— Уже поздно, друг мой.

Он не ускорил размеренного шага, но мысли его неслись яростным скоком:

— Нет, не в башне. Я не могу допустить, чтобы вы входили в спальню к мужчине.

Он уже распоряжается ею? Беатрис была изумлена. Но это значит, что его чувства серьезны, он не собирается играть ею.

— Я иногда хожу в часовню к заутрене, — шепнул он. — Королева Хуана редко ходит в часовню и никогда не заглядывает туда в полночь. У меня лучше получается молиться, когда она не сверлит меня своими насмешливыми глазами.

У входа в башню раздавался лязг кирасы старого Санчеса, но на этот раз он с удивлением отскочил в сторону, когда Беатрис и комендант вышли вместе и она опиралась на его руку, словно жена при муже.

— Сеньорита де Бобадилья заблудилась, — сказал Кабрера тоном, не терпящим возражений, — и вошла в башню по ошибке.

Стражник сощурился с ушлым видом:

— Придержи язык! — прорычал комендант.

— Но я же молчу, сеньор, я нем как рыба!

- Вот и молчи, если не хочешь лишиться места.
- Да, да, сеньор комендант! Во имя Господа, ни единого слова!
- Вы его приструнили, — прошептала Беатрис.
- Да нет же, — просто ответил дон Андрес. — Разве можно приструнить болтливый язык? Только теперь его болтовня будет чистой правдой.
- Правдой?
- Он будет говорить, что я люблю тебя всем сердцем и всей душой.
- Он?..
- Он скажет, что я хочу, чтобы Беатрис де Бобадилья стала моей женой.
- Вашей женой?
- И что через неделю мы поженимся.
- Ах нет, дон Андрес, пожалуйста, не через неделю. Не так скоро. Изабелла может обидеться.
- Я считаю, сокровища короля стоят того, чтобы принцесса Изабелла считалась гостьей в этом замке в течение недели, начиная с сегодняшнего дня.

Так случилось, с одной стороны, естественно, с другой — неожиданно, что Изабелла тоже пришла к заутрене помолиться. Ее отец умер, когда ей было всего два года, разум ее матери померк, когда она едва достигла десятилетнего возраста, и она рано выучилась молиться. Некому было слушать ее. И Бог, который близок всем испанцам, казалось, был особенно близок кастильской инфанте. Ему она поверяла свои мелкие беды, когда была маленькой. С возрастом росла и ее вера, и чем старше она становилась, тем сильнее была ее молитва, и тем больше утешение, чем больше беда, которую она чувствовала, еще не зная наверняка — та давила извне, из-за стен замка, из мира мужчин и

войны. Последние два дня курьеры носились галопом туда-сюда. Королева Хуана стала отстраненной и скрытной. Беатрис, напротив, сияла, радовалась и все больше молчала — это было совсем не в ее манере. Даже погода была не такая, как обычно.

Ночью ждали заморозков и холода, но, когда на замок внезапно опустился влажный туман, который скрыл из виду горы, и вонь из кухонь и конюшен отравила стоялый воздух, она поднялась с постели, оделась и пошла в часовню молиться. Она тихонько выскользнула из комнаты, не желая будить Беатрис. Дойдя до дверей часовни, она так и застыла. Внутри часовни Беатрис и комендант стояли на коленях друг подле друга. Ее рука покоилась в его руке, они разговаривали, их лица почти соприкасались, а голоса были полны мягкой нежности и понимания.

Станным было не то, что они встретились в церкви. Люди часто встречаются в церквях, когда не могут встретиться в другом месте, чтобы поговорить, отдохнуть или просто провести время и погрызть орехи и сладости в приятном обществе. В церквях даже разыгрывались представления с костюмами, декорациями и музыкальным аккомпанементом, и зрители плакали, когда актер, игравший святого, подвергался опасностям по ходу действия, и восторженно рукоплескали, когда актер-грешник падал в дымящиеся челюсти чудовищного бутафорского черта, и адские громы и молнии изображались с помощью самого большого барабана, который удавалось найти в окрестностях. Сама по себе встреча не была странной, поскольку комендант при всей его скромности был мужчиной и явно обратил внимание на Беатрис. Станным было то, что человек такого положения, внимания которого должно

добиваться, вынужден прибегать к подобным ухищрениям и скрываться. Это выглядело как тайное свидание влюбленных.

Изабелла, хмурясь, вернулась в свою комнату. Надо поговорить с Беатрис, а если Беатрис ее слушать не будет, то поговорить с самим комендантом.

Вскоре в комнату проскользнула раздумывавшая Беатрис, держа в руках туфли. Зажгла свечу и увидела, что Изабелла с упреком глядит на нее и в глазах ее полыхают сине-зеленые молнии.

— *Maria Santissima!** Я думала, ты спишь, — пробормотала Беатрис.

— Не сплю.

— Но ты же *спала*, а... сейчас ты одета.

— Когда собираешься в часовню помолиться, надо надевать платье.

— Ты... ты ходила?

— Да. И вернулась.

Беатрис с несчастным видом уселась на кровать, и ее черные глаза заблестели от слез.

— Увы, значит, ты нас видела. Наверное, это выглядело ужасно. Но он ведь комендант, ваше высочество.

Она почти никогда не называла Изабеллу ваше высочество.

— Сеньора коменданта дона Андреса де Кабреру я знаю в лицо. Поскольку он никогда не был достаточно вежлив, чтобы представиться, даже по праву моего тюремщика, то я не желаю знать с ним ближе.

— О, зато я очень хорошо знаю его: он самый лучший, самый учтивый из всех мужчин.

— Вижу, что для тебя он самый лучший, но учтывым его не назовешь.

Слезы закапали с длинных черных ресниц и проложили две мокрые дорожки, блестевшие в свете свечи, на щеках Беатрис, у которой кровь отхлынула от лица. Теперь она была бледна как смерть, но вину свою на чисто отрицала.

— Я так его люблю, — всхлипывала она. — Он хочет жениться на мне, и я хочу выйти за него замуж.

Изабелла смягчилась. Брак — это же совсем другое дело.

— Тогда зачем было переворачивать все с ног на голову? Ты умеешь создавать превратное впечатление.

— Я боялась того, что ты можешь подумать.

Изабелла обняла и порывисто прижала ее к себе.

— Милая подружка, разве я когда-нибудь говорила, что не хочу, чтобы ты выходила замуж? Я тебе не суверен и не родитель; я не могу принуждать тебя. А если бы и могла, то не стала бы. Неужто ты считаешь, что я обвиню тебя в том, что ты бросаешь меня, раз ты решила выйти за коменданта?

— Я просто боялась того, что ты так можешь подумать.

— Ничто не сделает меня счастливее, чем твое счастливое замужество. Но не за этим таинственным красавчиком комендантом, который заставляет даму являться на свидание в святое место. Нет, нет, Беатрис, не за ним. Он скрывает какую-то вину, иначе он объявил бы о своей любви при свете дня, а не прятался бы в полночь в темной часовне.

Беатрис с воодушевлением произнесла:

— Его тайная вина только в том, что он не хочет

быть рядом с королевой Хуаной, которая считает его иудеем.

— А он иудей? — спокойно спросила Изабелла.

— Королева Хуана говорит, что да. Его отец был евреем.

— Нет, нет, его родители здесь ни при чем. Он — иудей?

— Его мать всю жизнь была христианкой, и Андреаса окрестили на третий день от рождения. Она воспитала его в святой христианской вере, и Андрес никогда не отступался от нее. Я люблю его, и я знаю это.

— Ох и дурочка ты, он же не иудей! — сказала Изабелла.

— Королева Хуана говорит, что раз его отец иудей и все его предки, то и он сам тоже иудей. Она говорит, что это в крови и поэтому она не станет есть с ним за одним столом.

Изабелла весело смеялась, когда дело не касалось ее собственных чувств.

— Она еще хуже, чем фра Торквемада. Самое худшее, что он говорил: «Они никогда не изменятся. Даже если притворятся». Именно этому он учил Альфонсо и меня — остерегаться обращенных, тех, которые крестились только ради выгоды и престижа, «выкрестов» — так он называл их, — тех, которые тайно исповедуют свою колдовскую религию, называл их лицемерами, лжецами, скрытыми еретиками, преступниками; нет ничего хуже лжеца, говорил он. А евреев, которые открыто стоят за собственную веру, не нужно наказывать.

— Королева насмешлива, а Андрес так раним, — проговорила Беатрис, — а я не знаю, что ты думаешь

обо всем этом. Некоторые думают так же, как королева Хуана.

Изабелла снова рассмеялась.

— Если бы все думали, как она, не много же смысла осталось бы в мире! Кровь, предки — подумать только! Из-за них в нас столько всего понамешано! Во мне течет кровь Плантагенетов* — что же, меня надо считать англичанкой? Во мне есть кровь Капетингов* — но разве я француженка? Мой предок Людовик IX* Французский был канонизирован как святой — неужто я тоже святая? А мой прапрапрадед Энрике Трастамара был незаконнорожденным — так ведь я от этого незаконнорожденной не стала. Нет, нет, Беатрис, мы — это мы. Андрес де Кабрера — не иудей только от того, что его бедный отец был евреем.

— Ты, наверное, ангел, — пробормотала Беатрис, и Изабелла почувствовала, как та схватила ее руку, поцеловала и оросила слезами.

Порывистость Беатрис смутила Изабеллу; она встала и погладила подругу по голове, по спутанным волосам.

— Ступай спать, Беатрис. Я буду молить Господа за тебя и твою любовь.

Но Беатрис, терзаемая новыми страхами, не сразу отправилась спать. Она сказала, что, когда они с комендантом шептались в часовне, речь шла не только о них двоих. Речь шла также о горьком привкусе воды из замкового колодца.

— Я сказала Андресу, что тебе не нравится здешняя вода, и спросила, нет ли в подвалах легкого вина, более приятного на вкус.

— Королева тоже заставляла меня пить вино, Беатрис.

— Я ему сказала об этом. Он сделался очень задумчив.

— Королева всегда пыталась заставить меня пить вино, но в последнее время она, по-моему, особенно настойчива. Я старалась скрыть свое отвращение к воде, но она, должно быть, догадалась. Но пусть лучше такая вода, чем крепкие вина, которые она пьет. Если комендант найдет какое-нибудь легкое вино, я буду благодарна ему.

Беатрис как-то странно взглянула на принцессу:

— Он не хочет, чтобы ты пила вино, он запретил тебе делать это из самых лучших побуждений.

— Запретил?

— И мне тоже.

Изабелла улыбнулась:

— Для меня это не важно, но будет забавно, Беатрис, посмотреть, как ты будешь «поститься», принимая только воду.

— Андрес — человек короля Энрике. Увы, я ничего не могу сделать с его верноподданническим упрямством, но он шепнул мне что-то вроде того, что не хочет держать на руках мертвую невесту и мертвую принцессу, когда подойдет армия. Это все, что он сказал, и мне кажется, он считает, что и так слишком распустил свой язык. Потом он сказал, что нам каждый день будут подавать свежей воды из городского акведука. «И смотри, не пей ничего другого!» — сказал он.

Изабелла вспомнила своего брата и мертвую собаку. Воду отравить нелегко, чтобы этого потом не заметить; с другой стороны, нетрудно скрыть большую дозу яда в крепком вине, которое не меняет ни цвета, ни вкуса.

Комендант не сказал, какая именно армия движет-

ся на Сеговию, но это и не было нужно. Эта армия была явно враждебна Хуане, иначе она никогда не стала бы отчаянно перебирать все средства. Тайна недавней суеты курьеров стала понятна.

В Авиле юный король Альфонсо не давал архиепископу Каррильо ни минуты роздыху, день и ночь докучая ему — сначала умоляя, потом и приказывая выступать на выручку сестры.

— Ваше юное высочество, — отвечал Каррильо, — поймите, что нельзя прищпоривать загнанного коня. Деньги придут со дня на день. Великий рабби уже внес свой вклад. Фердинанд Арагонский много обещает, но, как всегда, медленно выполняет. И Исаак Арабанель дал символическую сумму. Деньги будут, мальчик, деньги будут. Но это требует времени.

— Ваше высокопреосвященство, мое время истекает.

Глаза Альфонсо лихорадочно сверкали, хотя личный врач Каррильо утверждал, что у юноши нет лихорадки, и определил, что имеет место расстройство телесной гармонии: элемент тепла подавил элемент холода, как это часто бывает у молодых людей. Это явно было вызвано необычно жаркой и влажной погодой, неким зловещим расположением планет и вполне понятной тревогой за сестру.

Однако очищающее кровопускание не помогло. Врач настаивал на двухдневном кровопускании. Каррильо запретил. В ответ на это врач цокнул языком, покачал головой и объявил:

— Поскольку ваше высокопреосвященство не понимает, как совместить ваши молитвы с моей наукой,

то никто не может ручаться, что молитвы вашего высокопреосвященства не понадобятся вскоре его высочеству. — И отбыл с мрачным видом.

Встревоженный заявлениями врача, Каррильо разрешил двойное кровопускание, но Альфонсо, уже ослабший, сделался настолько бледен, что в конце концов прелат совсем запретил пускать ему кровь.

Слова Альфонсо — «мое время истекает» — также встревожили Каррильо. Они могли значить многое. Каррильо всегда прислушивался к мистическим замечаниям, которые, казалось, предсказывают будущее, ибо как знать, что это — бред больного или глас архангела. И то и другое приводило человека практического в замешательство. В таких случаях архиепископ не находил другого пути для успокоения, кроме как препоясаться мечом, сесть на любимого вороного жеребца и начать решительные действия.

— Ты не успокоишься, пока мы не выступим, — прохрипел он. — Ну так мы выступаем. Это лучше, чем раздумья и кровопускания. Плохо только то, что у меня всего десять тысяч человек и несколько осадных орудий! — Ему не давало покоя то, что король Энрике спрятал все деньги в алькасаре Сеговии, и поэтому он пытался убедить себя, что огонь в глазах короля Альфонсо — знак архангела.

К отвращению Андреса де Кабреры город Сеговия не оказал армии сопротивления. Андрес сказал Беатрис кое-что резкое насчет Торквемады, приора из Санта Крус, который вместе с монахами его монастыря устроил крестный ход, а затем прочел проповедь на городской площади, призывая прекратить пролитие христианской крови.

Изабелла вздохнула:

— Раз это война и, что самое худшее, междуусобная война, я думаю, что добрый фра Томас просто не понимает, что ему делать, и не встанет ни на чью сторону. В политике нет белого и черного.

Они видели, как армия подошла и расположилась лагерем в полете стрелы от стен замка. Изабелла даже узнала своего брата, который стоял у своей палатки под штандартом с черным замком Кастилии и красным львом Леона, и разглядела фигуру архиепископа у палатки, над которой развевалось знамя с гигантским зеленым крестом.

Комендант ухмыльнулся:

— Они сумасшедшие. У них же нет пушек. А у меня есть!

— Во имя Господа, если ты выстрелишь, — пригрозила Беатрис, — я клянусь, что я...

— Зарежешь меня, ты, тигрица? — Он засмеялся. — Слыхал я о твоём кинжальчике. А может, ты шмякнешь меня об стену, как старого Санчеса?

Беатрис вытерла платочком сердитые слезы.

— Никогда я никого не резала, и не размазывала я Санчеса по стенке. Но я клянусь, что никогда не выйду за тебя, если ты посмеешь выстрелить.

— Мое дело — защищать сокровищницу короля, а не нападать. Если они атакуют меня, мне придется стрелять. Но я думаю, они не станут атаковать. Эти стены выдержат приступ войска в два раза большего, чем это.

— Значит, они не представляют опасности для замка?

— Никакой, дорогая моя.

— Но ведь это, должно быть, неприятно — жить в осаде?

— Наверное. Нехватка еды, стрелы, снаряды из ка-

тапульт, арбалетные болты* — на стенах будет немного опасно... В общем, обычные дела.

— А случайности?

— Наверное, что-то будет, но уж о вас-то я позабочусь.

— Я думала не о себе. Я просто боялась, что ты распишешь королеве, будто эта армия совершенно безвредна. Насколько я понимаю, будут и раны, и смерть, и нестерпимые лишения. Ты человек честный, ты никогда не лжешь, даже Изабелла восхищалась твоей честностью при короле Энрике, хотя они и в ссоре. Сможешь ли ты честно сказать королеве Хуане, что ее не тронут?

Кабрера расхохотался:

— Милое дитя, ты не только тигрица, ты еще и дипломат. Я уже решил, что делать с принцессой, и равнодушие города показало, что я был прав. Теперь я знаю, что делать с королевой, и очень рад, что скоро и след ее простынет. Беатрис, мой прекрасный дипломат, эта армия с каждой минутой все сильнее пугает меня! Как обычно, начнутся переговоры. А потом я передам королеве Хуане свое наводящее дрожь впечатление от этой могущественной армии.

Переговоры шли на нейтральной земле, прямо перед воротами алькасара, поскольку никто из предводителей обеих сторон не желал предаваться в руки противника, боясь угодить в заложники. Альфонсо, как король, потребовал немедленной сдачи крепости и принесения комендантом вассальной клятвы. Комендант потребовал немедленного роспуска армии восставших и принесения вассальных клятв королю Энрике. Но это были обычные формальности, традиционный феодальный способ показывать зубы в соответствии с

обычаем, который никто не принимал всерьез. С выражением постоянного почтения и собственной непобедимости стороны разошлись, уговорившись о завтрашней встрече. Учтивость кончилась; начинался настоящий торг.

Вечером Андрес де Кабрера получил аудиенцию у королевы и доложил со всей честностью, что восставшие прошли мимо города Сеговии к самой крепости. Конечно, крепость сильная, но в ней мало припасов для долгой осады и нельзя сказать с точностью, когда именно подойдет на выручку король Энрике — если вообще подойдет. Между тем горожане настроены безразлично, от них помощи ждать не приходится. Он не исключает также опасности, которой подвергаются все, кто находится в замке, — от попадания камней и металлических снарядов. Он может обещать ей безопасность лишь в глубоких подвалах башни-сокровищницы, и он уже послал приказание на кухню, чтобы там вскипятили винный уксус для изгнания вшей и крыс.

Реакция королевы Хуаны была мгновенной. Она представить себе не могла жизнь без света, воздуха, свободы передвижения и развлечений, жизнь, омраченную заключением на неопределенное время в сырой, омерзительный подвал, словно она стала преступницей. Будущее ужаснуло ее. Зная своего мужа, она не могла рассчитывать на быстрое освобождение.

Она разгневалась, выбрала коменданта, сыпала проклятиями в адрес Альфонсо, плевалась в сторону короля Энрике, под конец бурно разрыдалась, перемазав платок тушью для ресниц, и потребовала устроить ей побег любым способом.

— Военный эскорт может вызвать подозрение, ваше величество. Мы окружены. Но я могу нанять тележку

водоноса, чтобы вас провезли через стражу. Через день вы сможете встретиться со своим мужем в Вальядолиде, в безопасности, в окружении верных людей, маркиза Виллены, благородного дона Белтрана де ла Куэвы и всех прочих.

Королева Хуана злобно воззрилась на него, гадая, знает ли он, как сильно действует на нее упоминание дона Белтрана, с которым она была так надолго разлучена. Но привлекательное лицо коменданта оставалось совершенно бесстрастным и почтительным.

В ту ночь тележка водоноса вывезла незаконный груз обратно в город и дальше, в горы, прочь из горни-ла войны.

На следующий день переговоры возобновились с новым пылом. Архиепископ требовал хотя бы выплатить выкуп войску; Кабрера сказал, что не даст ни единого мараведи.

— Это единственное, чего я не стану обсуждать с вашим высокопреосвященством, за меня скажут мои пушки.

Требования короля Альфонсо были скромными, но жесткими: он требовал лишь выдать ему его сестру и ее подругу.

— В отсутствие королевы, — улыбнулся комендант, — которая не взяла с собой принцессу, внезапно решив куда-то отправиться, я вряд ли имею право держать донью Изабеллу под охраной.

— Так королева Хуана сбежала! — вскричал Каррильо. — Сантьяго! Она нужна мне!

— Ваше высокопреосвященство, я полагаю, что мое дело — беречь королевскую казну, — ответил комендант с вежливым сарказмом.

— Как же, королевскую! — прорычал архиепископ. — Денежки дона Белтрана!

— Определенно, кому-то эти деньги принадлежат. Но королевы здесь нет.

Каррильо понял, что упустил ее.

— Мне не терпится вернуться, — сказал король Альфонсо. — Когда моя сестра и Беатрис будут свободны?

— Ее высочество вправе уехать, когда пожелает. А что до сеньориты де Бобадилья — лучше спросите ее сами. Я хотел бы, чтобы она осталась.

— О, нет, только не это! — возопил архиепископ. — Никаких заложников, дон Андрес.

Но Альфонсо уловил нежность в голосе коменданта.

— Погодите-ка, ваше преосвященство. Донья Беатрис дала мне слово чести, что станет моей женой, — объяснил комендант. — С ее стороны было бы некрасиво уехать после этого.

В голове архиепископа сразу зароились мысли государственной важности. Само небо посылало возможность пристроить лучшую подругу Изабеллы на постоянное место, в дом доверенного человека и казначея короля, где она сможет влиять на него и в конце концов мало-помалу перетянет его на нужную сторону в этой затянувшейся распре. Если ему удастся подобный маневр, это будет великий подвиг перед страной. А соединенные Господом молодые сердца удачно прибавили этой истории толику мистики, которая придавала всему положению дел неожиданный оттенок умиления, смущавший дипломатические умы и наполнявший эту историю такими подробностями, какие циники никогда не примут всерьез.

Каррильо был удивлен и восхищен, но едва мог поверить происходящему. Ему хотелось все же убедиться

в том, что Кабрера говорит правду и не собирается опутать девушку словами и на деле превратить в заложницу.

— Сеньор комендант, — начал он, протянув ему руку, — примите мои поздравления. Мне будет лестно провозгласить союз между этой доброй девицей и таким честным человеком, как вы, и я готов немедленно обвенчать вас.

Кабрера в избытке чувств опустился на колени и поцеловал кольцо архиепископа.

— Примас Испании воздает такие почести сыну еврея!

— Ну, ну, молодой человек. Половина святых апостолов родилась от евреев.

Каррильо отменил все, что бывает перед свадьбой обычных людей: оглашение, трехкратное объявление в церкви — и одним махом окончил дело. В тот же день он повенчал дочь коменданта крепости Аревало с комендантом алькасара Сеговии; и в тот же день армия повстанцев снялась и ушла вместе с Изабеллой и Альфонсо, воссоединенными братом и сестрой.

Они недолго пробыли вместе. Кастильские врачи прилагали огромные усилия, снова и снова прописывая кровопускания, одинарные и двойные, огромные вливания бычьей крови, настойки из козлиного желудочного камня, эликсир из рога единорога*, водяные компрессы и куриные перья, которые жгли в комнате больного, чтобы очистить воздух, — но, несмотря на все это, а также на искренние молитвы скорбящего народа, король Альфонсо скончался. Он так и не правил. У него была лишь корона из мишуры, которую надели

на него в Авиле во время пародии на коронацию. В гробу стало заметно, что волосы его были такого же золотистого цвета, как у его сестры, которая не смыкала очей подле его смертного ложа.

У восставшей знати больше не было принца королевской крови, вокруг которого можно было бы сплотиться.

Тогда они обратились к убитой горем Изабелле и предложили ей корону.

ГЛАВА 9

Изабелла вдруг сделалась центром всей политики. Память Жанны д'Арк еще была свежа в умах старшего поколения государственных мужей. В европейских канцеляриях не одна седая голова отяжелела от мыслей о девушке, которой не было равных по добродетелям, красоте и поразительной личной притягательности — достоинств, благодаря которым она стала во главе армии, объединившей страну. Нетерпеливые руки разрывали тесемки на депешах, и всю ночь горели свечи, пока мудрецы переваривали новости из Испании. Многие политики, особенно Людовик XI, который только и занимался тем, что сеял хаос среди соседей, решил, что Изабеллу надобно или умертвить, или выдать замуж, или пойти войной против нее, если она сделает в Кастилии то же самое, что Жанна д'Арк сделала во Франции. Пока все наблюдали и выжидали.

В Вальядолиде рыдал король Энрике, и даже королева Хуана, потрясенная своим недавним бегством, потеряла покой. На улицах ее столицы не было улыбок, и

многие гранды при дворе открыто оплакивали светлую память покойного короля Альфонсо.

— Надо умиротворить ее, — говорил король Энрике.

Королева Хуана с готовностью соглашалась:

— Ты всегда можешь отказаться от любых обещаний. Настроение людей может перемениться.

В то же самое время в Авила Изабелла отказалась от предложенной короны. Ее сторонникам горько было это сознавать.

Каррильо был в смятении. Великий адмирал глядел на Изабеллу, и глаза его были полны слез. Восставшие гранды растерялись.

— Но ведь твой брат не отказывался! — умолял ее Каррильо.

— Мой брат был мужчиной, с мужским умом, который сложнее женского. Он поступал так, как считал правильным, а я поступаю так, как сама считаю правильным. Я не государственный муж. Все, что я знаю, — то, что король Энрике есть сын моего отца и получил свою корону по неоспоримому праву наследования от моего отца. Пока Энрике жив, я не стану воевать с ним.

И никакие роптания повстанцев не могли поколебать ее. Они получили урок ее глубокой преданности законной власти, но не получили нового вождя для междуусобной войны.

— Самым неразумным будет сообщить королю Энрике о твоей слабости, — жестко сказал Каррильо.

— Не сомневаюсь, что вы запретите мне сделать это, сеньор архиепископ. Я всегда заложница — то одной стороны, то другой.

— Желал бы я, чтобы ты родилась мужчиной, моя принцесса, — промолвил он. — Или, по крайней мере,

чтобы у тебя был муж, чтобы принимать решения за тебя. Но не надо пугать меня резкими словами, вроде слова «заложница». Я сказал только то, что сказал, ничуть не больше: это будет неразумно, губительно для королевства — полностью сдаться Энрике, который в его положении вынужден искать компромиссов, даже если мы будем просить примирения.

— Я постоянно возношу молитвы о примирении. И у меня не получится добиться примирения, если я начну войну с законным королем. Я не желаю раздоров.

Каррильо дрогнул. Он думал об искушении на башне храма, искушении в глуши, искушении на вершине горы.

— Позволь мне молиться, чтобы Господь направил тебя верной стезей и чтобы твое чутье не солгало.

Архиепископ по-новому взглянул на кастильскую инфанту. Короны не отвергают с легкостью.

Но поразительная правильность выбора Изабеллы вскоре стала очевидной. Мира просили не только восставшие — мира просил сам король Энрике. Туда-сюда сновали курьеры с приглашениями на переговоры.

Встреча была дружеской, и то, что Изабелла выиграла ее, стоило десятка победоносных сражений. Король Энрике объявил общую амнистию для всех грандов-повстанцев, великих и малых, а также для их подчиненных, до последнего пропыленного пехотинца.

Он признал Изабеллу принцессой Астурийской, наследницей короны Кастилии и Леона, исключая таким образом малышку Белтранеху и вторично признавая свою королеву прелюбодейкой.

Изабелла присутствовала на переговорах.

— И мне не должны навязывать мужа, когда я захо-

чу выйти замуж, — потребовала она. — Я должна быть свободна в выборе, без чужого влияния.

В дальнейшем это неслыханное требование все же включили в договор. Энрике отказался от одного из самых ценных и общепринятых прав короля — права на устроение брака наследника.

Она больше ничего не просила. Зато просил Каррильо. Разве принцесса Астурийская не должна иметь содержания, достойного наследницы престола?

Ей отдали доходы с городов Авила, Буэте, Медина дель Кампо, Молина, Ольмедо, Убеда и Эскалона. Каррильо усмехнулся про себя. Поскольку Беатрис теперь хозяйка замка Сеговия — в конце концов, это единственная статья договора, которая будет заверена письменно.

Красивая церемония инвеституры* в Вальядолиде, по всеобщему мнению, была совершенно непохожа на печальный спектакль коронации брата Изабеллы. Бывшие повстанцы и верноподданная знать наперебой спешили поцеловать ее руку и принести ей клятвы, во всех церквях звонили колокола, на улицах вспыхивали фейерверки, и простолюдины от души веселились во имя любви к принцессе, которая принесла им мир. Изабелле, несмотря на свое отвращение, пришлось уступить настояниям короля Энрике, которому словно хотелось унижений, — и теперь сам он шел пешком, ведя под уздцы снежно-белого мула, на котором она въехала в роскошную резиденцию, отведенную ей.

У нее возник собственный двор, при котором собрался цвет Кастилии. Даже маркиз Виллена с надутыми волосами и жемчужной серьгой в ухе приходил, чтобы засвидетельствовать свое почтение и заодно проверить силу ее сторонников. Сторонники ее были

сильны — и многочисленны. И он спрашивал себя, откуда в них столько радости без празднеств, без предсказателей судьбы, гадателей по ладони, акробатов, танцоров, магиков и некромантов, любовных свиданий, пьяных пирушек, азартных игр, которые составляли обычные увеселения при дворе короля Энрике.

Даже если бы Изабелла была старой и безобразной, убогой умом и телом или отвергнутой, как худшая из дам, попавших в немилость королевского двора, у нее все равно были бы сторонники. Сейчас она носила корону наследницы — возможно, завтра она наденет королевскую корону. Но государственные мужи Европы понимали, что столкнулись с явлением, которое происходит раз в столетие: перед ними была принцесса, имевшая неоспоримые права на трон великой страны, богато одаренной природой и историей — разве не Испания была заслоном, охранявшим остальную Европу от мавров? — страны, самой утонченной в христианском мире, лишь временно ввергнутой в смуту из-за собственного короля, который был явно слаб рассудком. Этой выдающейся женщине исполнилось в то время восемнадцать лет, и она была столь прелестна, что красота ее казалась творением самих ангелов. Она не была ни излишне мягкой, ни слабой, ни ветреной. Одним наклоном головы она отвергла корону и водворила мир, прекратив междуусобицу.

Брачные мельницы европейских канцелярий яростно завертелись. Предложения о замужестве приходили даже из далекой Англии. Молодой Ричард, герцог Йоркский, прислал своего гонца, прося руки Изабеллы.

— Мой господин, — говорил гонец, — непременно станет великим человеком в Англии. Правда, сейчас у нас на острове небольшая смута, но это пройдет, и есть

очень большая вероятность, что со временем герцогиня Йоркская станет королевой Англии.

Изабелла с достоинством выслушала его, но ободряющего ответа не дала. Всем было известно, что под словами «небольшая смута» подразумевается ужасная Война Роз, которая за долгие годы истерзала Англию и которой не было видно конца. Изабелла предостерегла, что кастильские кортесы — так же, как и английский парламент — скорее всего, не захотят, чтобы наследница кастильского престола покидала Кастилию, чтобы жить в такой опасности и в такой далекой стране, как Англия.

Король Людовик XI тоже прислал посольство во главе с кардиналом. Кардинал был неплохо осведомлен о произошедшем, как и все другие послы Людовика.

— Ваша светлость, этот англичанин, Ричард Йоркский, — сухорукий калека, кровожадный убийца без сердца, который сломает вам жизнь и вовлечет Кастилию в бессмысленную и бесконечную войну. Насколько приятнее Господу и моему государю был бы ваш союз с герцогом Гиеньским, братом моего государя, вашего доброго и могущественного соседа к северу от Пиренеев. Герцог Гиеньский человек весьма благородный!

И французского кардинала она выслушала так же рассеянно. Слишком много выводов следовало из его слов. Франция была самой могущественной державой в Европе, настолько могущественной, что Кастилия стала бы просто французской провинцией, согласись она принять это предложение. Она очень боялась французского короля и очень мало знала о герцоге Гиеньском. Но она не стала давать обычного прямого от-

каза. Она и не могла этого сделать, поскольку Каррильо очень торопил ее выйти замуж. Того же мнения были и маркиз Виллена, и король Энрике, и королева Хуана, и великий адмирал, хотя все они говорили о разных принцах и разных причинах.

И Беатрис! Она писала из Сеговии, что божественно счастлива со своим доном Андресом, неизвестно к чему добавляя в конце: «Девственность — тяжкое бремя для молодой женщины!»

Для Беатрис, которая встретила своего кабальеро и вышла за него по любви, все было просто. Беатрис не нужно было вести долгих переговоров на расстоянии, слушая речи иностранных послов об иностранных принцах. Посол исполнит свое поручение, его дело на том кончится, в награду он получит медаль или владение. А Изабелле жить с принцем, делить с ним постель, иметь детей. Всю свою жизнь.

Альфонсо Португальский, который еще больше постарел и обрюзг, тоже прислал посла — и тоже красноречивого кардинала.

— Однажды вы, ваша светлость, отвергли любовь моего государя, прекрасной ночью в Гибралтаре, предупредив, что король Энрике собирается заплатить армии из щедрого свадебного выкупа моего государя. Теперь все изменилось; не изменилась лишь любовь моего государя. Даже если она и изменилась, то только к лучшему, она стала еще больше, а вместе с ней и свадебный выкуп.

Король Энрике, королева Хуана и маркиз Виллена были весьма заинтересованы в португальском браке — Изабелла постоянно находилась бы за пределами королевства, а ее сторонники рассеялись бы. Для Изабеллы принять этот брак было вдвойне трудно: она не хотела

покидать свою нежно любимую Кастилию, хотя и знала, что португальских и кастильских инфант часто выдавали замуж через общую границу обеих стран, и этот обычай довлел над ней. Были и чисто личные причины — ей был противен престарелый король, но этого она кардиналу не сказала.

— А разве наше родство — не помеха, ваше преосвященство? Мы ведь свояки.

Кардинал был подготовлен к такому вопросу:

— Такое родство — не большая помеха, чем ваше родство с Фердинандом Арагонским. Конечно, церковь запрещает браки, когда речь идет о родстве четвертой степени, но всегда можно получить разрешение у его святейшества папы.

Изабелла вздохнула. Здравствующий ныне папа Павел объявил ее брата бунтовщиком, когда война сделала его вторым королем в Кастилии. Вне сомнения, он и ее также объявит бунтовщицей. Вне сомнения, он даст разрешение на брак с Альфонсо Португальским, если Португалия и король Энрике попросят его об этом. А вот разрешил бы он ей выйти замуж за Фердинанда — в этом она сомневается. А ведь Фердинанд тоже просил ее руки.

— Переговоры с Римом займут какое-то время, святой отец, не так ли?

— Иногда их можно ускорить, — ответил португальский кардинал.

— Молитесь, но не ускоряйте событий, святой отец. Я хочу, чтобы все было обставлено с пышностью.

— Мой государь долго ждал, ваше высочество.

В этой холодной политической игре, где пересекались разные интересы, где ей приходилось играть в одиночку, где ее любовь к родной стране не восприни-

малась всерьез, а ее тело было лишь орудием в чужих руках, она люто завидовала Беатрис. Принцесса она или не принцесса, она тоже имеет право на счастье!

В глубокой тайне, не поставив в известность даже Каррильо, она послала своего духовника, Алонсо де Кока, за Пиренеи, в Бордо, в Гиень. Там, с безопасного расстояния, падре де Кока рассмотрел того, кого французский посол описывал как «человека весьма благородного».

Духовник представил исчерпывающий отчет.

— Брат французского короля — хилый, женоподобный мужчина со слезящимися глазами. Он так слаб телом, что не может выдерживать вес доспехов, как другие рыцари, а ходит в куртке с нашитыми на нее серебряными пластинками, имитирующими доспехи — в Бордо очень потешаются над этой выдумкой. Его ноги тонки и кривы до безобразия. — И духовник добавил, понизив голос: — Я знаю, что такие мужчины не притягивают женских взоров, но герцог все же нашел себе фаворитку — его каждый день видят в обществе его дамы, очень толстой женщины по имени мадам де Монсоро.

По возвращении духовника Изабелла отправила его в Сарагосу, в Арагон. Раз уж к ней засылают послов, ее послу тоже придется потрудиться и обойти всех.

Из Сеговии падре де Кока прислал письмо, которое впервые заставило Изабеллу улыбнуться. Добрый падре де Кока в молодости, должно быть, жил тем, что писал письма за неграмотных людей, без сомнения, простолудинов, которые не умели излагать свои мысли на бумаге. Придавая фразам необходимую красоту, бедный студент таким образом пополнял свой тощий кошелек. А письма были по большей части любовные.

«Принц Фердинанд, — писал падре де Кока, — во всех отношениях прекрасный кабальеро, высокого роста и стройного сложения, с королевской осанкой. Он побеждает в любом состязании и развлекается таким образом, пока нет настоящих сражений, хотя совсем недавно он бился насмерть, не давая роздыху каталонцам. Ему по душе все забавы настоящих мужчин, он неутомимый наездник и охотник, особенно он любит охотиться на диких вепрей; еще ему нравится баскская игра в мяч, в которую он играет лучше всех. С прискорбием отмечаю, что часто он занимает себя игрой в карты, но спешу присовокупить, что играет он лишь из чистой любви к искусству игры, дабы одержать верх над противником, но никогда — ради денег. Он очень осторожен, когда речь идет о трате денег.

Он воздержан в еде и питье, лишь самые простые блюда да чистая вода — вот его излюбленная пища. Речь его умна и приятна, и, я полагаю, некоторая хрипотца в его голосе происходит от длительного выкрикивая команд на поле битвы. У него высокий лоб и длинный нос благородной формы, волосы блестящие и волнистые, рыжеватого оттенка. Глаза голубые и спокойные. Подбородок твердый, с клиновидной бородкой. На коже нет ни пятен, ни болячек, моется он так часто, как позволяют обстоятельства, не менее раза в неделю. Но это, скорее, благодаря его подвижному образу жизни, чем от склонности к женственным манерам.

Он благочестив в вопросах веры, часто ходит к причастию и постится. Король, его отец, весьма любит его, как и он своего отца. То же относится к дамам.

Он скромнен по части одежды, манеры имеет учтивые.

Воздержанный — вот слово, определяющее принца Фердинанда во всех делах, кроме его стремления к власти, что, кажется мне, не грех для принца в наши смутные времена, когда, к прискорбию, все державы раздираемы распрями.

Будь я земным, а не духовным отцом вашего высочества, как бы молил я Господа о союзе вашего высочества с таким кабальеро!»

Мало-помалу воодушевление падре де Кока перешло и Изабелле. Она снова и снова перечитывала письмо, желая верить каждому его слову. Это было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой. И насколько это непохоже на то, что она знала о других претендентах на ее руку!

— Если Фердинанд Арагонский и вполовину так хорош, как пишет о нем мой духовник, которого, по моему, околдовали, то я — самая счастливая принцесса в мире!

Архиепископ Каррильо и Великий адмирал, дед Фердинанда, долго расписывали прекрасные качества Фердинанда, подчеркивая выгоды, которые обе державы, Арагон и Кастилия, получают, объединившись после смерти короля Энрике и старого Хуана Арагонского. В этом случае Изабелла наследовала корону Кастилии, Фердинанд — корону Арагона, но это была бы одна корона, один престол — престол Испании! Их дети будут испанскими королями и королевами — самый этот титул сопряжен с величием! Неоценимые политические, экономические и военные выгоды в случае территориального объединения! Новая Испания сможет соперничать с Францией в единстве и мощи.

И вот, к вящему удовольствию Каррильо и Великого адмирала, Изабелла объявила, что принимает пред-

ложение Фердинанда. Они сразу взялись за сложный брачный контракт, составляемый по обычаю перед королевскими браками. То был шедевр государственной политики, очень длинный, тщательно выверенный и уравновешенный, учитывающий права обеих стран, чтобы Кастилия не оказалась в подчинении у Арагона, и наоборот.

Затем Изабелла публично объявила о своем решении.

И сразу все пошло кувыркком.

Король Людовик XI, который признавал единство лишь в пределах собственной страны, немедленно послал подкрепления и деньги в Арагон на помощь бунтовавшим каталонцам. Это, по его мнению, должно было держать юного Фердинанда подальше от супружеской постели — возможно, по счастью, его даже убьют в битве.

Король Энрике, придя в себя за время мирной передышки, испугавшись, что теперь в числе сторонников Изабеллы окажется весь Арагон, и отчаявшись выдворить Изабеллу из королевства, стонал, что Каррильо обманул его, жестоко обманул; королева Хуана плевалась и угрожала; маркиз Виллена обозвал Каррильо предателем и даже послал солдат арестовать его.

Захваченный врасплох архиепископ был вынужден спрятаться, пытаясь собрать прежних повстанцев. Великий адмирал удалился в свои владения.

Думая, что теперь Изабелла осталась одна, король Энрике потребовал, чтобы она немедленно отказалась от предложения Фердинанда и приняла португальское посольство, которое все еще находилось в Вальядолиде. Она отказалась.

— Я не остановился перед тем, чтобы посадить в

тюрьму твоего брата, — сказал он, — и я не остановлюсь, если мне придется заключить в тюрьму тебя. Утром моя мавританская гвардия будет иметь честь препроводить тебя в алькасар в Мадриде, если ты не послушаешься меня. — И он вышел, шлепая своими раззолоченными туфлями без задников, дрожа при мысли о собственном безрассудстве, с каким он только что осмелился предъявить ультиматум.

Она все равно отказалась, прочла свои молитвы и легла в постель.

Ночью молодой дворянин Гутьерре де Карденас, мажордом* маленького двора Изабеллы и верный ее сторонник, надвинув на глаза капюшон черного плаща, умчался из Вальядолида с брачным контрактом, спрятым на груди, и направил своего коня в сторону Арагона.

Утром пришли мавры арестовывать Изабеллу. Но они не смогли прорваться через толпу. Новость просочилась наружу, и улицы были запружены горожанами, которые в одночасье поднялись, похватили все оружие, что было под рукой, — пики, старые мечи, крестьянские серпы, мясницкие ножи и колуны для разделки туш — и встали на защиту принцессы, которая принесла им мир и которая, согласно официальному договору, могла выйти замуж только по своему выбору. Она не могла поверить глазам своим, хотя и видела толпу людей, вставших на ее защиту, — больше всего это походило на пьесу-миракль или песню о чем-то невероятном, пропетую менестрелем.

Король Энрике сразу же отменил приказ об аресте и заявил, что он присылал солдат лишь для защиты Изабеллы.

Но теперь оставаться в Вальядолиде было небез-

опасно. Она молилась, чтобы Господь помог ее гонцу поскорее добраться до Фердинанда, а Фердинанду — до нее.

ГЛАВА 10

Гутьерре де Карденас ехал по сельским дорогам, прикидываясь сторонником короля. Граница между Кастилией и Арагоном охранялась линией мрачных крепостей, которые в большинстве принадлежали разным членам семьи Мендоса, традиционно верной короне, а значит, враждебной Изабелле.

Карденас был вынужден избегать больших городов и пробирался нехожеными извилистыми тропами — это задержало его. Но если бы не его бдительность и везение, его давно бы схватили, обыскали и нашли при нем брачный договор, и тогда он застрял бы Бог знает на сколько, быть может, навсегда. После непреклонного заявления Изабеллы о ее намерениях маркиз Виллена, королева Хуана и, конечно, сам король Энрике Бессильный не стали бы шутить с ним.

Миновав пустынную местность на границе, он вступил на землю Арагона и спустился в плодородную долину реки Эбро. Здесь яростные, пронизывающие ветры кастильских нагорий сменились октябрьской прохладой. Он даже почувствовал, несмотря на расстояние, мягкие чары теплой синевы Средиземного моря. Ни один испанец, знакомый с ледящей зимой и иссушающим летом Кастилии, попав в Арагон и вдохнув ароматный ветерок, не мог не верить в душе своей, что люди в этой земле, как и ее климат, куда более мягкий, чем в Кастилии, полны нежного коварства, как и погода Арагона, дружелюбного, обольстительного, чувст-

венного. Предательского. Так думал и Гутьерре де Карденас, получше укрывая плащом шею. Зато теперь он был на дружественной территории. Можно было больше не бояться ареста, и он поскакал самой короткой дорогой.

Он думал, что его не ждут. И был преисполнен благодарности, найдя привет в столице, Сарагосе: ворота города широко распахнулись перед тем, кто приехал к принцу от имени Изабеллы Кастильской. Ему даже дали в провожатые офицера, который довел его до самого входа во дворец; и он решил, что в Арагоне так долго мечтали о браке Изабеллы и наследного принца, что почти с восторгом встречают любого ее посланца. Но несколько минут спустя понял, что его приезд не был неожиданностью. Посланцы от Каррильо и Великого адмирала уже приезжали сюда из городов, которые были ближе к границе.

У входа во дворец молодой человек в платье придворного, явно королевский слуга, улыбаясь, протянул Карденасу руку и обратился к нему на чистейшем кастильском наречии, без того выговора в нос, который отличал наречие арагонцев:

— Ваша светлость, меня зовут Франсиско де Вальдес, к услугам Господа, вашей светлости и ее высочества доньи Изабеллы.

У Вальдеса был открытый дружелюбный взгляд и твердое рукопожатие.

— Мое имя Гутьерре де Карденас, только никакая я не «светлость», — ответил гонец. — У меня личное послание от ее высочества.

— Все, кто приехал от ее высочества, именуются «ваша светлость», дон Гутьерре. Король, королева, принц Фердинанд, совет — все ждут вас.

— Меня?

— Они думали, что приедет мажордом ее высочества. Они молились о том, чтобы вы добрались в безопасности, и я также молился вместе с ними, ибо некогда ее высочество спасла меня из рабства худшего, чем рабство у мавров. Прошу вашу светлость следовать за мной.

Запыленный и усталый с дороги, как был, Карденас пошел за Вальдесом в приемную; там его попросили сесть, и он взаправду сидел в присутствии двух коронованных особ и наследника — согласно этикету, свободному от излишних строгостей и церемоний, который никогда не был в ходу в Кастилии, даже при взбалмошном и ветреном дворе короля Энрике. Карденас смущался и робел — даже в глазах у него темнело.

Король Хуан окинул его пронизательным взором — ему недавно вылечили глаза.

— Изабелла прислала тебе доброго гонца, Фердинанд. Хороший наездник, во имя Господа. Мне нравится, когда у мужчины штаны в конском поту.

— Бога ради, Хуан! — вмешалась королева.

Карденас покраснел до кончиков ушей.

— Ладно, молчу.

Фердинанд, стоявший за креслом отца, тихо произнес:

— Отец, неплохо бы налить чашу вина дону Гутьерре. Его с дороги мучает жажда, а никто даже и не подумал предложить ему сменить одежду и освежиться.

— Не терпится послушать, что он скажет, сын мой. Ну, юноша, давай покончим с этим. Что, выйдет Изабелла за моего мальчика?

— Государь, я... я привез ... б-бумаги...

Королева велела папу принести вина.

— Может быть, хотите фруктов, дон Гутьерре? Или курицы?

Неужто его приглашают поесть за столом короля и королевы?

— Довольно будет и чаши вина, мадам.

— Всем вина! — громко крикнул король и тут же поправился: — Всем, кроме принца. Он вина никогда не пьет.

— Думаю, мне стоит выпить вина вместе с доном Гутьерре, государь.

— А?

— Да, стоит.

— Ну, сегодня поистине день чудес.

Королева сама налила вина из стеклянного графина в кубок Карденаса, этот кубок также был сделан из стекла, прозрачного, как алмаз, и тонкого, как бумага. Арагон имел связи с Востоком, с Венецией и с дальними берегами Средиземного моря, с Константинополем (который столь плачевным образом пал под натиском турок и был переименован в Стамбул*) — городом, откуда венецианцы вывезли секрет стеклодувного мастерства. Вино было родное, испанское, но стекло придавало ему все ту же необычность и слегка чрезмерную роскошь, которая чувствовалась в арагонской погоде.

Почтив гостя кубком вина, королева передала графин пажу, который наполнил вином остальные кубки. Король Хуан единым духом осушил свой кубок; Фердинанд едва пригубил.

— Ну? — сказал король.

— Гонцы архиепископа Каррильо и Великого адмирала уже известили нас о публично объявленном решении инфанты, — вмешался Фердинанд, — а также о других добрых новостях, а именно о том, что гранды,

которых король Энрике считает мятежниками, вновь собираются вместе.

— Я хотел услышать это от него, Фердинанд!

— Это правда, — заговорил Карденас. — Это правда, ваше высочество, что донья Изабелла, моя госпожа, оказала мне великую честь, разрешив стать ее вестником и привезти столь великие и добрые новости, доверив мне свой брачный договор, составленный в должной форме виднейшими из знатных людей Кастилии, среди коих были как миряне, так и священнослужители.

Карденас выгасил договор.

— Она не привлекла всех великих грандов, — заметил король Хуан. — Зато собрала лучших из них. Конечно, кроме семейства Мендоса.

Фердинанд протянул было руку к пергаменту, который король Хуан осторожно разворачивал.

— Нет, нет, погоди, сынок. Я все еще король, и у меня опять хорошие глаза, мой еврейский хирург вернул мне зрение.

— Христианин сделал бы не хуже, — ответил Фердинанд.

— И я был бы слеп, как летучая мышь. Нет уж, спасибо, — сказал король, быстро читая. Просмотрев весь договор, он отдал его Фердинанду. — С виду неплохо. Можешь подписывать.

Фердинанд пробежал глазами длинный список пунктов, составленных в вежливой манере, но потрясающих по содержанию.

Его лицо не изменилось, но он вдруг сказал:

— Дон Гутьерре проделал долгий путь и выбился из сил. Надо проявить учтивость и отпустить его на время.

— Боюсь, что у меня нет с собой даже сменного

платья, — смущенно промолвил Карденас. — Я приехал налегке.

— Франсиско даст вам что-нибудь из моей одежды, — живо ответил Фердинанд. — Я хотел сказать, мы с вами примерно одного размера.

Теперь Карденасу предлагали надеть одежду с плеча наследного принца!

Королева подняла бровь при виде таких почестей, но король Хуан только хмыкнул. Он знал, что костюм будет поношенный, но всегда приятно наблюдать деликатную дипломатию Фердинанда в действии: тот хотел обсудить договор, не обижая излишне подозрительного кастильского посланца. Все кастильцы излишне подозрительны.

У дверей Карденаса перехватил Франсиско де Вальдес, восторженно шепча:

— Я хочу рассказать вам о чудесном случае на Фазаньем острове, когда инфанта помогла мне покончить со службой у короля Энрике Кастильского.

Так что, переодеваясь в дублет* и чулки Фердинанда — поношенные, зато от самого принца, — Гутьерре де Карденас узнал, что мужество еще с юных пор было присуще натуре Изабеллы.

Закрыв дверь в приемную, Фердинанд резко сказал:

— Этот договор лишает меня всякой власти над моими будущими подданными...

— Не совсем так, Фердинанд. По крайней мере, не всей власти.

— ...и вся власть переходит к моей будущей жене!

Король Хуан лукаво взглянул на королеву.

— Что до этого, сын плоти моей, то ты просто раз-

делишь участь каждого мужчины, который принимает на себя радости и тяготы супружества.

— И самое время, — отрезала королева.

Фердинанд передернул плечами, словно отмахиваясь от их слов.

— Послушай, — сказал он, зачитывая документ. — Я должен буду жить в Кастилии, не покидая королевства без ее разрешения.

— Она же будет «королевой-владетельницей». Это обычная оговорка, — ответил король.

— Я не имею права отчуждать коронную собственность.

— А ты хочешь отчуждать? Это же будет твоя собственность. Она больше моих королевств Арагона и Сицилии, вместе взятых.

— Я не должен назначать новых гражданских, военных или церковных постов без ее одобрения.

— Она согласится, мальчик, если таковые будут. Эта оговорка вызвана кастильской боязнью. Они боятся, что ты станешь на всех высоких постах заменять кастильцев арагонцами.

— Я не должен лишать знатных людей их владений...

— Если они будут бунтовать, Изабелла сама лишит их владений.

— ...и пробовать вернуть все спорные пограничные арагонские владения, ныне входящие в состав Кастилии!

— Нет, вот это *нехорошо*! Но разве все пункты брачного договора непременно должны вступить в силу? Кто будет следить за этим, когда ты окажешься у власти? Никто!

— Верно, верно, — кивнул Фердинанд, — все имен-

но так. Мне вовсе не обязательно оправдывать каждый из них.

— Это не такой уж плохой договор, — подытожил король Хуан. — Ты начнешь войну с маврами. То, что тебе так нравится! Сумеешь захватить Гранаду — станешь богатым, как Мидас*.

— Если сумею захватить.

— Ты сделаешь это, — гордо сказала королева. — Ты всегда берешь то, чего тебе хочется. Ты — мой сын.

— И мой также, — вставил король. — Не забывай об этом — смотри, я все еще могу преломить копье на поединке. — И, обратившись к Фердинанду, добавил: — Заметь, что вы с Изабеллой оба подписываете договор — разве это похоже на то, что она хочет править одна? Ведь она не ограничивает средств на твои личные расходы, она назначила большую сумму, чем кастильская королева когда-либо назначала своему консорту*, так что тебе не придется клянчить по одному мараведи у нее или кого-либо еще. Для кастильцев это неслыханная щедрость.

— Верно, консорту назначено щедрое содержание. Мне оно никогда не понадобится, так я использую его для войны против мавров.

— Все эти нелепые оговорки, — продолжал король, — которые, впрочем, всегда можно обойти, не направлены против Арагона. Они внесены Каррильо, блистательным государственным мужем, единственно с тем, чтобы упредить кастильские страхи, объединить страну для тебя и твоей принцессы и умиротворить ту знать, которая против вашего брака, особенно семейство Мендоса. А когда ты придешь к власти, — закончил старый король, и отблеск прожитой жизни мельк-

нул в его глазах, — тогда Испания будет единой, какой ее создал Господь!

Честолюбие и уверенность в том, что неудобные оговорки можно будет обойти, заставили наконец Фердинанда взяться за перо. Но королева остановила его вопросом:

— А ты любишь ее, Фердинанд? Мне порой казалось, когда я слышала, как ты говоришь об этом, что да.

Король Хуан захохотал:

— Я однажды слышал, как он сказал, что у инфанты очень красивый зад!

— Хуан, пожалуйста, не надо пошлостей!

— Я сказал, — пояснил Фердинанд, — что у Изабеллы очень красивая спина, так как она сидела спиной ко мне во время развлечения с обезьяной-наездником.

— Это одно и то же.

— Хуан, умоляю тебя.

— Ну хорошо, хорошо, моя милая.

— Я был заморожен ее красотой. В сердце своем я всегда чувствовал любовь к ней, — горделиво произнес Фердинанд, — хотя это было как будто сто лет назад, и я не знаю, куда заведут меня мои супружеские обязанности.

— Ты говоришь с каким-то мрачным настроением, — улыбнулась королева. — Это было не так давно, но с тех пор она еще больше расцвела.

— А твои супружеские обязанности, мой мальчик, — прибавил король, — ведут прямо в ее постель.

Королева потупилась. Фердинанд, усмехаясь, подписал договор.

— Государь, это не такие уж тяжкие обязанности.

— Если уж речь зашла о постели, — с отвращением

начала королева, — позволь напомнить тебе, сын мой, что ты должен совершенно порвать с *той* дамой.

— Естественно, сударыня. Она ничего не значит для меня.

— Я ее куда-нибудь пристрою, — пообещал король Хуан. — Потихоньку отошлю ее назад, в Италию, выдам замуж за какого-нибудь хорошего калабрийского дворянина.

— Боюсь, государь, — при этих словах Фердинанд залился краской, — что некоторое время она еще будет доставлять хлопоты. К сожалению, должен признаться, — он со стыдом взглянул на мать, — что моя подруга, герцогиня Эболи, четыре дня назад подарила мне сына.

— *Что?! —* загремел король.

— Ты так холодно сообщаем об этом, Фердинанд? — удивилась королева.

— Я хотел сообщить эту новость не сразу. Так сказать, постепенно, чтобы вы не слишком волновались. К несчастью, прибытие кастильского гонца заставило меня выложить все разом.

— Словно на мою голову сбросили с крепостной стены горшок с нечистотами! — ревел король.

— Легче, легче, супруг мой, — ответила королева. Однако тон ее тихого голоса был отнюдь не легким, она с упреком сверкнула глазами в сторону короля. — Или ваше высочество забыли о герцоге Вильяэрмосе?

— Это было столько лет назад! — буркнул король. — Время было другое, а я был молод. Теперь герцог Вильяэрмоса уважаемый сановник, прекрасный кабальеро, прославленный боец, один из столпов моего трона.

— И тем не менее он — незаконнорожденный свод-

ный брат Фердинанда, а я тебе ни слова не говорила, Хуан, ни слова.

— Это совсем другое, — слабо протестовал король.

— Для женщин это всегда одно и то же, — ответила королева.

— Я был слишком молод.

— Фердинанд тоже. Ты признаешь сына, Фердинанд?

— Он мой, так почему бы мне не признать его?

— Ты хороший человек, — мягко произнесла его мать. — Хороший человек имеет право на ошибки. Но не торопись признавать ребенка сразу, Фердинанд. Признание успокаивает душу, но его можно отложить до решения других, более срочных и важных, дел. Сейчас Изабелла этого не поймет.

Король Хуан, вспомнив нечто, вскричал:

— Изабелла — самая большая скромница в христианском мире, и если ты оскорбишь ее этим маленьким проступком — ты навсегда похоронишь идею объединения испанских держав!

— Изабелла вначале полюбит, потом поймет, — сказала королева.

На сей раз король, услышав нежность в ее голосе, с благодарностью глядел на нее, а в ее глазах светилась улыбка, вместившая, казалось, всю их долгую супружескую жизнь и всю их любовь.

— Мы позаботимся о твоей подруге и твоём ребенке, — сказала королева. — Все будет тихо. Когда он подрастет, ты признаешь его.

— Я совершенно не имел в виду, что признаю его немедленно, мадам. Я сделаю это только тогда, когда упрочу свое положение в Кастилии. Это будет верх не-

лепости — признать инфанта сейчас. К тому же он может умереть.

Без сомнения, ее сын обладал холодным умом.

И это было к лучшему. Арагонская казна опустела. Французский «король-паук» угрожал северным провинциям и поддерживал каталонское восстание на юге.

— Наша армия сейчас занята, — сдвинув брови, говорил король Хуан, — я едва ли смогу выделить тебе достойную охрану, когда ты поедешь в Кастилию.

— Я и не собирался въезжать в Кастилию во главе грозного эскорта «чужаков». Будущему королю Кастилии не пристало въезжать в нее как захватчику. Между тем у моей невесты есть собственный дворец в Вальядолиде. Это первое!

Он отправил депешу герцогу Медине Сидония в Андалузию с подписанной копией брачного договора и пылким письмом, полным горького сожаления по поводу раздоров в Кастилии, которые сделали сторонников короля Энрике и Изабеллы *равно бессильными*. Письмо Фердинанда было отправлено с точным расчетом на то, чтобы герцог подумал о своей выгоде.

— Итак? — произнес герцог, проглотив комок, застрявший в горле. — Значит, столица ныне слабее, чем когда-либо? Что ж, мне всегда нравилась Изабелла!

И он нашел возможность пойти войной на своего соседа, маркиза Кадиса, с которым воевал каждый раз, как только власть в столице особенно ослабевала. Андалузию снова охватил огонь междуусобицы.

Обеспокоенные маркиз Виллена и король Энрике двинулись на юг, чтобы положить конец распре. Королева Хуана со своим горшочком румян и уязвленной

гордостью укрылась в безопасном алькасаре маркиза Виллены в Мадриде, раздосадованная и обозленная на жизнь, которая состояла из сплошных нескончаемых побегов. Изабелла же только молилась! Кто будет сражаться за нее?

В Сарагосе Фердинанд с довольным видом усмехался.

— Вот наконец наступило время, когда Изабеллу никто не притесняет. Кто бы мог устроить всё лучше, отец?

— Прекрасно, — неуверенно протянул старый король, потому что в строгих голубых глазах Фердинанда промелькнула странная искорка. — Это то, чего тебе хотелось? У тебя всегда такой вид, когда тебе чего-то очень хочется.

— Я просто думал, государь, хорошо ли я подготовлен к тому, чтобы обладать столь восхитительной принцессой, как *владетельная наследница* двойной короны Кастилии и Леона.

— По-моему, ты прекрасно выказал свою искушенность, сын. Я имею в виду ту женщину, Эболи.

— Если бы моя матушка слышала вас, она, конечно, сказала бы: «Не нужно пошлостей». Я имею в виду свой титул. У вас ведь тоже двойная корона.

Король Хуан с улыбкой вздохнул:

— Ну ладно, ладно. Я прожил на свете почти пятьдесят лет; время всегда призывает нас вовремя. Возьми то, чего тебе хочется. Ты, без сомнения, прав. Я не могу дать тебе денег или солдат, зато могу дать тебе, по крайней мере, почести. Какие именно тебе нужны?

— Я был бы лучше подготовлен, если бы у меня уже была корона.

— Только не арагонская! Нет, мальчик мой, не теперь.

— Сицилии, государь.

— Я-то боялся, ты говоришь об арагонской короне. Слишком рано. Я пока еще остаюсь на этом свете.

— Ваше высочество в золотой поре жизни; и если бы мои молитвы могли беспрепятственно достичь небесного трона, ваше высочество спокойно занимали бы свой престол в течение еще многих и многих лет.

— Будь у меня твой язык, меня в преклонном возрасте не окружали бы враги. Бери, Фердинанд. Бери сицилийскую корону, она древняя и почетная; всегда береги ее. Она еще и приносит неплохие доходы.

— Я буду беречь ее! И защищать!

— Вот и бери!

Великие европейские дворы скоро все уразумели и с большой заинтересованностью отметили, что Фердинанд Арагонский вдруг стал королем. Этого молодого человека следовало воспринимать всерьез, ибо теперь его голову венчала корона Сицилии, диадема, покрытая кровавой и все еще грозной славой, добытой в крестовых походах*.

Оставалась еще одна неприятная деталь в согласии Изабеллы на брак.

— Она отказала королю португальскому на основании родства, — сказал Гутьерре де Карденас. — Она боится, что римская курия* отложит на неопределенный срок выдачу разрешения на брак с принцем Фердинандом, с которым она тоже состоит в родстве.

— Боится? — живо ответил король Хуан. — Вы-

бросьте эти страхи из головы, дон Гутьерре. Обо всем этом позаботились давным-давно.

— Разве? — ахнул Фердинанд.

— Ты не веришь мне, своему отцу? — гроыхнул король Хуан.

— Конечно, верю, государь, — улыбнулся принц. Но про себя подумал, что дело требует проверки.

— Ну, так и нечего сомневаться. С вашего позволения, объясню, зная своего сына: раз брак состоялся, то никто и ничто не может разлучить мужа и жену. Мир встанет перед свершившимся событием. Ничто не сможет препятствовать этому; и Арагон с Кастилией станут единым телом и единым королевством, а Энрике с его раздорами завянет, как цветок, побитый морозом.

— Она никогда не выйдет замуж без церковного разрешения, — тихо сказал Карденас.

— Так ей и не придется, — ответил король Хуан.

На следующее утро Карденасу показалось, что в Арагоне все происходит невероятно быстро. Король Хуан со всем почтением, на какое только был способен, представил пергаментный свиток, устранявший все препятствия к будущему браку: то было подписанное самим папой разрешение на брак Фердинанда Арагонского с любой дамой, состоящей с ним в родстве четвертой степени. Документ убедил Карденаса — не только потому, что мало кто из монархов осмелился бы подделывать бумаги его святейшества, но также и потому, что изготовить фальшивые печати было практически невозможно.

Король Хуан объяснил:

— Одна из самых серьезных трудностей для нас,

членов королевских фамилий, состоит в том, что все мы — очень близкие родственники. Несколько лет назад я принял меры к получению разрешения на случай подобных трудностей. Сам ангел Господень подсказал мне эту мысль!

Лицо Фердинанда было каменным. Возможно, он улыбался про себя, но не показывал виду. Печати, вне сомнения, были подлинными; но ведь из Рима приходит много папских бумаг. Не так уж сложно перенести печать с одного куска пергамента на другой.

— Заметьте, — продолжал король Хуан, — что имя невесты там не вписано. Искренне сознаюсь: хотя мы с сыном никогда не думали ни о ком, кроме Изабеллы, могла ведь представиться возможность — например, если Изабелла, не дай-то Господь, умрет — жениться на другой принцессе. Но и другая принцесса, скорее всего, оказалась бы также родственницей. Вы меня понимаете, дон Гутьерре?

— Конечно, ваше высочество.

— Что-то вы слишком уж подозрительны.

— Ваше высочество, я вовсе не...

— Может быть, вы решили, что мы собираемся использовать эту буллу не один раз? — И король твердой рукой вписал в буллу имя «*Изабелла из дома Трастамара, инфанта Кастилии*». — Чернила не вывести, дон Гутьере, — с упреком произнес он.

Чернила были не просто невыводимы. Фердинанд заметил, что они были практически неотличимы от чернил канцелярии его святейшества. Замечательное совпадение!

— Ваше высочество, я и в мыслях никогда не держал подобных подозрений!

— Тогда вы вряд ли удивитесь, что его святейшест-

во папа, подписавший эту буллу, не Павел II, который ныне правит в Риме во всей славе своей, а предыдущий понтифик, блаженной памяти папа Пий II.

Карденас перекрестился.

— Я вовсе не подозрителен, ваше высочество. Конечно, это Пий II, раз ваше высочество получили эту бумагу несколько лет назад.

Фердинанд понял, отчего бумага непременно должна была быть подписана папой Пием II. Ныне здравствующий папа благоволил королю Энрике!

— Если кто-то посмеет усомниться, — сказал Карденас, стараясь оправдаться, — то одной печати предыдущего папы уже достаточно, не говоря уже о пустом месте, оставленном для имени невесты и хорошо известного канцелярского письма, которым написана булла.

— Ха! Так вы заметили? Вы не только прирожденный кабальеро, вы еще и образованный человек. Чудесное изобретение святого папы Евгения IV — это канцелярское письмо!

Карденас не знал, что именно папа Евгений IV ввел в папской канцелярии новое наклонное письмо, прекрасно читаемое, в отличие от старомодного безнаклонного готического. Фердинанд подозревал, что вчера его отец еще не знал этого.

Король Хуан тщательно присыпал белым песком имя Изабеллы, чтобы высушить чернила и не смазать надпись, когда пергамент снова будет свернут. Он повернулся к Фердинанду, впервые назвав его королем, поскольку теперь тот считался королем Сицилии. — Я сделал все, чтобы расчистить вашему высочеству дорогу в Кастилию, к вашей невесте. — И король порывисто обнял сына. — Бог да благословит и да сохранит

тебя, сынок, до нашей следующей встречи — если таковая состоится. Доброго пути, езжай с Богом и прощай. И берегись замков Мендоса!

— Я помню об этом, — задумчиво ответил Фердинанд.

В ту ночь из Сарагосы выехал не один, а два конных отряда. Первый, который поскакал кратчайшей дорогой, через большие города, был неприметным отрядом торговцев с дешевой кухонной утварью, болтавшейся в облезлых сундуках, привязанных на спины тощих, с большими кострецами лошадемок. Другой отряд, на жеребцах под богатыми попонами, состоял из благородных кабальеро и отправился обходными тропами и окольными дорогами, стороной от замков Мендоса — впрочем, от Фердинанда и ждали, что он станет избегать эти осиные гнезда, — таким образом, отряд лишь привлекал к себе внимание шпионов короля Энрике, которые шныряли по границе, высматривая непрошеного принца.

Тем более что на красавце, скакавшем во главе отряда, были дублет и штаны принца Фердинанда.

ГЛАВА 11

Сонные стражи на границе Кастилии, чьей обязанностью было выискивать контрабандные сокровища с Востока — перец и пурпур, слоновую кость, кофе и прочие диковины, — глянули на дорожные сундуки арагонских торговцев и, лениво зевнув, позволили им ехать дальше. Несколько дешевых горшков да сковоро-

док не стоили того, чтобы пререкаться из-за них, даже ради взятки.

— Не понимаю, чего ради надо тащиться среди ночи продавать эту чепуху, — проворчал стражник.

— Продавать-то мы ее будем при дневном свете, — ответил глава торговцев. — Трудновато нынче наскрести на еду несколько мараведи, не говоря о питье.

— Истинно так, — согласился стражник.

Слуга, который вел лошадей под уздцы, заметил:

— Сеньор стражник, сейчас, по ночному времени, когда никого не ждут, на постоянных дворах плата меньше.

— Молчать, когда тебя не спрашивают! — грубо прорычал торговец.

— Прошу прощения, ваша милость, — дрожащим голосом ответил слуга, понимая, что влез не вовремя. Но пересилить привычку повелевать ему было трудно.

Страж сделал им знак рукой — мол, поезжайте, — буркнув вдогонку:

— Поучите своего невежу хорошим манерам.

Пройдя ровно столько, чтобы их уже не смогли бы услышать, старший из торговцев прошептал:

— Тысяча извинений, ваша светлость. Вовсе вы не были невежей, когда вмешались. Я просто испугался, что он откроет сундуки.

— А я боялся, — строго сказал Фердинанд, — что ты дашь ему взятку. А что до сундуков, так ему чересчур хотелось спать, и двойное дно он бы все равно не нащупал.

Чуть погодя принц все же признал:

— Нет, ты был прав, Франсиско. Мне надо было держать язык за зубами, даже если бы ты и сунул ему монету.

Они перешли на ровную рысь, не торопя лошадей. Кострец — не самая страшная из конских болезней; собственно, это и не болезнь. Это шишковидные наросты на местах старых-растяжений сухожилий — они проявляются в виде выступов на бабках у коня, отчего ноги становятся невероятно безобразными, а конь — непригодным для продажи, но все еще вполне работоспособным. Тем более что этих коней тщательно отбирали, всю дорогу хорошо кормили и не перетруждали.

— Если повезет, затемно доберемся до Осмы, — сказал Вальдес.

Ночь была холодной и ясной; звезды казались совсем близкими, и пронизывающий ветер дул через все Кастильское нагорье. В свете звезд местность казалась пустынной и дикой, лишь кое-где сверкали огоньки разбросанных в скалах крестьянских хуторов. Но кристально чистый воздух подбодрил Фердинанда, хоть и пробрал до костей; то была суровая неласковая земля, *tierra de cantos y santos*, земля камней и святых, которая всего дает испытать полной чашей.

То была родина Карденаса и Вальдеса. Вальдеса, которому Изабелла помогла бежать со службы при короле Энрике, — теперь он вел принца назад, в королевство Энрике, где король, вне сомнения, всегда найдет хороший предлог, чтобы упрятать его в башню, а то и чего похуже придумает. И родина Карденаса, которого принц переделал самим собой, — но лучше бы он этого не делал. Когда Карденас узнал, что ему придется возглавить ложный отряд кабальеро, он весело засмеялся и сказал, словно опасное переодевание лишь придавало пикантности приключению: «Я буду в каждом случае поступать так, как, с моей точки зрения, должны поступать вы, ваша светлость, но если на нас нападут,

то просто сбегу, и пусть гадают, что происходит!» Сам Фердинанд был практиком и аналитиком и потому никак не мог взять в толк, отчего люди так преданы Изабелле. Что заставляет ее сторонников столь горячо любить ее? Красота здесь ни при чем. Герцогиня Эболи невероятно красива, но он не особенно любил ее, хотя ему было приятно ее общество, когда он проезжал через итальянские владения своего отца... а потом эта шлюха забеременела и потащила за ним в Арагон. Ну ладно, с этим будет покончено. Когда он укрепится в Кастилии, этой земле святых и камней. Но, думал он, именно эта суровая земля породила не только Изабеллу, Вальдеса и Карденаса — она породила и короля Энрике, и старого пройдоху маркиза Виллену. Значит, дело не в земле. Терпение. Он сумеет укрепиться в Кастилии.

За полночь маленький отряд ослабил поводья, чтобы дать отдых коням. Некоторые кони хромали, их натруженные сухожилия болели от долгой, утомительной скачки.

Вдали высилась, заслоняя звезды, громада замка — черный, увенчанный башенками квадрат на фоне ночного неба. Ни в замке, ни в деревне, которая жалась к его подножию, не было видно ни единого огонька.

— Вот и Осма, — тихо произнес Вальдес, словно боялся, что ветер разнесет его слова окрест.

— Хозяин замка, граф Тревико, — ответил Фердинанд, — настроен дружелюбно к донье Изабелле, если верить гонцам Каррильо и Великого адмирала.

Кому-то он должен был верить. Отряд пустил коней шагом.

Фердинанд похлопал своего коня по шее:

— Бедная тварь, ты даже больной верно служишь

мне. Если все будет хорошо, я подарю тебя Тревино; если нет, обещаю, что сам застрелю тебя, но не дам никому перерезать тебе глотку.

Конь, который, вероятно, завидел замок и возымел надежду на отдых, встрепнулся и пошел немного быстрее, отмеряя последнюю милю своего мучительного пути. Вскоре они въехали на замковую мостовую.

Первым закричал Вальдес, а потом и Фердинанд присоединился к нему своим зычным голосом, который не раз поднимал его людей на битву; но с пустынных стен не послышалось ни единого отклика. Ночь по-прежнему была холодной и злой, Фердинанд устал и продрог. И чувствовал голод, так как с заката не позволял себе сделать отдых даже для того, чтобы перекусить.

Фердинанд нетерпеливо подбежал к главным воротам и стал колотить в них рукоятью меча. Над ним высились отвесные стены сторожевой башни с ее хитроумной системой навесных наблюдательных башенок, где должны были располагаться часовые.

— Вы, там, вставайте! Откройте и впустите меня! Я Фердинанд, принц Арагона!

Часовой, поднявшись со своего нагретого ложа в наблюдательной башенке, громко заворчал:

— А, так ты принц Фердинанд из Арагона? Ну, а я римский император собственной персоной, а вот тебе подарочек!

В воздухе что-то просвистело, и из дыры в наблюдательной башенке рухнул огромный камень, достаточный, чтобы убить троих. Камень едва не угодил в принца и грянулся на замковую мостовую, выбив искры из булыжников.

Фердинанд отскочил, выругавшись как истый ис-

панец, помянув при этом Бога-отца и перечислив все святцы в придачу. Слышал бы его в тот момент добрый падре де Кока, он бы предостерег Изабеллу: «Терпение не всегда присуще Фердинанду. Гнев его проявляет себя лишь в исключительных случаях».

Вальдес и его спутники тоже стали кричать, что Фердинанд не только принц Арагона, но и король Кастилии и неприлично принимать царствующего монарха таким образом. Во внутреннем дворе послышался лязг и тяжелые шаги, словно там собирались стражники.

Фердинанд засмеялся, быстро взяв себя в руки:

— Эти глупцы думают, что на них напали.

Прошло несколько минут. Слышно было, что на стенах засуетились люди, как натягивают тетиву арбалетов и брякают «собачками»; к навесам наблюдательных башенок подтаскивали камни. В то же время в главных воротах отворилась калитка, сквозь железную решетку польхнул факельный огонь и раздался голос:

— Пусть тот, кто называет себя принцем, выйдет вперед для опознания!

— Это арагонец, — сказал Фердинанд и уверенно подошел к калитке.

Человек, который стоял за калиткой на расстоянии удара кинжалом, вдруг изменился в лице.

— Кровь Христова, это действительно принц! А нам сказали, вы в Калаорре!

— Как видите, я здесь! — спокойно ответил Фердинанд.

Внутри началась суетливая беготня, по деревянным галереям бухали бегущие подошвы, потом послышался грохот железных болтов — пришел в действие тяжелый механизм, открывавший главные ворота.

— В Калаорре? — удивленно пробормотал Фердинанд. Определенно, его видели вблизи сильнейшего из замков Мендосы, которым владел сам епископ, титулованный глава могущественного семейства, преданного королю. Верный Карденас! Оставалось только надеяться на то, что ему удалось проехать беспрепятственно. Но про себя Фердинанд ругал подобную бесшабашность. Это была беззаветная рыцарская преданность высшего порядка; но Карденас действовал не совсем схоже с принцем Фердинандом. Можно было бы побравировать и перед каким-нибудь замком, что был поменьше логова Мендосы.

Огромные ворота широко распахнулись. Торговый отряд наконец укрылся за сильными стенами — впервые с того времени, как они покинули Сарагосу.

Вскоре к гостям вышел граф Тревино, рассыпаясь в извинениях. Его раширало от радости.

— Непростительная оплошность, ваша светлость!

— Ничего страшного, кузен.

Тревино покраснел от удовольствия при титуле, которого он удостоился. Кастильский король лишь к грандам обращался «мой кузен», мелкую знать именовали в лучшем случае *mi pariente*, «родич».

— Ваш часовой только исполнял свой долг, раз уж я в Калаорре.

— Мы правда не ожидали вашего высочества.

— Отряд принца проехал другим маршрутом, а я и мои «торговцы» избрали эту торную дорогу.

Тревино сердечно улыбнулся.

— Я думаю, Карденас сейчас тоже в безопасности. Король Энрике все еще на юге или, по крайней мере, должен там находиться. В наши дни трудно сказать точно, где кто. А в стране спокойно. Мой наблюдатель

говорит, что принял вас за банду — прошу извинения у вашего высочества — за банду грабителей!

— К счастью, один из ваших людей, по выговору житель арагонской границы, узнал меня.

— Надеюсь, ваша светлость не держит зла на этого человека за то, что он на службе у кастильца? — с беспокойством спросил Тревино. — Этот человек сказал, что у него разграбили хутор и теперь ему нечем кормить семью...

— Я никогда не стану никого корить за то, что и сам бы сделал на его месте. Когда буду уезжать, подарю ему флорин за добрую службу, которую он сослужил мне.

Франсиско де Вальдес не верил своим ушам; но при отъезде Фердинанд действительно подарил стражнику флорин. Ему не хотелось, чтобы в Кастилии говорили о том, что он скуп.

Король Энрике все еще был на юге, и хорошо, что у Тревино нашелся сильный отряд достойных рыцарей, чтобы сопровождать принца в Вальядолид.

Чистый, сытый, переодевшийся в новое платье, на жеребце, достойном принца, и совершенно выпавшийся за пять часов, Фердинанд выехал на рассвете, так что все его кабальеро приуныли, поскольку в отличие от принца не сумели за такое короткое время отдохнуть по-настоящему. Горшки, сковороды и больных кострецом коней принц оставил графу Тревино и пригласил его на свадьбу, рассыпаясь в благодарностях и называя графа кузенком.

В Вальядолиде, где Изабелла объявила о своем решении выйти замуж за принца, простой люд собрался на улицах. Когда король Энрике вздумал было протестовать, празднично разодетые горожане мило улыба-

лись принцу. Они объявили свой собственный праздник, и, как только отряд на великолепных скакунах медленно въехал на улицы города и кабальеро развернули свои цветастые геральдические знамена и штандарты Кастилии и Арагона, которые вились по ветру, стуча друг о друга древками, толпы стали стекаться, чтобы поглядеть одним глазком на короля-принца, которого полюбила их ненаглядная инфанта и которого им тоже хотелось полюбить.

Принц кивал и улыбался направо и налево, дружески помахивая рукой в светлой перчатке и искусно управляя скакуном. Он был разительно несхож с королем Энрике Бессильным. В ту ночь на воротах дворца короля Энрике появились непристойные картинки и словечки, намалеванные мелом, тогда как Фердинанду толпа безудержно распевала:

Flores de Aragon
Dentro in Castilla son!
Pendon de Aragon!
Pendon de Aragon!

(Цветы из Арагона
В Кастилье расцвели!
О, знамя Арагона!
О, знамя Арагона!)

Наверное, король Энрике багровел, слыша, что Фердинанда и его спутников называют цветами из Арагона. А маркиз Виллена пришел бы в ярость, слыша, как кастильцы славят штандарт Арагона, словно речь идет об их собственном штандарте. Фердинанд украл их сердца — и сердце Изабеллы — с расстояния в сотню лиг. Ужасный человек!

Не всем было весело. Несколько ярых сторонников короля покинули улицы и исчезли. На юг поскакали

гонцы. Король Энрике и маркиз Виллена понукали коней, торопясь домой, в свою соблазненную, обманутую столицу, оставив Медину Сидония и маркиза Кадиса продолжать губительную усобицу в Андалузии.

Еще не видя человека, за которого она собиралась замуж, Изабелла услышала веселый гомон толпы на улицах. Ее маленький двор собрался вокруг нее. Из Сеговии прискакала Беатрис; Карденас и его отряд на своих быстрых конях тоже успешно добрались домой. Мужчины препоясались мечами и надели украшенные самоцветами ордена. Дамы щеголяли в лучших шелках и бархате. Комнату ярко освещали свечи из чистого воска, в свете которых сверкали старинные драгоценности на головных кружевных покрывалах. Изабелла держалась царственно-прямо, ее медные волосы отливали золотом, расширившиеся от волнения глаза полыхали зеленым огнем. Ее спокойствие было лишь внешним.

— Люди радуются — добрый знак! — воскликнула Беатрис.

— Скажи, мой венец сидит прямо? — прошептала Изабелла. — Может, мне нарумяниться чуть побольше? По-моему, я бледна как привидение. Как я узнаю, кто из них принц?

— Карденас знает, — ответила Беатрис.

Изабелла тихо, нервно засмеялась.

— Как будет неловко, если я спутаю его с кем-нибудь!

«Она слишком бледна», — подумала Беатрис.

— Может, все-таки еще чуть-чуть румян?..

— Не надо, а то я буду выглядеть как королева Хуана, — ответила Изабелла, но все же подкрасилась.

— У нас еще куча времени, — успокаивающим то-

ном сказала Беатрис. — Он сначала поедет к архиепископу, встретится там со своим дедом.

Дед Фердинанда, Великий адмирал, вместе с архиепископом Каррильо собрали свои войска и набрались смелости вернуться в свои резиденции в Вальядолиде.

— Хочу, чтобы они поторопились, — ответила Изабелла, но тут же одернула себя: — Нет, это просто причуда. — И наругалась еще ярче.

— Моя принцесса, ты прекраснее ангела! — радостно выпалила Беатрис с таким искренним восхищением, что Изабелла в ответ обняла ее.

— Надеюсь, Каррильо получил вести из Рима, — тревожно сказала она. — Он, кажется, что-то предпринял насчет нашего дела.

Беатрис снова принялась успокаивать ее:

— Конечно, разрешение скоро придет. Возможно, он хочет удивить тебя.

— В последний момент? Это некрасиво и на него непохоже.

— Он ведь всегда так занят со своими солдатами.

Изабелла с сомнением кивнула:

— Конечно, это так, и важнее этого нет ничего. Но из-за этого разрешения на брак мне снятся кошмары, Беатрис. Его святейшество папа не благоволил моему брату; значит, и мне нечего надеяться на его благоволение.

— Архиепископ все уладит.

Но Беатрис напрасно старалась придать уверенность своему голосу. Ее муж, все еще стойко преданный королю Энрике, считал, что папа разрешения не даст.

— Я боюсь, что второпях скажу что-нибудь неприличное.

— Фердинанд будет в восторге, если ты выдашь что-нибудь этакое, — рассмеялась Беатрис.

— Как не стыдно! Нельзя, чтобы он такое услышал!

Снаружи грянул новый взрыв веселья и послышалось цоканье множества копыт по мостовой. По частым оконным переплетам заплясали отблески факелов.

— Должно быть, он тебя услышал, — озорно шепнула Беатрис. — Во всяком случае, он здесь.

Дверь отворилась. Вошли Каррильо и Великий адмирал в сопровождении арагонских рыцарей, уже переодевшихся в придворное платье, которое шло им больше, чем истрепанная одежда торговцев, — они сменили ее, более не таясь. Все улыбались, глаза Великого адмирала увлажнились от избытка чувств, и Изабелле казалось, что у Каррильо никогда не было такого довольного вида. Возможно, из Рима пришел ответ; наверное, он собирался удивить ее. Он явно что-то задумал.

Но она никак не могла распознать, кто из этих богато одетых, красивых молодых людей — Фердинанд. Один из них был как будто знаком ей. Она нерешительно улыбнулась ему.

— Нет, нет, ваша светлость, — шепотом подсказал ей Каррильо. — Это Франсиско де Вальдес.

Теперь Изабелла вспомнила его. Ну конечно! Фазаний остров, паж, которого она прятала у себя в палатке, нет, даже почти в своей кровати. Глубокая краска, залившая ее лицо при этом воспоминании, не укрылась от глаз окружающих. Все арагонцы глядели на нее с восхищением, в том числе и Фердинанд, который пробормотал про себя:

— Пресвятая Мария! Они не преувеличивали, когда говорили, что она прекрасна.

Карденас тоже подсказывал, тихо и быстро шепча:
— Ese es! Ese es! Тот красавец с высоким лбом!

Слова «ese es, ese es» — «вон он, вон он» — он не то прошептал, не то прошипел, так что вышло, будто он очень быстро произнес вместе буквы SS.

Изабелла пробормотала спасибо, решив позднее наградить его. Он помог ей справиться со щекотливой стороной дела и тем избавил ее от шуточек на этот счет. Вскоре на щите Гутьерре Карденаса появился новый знак — эмблема с двумя буквами SS, которые передавались по наследству его потомкам, поскольку Карденас своим шепотом помог объединению Испании. Изабелла припомнила подобный случай, когда упавшая подвязка дамы стала знаком отличия в Англии*.

Фердинанд в сопровождении своего деда, который был до смешного низкорослым, и архиепископа Карильо, возвышавшегося над принцем на целую голову, с уверенной улыбкой подошел к ней.

Мгновение они медлили, глядя друг на друга, в то время как оба великих государственных мужа кратко представили их друг другу.

— Я бы не обиделась, если бы вы приняли за меня одну из моих дам, — проговорила Изабелла, немного смущаясь собственной неловкости.

Фердинанд поцеловал ее руку; его рука была твердой и крепкой, а губы приятно теплыми.

— Ваша светлость, — сказал он, — мне говорили, что меня представят самой прекрасной женщине в Кастилии. Это вы, Изабелла. Но если бы сказали «самой прекрасной в мире», они и тогда бы не ошиблись.

Ну, подумал Великий адмирал, дела идут неплохо. Он хорошо знал своего внука: Фердинанд был просто

околдован. Каррильо сиял, Изабелла светилась от счастья.

По знаку адмирала и архиепископа придворные и слуги исчезли. В первые полчаса после знакомства молодым людям нужно было много всего обсудить. Ни Изабелла, ни Фердинанд не имели возражений, но обоим казалось, что старшие поспешили с вопросами.

— Юность, — провозгласил адмирал, — не осознает, что старые враги собираются втиснуть в один час все хитроумные ловушки, которые готовились ими целый год, о котором юность не помнит.

— Я должен немедленно обвенчать вас, — без обиняков заявил Каррильо.

— Что? — мягко переспросила Изабелла, запутавшись в паутине восторженных слов Фердинанда.

Фердинанд рассмеялся.

— Дайте хоть преподнести моей невесте то, что я тайком провез через границу. В сундуках с горшками и сковородами было двойное дно.

Это прозвучало несколько грубо, вместе с шуткой о тайном вывозе драгоценностей через границу, словно он даже собирался назвать цену подарков, которые привез Изабелле. Адмирала это весьма удивило: ведь король Хуан отказывал себе во всем ради сына.

Среди подарков оказался венец с изумрудами и алмазами — зелень изумрудов, по словам Фердинанда, должна подойти к золотому блеску волос, соперничать с которым мог лишь блеск алмазов ценой в двадцать тысяч флоринов. Великолепное ожерелье, подобно кружеву, плетенное из мелких рубинов, восточной работы, из Бадахшана, местности неподалеку от Самарканда, откуда только и вывозили эти рубины, ценой в сорок тысяч флоринов. Он ловко и осторожно обвил

ожерельем ее шею и защелкнул застежку. Изабелла за-таила дыхание, дотронувшись рукой до шеи: ни один мужчина никогда ничего не *надевал* на нее. Она прерывисто вздохнула, потому что наконец-то... наконец...

Содержимое сундуков этим не исчерпывалось: сапфировая брошь — он собирался и брошь приколоть ей на грудь? Слава Богу, не стал.. — ценою в две тысячи флоринов; бриллиантовое кольцо его матери, цену которого он не назвал бы и стражнику на границе, если оно вообще имело цену, ибо ценой его была сама любовь.

Вдруг адмирал кое-что вспомнил. Все эти сокровища были заложены банкирам Валенсии; король Хуан хранил их там на тот случай, если придется оплачивать войска, сражающиеся против неугомонных каталонцев. Чего стоило отважному старому королю вытащить драгоценности обратно из банкирских шкафов, каких обещаний, посулов и угроз — старый адмирал мог только догадываться. Но, как видно, в случае с папским разрешением король Хуан пошел еще дальше. «Никогда, — думал адмирал, — ни один король не был предан настолько собственному сыну! Дай Бог, чтобы он оказался достоин своего отца».

Он оказался достоин. Под двойным дном сундуков хранилось еще одно сокровище, плод упрямой бережливости Фердинанда и безжалостной системы налогов: восемь тысяч флоринов в полновесных необрезанных монетах чистого чеканного золота. Он сказал, что сам проверял каждую монету. И выложил перед ней тяжелые бархатные мешочки с золотом.

Изабелла знала цену деньгам и восхищалась драго-

ценностями, как и всяким прекрасным произведением искусства, но искренне сказала, глядя на него:

— Превыше любых подарков ценю я того, кто одаривает.

И все же был еще один подарок. Фердинанд снял с груди маленький железный крест, блестящий и потертый от времени, без каких-либо украшений, немного погнутый, сработанный грубо и топорно. Крест висел на тоненькой золотой цепочке, сравнительно новой и дешевой. По словам Фердинанда, его выковали из гвоздя Распятия. Много веков крест хранился в церкви Аия София в Константинополе, а когда эта церковь вместе с могущественной Восточной империей попала в руки турок-завоевателей, турецкий султан отослал крест отцу Фердинанда, королю Хуану Арагонскому. Теперь он принадлежал Изабелле.

Адмирал даже перекрестился. Конечно, это все пресловутая внешняя политика Мухаммеда Завоевателя* — преподносить подобные дары христианским королям Европы, поскольку для мусульман они ничего не значили, а на христианском Западе их баснословно ценили.

А после падения Константинополя по Европе разошлось множество поддельных реликвий. Но дар от самого турецкого султана должен был считаться подлинным, по крайней мере, в глазах христианской церкви.

Изабелла почтительно надела крест.

— Когда я буду при смерти, — прошептала она, — я прикажу выстроить собор для этой святой вещицы, а пока я живу, она будет хранить мою любовь.

ГЛАВА 12

Когда Фердинанд наконец преподнес своей невесте все дары, архиепископ Каррильо повторил:

— Я должен немедленно обвенчать вас. Я приготовил все, чтобы провести церемонию сегодня ночью.

Изабелла слегка нахмурилась:

— Почему именно сегодня ночью, ваше высокопреосвященство? Отчего такая спешка, неподобающая вам и недостойная меня?

Каррильо был человеком действия, словно жил в первые века рыцарства. Невеста, сказал он, должна по закону оставить все достойные мысли до брачной ночи. Это грубое замечание заставило Изабеллу нахмуриться еще сильнее. Каррильо ненавидел проволочки и рвался к цели, если даже не было никакой срочности, оправдывавшей его рвение. Однако срочность сейчас была нужна. Он поведал Изабелле тревожные новости, доставленные его гонцами: король Энрике и маркиз Виллена ускоренным маршем идут к столице со всеми войсками, какие им удалось собрать на юге. Они поклялись силой оружия не допустить этого брака.

— Но ведь раньше он клялся, что я свободна в выборе мужа! — вскричала Изабелла.

— Энрике — лжец, — ответил Каррильо.

— Наш король, как флюгер, поворачивается туда, откуда ветер дует, — прибавил адмирал. — Он всегда поступает так, как ему хочется. Если он вернется до того, как вы с Фердинандом обвенчаетесь, уж он сумеет навсегда разлучить вас. Но если вы тотчас поженитесь, он ничего не сможет поделать и даже будет вести себя вполне дружелюбно.

Изабелла жалобно взглянула на Фердинанда:

— Я так хотела, чтобы все прошло достойно и с пышностью.

Фердинанд улыбнулся.

— Поскольку ветер, кажется, надул нам спешку, — сказал он, — ну что ж, пусть будет так! Обвенчайте нас нынче ночью, ваше высокопреосвященство, коли принцесса хочет выйти за меня; этот ветер, который никому не сулит добра, только подгоняет мое счастье.

— Я хочу выйти за вас, *mi sesog*, — с нежностью ответила Изабелла. Ее слова могли означать как «мой господин», так и «мой муж». — Раз уж архиепископ получил благосклонный ответ из Рима, и раз мы можем подождать, по крайней мере, до утра. Я не хочу, чтобы потом говорили, что Изабелла Кастильская прыгнула в брачную постель, точно цыганка, в спешке, даже не помолившись!

Фердинанд впервые увидел сполохи зеленого огня в ее глазах и впервые почувствовал под ее хрупкой женской внешностью характер, крепкий, точно гранитные скалы ее родной Кастилии.

На лице Каррильо снова появилось довольное выражение.

— Ответ из Рима, — пробормотал он. — Ну да, разрешение. Мое собственное обращение в папскую канцелярию пока не принесло плодов — без сомнения, из-за болезни папы и, возможно, из-за непонимания деятельности вашего покойного брата. Я даже стал подумывать о том, не взять ли мне ответственность на себя, поскольку я облечен властью примаса — в начале церковной истории имеются подобные примеры. К сожалению, в последнее время все ужесточилось. Но, по счастью, мне не придется отстаивать свои древние привилегии, которые я все еще имею благодаря своему

положению. Король Хуан Арагонский, обладая чудесным даром предвидения, получил разрешение много лет назад, еще при папе Пие II.

— Оно здесь, у меня, — горделиво добавил адмирал. — Хотите взглянуть?

Изабелла взглянула на серьезные и непоколебимо спокойные лица своих покровителей и на красивое лицо того, кого она уже узнала и успела полюбить и за кого она собиралась выйти замуж. Единственными известными ей латинскими словами были слова ее обычных молитв.

— *Benedicta tu in mulieribus*, — прошептала она. — «Благословенна ты в женах...»*

Все чудесным образом устраивалось. Она не стала ни спрашивать, ни смотреть на разрешение — она все равно не смогла бы прочесть его.

— Мой последний гонец, — предостерег Каррильо, — сообщил, что король совсем близко. Я бы чувствовал себя спокойнее, если сегодня ночью... — в конце концов, что мы теряем из-за нескольких часов...

— Завтра, — твердо произнесла Изабелла.

— Ну ладно. — Каррильо пожал плечами. — Но это будет никому не нужный риск, жизнью клянусь. Не понимаю, к чему это?

— Господин мой архиепископ, — Изабелла улыбнулась с явной иронией, — возможно, это потому, что вам не выпало счастье родиться женщиной.

— Мне тоже, — вставил Фердинанд, что было совершенно справедливо с его стороны.

Всю ночь большой кафедральный собор Вальядолида, еще не отстроенный до конца, звенел от молотков рабочих, натягивавших бархат, вешавших знамена и гобелены. Они закрывали голую каменную кладку в

тех местах, где стены собора еще не были покрыты росписью. Изабелла слышала — или ей казалось, что она слышит — долетавшие до нее звуки; она лежала в постели без сна, не переставая с удивлением думать о том, что завтра эту постель разделит вместе с ней ее муж. С другой стороны, что в этом странного, когда сама Праматерь Ева легла с Адамом в Райском саду? К сожалению, понять такие вещи дано лишь замужним дамам, а она все еще девушка. Тут ей пришло в голову, что она еще слишком молода и слишком мало пожила на свете. Через несколько лет замужество, без сомнения, будет казаться ей чем-то совершенно естественным. Тогда у нее уже будут и дети, и она постарается быть им хорошей матерью. Однажды она станет королевой — и постарается быть мудрой. Говорят, мужья часто устраивают женам проверки: что ж, она постарается быть хорошей женой. Иногда мужья отправляются на войну, и храбрых — вроде Фердинанда, — случается, даже убивают. Она представила себя вдовой в темной келье, как ее мать, а над кельей — проносящиеся годы печали и одиночества. Отчего именно сегодня ее посетили эти черные мысли? Падре де Кока говорил, что ее жених очень сдержан. «Святой Боже, — молилась она, — укрепи терпение в нем, дабы он искуснее замышлял свои битвы, и храни жизнь его, когда он отправится на войну».

Возможно, глубокая тишина ночи навевала ей печаль. Свежий ветер, дуновение которого приносило неясные звуки, теперь, как ни странно, совершенно стих. Без ветра стало теплее, почти душно, хотя в спальне, как обычно, едва ли не пар шел изо рта. Она как замороженная прислушивалась к рычанию бездомных собак на улицах Вальядолида, медленным шагам и

протяжным крикам часовых и, конечно, стуку молотков в соборе, гулкому и приглушенному расстоянием, словно доносящемуся из-под земли. Каждый час она слышала церковные колокола, которые били громче обычного и как-то чаще, словно подгоняя часы и торопя само время.

К утру она наконец забылась тяжелым сном.

Во сне она была королевой, а Фердинанд гнал с испанских земель мавританских нехристей, гнал их обратно в Африку; колокола трезвонили и люди смеялись, когда он возвращался с войны с победой, а их сыновья и дочери соединяли свои голоса в молитве *Te Deum**, раздававшейся во всех соборах Испании, великой, счастливой, обновленной Испании, восстановленной в своем древнем величии*.

Беатрис смотрела, как Изабелла улыбается во сне, и медлила. Но надо было скорее будить невесту. Беатрис тихонько потрясла ее за плечо. Сон мигом слетел с Изабеллы, но колокола и ликующие крики людей на улицах никуда не исчезли. Они звучали наяву.

Изабелла села в постели, совершенно проснувшись.

— Что это, Беатрис?

Беатрис звонко рассмеялась, блестя глазами от возбуждения.

— День твоей свадьбы, моя принцесса, что же еще?!

— Нет, нет, я говорю о колоколах, о ликовании.

— Это все для тебя.

— Но разве уже пора?

Лицо Беатрис стало серьезным.

— Архиепископ получил еще два известия за сегодня.

няшнюю ночь. Он страшно взволнован. Король Энрике вот-вот появится в городе. Вставай, вставай, Изабелла! Фердинанд внизу ходит взад-вперед, архиепископ уже надел мантию. Гости уже съехались, и в часовне, наверное, уже зажгли свечи.

— *В часовне? В какой еще часовне?*

— Добираться до собора нет времени. Архиепископ хочет проводить церемонию в резиденции Хуана де Виверо. Пожалуйста, поторопись!

С достоинством и пышностью! Конечно, резиденция Хуана де Виверо — большая и представительная, но ведь это не собор!

— Зато это очень близко! — сказала Беатрис.

— А что говорит Фердинанд?

— Принц Фердинанд устроил все лично.

Изабелла быстро приняла решение. Она прекрасно осознавала угрозу столь внезапного возвращения короля; нынешнее ненадежное положение дел легко могло кончиться кровопролитием — в том числе и кровью Фердинанда.

— Беги к Каррильо и скажи ему, что я через двадцать минут буду в часовне Виверо. И еще скажи ему — и убедись, что он тебя слышал, — что раз он произнесет слова союза, отменить которые не в силах никто в этом мире, то я хочу, чтобы в кафедральном соборе отслужили мессу по случаю свадьбы.

— Скажу! — крикнула Беатрис, выскакивая за дверь.

— Беатрис, еще одно! — крикнула ей вслед Изабелла. — Не надо этих дурацких белых мулов! Коня!

Беатрис мешкала, насмешливо улыбаясь.

— Дамское седло, ваша светлость? С обычным будет быстрее.

— Ох, Беатрис, не будь душой. Конечно, дамское седло!

И горожане, которые с рождения привыкли к тому, что инфанты ездят венчаться на медлительных мулах, были поражены новым зрелищем, ошеломляющим и прекрасным: они узрели свою принцессу в сверкающих драгоценностях и старинных кружевах на гордо гарцующем скакуне, который вез ее на самую громкую свадьбу за все столетие. Простолюдины, которые всегда обо всем осведомлены лучше государственных мужей, знали, как близко находится король Энрике и как он рассержен. Их Изабелла бросила ему вызов! И они любили ее всем своим сердцем. Некоторые из их простодушных грубоватых замечаний заставляли краснеть даже Беатрис. Но Изабелла, казалось, не слышала их; лицо ее было бледно и серьезно.

В маленькой часовне было тесно от гостей и жарко от сотен горящих свечей — Виверо расстарался и устроил иллюминацию, а две тысячи человек знатных гостей со своими женами непременно желали протиснуться внутрь. Каррильо уже стоял у алтаря с книгой в руке, и глаза его были устремлены на дверь.

Изабелла оперлась на руку Великого адмирала, гранда высшего ранга, который ощущал себя несколько неловко, поскольку, с одной стороны, приходился родным дедом жениху, а с другой — играл роль посаженного отца невесты, кровный отец которой лежал в могиле, а разум матери также покинул этот мир. Он давал ответы за нее, пока Каррильо, который в спешке полувнятно выговаривал слова, не спросил:

— Изабелла, возьмешь ли ты этого человека...

Уверенным тихим голосом Изабелла сказала о своем согласии.

У нее на пальце заблестело кольцо. Опустившись на колени рядом с Фердинандом, в то время как ее рука покоилась в его руке, она слышала, как архиепископ произносит над ними священные слова, которые сам Христос не в силах отменить.

Нотка торжества прозвучала в голосе Каррильо. Ну, теперь эта упрямая девчонка, для которой долг превышает всего, получит свою мессу в кафедральном соборе, поскольку король Энрике, маркиз Виллена и войска так и не появились в городе.

В действительности, чем больше архиепископ думал об этом, тем больше ему это нравилось, поскольку нет греха в том, чтобы венчать людей многократно, если это одни и те же муж и жена, зато все разочарованные гости, не попавшие в часовенку Виверо, будут удовлетворены. Он решил, что повторит всю церемонию от начала до конца, со всей помпой и именно так, как было задумано с самого начала, до того, как прискакали два гонца с тревожными новостями.

Фердинанд не возражал; ему было известно пристрастие кастильцев к красивым священнодействиям. Да и его положение в Кастилии упрочится, если повторить церемонию при еще большем скоплении народа. Изабелла была вне себя от радости: она улыбалась при мысли о том, что выйдет за него замуж дважды. Зато праздничная месса, к которой она стремилась всем сердцем, будет устроена с достоинством и пышностью.

Когда Изабелла и Фердинанд вышли из дворца Виверо среди смеха, радости, поздравлений и счастливых слез, для них уже был готов великолепный эскорт, чтобы проводить молодых к собору: белые мулы с посеребренными удилами для жениха и невесты, белые кони с дамскими седлами для дам Изабеллы. Кабалье-

ро Фердинанда высились на горячих жеребцах, разубранных красными и желтыми лентами, цветами Арагона. Вместе с ними огромная кавалькада гостей, которые поняли, что сейчас станут свидетелями второй церемонии, горделивым шагом двигалась к величественной гранитной громаде собора. По мере приближения Фердинанд с интересом оглядывал собор, где из-под решетки лесов было заметно, сколь массивны блоки каменной кладки. Фердинанда снова поразила грозная сила этой земли камней и святых: кастильцы воздвигли этот могучий собор по образу и подобию своих незабываемых гор.

Почти у самого собора налетел ветер, которого почему-то не было среди ночи, ветер холодный и сильный, полный предгрозовой ярости. Сверкающее солнце спряталось за внезапно набежавшую огромную тучу с причудливо-рваным краем, с бахромой мелких облачков, обычно предвещавших бурю. Город, только что залитый светом, погрузился почти в ночную мглу.

— Это значит, что в Арагоне ветрено, — сказал Фердинанд.

— Это значит, что ветрено здесь, — улыбнулась Изабелла. — Между нами не так мало общего.

— Мы — одно, *mi senora*, — сказал Фердинанд, и на этот раз «*senora*» явно означало «жена».

Процессия ускорила шаг. Но даже это не спасло некоторых дам, которые ехали в хвосте, — их чудесные накрахмаленные кружева намокли, а знамена в руках кабальеро поникли под ливнем, который обрушился на город, прежде чем все успели войти в собор.

Внутри запах фимиама, пламя свечей, гул органа и стройное пение хора преградили путь тьме и шуму бури, неистовствовавшей над недостроенными башнями и

церковными колоколами. Страшный порыв ветра раскачал один из колоколов, который грянул посреди молитвы, заставив Каррильо за чтением святой книги вполголоса помянуть дьявола. Но Изабелла сочла это добрым знаком: колоколам словно не терпелось начать звонить. А Фердинанд просто решил, что это забавы бури — да так оно и было на самом деле.

Красивая величественная служба была продолжительной и торжественной. Архиепископ про себя думал, что он никогда не был в таком ударе.

Изабелла и Фердинанд, преклонив колени перед высоким алтарем, вновь слушали священные слова союза, произносимые над ними. Голоса певчих взмыли под купол собора, когда Изабелла почувствовала дрожь, словно чудовищный молот в исполинской руке ударил по полу прямо под ее коленями.

Позже одни говорили, что это был ужасный порыв ветра, другие утверждали, что это был удар землетрясения. Что бы то ни было, некая сила потрясла крепкие стены собора до самого основания, и замковый камень одной из арок северного трансепта* выпал из кладки, грянулся вниз и убил одного из зрителей свадебной церемонии. Убитый был человек знатный, из грандов третьего ранга, который мог обращаться к королю Кастилии лишь с его разрешения и лишь с его разрешения мог покрывать голову, в отличие от грандов первого и второго ранга, для которых был предписан иной этикет. Но все же это был преданный сторонник Изабеллы, и вот его убило. В некоторых зрителей попали разлетевшиеся осколки камня, других забрызгало мокрой штукатуркой.

Утихли стоны, мертвое тело подобающим образом убрали, дыру в кладке затянули гобеленом, и служба

продолжалась. Фердинанд, стоявший с невозмутимым видом, заметил, что даже пострадавшие преодолевают боль, пряча раны и синяки, но все же не уходят: до чего же горды и упрямы эти кастильцы.

Несчастный случай омрачил последние минуты брачной церемонии для Изабеллы, но она осталась стоять коленапреклоненной перед архиепископом. Но она и не старалась удержать слезы, катившиеся по ее щекам. Она всей душой желала, чтобы церемония наконец закончилась.

А служба все не кончалась: Каррильо никак не мог исчерпать запас благословений. Снаружи вдруг послышался шум — вначале небольшой, потом оглушительный, словно приближающийся ураган. Некоторые из зрителей заволновались, думая, что до них доносится грохот еще более ужасного обвала. Люди со страхом оборачивались.

В надвигающемся шуме послышался цокот кованых копыт боевых коней по мостовой. Все с облегчением рассмеялись. Это было вовсе не стихийное бедствие. Это были всего-навсего король Энрике Бессильный, маркиз Виллена и их войско — они возвращались с юга, но слишком опоздали к празднику.

Промокшие и грязные, король с маркизом ввалились в собор, оставляя на полу мокрые следы, и остановились на полпути посреди центрального нефа*, смущенные и растерянные.

Изабелла произнесла тихо, но уверенно, так что ее было слышно в самом дальнем углу собора:

— Пойдемте, *mi secor*.

Опершись на руку Фердинанда, она покинула алтарную часть собора и твердой походкой пошла навстречу королю. Две тысячи кастильских грандов сразу

отметили и одобрили, что Фердинанд держится с большим достоинством, неожиданным в столь сложных обстоятельствах.

Остановившись в нескольких шагах от Энрике, Изабелла присела и сказала:

— Ваше высочество, позвольте представить вам моего мужа.

Фердинанд едва поклонился, соблюдая этикет, как один король кланяется другому. Энрике в ответ наклонил голову и беспомощно глянул на маркиза Виллену, ища поддержки.

— Его высочеству очень приятно... — смущенно начал Виллена.

— Очень приятно, — как эхо повторил Энрике.

— ...и мне, конечно, тоже.

— Мне тоже, — усмехнулся Фердинанд. Уж он-то говорил правду.

Силы пришли в равновесие, чаши тяжелых весов встали на одну линию, половина королевства лежала на одной из них, половина на другой. Ни одна из сторон не могла теперь напасть на другую, не опрокинув этих весов. Изабелла чувствовала уныние и страшную усталость во всем теле, на щеках ее все еще блестели слезы; по лицу Фердинанда можно было сказать, что он как будто понял положение дел и наслаждается этим.

В перезвоне колоколов, разносившемся над кафедральным собором, уже не слышалось радости.

В тот вечер они уехали недалеко, в Дуэнас, укрепленный город, принадлежавший брату архиепископа Каррильо. Ибо хотя ничто не могло сейчас поколебать

равновесия сил в Кастилии, всегда можно было ожидать неприятных сюрпризов — кинжала убийцы, отравленного вина или рыбы.

Всю неделю стояла ясная погода, ночи были прекрасны, Дуэнас был безопасен, и Фердинанд шептал слова, слышные лишь двоим:

— Изабелла, молишься ли ты, чтобы наш первенец был мальчиком?

— Если ты сам молишься об этом.

— Конечно, молюсь.

— Тогда я тоже.

— С точки зрения политики, принц гораздо предпочтительнее принцессы, — подчеркнул он.

— Я знаю, Фердинанд.

Она знала это и соглашалась. Объединяющее начало, заложенное в отпрыске мужского пола, который унаследует короны Кастилии и Арагона, будет иметь большой вес в Европе.

Но впервые в жизни она была совершенно счастлива, и далекие королевства с канцеляриями, полными седовласых политиков, казались ей чем-то нереальным и незначительным. Изабелла влюбилась по уши.

ГЛАВА 13

Идиллия Дуэнаса длилась недолго, как и прочие идиллии — иначе их не называли бы сказкой. Изабелла вспомнила слова из старой-престарой легенды: если хоть раз в жизни звезды сияли ярко, эта прекрасная ночь навсегда останется в памяти на всю жизнь, пока на смену ей не придет другая чудесная ночь. Но ночь, в которую они вновь засияют, будет принадлежать дру-

гим поколениям. Таков был медовый месяц ее и Фердинанда, небольшой отрезок жизни, который никогда не повторится вновь, ибо времени положено идти вперед, Земле — вертеться, а сказкам — заканчиваться.

Стенам Дуэнаса не было дано противостоять волнам истории, которые вскоре вновь поднялись и хлынули через них.

С первой зимой ее замужества по всей Кастилии, от Пиренеев до Андалузии, настали тяжкие времена. Во многих местах урожай был беден, а кое-где его и вовсе не было. В стране с более прочным порядком, с сильной и мудрой властью связи внутри страны также стали бы прочнее; но знать отказывалась восстанавливать дороги, и крестьяне боялись путешествовать из страха перед разбойничьими шайками, которые, казалось, множились каждый месяц, поскольку никто не заботился об их истреблении. Перевозки, и без того медленные и примитивные, совсем захирели. Да и перевозить было нечего. Как же туго приходилось крестьянину с его древней независимостью, которой он вынужден был поступаться, пряча ее ради собственной выгоды. Даже в относительном уединении Дуэнаса Изабелла и Фердинанд слышали печальные донесения, но были бессильны помочь.

— Кастилии не повредили бы уголовные законы, — как-то сказал Фердинанд.

Его томило бездействие. В делах Кастилии ему некуда было руки приложить.

— У нас десятки законов, — ответила Изабелла. — Некоторые из них, изданные против разбойников, просто варварские. Но пока Энрике правит, он не примет от нас с тобой ни единого совета.

— Он даже не приветствовал меня, — мрачно буркнул Фердинанд.

— Да и меня тоже.

Король Энрике ни разу не прислал ей весточки после их встречи в соборе Вальядолида, хотя она множество раз писала ему. Письма ее всегда были выдержаны в почтительном тоне, но она неизменно подчеркивала, что вышла замуж за Фердинанда лишь потому, что ей был обещан свободный выбор, даже не единожды, а дважды, и притом прилюдно.

— Может быть, тебе стоит быть чуточку дипломатичнее, — предположил Фердинанд, просматривая одно из последних ее писем. — Это послание несколько холоднее прежних.

— Если я ослабею, значит, я ослаблю и тебя, — ответила она.

За это он поцеловал ее.

— погоди же, Фердинанд. Кто-то пришел.

— Ну и что? — улыбнулся он. — Разве в Кастилии мужьям запрещено целовать своих жен?

— Я просто не хочу, чтобы ты делал это на людях.

— А я и не делаю этого на людях.

— Это произойдет, как только ты откроешь дверь.

Он задумчиво кивнул:

— Иногда ты меня пугаешь, Изабелла. Твоя речь — правдивая речь государственного мужа, а я при этом чувствую себя едва ли не школьником.

Он говорил так сурово, что Изабелла испугалась — неужели она обидела его? Она сжала его руку:

— Никогда не открывай дверей, милый. Пусть они всегда остаются закрытыми для всего мира.

— Ну, так иди сюда, мой маленький политик! — рассмеялся он.

Человек у дверей оказался дерзким герольдом короля Энрике. Нижайше поклонившись, он сообщил, что принес устное сообщение от короля, который, возможно, не стал утруждать себя написанием обычного письма, а возможно, был расчетливо неучтив, поскольку ее послания требовали письменного ответа. Его королевское высочество крайне раздосадован, сказал гонец, стараясь придать голосу надлежащую окраску, а лицу — выражение презрительной усмешки, отчего Изабелла залилась гневным румянцем, а на скулах Фердинанда заиграли желваки. Его королевское высочество обвиняет Изабеллу в прискорбном состоянии королевства, его королевское высочество сожалеет о необходимости отобрать у нее доходы с городов Авила, Буэте и Медина дель Кампо, Молина, Ольмедо, Убеда и Эскалона. А также, возгласил герольд, она не должна обращаться к королю в случае стесненности в средствах.

Изабелла готова была уже дать резкий ответ — Фердинанд видел, как у нее шевелились губы. Он быстро и спокойно заговорил вместо нее: она остается верной подданной короля, сказал он, но их брак, разрешенный обещанием, надлежащим образом скрепленный и совершенный — Изабелла покраснела еще пуще, — никогда не был предметом спора как в отношении Изабеллы, так и в отношении его самого. Потом Фердинанд дал герольду золотой флорин.

Когда нарушитель спокойствия удалился, Изабелла сказала:

— Надо ли было упоминать о *совершении брака*, милый?

— Дорогая, — улыбнулся Фердинанд, — об этом вскоре узнает целый мир. Почему бы не сообщить Энрике чего-нибудь, что лишит его сна по ночам и при-

даст еще больше горечи его кофе? *Он-то* ничего никогда не совершал! — Это было сказано по-отечески важно, немного свысока, но вполне справедливо, в обычной манере Фердинанда. — А для Кастилии и Арагона было бы очень хорошо иметь принца.

— Только Господь может обещать тебе принца, Фердинанд. Я же могу лишь обещать тебе ребенка.

Памятуя о герцогине Эболи, Фердинанд уверенно ответил:

— Ну-ну, я-то знаю, что это будет принц.

— Это не знает никто.

Фердинанд открыл было рот, чтобы сказать «Я знаю», но тут же передумал.

— Что, если тебя ждет горькое разочарование? — спросила она.

— Значит, попробуем в другой раз, — ответил он.

Непонятным образом получилось так, что бедствия в стране пошли им на пользу, и Фердинанд первым заметил это. Не слишком-то достойно радоваться бедствиям страны, но Фердинанд приходил в восторг.

— Энрике проклинают за голод и чуму.

— И чуму? Где?

— Да разве бывает голод без чумы? Мне сказали, в Сеговии.

— Но бедняга Энрике не может помочь этой беде.

— Бедняга Энрике получает по заслугам — он и еврей. Мы должны благодарить за это Господа. Чем больше люди ненавидят его, тем больше они любят тебя.

— И тебя, хотя нехорошо все это.

— Если люди и любят меня, то это лишь излишки той любви, которой они награждают тебя, — сказал он.

— У тебя не уста, а настоящий мед. Смотри, я пере-

стану верить тебе во время отлучек, — Изабелла улыбнулась, но голова ее была занята Беатрис. — Если в Сеговии чума, надо, чтобы Беатрис переехала из Сеговии. Я сейчас же напишу ей.

Фердинанд сурово взглянул на нее:

— Будет ли это разумно? Подумай о заразе. О принце!

Она колебалась. Фердинанд подумал обо всем. Но ей хотелось тоже стать частью его мыслей, хотя маленький принц или принцесса были важны с точки зрения политики.

Фердинанд уверенно рассуждал:

— Беатрис в безопасности в алькасае. Ее муж — еврей, а *они*, кажется, никогда не болеют чумой.

— Ты, конечно, не веришь бабьим сказкам насчет того, что евреи отравляют колодцы. Кроме того, он не еврей.

— Иногда в мире творятся необычные вещи. Между общественными колодцами и вспышками чумы прослеживается явная связь. Мои инквизиторы весьма тщательно исследовали это в Сарагосе.

Изабелла вздохнула:

— Боюсь, в действительности этого не знает никто.

Но в алькасае Сеговии есть собственный колодец. Правда, вода из него горчит, зато он отдельный. Беатрис, вне сомнения, будет в безопасности. В конце концов она решила все же не приглашать Беатрис в Дуэнас. Кроме того, нельзя ведь было приглашать Беатрис, не пригласив ее мужа, Андреса де Кабреру, который отказался покинуть свой пост даже в ответ на приглашение на ее свадьбу. И кто знает, может быть, завтра чума начнется в самом Дуэнасе?

— Непохоже, — возразил Фердинанд. — В этом го-

роде, где сеньор — брат архиепископа Каррильо, евреев не так много. А в Сеговии они просто кишмя кишат.

— А разве их мало в Арагоне? — в голосе Изабеллы прозвучала нотка упрямства.

— Не хочу ссориться с тобой, *mi sesora*, — откликнулся Фердинанд, — по таким поводам. Да, их *так же* много; но они не так богаты. О том заботится инквизиция*.

Изабелле тоже не хотелось ссориться, хоть у нее на языке и вертелся вопрос: «И сильно ты разбогател от того, что они стали беднее?»

Она знала, как скудна была казна Арагона. И вместо обидных слов просто рассмеялась:

— Мне стало жаль того флорина, который ты подарил гонцу.

— О, нет, нет, нет! Это было просто вложение денег. Этим флорином я приобрел друга. Ты видела его лицо? Такого он совсем не ожидал. Флорин за дурные, оскорбительные вести. — Фердинанд вздохнул. — Подозреваю, что мои восемь тысяч флоринов когда-нибудь кончатся.

— Мне очень, очень жаль, Фердинанд.

Он чмокнул ее в подбородок.

— Ты в самом деле думаешь, что я держу это в мыслях? Говорю тебе, времена переменятся, времена уже меняются.

Если времена и собирались перемениться, то пока это не очень-то было заметно.

В то время как Кастилия слабела от голода, чумы и неугасимой усобицы на юге, Португалия становилась все сильнее. Альфонсо Африканец, обиженный тем, что Изабелла дважды отказала ему, был настроен воинственно. Его слуха достигали странные истории о

том, что Изабелла вышла замуж за Фердинанда по поддельному разрешению. Он кипел от злости. Неужто португальские каллиграфы не смогли бы подделать разрешение лучше арагонцев? Почему ему самому это и в голову не пришло и кто подал эту мысль Фердинанду? Сама Изабелла? Так размышлял Альфонсо Африканец, подстегиваемый преувеличенными полуправдивыми слухами и, помимо прочего, ревностью.

Внезапно с Черного континента, из местности с заморским названием Гвинея, с берега, который вскоре назовут Золотым Берегом, пришли ошеломляющие новости. На территории, на которую португальские навигаторы после долгих экспедиций вдоль африканского побережья предъявили никем не оспоренные права, была открыта сказочная золотая шахта, шахта Св. Георгия. Теперь Португалия стала во всех отношениях богаче Кастилии.

Изабелла с тоской сожалела, что Энрике в свое время постыдно пренебрег кастильским флотом; но Энрике много чем пренебрегал. Кастилия никогда не имела достаточной силы на море; но ведь никто не станет обвинять Энрике, что он не делал того, чего не делали и другие короли.

— Мы могли бы открыть эту шахту так же легко, как и португальцы, — бормотала она. — Фра Томас порой говорил мне, как велик мир в окружности. Все было бы проще, если бы Энрике имел хоть чуточку прозорливости — если бы он запретил людям скопидомство, если бы строил дороги, обводнял засушливые места — для честных крестьян, земли которых выжжены и голы. Многие из них от голода, безделья и неурожая подаются в разбойники.

Фердинанд пожимал плечами:

— Португалии просто повезло с находкой, вот и все. Я никогда не поеду за своим золотом в Африку. Путь к богатству лежит не через риск, а через бережливость и выгодное вложение денег, — в его голосе слышалась бесспорно крепкая меркантильная философия Арагона, державы торговцев.

Взгляды Изабеллы, подобно бескрайним нагорьям Кастилии, были куда шире.

— Я верю в новое богатство, — просто сказала она.

Полупристойным жестом он похлопал ее по животу, очертания которого уже не могли скрыть самые пышные юбки.

— Пусть это новое богатство будет принцем, — сказал он.

В Риме умер прежний папа, и папский престол занял Сикст IV. Он не благоволил Энрике Бессильному, и первое, что он сделал, — преклонил слух к мольбам Каррильо и занялся щекотливым делом о браке кастильской инфанты с ее троюродным братом, Фердинандом Арагонским. Никакой копии разрешения, дарованного его предшественником, в архивах Ватикана не отыскалось.

Герольд архиепископа с выцветшим до прозрачности золотым галуном на ливрее, доставил новое разрешение со всем достоинством, которое позволял его потрепанный вид. Каррильо, которого вассалы считали мотом, обычно разодевал своих священнических гонцов с ослепительной роскошью. Изабелла почувствовала жалость к старому другу: в трудные времена и его доходы оскудели.

— Что в пергаменте, Фердинанд?

— Прочти, — засмеялся он.

— Ты же знаешь, я не читаю по-латыни.

— Там есть перевод, — Фердинанд тоже не знал латыни.

Изабелла прочла разрешение выйти замуж за своего мужа и озадаченно посмотрела на него:

— А разве то... было не настоящее?

— Это, во всяком случае, лучше, — ответил Фердинанд и снова засмеялся. Изабелла не верила своим ушам — он смеялся над такими вещами.

— Не понимаю, — сказала она, и в глазах ее вспыхнули зеленые искры упрека.

— Душа моя, — утешил ее Фердинанд, — я тоже не понимаю. Мне хорошо известно, что то, прежнее, было подлинником, полученным моим отцом для меня много лет назад. Я охотно признаю, что не проверил как следует подлинность документа, который, будучи фальшивым, лишает меня моего счастья.

— Фердинанд, Фердинанд, Фердинанд!

— Учти, что это, новенькое и только что подписанное новым папой, гораздо лучше!

— С тобой поди поспорь! — Но ее не покидало странное ощущение, что она, наверное, долго жила в грехе и, что еще хуже, успела зачать ребенка.

Фердинанд развязал тесемку своего кошелька, покопался в нем и извлек оттуда флорин.

— Иди сюда, дружище, — сказал он герольду. — Ты принес мне и ее высочеству прекрасный подарок.

По одежде гонца Фердинанд тоже догадывался, что Каррильо тяжело поддерживать свое достоинство гранда.

Герольд, к их изумлению, взял золотую монету и попробовал ее на зуб. Герольды, находившиеся посто-

янно в присутствии высокопоставленных особ, обычно бывали учтивее.

— Мое слово, золото настоящее! — буркнул Фердинанд. Дела архиепископа шли еще хуже, чем он ожидал.

Герольд залился яркой краской. Ему не нравилось выглядеть деревенщиной.

— Десять тысяч извинений, ваше высочество. Поверьте мне, такое у нас лишь с недавних пор, это вызвано необходимостью.

— Что заставляет вас поступать так? — резко спросила Изабелла.

В попытке оправдать свои грубые манеры герольд в смятении выдал смесь сплетен и слухов. Но все же сказанное им было ужасно, если только не предположить, что бедный старый примас выжил из ума.

Времена были тяжелые, доходы Каррильо пришли в упадок, а он продолжал тратить огромные суммы не только из своей любви к роскошному житью, но также на милостыню, которую он всегда раздавал прежде и от которой при нынешнем бедственном состоянии государства не мог отказаться. Поэтому у Каррильо не было золота.

Поскольку добыть золото обычным путем не получалось, неукротимый старый вояка решил идти своим собственным. Ему пришлось выстроить в своем дворце в Толедо алхимическую лабораторию с горном, ретортами, огромными зелеными бутылками и другой некротической мишурой. Он накопил серы, ртути, поташа, кислоты и других дорогих химикалий, он собрал кучу манускриптов, написанных никому не понятным тарабарским языком, в которых должна была содержаться тайная формула. Его астролога звали Эль Беато,

он должен был давать советы насчет расположения планет. Алхимик выступал под именем доктора Аларкона. Золотой галун на плаще герольда был первым плодом усилий этих достойных людей.

— Бедный мой запутавшийся старый благодетель, — молвила Изабелла. Она часто думала об угасшем разуме своей матери, которая все еще жила в Арвало во мраке и безвестности. Неужто теперь пришла очередь Каррильо? То, что сгубило королеву, вполне могло сгубить и архиепископа. — Только в случае матушки виной было горе из-за смерти моего батюшки.

Вскоре она узнала, что и у Каррильо есть свое горе.

В этом человеке амбиции пылали, как огонь, которому не давали выхода. Он хотел быть больше чем примасом. Существовал церковнослужитель, с которым считался даже примас. Каррильо желал занять наивысший пост, какой только мог занимать испанец: он хотел стать кардиналом Испании.

Но благодаря одному из первых решений нового папы красная мантия была отдана не Каррильо, а Педро Гонсалесу де Мендосе, епископу Калаорры, главе одной из сильнейших семей, которой принадлежала цепь замков в пограничье, досаждавших Фердинанду. Мендоса, непоколебимый приверженец короля, стал кардиналом Испании.

Изабелла плакала о своем друге. Фердинанд шутил и как мог утешал ее, говорил ей нежности, по опыту зная, что женщины в особых физических состояниях становятся очень чувствительны и часто плачут без всяких причин. Однако про себя он рассуждал: «Клянись Господом, будь я папой, я никогда не дал бы кардинальской мантии выжившему из ума старику, который пытается делать золото!» Это еще хуже, чем новое

богатство, о котором говорила Изабелла, мечтательно лепеча про корабли, которые поплывут к диким берегам Африки!

Беатрис приехала без предупреждения и без приглашения. Фердинанда не было, когда она приехала. Чем ближе подходил срок его жене, тем больше он волновался и раздражался; он взял в обычай подолгу гулять в одиночестве по городу, чтобы успокоиться. Он и в мыслях не держал обижать кого-то, но как легко было обидеть ранимую Изабеллу, которая к тому же столь сильно любила его. Он не был чрезмерно самолюбив и не бежал от ежедневных проявлений ее преданности.

В ответ на упоминание чумы в Сеговии Беатрис только засмеялась. Правда, несколько случаев все же было, в основном в еврейских кварталах, но едва ли это можно было назвать эпидемией. Ее муж Кабрера считает, что это от перенаселенности, потому что *иудеи** всегда очень невелики, там обычно живут все местные евреи, которым по закону запрещено жить в другом месте. Так что в Сеговии чума была не страшнее, чем в других городах. Беатрис навестила ее лишь для того, чтобы присутствовать при том, как ее лучшая подруга произведет на свет нового инфанта или инфанту Кастилии.

— Испании, Беатрис! Он будет королем не только Кастилии или только Арагона — он будет править в обоих королевствах сразу!

Но светловолосый младенец, родившийся в Дуэнасе первого октября, через несколько дней после годовщины брака Изабеллы с Фердинандом, оказался де-

вочкой. Изабелла дала ей свое собственное имя, чувствуя особое право на эту девочку, поскольку Фердинанд очень настаивал на принце. Она боялась, что он возненавидит ребенка.

Фердинанд не стал упрекать ее. Она знала, что порой мужья поступают так; но он вполне искренне улыбнулся, когда мамка поднесла ему дочь, и с любопытством отвернул уголок кружев. Но он продолжал свои одинокие прогулки и говорил с ней кратко, вежливо и отчужденно, словно с иностранкой.

— Если бы Андрес так поступал со мной, — сказала Беатрис, — я бы его зарезала.

— Никогда бы ты этого не сделала, — ответила Изабелла.

— Я имею в виду — я бы чувствовала себя так, словно хочу его зарезать.

— Он ведь не сделал ничего дурного. Да, он разочарован, но он же прав. Он вернется. Это пройдет. Я знаю его лучше, чем кто-либо другой.

Беатрис надеялась, что так и есть. Изабелла была в отчаянии, но не призналась бы в этом даже самой себе.

Но Фердинанд вел себя по-прежнему.

— Возможно, его медленный методический ум работает исключительно в духе дипломатических расчетов, Изабелла; и, возможно, через год-другой он вспомнит, что принцессы тоже имеют некоторую ценность. А он женат на одной из них.

Изабелла нахмурилась, и ее глаза вспыхнули зеленым огнем.

— В отличие от тебя я никогда не стану говорить так о своем муже.

Беатрис больше не возвращалась к этому разговору.

— Фердинанд — человек действия, — продолжала

Изабелла более мягко. — Бездеятельность томит его больше, чем разочарование.

Только в конце зимы Фердинанд пришел в себя, и отчужденность растаяла. Однажды вечером, вернувшись с прогулки, он внезапно спросил:

— Изабелла, кто такой Гонсальво Эрнандес де Кордова?

Изабелла была рада поговорить о чем угодно, лишь бы на безучастном лице Фердинанда зажегся огонек интереса.

— Я знаю дона Алонсо де Кордову, владельца Агиляра. Он сражался за моего брата под Ольмедо. Гонсальво... Гонсальво... нет, не припомню. — Она вопросительно обернулась к Беатрис. — Ты такого знаешь?

Выразительные глаза Беатрис расширились и потептели.

— Гонсальво — надежда и отчаяние половины дам Кордовы. Это младший брат дона Алонсо, с лицом ангела, силой быка, языком поэта и ловкостью танцовщика...

Фердинанд от души расхохотался. Было приятно снова услышать его смех.

— погоди рассказывать мне про его сложение, Беатрис, скажи лучше — каков он боец?

— Он дерется как дьявол, по крайней мере на турнирах. В настоящем бою я его никогда не видела. Дамы Кордовы прозвали его Юный принц.

— Он очень молодо выглядит, — заметил Фердинанд.

— Дам Кордовы это не волнует, — ответила Беатрис.

— Он, должно быть, суший повеса, — смеясь, сказала Изабелла.

— Напротив, — вздохнула Беатрис, — к огорчению

дам Кордовы он строг и непорочен, и им кажется, что он пренебрегает ими.

— Может быть, он просто скромн, — сказала Изабелла.

— Он, без сомнения, горд, — усмехнулся Фердинанд. — Я обратил внимание — он одет, как герцог, в ухе — алмазная серьга, на пальце — кольцо с рубином. Один его меч стоит не меньше сотни флоринов — отличный толедский клинок и изукрашенная самоцветами рукоять. Он стоял во всем этом — и в дырявых башмаках. И словно голодный принюхивался к запаху, который шел из таверны. Не дешевой таверны, одной из самых лучших. Я пригласил его выпить со мной кубок вина. Я... мне стало немного скучно.

— Ты сказал ему, кто ты такой? — спросила Изабелла.

— Естественно, мне пришлось это сделать, любовь моя, когда он назвал себя. Вежливость требует ответа. К тому же я не стыжусь самого себя.

— Я только хотела сказать... тебе не кажется, что это опасно? На тебя обычно не обращают внимания. Возможно, не узнают.

— Это любопытно, Изабелла. Я всегда чувствовал себя в безопасности в Дуэнасе. Возможно, я был беспечен. Маленькой инфанте еще долго будет необходим отец.

Изабелла недоверчиво улыбулась, оглянувшись на Беатрис. «Видела? — говорили ее глаза. — Он вернулся».

— Я не был голоден, я успел поужинать; но я видел, что Гонсальво хочется есть. Я спросил его, не ужинает ли он со мной. Он трижды отказывался, каждый раз все менее уверенно, и в конце концов съел двух цыплят. Никогда в жизни не видел, чтобы человек ел

так быстро — я даже моргнуть не успел. Его драгоценности были настоящими, и все же он не расстался с ними. Это потрясло меня.

— Он полностью зависит от своего старшего брата и ни единого мараведи не может потратить без его разрешения, — вставила Беатрис. — А среди грандов ныне нет никого богаче его брата.

— Ваш муж богаче, — заметил Фердинанд.

Беатрис беспомощно пожала плечами:

— Андрес говорит, это деньги короля Энрике. Я никогда и не заикаюсь об этих деньгах.

— Жаль, — ответил Фердинанд.

Гонсальво де Кордова мог расплатиться за ужин единственным способом — и расплатился. Где-то на улицах Дуэнаса, где он стоптал башмаки, до него донеслись неясные слухи о заговоре, угрожающем их жизни.

— Моей жизни, Изабелла, твоей и жизни малютки инфанты. Я думал, Виллена, Энрике и эта злобная женщина, Хуана, не дойдут до столь ужасного преступления — убийства беспомощного ребенка. Оказалось, все наоборот.

Изабелла зажала рот рукой, сдерживая рвущийся крик.

Фердинанд спокойно продолжал:

— Кому-то это покажется безосновательной сплетней или плодом романтического воображения Гонсальво, — а он таковым обладает, судя по непроданным драгоценностям и действию, которое он, по словам Беатрис, оказывает на дам. К несчастью, есть и другие свидетельства. — Он вытащил из кошелька смятый, сложенный в несколько раз клочок бумаги. — Каррильо послал мне эту маленькую загадочную записку

через своего посланца монаха. Сегодня тот тайком сунул ее мне в рукав: «В Дуэнасе погода портится». Она подписана по-латыни, но Archier. Toletan. может означать только «Архиепископ Толедский». Я могу лишь догадываться, из каких побуждений он предостерегает меня столь таинственно. Могу лишь предположить, что все упирается в деньги. Возможно, он боится обидеть своего брата, хозяина этого города, с которого он получает доход. Его брат может перекинуться к королю. Или Каррильо может. Не знаю. Неприятное положение.

— Но ведь он предостерег нас, Фердинанд, — ужаснулась Изабелла.

— И, полагаю, сознательно. Но он был достаточно осторожен и сделал это с помощью уловки.

— Нам надо немедленно уехать из Дуэнаса! — воскликнула она.

— А куда, позволь спросить? — поинтересовался Фердинанд. — Насколько я понимаю, только в Арагон.

Она почувствовала прилив нежности, когда он сказал это. Изабелла, которая терпеть не могла слез, разразилась рыданиями.

— Благодарю тебя, муж мой, — она знала, чего ему стоило предложить это.

Если они уедут в Арагон, опозоренные беглецы из Кастилии, это может означать конец всем надеждам на объединение и всем его стремлениям к власти. И скорее всего, дело кончится войной и Арагон проиграет. Но все же он предложил это. По большей части не из-за нее, как она догадывалась, а из-за малютки принцессы, родившейся вместо желанного принца.

— Вы не должны покидать Кастилию! — с воодушевлением вскричала Беатрис.

— Я не должен? — рассерженным тоном спросил Фердинанд.

— Послушай ее! — сказала Изабелла.

— Поедем в Сеговию! В алькасар! Мой муж защитит вас!

— Андрес де Кабрера — человек короля, — насмешливо ответил Фердинанд.

— Андрес де Кабрера — порядочный человек, — горделиво произнесла Беатрис.

Фердинанд посмотрел на жену. Изабелла долго не думала.

— Мы едем в Сеговию, — сказала она.

ГЛАВА 14

Поскольку угроза была неявной, расплывчатой, Фердинанд заявил, что верить никому нельзя, и заставил Изабеллу бросить все свои платья.

— Они послужат великолепным прикрытием, — сказал он. — Все решат, что мы все еще во дворце, — и он отдал распоряжение, чтобы двойной штандарт Кастилии и Арагона не снимали со стены.

— Все мои служанки мне преданы, — воспротивилась Изабелла.

— Именно их я и подозреваю больше всего, — усмехнулся Фердинанд, — поскольку они приставлены ходить за ребенком.

При любом упоминании о ребенке Изабелла смирялась со всем.

В сопровождении Карденаса, Вальдеса, нескольких арагонцев и Гонсальво де Кордовы, которого включили в свиту с прекрасным жалованьем, Фердинанд повел

свой маленький отряд в Сеговию. Они были одеты так, чтобы не бросаться в глаза, и вполне походили на группу скромных горожан. Фердинанд, казалось, ожил от всей этой деятельности, даже если она означала отступление.

— Даже Святое семейство, — говорил он для самоутешения, — принуждено было бежать в Египет. Так что для моей семьи также нет никакого позора.

В Сеговии Кабрера принял их радушно как друзей своей жены, но с некоторой прохладцей как политических противников. Верность Кабреры не поколебал даже заговор, устроенный Вилленой, королевой Хуаной и королем Энрике, чтобы оборвать жизнь маленькой инфанты еще в колыбели. Сам Кабрера, естественно, ни во что вовлечен не был, так как находился в Сеговии, и не собирался участвовать в заговорах, поскольку жена его была лучшей подругой Изабеллы. Теперь разразится огромный скандал, сказал он и поведал им всю историю.

В Дуэнас послали нескольких хорошо подобранных сорвиголов из вальядолидских трущоб. Фердинанда должны были прирезать во время одной из его прогулок. Один человек, вошедший через парадный вход, должен был удерживать Изабеллу возле дверей, в то время как остальные пробрались бы с черного и убили бы инфанту в колыбели. Каждый убийца должен был получить по двадцать флоринов по свершении дела.

— Двадцать флоринов не такая уж сногшибательная сумма, — угрюмо пробормотал Фердинанд.

— Возможно, король Энрике просто не мог потратить больше, — ответил хранитель королевской казны.

— То есть?

Но Кабрера не стал углубляться в содержимое королевских сундуков с деньгами.

— В нынешние трудные времена, когда люди голодают, можно найти людей, которые и за двадцать флоринов сделают что угодно.

— И даже убить ребенка?! — воскликнула Изабелла.

— Увы, даже так. — Кабрера выразительно развел руками и пожал плечами.

Эти жесты, подумал про себя Фердинанд, говорят о его еврейской крови.

Но в черном деле возник смешной поворот. Королева Хуана и маркиз Виллена были готовы действовать быстро. Но король Энрике Бессильный воспротивился. В последнее время он часто хворал. Ему хотелось поправить здоровье, в том числе облегчить смертную муку для собственной души. И король рассказал весь жуткий замысел кардиналу Испании и попросил *заранее* отпустить этот грех.

Кардинал Мендоса отбросил все сложные правила испанского этикета и ответил королю Кастилии настолько резко, насколько мог. Вскипев гневом, он не только отказался оправдать это тройное преступление, но еще и осмелился дать королю Энрике политический совет: «Во имя Господа, не отягчайте свою душу подобным деянием, ибо вы восстановите против себя все королевство, особенно города, оставшиеся верными вашей сестре принцессе, и подтвердите, что она наследует корону по праву. А вслед за этим могут возникнуть великие неудобства и даже опасности для вашего высочества лично».

— Король Энрике, — сухо добавил Кабрера, — единственный, кто рискует собой.

На этом рассказ окончился. Несостоявшиеся убий-

цы, шныряя среди своих сотоварищей в трущобах, разболтают все, так что эта история станет известна повсюду.

— Энрике восхитительно глуп, — заметил Фердинанд. Он не знал, что король болен.

— Бедняга Энрике, — задумчиво молвила Изабелла. — Бедный полоумный полубрат...

Они долго оставались в Сеговии. Фердинанд больше не ходил без сопровождения на прогулки, но большую часть времени проводил не с Изабеллой, а пропадал на охоте, практиковался в фехтовании с де Кордовой, который обычно побеждал его, или сражался на копьях со своими арагонцами, которых, как правило, побеждал он. Он очень редко позволял Изабелле охотиться вместе с ним, говоря, что чувствует себя по-дурацки после такой охоты, когда ему приходится играть в женские игры.

Изабелла сдерживалась. Затем однажды, когда она не смогла больше выносить его покровительственного тона, она вырвала копьё у одного из его людей, обогнала всех и сама прикончила этим копьем дикого вепря, которого Фердинанд наметил себе, как только тот выскочил из чащи.

— Это совсем не по-женски, — сказал он.

— Ты не испугалась? — спросила Беатрис.

— Правду сказать, в тот момент я не думала о происходящем, — ответила Изабелла.

Но Фердинанд дулся очень долго. Она чувствовала, что, должно быть, была не права, побив его в его же игре, желая лишь доказать, что она вполне может охотиться наравне с ним.

Наконец он нехотя признал:

— Ни один мужчина никогда не метал копьё так искусно, Изабелла. Ты не сломала кость, и чучельщик сказал, что голова в прекрасном состоянии, ни единой царапины.

— Просто мне повезло, Фердинанд.

— А, — только и ответил он.

— На самом деле я ужасно испугалась, и все, что я тогда думала: «Его надо убить». Как... как о мавре.

На этом они в конце концов помирились.

У него неплохо получалось возиться с ребенком, и пока инфанта училась ходить, а потом говорить, Изабелла лучше узнала мужа. Но не намного. По временам ей казалось, что его глаза устремлены на Беатрис чаще, чем подобало бы; потом он отводил глаза, поскольку Беатрис не поощряла его. Андрес де Кабрера, и без того не слишком сердечный, после этого стал еще холоднее. Изабелла гадала, родит ли она когда-нибудь принца, и касалась своего железного креста, который приобрел для нее новое значение. Падре де Кока был прав: сдержанность — вот слово, описывающее Фердинанда. Иногда она думала, не завел ли он любовницу. Если так, то она никогда не узнает об этом. Осторожный Фердинанд ни за что не выдаст себя, и никто не станет болтать о принце королевской крови, чье право на измену было освящено обычаем столь же древним, как и обычай назначать жен своим придворным. Обещание, которое дал ей Энрике в том, что она сама выберет себе мужа, оказалось обоюдоострым клинком. Она оказалась между двух огней: Энрике ей враг, а Фердинанд — чужой с тех пор, как родилась их дочь. Но она снова и снова колола себе пальцы крестом —

она скорее вбила бы его себе в сердце, чем высказала бы вслух подобные мысли.

Урожай в тот год был не лучше прошлогоднего, и вместе с ухудшением троица негодяев из Вальядолида — Энрике, Виллена, Хуана — предприняла еще одну, слабую, попытку покушения на их жизнь. На сей раз заговор был искусно связан с волной антисемитизма, который всегда тлел в Европе, а в Испании вспыхивал в годину смуты.

Королева Хуана, встревоженная ухудшением здоровья Энрике, отчаянно желала, чтобы корона перешла ее дочери Ла Белтранехе; существование Изабеллы, Фердинанда и их ребенка пугало и раздражало ее. Маркиз Виллена, уверенный, что сможет влиять на Ла Белтранеху так же легко, как и Энрике, искренне разделял ее чувства. Кроме того, доходы Виллены катастрофически уменьшались, как и у всех, и ему не терпелось заполучить ключи от сундуков Энрике. Король Энрике охотно давал ему в долг, поскольку новое предложение ничуть не облегчало его душу. Изабеллу, Фердинанда и их ребенка должны были просто случайно убить во время волнения, сопутствующего сокрушительному погрому предателей-евреев Сеговии.

Евреи Сеговии, сказал Виллена, скупили весь запас продуктов в королевстве, несправедливо наживались и набивали свои грязные кошель, в то время как добрые христиане голодали. Сам Кабрера, королевский казначей, сын еврея, без сомнения, в душе оставался евреем; неразумно было назначать его на этот пост. Он, по словам маркиза Виллены, был далеко не лучшим выбором. Да, ответил Энрике, соглашаясь с маркизом.

— Этот выкрест обманывал ваше высочество, — напыщенно заявил Виллена.

С разрешения короля в Сеговию выехал сильный отряд; Виллена именем короля потребовал впустить их. Как верноподданный, Кабрера впустил.

Они прибыли, сказал Виллена, проверить кое-какие беззакония в городском управлении. Это ненадолго. Между тем Виллена попросил взять на постой в алькасар некоторых его офицеров.

— Мой дом — дом короля и ваш также, — ответил Кабрера. Но лица офицеров показались ему незнакомыми и странно грубоватыми. Он извинился и ушел под предлогом распоряжения насчет хорошего ужина. Оказавшись далеко от чужих ушей, он шепнул Беатрис:

— Проводи моих гостей в башню. Пусть мой личный страж запрет дверь и станет на часах *внутри*.

— И принца Фердинанда тоже?

— Особенно принца Фердинанда.

— Зачем, Андрес?

— Взгляни на лица офицеров Виллены!

— Ох, Андрес!

— И ты сама, Беатрис, тоже запишись в башне.

— Нет.

— Я первый раз приказываю тебе.

— Что-нибудь очень плохое?

— Да. Но я еще не знаю, что именно. Ты послушаешься меня?

— Да, Андрес.

Он надел кольчугу под дублет и распорядился подать роскошный ужин, потом отдал кое-какие распоряжения капитану и поспешил в большой зал.

— А теперь давайте поговорим о беззакониях в городском управлении, — дружески обратился он к Виллене. — Мои книги открыты для вашей инспекции.

Признаться, я озадачен вашим прибытием. Годами я составлял еженедельные отчеты для его высочества, но не могу припомнить ни единого случая, когда его высочество обвинил бы меня в беззаконии.

— Нет сомнений, мы найдем, в чем корень бед, — улыбнулся Виллена, деликатно поддевая кусочек фазана одной из серебряных вилок Кабреры, в то время как его офицеры ели, как обычно, руками, вытирая их о себя.

— Их лишь недавно произвели в офицеры, — заметил Виллена.

— И быстро, я бы сказал.

— Чисто по заслугам.

— И за особую службу?

— Дорогой мой Кабрера, заслуги всегда подразумевают особую службу.

Снаружи раздался внезапный визг. Крики боли неслись из квартала, хорошо известного Кабрере. Прямо под стенами алькасара располагалась *иудерия*. Кабрера поставил обратно на стол стакан с вином, лицо его пылало от гнева.

— Вижу, какую службу! — взревел он.

— Может, вам пойти и проверить? — спросил Виллена. — Именно вам? Голос крови, знаете ли.

— Вы свинья!

— Свинья? О, дорогой мой. Естественно, это обижает вас.

Кабрера бросился вон из зала.

Виллена тут же вскочил.

— Вперед!

Офицеры утерли рты, обнажили клинки и разбежались в разных направлениях по коридорам огромного старого замка.

Застать Кабреру врасплох не удалось. Во внутреннем дворе, за кухней, ждали его люди на конях и при оружии. Случалось, они роптали на его строгую дисциплину, теперь же они благословляли ее — она спасла им жизнь. Кабрера пробежал через кухонные помещения к потайной двери и свалился им на головы, хмуро улыбаясь. Он никогда не задумывался, крестились ли сильные молодые евреи, которые иногда приходили проситься к нему под начало, как того требовал закон от всех, кто поступал на военную службу. Лишь железная дисциплина удерживала некоторых из его солдат от того, чтобы броситься наружу и прекратить погром, где избивали и их родных. Над стенами показался дым, и Кабрера почувствовал запах гари от пылающих жилищ.

— Сомкнуть ряды, — прорычал он.

У потайной двери он почувствовал на плече чью-то руку. Он обернулся, чтобы защититься, и ахнул:

— Вы! Как вы сумели выйти?

— Ваша жена выпустила меня, — ответил Фердинанд. На нем была стальная кираса и шлем без забрала. — У вас там наверху прекрасные доспехи.

— Беатрис не могла выпустить вас.

— Я был вынужден подтащить ее к башенному колодцу, чтобы убедить, — объяснил Фердинанд.

— Святая Мария!

— Я был очень осторожен, так что с вашей женой все в порядке. Мне очень жаль, что мне пришлось быть неучтивым с вашей милой женой.

— Башню заперли?

— Все в полной безопасности. Какая-то подлая тварь в проходе пыталась задержать меня, но я его

убил. Ну, сеньор? Куда идем? Я пойду за вами, поскольку вы знаете город.

— Вы будете сражаться за множество несчастных евреев, — нерешительно ответил Кабрера.

— Я всегда относился с отвращением к подобным происшествиям, — сказал Фердинанд.

— Господь да благословит вас, *mi secor!* — Кабрера назвал его господином — для кастильца это был тяжкий шаг навстречу арагонцу.

Всю эту долгую тревожную ночь женщины смотрели вниз из башни, напрягая зрение, вглядываясь во тьму, стараясь рассмотреть битву, которая шла внизу на темных улицах. Они молились за своих мужей, в то время как малютка инфанта сладко спала на старой походной койке Кабреры. К утру пожары в иудерии стихли. Стихло ржанье боевых коней, яростные крики сражающихся, стоны раненых, убийственный ляг стали о сталь, хруст разрубаемых костей. Далеко-далеко в сером мареве рассвета женщины различили отряд всадников, собравшийся перед городскими воротами, которые открылись и пропустили их.

— Думаю, Андрес задал взбучку людям короля, — сказала Беатрис.

— Фердинанд тоже! — гордо вставила Изабелла.

— Уф! — проговорила Беатрис, отшатнувшись от колодца, хотя крышка была задвинута. — Ну и напугал же он меня.

Изабелла улыбнулась; она встретит Фердинанда смехом, когда он появится. Но пока что никто из людей Кабреры не вернулся в замок. Когда станет посветлее, их будет видно — как они присыпают песком кровь на городских улицах, сбивают тлеющие остатки пожара, отгаскивают тела тех, кто уж мертв или умира-

ет. С такого расстояния все тела казались маленькими, но некоторые были меньше других. Изабелла оглянулась на кровать, на которой спал ее ребенок. Насколько маленькой казалась бы она, будь она там, в *иудерии*? Наверное, такой же маленькой, подумалось ей.

— Ох, Беатрис, это просто ужасно!

— Андрес говорит, погромы всегда так выглядят.

— Я навсегда запрещу их, когда стану королевой.

Беатрис пожала плечами:

— Ни один монарх никогда не мог остановить их, хоть были и такие, кто пытался. Этот погром начал Виллена; Андрес знает, что ему хочется стать казначеем. Но обычно они начинаются просто так. Все ненавидят евреев, особенно бедняки. А ты?

— Я никого не ненавижу. Кроме мавров. Впрочем, я думаю, я и мавров не очень-то ненавидела бы, если бы они убралась назад в свою Африку.

— Рядом с нами всегда будут и мавры, и евреи, и всякие беды тоже, пока мы живы, — заметила Беатрис.

Она говорит совсем как Фердинанд, подумала Изабелла. Интересно, скука или сложный дипломатический мотив заставили его рисковать жизнью в уличном бою за евреев Сеговии? Она никогда не слышала от него ни единого доброго слова о евреях. А теперь он сражался за них, словно сам был из рода Маккавеев*. Что бы там ни было, она им гордилась.

Через короткое время в дверь башни постучали. Стражник Кабреры, имея приказ не открывать никому, кроме самого Кабреры, крикнул, чтобы тот, кто стоит у двери, кто бы он ни был, убирался прочь, иначе ему на голову сбросят камень. Из-за дубовой двери ответили с арагонским выговором, что принц Фердинанд хочет, чтобы его жена и маленькая принцесса

знали, что он невредим. Изабелла возблагодарила Господа. Инфанте она сказала, что папа ночью ушел погулять, а теперь возвращается домой.

— Вчера ночью был шум, — пролепетала малютка с очаровательной детской непосредственностью, — а кровать жесткая.

— А дон Андрес жив? — крикнула Беатрис.

Но человек уже ушел от двери.

— Андрес никогда ничего мне не говорит, — пожаловалась Беатрис.

— Он вернется. Он знает город, он в окружении верных солдат, Господь защитит его.

Изабелле теперь легко говорить, думала Беатрис. И все же раз Господь защитил Фердинанда, она могла надеяться, что Он защитит также и Андреса. Без сомнения, Андрес вполне достоин этого.

Около полудня раздался топот копыт, и Кабрера привел победоносных воинов в алькасар. Лишь несколько коней остались без всадников. Но лицо Кабреры было мрачно, когда он обнимал жену. Фердинанд светился возбуждением, которое всегда пробуждала в нем битва.

Когда они ушли со стен в жилые покои замка, Кабрера показал на кучу страшно изрубленных тел на замковом дворе.

— «Офицеры» Виллены, — сказал он. — Я сказал своим людям, чтобы с ними не церемонились.

Изабелла велела инфанте отвернуться и смотреть на огромные пшеничные поля, зеленеющие до самого горизонта, как обещание лучших времен.

— Скоро они пожелтеют, как твои волосики, и у всех будет много еды.

— Пусть смотрит туда, — сказал Фердинанд, — и

узнает, что бывает с теми, кто пыгается убить королевских дочерей.

Малышка посмотрела и не нашла ничего привлекательного в картине смерти. Возможно, подумала Изабелла, Фердинанд прав, ведь принцессе в жизни придется видеть смерть много раз. И все же такие уроки годятся скорее для принца.

За ужином Фердинанд позволил себе предаться веселью и даже выпить стакан вина. Среди убитых было много почтенных евреев, но еще больше — людей короля. Евреи уже покоились в забитых гвоздями сосновых гробах, христиан набальзамировали и отслужили над ними заупокойную. В Сеговии восстановился порядок. Пожар, страшный пожар резни, пришедший из Вальядолида, погас раз и навсегда. Фердинанд был уверен в этом, поэтому и выглядел довольным.

Но Кабрера был расстроен. У него в голове не укладывалось, что он воевал против своего короля.

— Я не мог поступить иначе, — жаловался он, словно оправдываясь перед судом. — Я не мог позволить, чтобы убивали гостей. Я не мог позволить беззащитным людям стать козлами отпущения из-за народных бедствий, которые есть попущение Господне. И я не могу стоять столбом, когда этот придворный проныра замышляет занять пост королевского казначея, мой пост. Я давно мог бы сделаться богачом; никто из придворных ни разу даже не заглянул в мои книги. Но я не взял ни одного мараведи. Когда хозяин невежда, слуга должен быть вдвойне осмотрителен.

— Суммы, без сомнения, незначительны, Энрике своих привычек не меняет, — вставил Фердинанд.

Он снова полюбопытствовал, но на этот раз Кабрера не обиделся и даже улыбнулся.

— Никогда не забуду, как вы бились рядом со мной сегодня, — ответил он и повернулся к дамам. — Видели бы его высочество Фердинанда с мечом в руке — р-раз, и голова долой с плеч, чистая работа! — вы бы упали на колени и благодарили Господа за такого мужа!

— А как ты думал, чем мы занимались всю ночь? — вызывающе спросила Беатрис. — Он-то прислал гонца к жене. А я из-за тебя чуть себе мозоли на коленках не натерла.

Кабрера поднял стакан вина в ее честь и одним глотком осушил его.

— Король Энрике не так уж богат, — откровенно признался он Фердинанду, — но денег у него гораздо меньше, чем он думает. Если бы он точно знал, сколько он имеет, то, конечно, потратил бы все, и если бы я не мог выполнить требования, которые он ко мне предъявлял, я попал бы в немилость. Ну, я и не показываю ему всего. Трюк заключен в моих книгах, которые в полном порядке, поверьте мне, но ведутся по еврейской системе, прозванной «двойная бухгалтерия».

Фердинанд применял такую же систему в Арагоне.

— Это не совсем еврейское изобретение, — сказал он. — Я хорошо знаю эту систему.

— А я вот нет, — вмешалась Беатрис, — и «двойная» звучит как-то гадко, словно «двуличная».

— Не совсем, — ответил Фердинанд.

— Активы и облигации ведутся в параллельных колонках, — пояснил Кабрера. — Общие суммы всегда должны быть равны. Чтобы узнать, есть ли у вас деньги, вам надо просматривать длинные колонки цифр и понимать, что они означают. Король Энрике совершенно не понимает, достаточно ли у него средств, чтобы спасти страну от банкротства, или нет. Но он и

его замечательные друзья-придворные смотрят только на общие суммы. «Что? — говорят они. — Активы и облигации совпадают по сумме? Так у нас нет ни единого мараведи!» — Кабрера передернул плечами. — Кто-то, должно быть, придрался к этому, чтобы обвинить меня в беззаконии. Все личные амбиции и жажда мести видны как на ладони. Маркиз и королева перешли к действию, печальный результат которого вы видели: ночной погром, предательство, которое привело под мою крышу незваных гостей. Победа бесплодна. Я всё равно потеряю свой пост, и как я смогу защитить вас после этого — не знаю.

— Нет, — ответила Изабелла. — Этого не случится, потому что это не должно случиться.

— Изабелла права, — с улыбкой сказал Фердинанд, — но она, как всегда, говорит с убежденностью верующего, не заботясь о деталях. — Он перешел к практической стороне дела: — Энрике дважды пытался убить нас, и дважды у него не получилось. Совсем недавно он пытался похоронить нас под грудой мертвых тел, как Урию Хетта*, но это не сработало, и мы разбили его отряд. Он болен, для своего возраста он — старая развалина, доконавшая себя кофе и прочими мавританскими пороками; его мужское бессилие прогрессирует с каждым днем. Я говорю о твоём близком родиче, милая Изабелла, но что есть, то есть. Он выживает из ума, а вместе с ним угасает и сила его злобы.

— Маркиз Виллена выглядит не лучше, — прибавила Беатрис.

— Вот как? Интересное наблюдение.

— Вы его не видели, поскольку он не сражался, — ответил Кабрера. — У него была славная миссия — привести своих головорезов-«офицеров».

— Ты, конечно, дал ему уйти, — сказал Фердинанд тоном командующего.

— Естественно, ваше высочество.

— Отлично. Никогда не делайте мучеников из придворных фаворитов. Хорошо, Кабрера, хорошо!

Так Изабелла узнала еще кое-какие практические сведения об искусстве управлять государством. Выглядели они непривлекательно. Но ей придется быть практичной. Ей придется жить в этом мире. Мир был ее испытанием, которого она не боялась. Он был хорош, несмотря на все его недостатки, и его можно было сделать лучше.

— Евреи по всей Кастилии услышат об этом и полюбят вас, — тепло сказал Кабрера Фердинанду. — И не сбрасывайте со счетов их силу.

— Я и не сбрасываю.

— С другой стороны, вы приобрели себе нескольких врагов среди христиан.

— В свое время они вернутся к нему, — сказала Изабелла. — Времена меняются; все улучшается, если хорош урожай. Весь этот ужас забудется. Беды Каррильо, беды Энрике — все это пройдет; то же и с нашими бедами. Я знаю это, я молюсь об этом, и мы будем жить в мире.

Фердинанд покачал головой:

— Мир приходит только тогда, когда Энрике спокоен, мир длится столько, насколько хватает его личного терпения; и даже его смерть может не принести радости Кастилии и Арагону. Есть рассерженная Португалия, есть угрожающая Франция.

Изабелла очень давно не вспоминала об отношениях с соседними королевствами.

Возможно, Фердинанд, еще не остыв от уличного боя, уже мечтает о новой большой войне.

За ужином Андрес де Кабрера снова и снова повторял принцу:

— Никогда не забуду, как вы бились рядом со мной сегодня!

К концу ужина Фердинанд уже называл королевского казначея кузеном.

ГЛАВА 15

В тот год урожай был хорош. Поля пшеницы, зеленевшие до самого горизонта, вначале пожелтели, потом стали золотыми под золотым солнцем и золотой луной осени 1474 года, обещая изобилие и скорое окончание голода.

С долгим жестоким голодом кончилась и чума, и люди заметно приободрились. По другую сторону Пиренеев старый больной король Франции наблюдал за признаками восстановления испанского благополучия и страшился возрождения испанской силы, особенно если королевство окажется в руках мягкой, но бесстрашной Изабеллы — с каждым днем это становилось все более очевидным. Он встречался с ней. Его знаменитая интуиция помогла ему понять, что характер ее стал еще сильнее: Изабелла будет благом для Испании. Поэтому, согласно его выводам, она непременно будет злом для Франции. Поэтому нельзя допустить, чтобы она стала королевой, и для этого он не пожалеет ни войск, ни дипломатических усилий. И того, и другого хватало.

Людовик отправил гонцов в Португалию, к Альфонсо, который все еще злился на Изабеллу за ее

отказ; гонцы везли дорогие подарки и письма, коварно составленные с таким расчетом, чтобы растравить старую рану ревности. Кастильская инфанта считает его, Альфонсо, дряхлым стариком, намекал Людовик: он слишком стар для любви, слишком стар для сражений. Возможно, предположил король Франции, она слишком красива, возможно, излишне чувственна, несомненно, чересчур умна — умом она затмит многих мужчин. Возможно также, продолжал он, Альфонсо и на самом деле слишком стар, — и, беря рану португальца, Людовик с лицемерной надеждой писал, что Альфонсо уж никогда не будет столь слаб умом и телом, как его царственный кузен король Энрике Бессильный.

Альфонсо весь кипел и созывал войска.

Но даже если бы Альфонсо пришлось смириться с коронацией Изабеллы, заявлял королю Людовик, то он, король Франции, лично поддержит истинную наследницу престола Кастилии — принцессу, которую враги в насмешку прозвали Ла Белтранехой. Ла Белтранехе было тринадцать лет от роду, она еще не созрела для брака, и король Людовик напоминал королю Альфонсо, что полнота и подслеповатые глаза не являются препятствием для женитьбы. Как и разница в возрасте.

Альфонсо решил, что с тринадцатилетней девочкой будет приятно позабавиться, не говоря уже о других выгодах, которые сулит брак с кастильской наследницей. Ни один монарх Европы не сомневался, что «король-паук» всегда достигает своей цели.

Герольды Альфонсо повезли во Францию напыщенное письмо: Альфонсо Африканец горделиво заявлял, что он, как всегда, в полной силе и на войне и в

любви и его армия уже собирается против грандов Кастилии, околдованных Изабеллой. Он тоже за Ла Белтранеху; он тоже будет сражаться, чтобы упрочить ее право на трон. Более того: чтобы сделать этот трон вдвойне крепким, Альфонсо Африканец может взять ее в жены. Возможно, он несколько широковат в бедрах, но зато у него много земли, которую он холит, как собственное тело.

С тем король Людовик пошел на Арагон, где горные проходы были пошире. Он собирался вынудить Фердинанда примчаться и защищать свою родину, где он, по воле Божьей, должен был пасть в битве. Дипломатия настроила Португалию против Кастилии с запада; удачный удар меча должен был оборвать жизнь арагонского наследника и навеки разделить державы, которые в браке Изабеллы могли соединиться и стать новой грозной силой в Европе. Очень хороший замысел, с удовольствием думал Людовик. Один из лучших. С военной точки зрения план был безупречен. Изабелла, возможно, околдовала грандов Кастилии, но не Португалии или Франции и, уж конечно, не швейцарских наемников*, которые дрались только ради денег.

Вскоре к Фердинанду примчался хмурый гонец из полевой ставки короля Арагона.

— Король просил меня передать... — начал было он.

— Я прочту, — оборвал его Фердинанд. — Будь поучтивее, сними-ка шляпу и в следующий раз, будь добр, сначала отряхнись от пыли, а уж потом давай мне донесение.

— Плохие новости, дорогой? — спросила Изабелла. Лицо герольда было мертвенно-бледным и измученным от страшной спешки и усталости.

Фердинанд неловко сломал печать и развернул пергамент.

— Отец непобедим, — сказал он. Изабелла едва понимала, то ли это комплимент, то ли упрек престарелому монарху, который никак не желает умереть и освободить арагонский трон. — Ему ничто не угрожает.

— Но государь, — пробормотал герольд, — он в опасности. Он сражается с французами.

— Естественно, — сказал Фердинанд, медленно читая,водя пальцем под каждым словом, иногда произнося про себя наиболее трудные слова.

— Но он сам ездит в битву на коне и бьется с захватчиками.

— Что за безрассудство, — строго заметил Фердинанд. — Пожалуйста, помолчи.

— Я бы назвала это героизмом, — вставила Изабелла.

— Тише! — прикрикнул Фердинанд. Гонец поклонился и вышел. Тон Фердинанда, каким он говорил с женой, смутил его.

В письме был призыв о помощи. Французы без объявления войны, внезапно напали со стороны Русильона и угрожали прорваться через границу. «Я могу справиться с кавалерией, — энергично писал король Хуан, — тем более что у нас своя кавалерия неплоха. Но французы привезли пушки. Наши собственные пушки бесполезны, и только ты можешь разобраться с этой новомодной артиллерией. Я ничего не смыслю в этих запутанных машинах. Приезжай».

— Конечно, ты должен ехать, — сказала Изабелла.

— Конечно, должен, — ответил Фердинанд.

Она не плакала, но лицо ее было печально:

— Я буду тосковать о тебе, *mi secor*.

Он не ответил.

— И молиться за тебя каждый день.

— Спасибо, Изабелла.

Ей так хотелось услышать в ответ, что он тоже будет скучать по ней. Но ей было почти так же приятно слышать его слова:

— Позаботься о моей инфанте.

Его щеки порозовели, он опустил глаза, вид у него был встревоженный. Это тоже было хорошо. Для страны. А разве принцесса и королева не живут для страны? Она дотронулась до своего железного креста.

— Ты будешь присылать мне известия, Фердинанд?

— Это самое важное. Странно, что ты спрашиваешь. Конечно, буду.

— Я имею в виду — о себе.

— Раз я пишу, — засмеялся он, — значит, я жив. И еще, Изабелла, насчет этого еврея Кабреры. Береги его дружбу, не обижай его, держись за него.

Сейчас не было времени доказывать, что Андрес де Кабрера не еврей.

— Я всегда гордилась дружбой с ним, — ответила она.

— Хорошо, хорошо, хорошо.

Он холодно чмокнул ее в щеку и в тот же день уехал из Сеговии. Инфанту он поцеловал в подбородок, потерся щекой о ее головку и улыбнулся:

— Я опять на прогулку, доченька. Просто надаю хорошенько этим грязным французишкам. Скоро вернусь. Прочти за меня добрую молитву.

— Да, папочка, — ответила малышка, широко распахнув глазенки.

Разве на прогулках встречаются грязные французишки? И им непременно надо надавать?

— Надо говорить *mi padre*, а не папочка, — поправила Изабелла.

— Бога ради, не будь такой чопорной с ребенком, — укорил Фердинанд.

То были его последние или почти последние слова, нежный упрек, потом он сел на коня и ускакал на войну, возможно, навстречу собственной смерти. Изабелла думала, что он хотя бы скажет «прощай» — он всегда был вежлив в мелочах, — но он, Вальдес, де Кордова и вся остальная его свита уже пришпорили коней и помчались прочь от ворот алькасара. Потом она так и не смогла вспомнить его прощальную фразу: что-то вроде «целую ваши руки и ноги». Если его раздосадовало то, что она поправила инфанту, почему он не огрызнулся на нее, не выбранил, как Андрес — Беатрис де Бобадилью? Где проще жить — в огне или во льду? Зато он был храбр, это она признавала. Хладнокровное бесстрашие короля лучше его несдержанности или трусости. Лучше для королевства.

Иногда она молилась: «Пресвятая Мария, ты, кому известно женское сердце, отчего я рождена принцессой, а не крестьянкой? Как трудно в молодости думать лишь о благе страны».

Потом она вспомнила, что Жанна д'Арк была крестьянкой, и устыдилась; ибо Жанна была так же молода и так же всю жизнь посвятила стране и окончила свои дни на костре в возрасте восемнадцати лет мученицей за свое высокое призвание.

Отсутствие Фердинанда затянулось. От него часто приезжали гонцы, привозя все новые подробности о битвах, написанные официальным языком, бесстрастные, словно крики уличных глашатаев.

Изабелла расшивала покрывало для алтаря и учила инфанту шить и читать, и делала единственное, что могла сделать для Фердинанда: шила ему рубашки, пока глаза у нее не начинали слезиться, а пальцы — ныть. Она была искусной белошвейкой. «Стежки ровные, как у монахини», — говорила она Беатрис, иронично поджав губы. Надев рубашку, которую она сшила сразу после их свадьбы, Фердинанд с тех пор не носил ничего другого. Стало быть, хоть это было не во имя страны.

Послания Фердинанда — она не могла назвать их письмами — были полны хороших новостей. «Наши пушки косят грязных французишек, как траву. Скоро они уберутся туда, откуда пришли. Король, мой отец, пребывает в добром здравии.

Передай мою просьбу моему другу Андресу де Кабрере, пусть известит меня, как идут дела у его высочества короля Энрике, чье здоровье, как я слышал, пошатнулось. Зрелище мертвых французов после каждого сражения воодушевляет моих воинов и меня вместе с ними. Среди убитых очень мало знати, это французская манера — сражаться руками крестьян и наемников. Мое дело очень воодушевляет меня».

Смерть, которая так воодушевляла Фердинанда на поле битвы, дважды посетила Кастилию в ту зиму, в последовательности, которая весьма разочаровала его.

По причудливой иронии судьбы жадный, высокомерный щеголь маркиз Виллена умер в кресле брадобрея в тот миг, когда брадобрей завивал и душил его подстриженную бородку. Это случилось 4 октября, в день поминовения скромнейшего, простейшего и добрейшего из святых — Франциска Ассизского*, который проповедовал даже птицам и зверям и благослов-

лял огонь, очищающий болезненные раны, именуя палящее пламя «братом». И кардинал Мендоса, молясь за душу Виллены, напрасно искал сходство между ним и святым Франциском, составляя надгробное слово.

Изабелла послала королю Энрике почтительное письмо с соболезнованиями, на которое тот не ответил. Несколько недель король изнемогал, печалился, томился и скорбел об утраченном друге, который покинул его. Он слонялся по дворцу, плача, словно женщина, отказываясь от еды и даже от кофе. Взгляд его стал тусклым, словно у рыбы, которую вытащили из воды. Он спотыкался о предметы, словно не замечал их.

В ночь с воскресенья на понедельник, морозным зимним днем, который не причинил вреда здоровью кого-либо другого, кардинала Мендосу позвали к его постели. Энрике был очень слаб и угасал как свеча.

Мендоса сделал все, что можно было сделать для умирающего *in extremis**: После этого, пока Энрике не впал в полное беспамятство, он мягко напомнил королю:

— Тайна вашей жизни, государь, в том, что вы никогда не отвечали ни «да», ни «нет» на вопрос: «От вас ли рождена принцесса, известная под именем Ла Белгранеха?» В свой последний час человеку должно повернуться лицом к истине. Гордыня и стыд преходящи, ибо плоть наша проклятая брэнна и взор наш проясняется во славе Господней милости и обещания искупления. Во благо государства, над которым Господь поставил вас королем, говорите же, и сим последнее доброе дело зачтется вам в иной жизни. Ибо тысячи людей будут ввергнуты в кровавую войну, коли вы не заговорите.

Энрике Бессильный отвернулся к стене. Все же он заговорил, но произнес лишь:

— Жизнь обманула меня, — и скончался.

Кардинал вздохнул. Жизнь действительно обманула Энрике. Но обман был обоюдным. Энрике тоже обманул жизнь, чудовищно обманул.

Сейчас два часа пополуночи, отрешенно думал кардинал, наизусть помнивший святцы, утро двенадцатого декабря — день, не отмеченный памятью ни одного из святых. Никакого. Что за печальное совпадение со смертью Энрике Бессильного, короля Кастилии!

На мгновение страна замерла. Обычно кастильские монархи изъясляли последнюю волю, определяя широкие политические планы, которые, согласно их желанию, должны были осуществляться после их смерти. Не имея силы закона, эти торжественные документы всегда принимались с почтением, их придерживались, насколько это было возможно. Но король Энрике, до конца остававшийся нерешительным, не оставил потомкам своей воли. Его наследием была растерянность, единственная постоянная черта его природы.

Герольд, который на рассвете принес весть из Вальядолида в Сеговию, сообщил королевскому казначею, что короля не стало. Он сказал, что его послали королева Хуана и маркиз Виллена — молодой маркиз, сын покойного. Он запросил десять тысяч флоринов на расходы в связи с погребением короля. Кабрера сердечно поблагодарил его за известие и отослал обратно, не выдав ни единого мараведи; после этого запер ворота города.

— Смерть короля Энрике, — сказал Кабрера жене, — это единственное доведенное до конца доброе дело, которое мой безвольный господин был в состоянии совершить. — Он повел плечами, словно освобождая их от тяжести. — Когда он был жив, моя клятва верности

давила на меня словно ярмо. Теперь я свободен. Беатрис, моя радость, надо поскорей сообщить эту новость твоей подруге!

— О том, что ее безумный сводный брат мертв? Только помягче, Андрес. Изабелла даже его будет оплакивать.

— Плакать о том, что он наконец-то умер! — Впервые Андрес де Кабрера забыл о хороших манерах и презрительно сплюнул. — И о том, что она наконец-то стала *королевой*, дурочка ты моя!

— Андрес! Ты скажешь ей? Любимый! — Она бросилась ему на шею в присутствии слуги, который принес им горячий завтрак в этот волнующий день, что войдет в историю Кастилии и — угадать будущее мог разве что волшебник — во всемирную историю. В этот холодный зимний день все зависело от крещеного еврея Андреса де Кабреры, который должен был вручить ключи от кастильской казны Изабелле или Ла Белтранехе и таким образом выбрать королеву и сдернуть невидимый покров с последнего акта средневековой истории. Наступал черед новой истории, в которой Изабелла Испанская должна была занять достойное место. Но это был поворот, которого никто не мог предвидеть. Кабрера, как человек порядочный, лишь следовал собственной совести и делал то, что казалось ему правильным в данный момент.

Он сказал Беатрис:

— Ла Белтранеха не дочь Энрике. Все знают это, об этом объявлено церковью. Король Энрике дважды сам подтверждал это. А потому Изабелла есть моя государыня и королева по праву.

— А ты остаешься по-прежнему королевским казначеем!

— Если она оставит за мной этот пост.

— А то нет! Но, Андрес, сначала ее должны короновать. Старые раздоры снова оживут, пока она не коронована.

— Конечно. Франция угрожает нам. Да и Португалия тоже. Раздоры грозят ослабить нас изнутри. Ей надо немедленно короноваться. Сегодня же!

— Не знаю, как она воспримет факт отсутствия своего мужа, — с сомнением произнесла Беатрис. — Она может отказаться от коронации до его возвращения.

— На это нет времени. Это может погубить нас, Беатрис.

— Он вот-вот будет дома, он страшно спешит, — ответила Беатрис. — Он холерик и жадюга, носящий маску холодного расчета. Не знаю, как она может его любить.

— Он ненавидит евреев, он жалкий человек, — бесстрастно сказал Кабрера. — Он назвал меня *mi primo*. Но это оттого, что у меня ключи от королевских сундуков. Я восхищен его храбростью, но он ни на минуту не одурачит меня.

— А Изабеллу?

Кабрера усмехнулся.

— Ты научила меня любить ее, а потом, когда я узнал ее лучше...

— Она околдовала тебя? Как и всех? Я отправлю ее во сне; да, я это сделаю!

— Она и тебя околдовала, Беатрис.

— Нет, это правда, — мягко ответила Беатрис. — Еще когда мы были маленькими девочками. Никто из тех, кто был знаком с ней, не мог не любить ее — будь то мужчина или женщина.

— Ну ладно, иди же к ней в покои, Беатрис, разбу-

ди ее и скажи ей, что она королева — может быть, она начнет действовать быстро.

— Уж я бы действовала быстро, будь я королевой, — улыbnулась Беатрис.

Первое, что сделала Изабелла, — отдала приказ прикрепить черный креп на штандарты Кастилии, Арагона и города Сеговии и вывесить их на флагиштоки на башнях алькасаара. Сама она надела траурное платье и долго возносила молитвы за упокой, а потом вместе с Беатрис и Кабрерой молилась об отсрочке, чтобы Фердинанд успел получить известие и вернуться из Арагона.

— Я уже послала гонцов с новостью о смерти Энрике к нему, во Францию, в Португалию и даже в Англию.

— И о твоём наследовании трона! — восторженно воскликнула Беатрис.

Изабелла с упреком посмотрела на Кабреру.

— У нас так мало времени, ваше высочество. У нас его правда нет! Пожалуйста, позвольте, я объясню.

Беатрис предостерегающе глянула на мужа.

— Пожалуйста, Андрес, давай лучше я.

Кабрера усмехнулся и удалился с поклоном. Изабелла впервые вкусила королевский этикет, с которым была очень хорошо знакома, но до сего момента ей не оказывали почестей в соответствии с ним. Она уже стала королевой. Монарх умирает, но власть его остается. Коронация — лишь формальность, хоть и красивая формальность, которая позволит собрать воедино раздробленный народ.

Беатрис говорила с ней, то умоляя, то предостерегая, коснувшись даже опасной темы огромных личных амбиций Фердинанда: она тактично заметила, что он вряд ли оценит излишнюю преданность Изабеллы,

если та упустит кастильскую корону и корона окажется в руках Ла Белтранехи. Стрела попала в цель: Изабелла вздернула подбородок. То был жест решительности, хорошо знакомый Беатрис.

Изабелла не стала отдавать приказа отозвать гонцов, которые спешили во все канцелярии Европы с новостью, что она приняла корону.

Несмотря на настояния Кабреры тотчас же провести коронацию Изабеллы, сделать это было вряд ли возможно. Архиепископ Толедский, чьей традиционной привилегией было короновать кастильских монархов, прислал гонца с извинениями: его преосвященство молился за упокой души короля Энрике и просил отложить день-другой.

Кабрера фыркнул.

— По-моему, он просто-напросто опять пытается гнать золото в своей лаборатории!

Беатрис задумчиво ответила:

— Не думаю. Изабелла боится, что он вообще не придет. Фердинанд считает, что Каррильо перекинулся на сторону Энрике. Когда-то он был сильнейшим из приверженцев Изабеллы, а теперь она ни весточки от него не получает.

— Ну, так мы просто возьмем и объявим ее королевой. Это вполне законно.

— Это не подействует на людей так, как надо, Андрес. Они будут думать, что их обманули, если не увидят короны на ее голове.

Кабрера кивнул.

— Знаю, знаю. Но каждый потерянный день прибавляет силу притязаниям Ла Белтранехи.

Однако на следующий день приехал Каррильо. Он похудел, постарел и немного помрачнел. Кабрера ска-

зал на ухо Беатрис, что старый тщеславный прелат, возможно, не смог сопротивляться искушению устроить великолепное священнодействие, в котором он сам будет играть роль столь же значительную, что и королева. Но Изабелла встретила его так, словно ничего не изменилось. При виде ее улыбки Каррильо слегка оттаял.

Каррильо был единственным, кто хмурился в тот день в Сеговии. Все смеялись. Простой люд, стекавшийся по узким мощеным улочкам к городской площади, чтобы поглазеть на процессию, был весел и радостен. Даже когда умирал хороший король, его преемника встречали со счастливой надеждой — закончилось время прежнего короля, и возможно, что завтра будет еще лучше, чем сегодня. Но когда умирал плохой король, король, чье правление не приносило ничего, кроме бедствий, надежда на лучшие времена перерастала в страсть. Таково было настроение, исходившее от людского моря и волнами передававшееся самой Изабелле.

В белом атласном платье и плаще, подбитом мехом горноста, она ехала на белом жеребце, покрытом золотой попоной до самых копыт. На попоне были красиво и искусно вышиты красные леонские львы и черные замки Кастилий. Изабелла ехала с непокрытой головой, поскольку на голову ей должны были возложить корону, а значит, никакого другого головного убора в тот день у нее не должно было быть.

Справа от нее, держа ее коня за посеребренную узду, шел архиепископ Каррильо в своей пурпурной мантии примаса, в митре, в перчатках, на которые были надеты кольца*, за ним следовал послушник с епископским посохом. Слева от Изабеллы, держа узду

коня с другой стороны, шел улыбающийся Андрес де Кабрера в щегольском бархатном плаще, с массивной золотой цепью на груди — знаком его положения.

За ними ехали всадники, препоясанные мечами, сверкая орденами и золотыми шпорами; а в центре этого отряда шли пешком два юных пажа знатного происхождения, которые несли на бархатной подушечке величайшее из сокровищ, хранившихся в сундуках Андреса де Кабреры: корону Фердинанда Святого*, которой насчитывалось три сотни лет. Изабелла думала, что сам Фердинанд Святой решил покончить с усобицей и объединить Арагон и Кастилию. Интересно, думала она, пробираясь сквозь круговерть мыслей, Фердинанд Святой и его жена были счастливы? Как странно думать о жене святого, хотя многие и многие святые имели жен. Ее это не касается. Она замужем не за святым. Изабелла улыбнулась этой глупой мысли, и ее белые ровные зубы сверкнули за свежими алыми губками, а сердце забилося сильнее.

Неожиданно она осознала, как ее любит народ. Сияющая улыбка, румяные от ветра щеки, блеск золотой попоны, соперничавший с блеском ее медных волос, — все это подчеркивало ослепительную белизну ее платья и великолепие белого в черную крапинку горноста. Впечатление было настолько сильным, что люди начали радостно кричать, словно на них снизошло видение.

— *Castilla! Castilla por la Reyna!* Кастилия за королеву, за донью Изабеллу! *Viva la princesa!* Да здравствует наследница престола!

То был день Изабеллы. Но некоторые вспоминали и о ее консорте. Несколько раз выкрикнули и имя дона Фердинанда. Она в ответ улыбнулась особенно тепло.

В последних рядах процессии шли монахи, священники, советники, солдаты, оруженосцы, арбалетчики, музыканты, трубачи, барабанщики и толпа простолюдинов, побогаче и победнее, — все перемешались друг с другом, заполнив до отказа городскую площадь.

В голове процессии скакал герольд в королевской ливрее с обнаженным мечом, держа рукоять на уровне глаз. На меч почти не обращали внимания, поскольку этот символ совершенно утратил свое значение за время правления короля Энрике. То был королевский меч правосудия, который означал, что королева по обычаю получала власть над жизнью и смертью десяти миллионов своих подданных. День был очень солнечный, небо синее — под цвет глаз Изабеллы, в которых притаились на дне зеленые искорки. Острый, как никакой другой, клинок меча правосудия отливал голубизной холодной стали.

В центре городской площади Изабелла взошла на помост, покрытый коврами и увешанный знаменами — помост воздвигли, как только узнали о смерти короля Энрике, — и села в кресло, заменившее трон. Она казалась очень маленькой и белой. Лицо ее приняло суровое выражение.

Молитвы и обращения к Богу длились долго, и сначала Каррильо исполнял свою роль словно нехотя, по принуждению. Но скоро холод проник под его мантию, пробрал его до костей, и он стал произносить слова быстрее, мечтая об очаге в своей лаборатории или хотя бы о свечах в кафедральном соборе. Беатрис трясло. Она изумлялась, как это Изабелла всю церемонию пробыла без головного убора. Тут ей пришла в голову еще более странная мысль: корона ведь не греет.

Наконец Каррильо взял корону с бархатной подушечки, которую поднес ему Великий адмирал. Он высоко поднял ее, так, чтобы все могли ее видеть. Над площадью повисло молчание, полное благоговейного трепета. Каррильо осторожно опустил корону на медные кудри Изабеллы, слегка растрепавшиеся от ветра. Корона пришлась как раз впору.

— Да не уронишь ты ее! — прошептал он, хотя эти слова не входили в текст службы на коронации. В его шепоте послышался отзвук его прежней отеческой манеры.

— Не уроню! — как эхо откликнулась королева.

Впрочем, он и не думал, что это когда-нибудь случится.

С площади процессия медленно двинулась в собор, где запели *Te Deum*, и все городские колокола зазвонили как безумные, разнося радостную весть, что в Кастилии теперь новая королева, а пушки палили со стен, и грохот их был слышен по всей округе.

Фердинанд, который спешил с юга, от пограничной войны, узнал, что он слишком опоздал, что жена не стала дожидаться его и разрешила короновать только себя.

Он примчался в ярости, замышляя месть. Тайную, неожиданную и особенно болезненную для Изабеллы.

ГЛАВА 16

Услышав о коронации Изабеллы, Фердинанд не стал возвращаться в Кастилию, как собирался вначале, а поскакал в Сарагосу, столицу Арагона. Его незаконнорожденному сыну было уже шесть лет. Все это время

ребенок находился под присмотром придворной дамы по имени Хуана, чья добродетельность была безгранична, а притязания невелики, поскольку она была каталонкой. Сначала она служила кормилицей, потом, когда ребенок подрос, стала просто нянькой.

Алонсо был крепким, красивым ребенком. Фердинанд сразу привязался к нему, когда Хуана показала ему сына, детскую, маленькую прочную кроватку и несметное количество игрушечных пушек, мечей и солдатиков.

— Хорошо! — сказал Фердинанд. — Вы вырастите из него мужчину, несмотря на то, что сами вы — лишь женщина. — В тот момент он от всего сердца ненавидел всех женщин.

— Ваше величество очень добры, — ответила нянька. — А?

После коронации Изабеллы Фердинанд был королем уже двух держав, но не «величеством». Лишь один европейский монарх, король Франции, именовался этим царственным титулом.

— Вы умеете льстить, сеньора Хуана, — он критически оглядел ее.

Она была веснушчатая, розовая и маленькая.

— Вы так потрясли меня своей внушительностью и храбростью, ваше высочество. Должно быть, в тот миг я думала о том, как вы спасли нашего старого государя, когда его едва не взяли в плен французы.

Она имела в виду случай на границе, когда старый король ринулся прямо в гущу схватки и, обессилев в бою, был окружен швейцарскими наемниками, которые едва не передрались, кому достанется выкуп за такую добычу. Гонсальво де Кордова в мгновение ока прискакал с тяжелым рыцарским отрядом и отбил ко-

роля, прежде чем тот успел получить серьезные ранения. И Фердинанд, бросив свое командование пушками, помчался на выручку.

— Величество, — извиняясь, продолжала няня, — просто вырвалось у меня, потому что вы вполне достойны такого титула.

— Любой другой на моем месте поступил бы так же, — сдержанно ответил Фердинанд, — к тому же первенство здесь следует отдать дону Гонсальво де Кордове за его огромную помощь.

— Ты тоже вырастешь и станешь славным воином, как твой отец, — сказала нянька Алонсо. — Он такой смысленный, видите, ваше высочество, и все время проводит в сражениях. — Она указала на игрушки.

— У меня другие планы насчет сына, — ответил Фердинанд. Погладив мальчика по черным кудрям, он спросил: — Ну, дружище, хочешь быть архиепископом?

— Не знаю, сеньор.

— Не «сеньор», а «государь», — поправил Фердинанд.

— Не знаю, государь.

— Я не учила его говорить «государь», потому что — ну, из-за обстоятельств его рождения — люди могут начать сплетничать.

— Все скоро узнают, что я стал королем, — ответил Фердинанд. — Государь значит и «монарх», и «отец».

— Так вы признаете его? О, ваше высочество, вы так добры, так щедры, так великодушны! — Слезинки умиления и радости заблестели в ее глазах. — Она знала, что от этого глаза ее засияют еще ярче. Она схватила его руку и с восторгом и преданностью поцеловала.

— Ну же, ну же, оставьте это, — пожурил ее донельзя растроганный Фердинанд. Но при этом он пре-

красно понимал, что публичное признание его незаконнорожденного сына невероятно возвысит ее положение при арагонском дворе.

— Если бы ваше высочество смогли оставить меня в прежнем положении после того, как вы совершите этот чудесный поступок! — взмолилась она и вновь заплакала. — Я так люблю мальчика! Я столько ему отдала!

Фердинанд равнодушно оглядел ее с головы до пят. Она напоминала смуглую красавицу Беатрис де Бобадилью, но ее красота была мягче, податливей.

— Думаю, я смогу сделать это, — ответил он с улыбкой.

— Архиепископ! — восторженно воскликнула Хуана. — Оказаться няней будущего архиепископа! Я раздобуду свечей, книг, ладану и колокольчики, ваше вели... ваше высочество, и стану с малолетства готовить его к святой жизни!

Фердинанд ухмыльнулся:

— Боюсь, ладан придется зажигать в его пушках. Он не так скоро приступит к архиепископским обязанностям.

Архиепископ Сарагосы недавно умер, и цвет арагонских священнослужителей до сих пор не мог найти преемника. Все короли имели огромную власть в назначениях на подобные посты, и церковь почти всегда одобряла выбор светских правителей. Иногда выбирали несовершеннолетних, которые обладали надлежащим титулом и доходами, но которые, естественно, не отправляли никаких священнических функций, а их обязанности передавались настоящим прелатам. Церковь, чтобы сохранить единство, шла на компромисс с алчными королями, чтобы за счет малых потерь сохра-

нить христианскую веру, раскалывающуюся на национальные церкви, и в конце концов потеряла все. Естественно, Фердинанд лично назначил содержание новому маленькому архиепископу.

Архиепископ Алонсо Сарагосский был назначен и утвержден надлежащим образом. В Сеговию отправился герольд с новостями. Изабелла узнала, что ее муж имеет незаконнорожденного сына одного возраста с ее инфантой или чуть старше ее и осыпает его милостями.

На няньку архиепископа Фердинанд не стал тратить время, несмотря на ее веснушки и податливость.

Отец предостерег его:

— Такие вещи, сын мой, впоследствии иногда ставят нас в неловкое положение. Я знаю это по опыту, и тебя это также не минует.

— Моя жена решила жить собственной жизнью, но ведь и я имею на это право, — отрезал Фердинанд.

— Думаю, тебе лучше вернуться в Кастилию, — сказал старый король. — Гонсальво де Кордова может сам справиться с делами на границе. Они, кажется, отступились с тех пор, как им не удалось поймать меня. Хороший человек этот дон Гонсальво.

— Для кастильца, безусловно.

Фердинанд все еще злился. Он негодовал на то, что отец дает ему советы и хвалит де Кордову. Поскольку он знал, что и совет и похвала вполне справедливы, то расчетливо ткнул старого монарха в слабое место:

— Мне не нравится, что городское управление Сарагосы в мое отсутствие доведено до столь плачевного состояния. Налоги отданы на откуп еврейским ростовщикам, констеблям* не платили, на улицах нападают на людей, ни одна достойная женщина не осмеливается выйти на улицу без сопровождения даже в дневное

время. Отчего ты так и не обуздал этого Хименеса Гордо, который отвечает за порядок в городе?

— Сын, у нас была война, — устало ответил король. — Во время войны все обычно немного приходит в упадок. Мэр Гордо не святой, я с этим согласен; но в отсутствие войск он единственный, кто вообще может поддерживать порядок. Простой люд уважает его, поскольку он сам — выходец из простолюдинов. Да, я знаю, что он крадет.

— Мне придется отложить отъезд в Кастилию, пока я не приведу его в разум, — недовольно сказал Фердинанд.

— Я думаю, Изабелла тоскует по тебе, так что лучше тебе поторопиться, — с сомнением в голосе ответил король Хуан.

— Если она тоскует обо мне, почему она не напишет об этом прямо?

— Ты должен понять сын, что нанес ей ужасный удар с этим внезапным появлением Алонсо.

Фердинанд ухмыльнулся.

Вскоре пришло письмо от Изабеллы. Она поздравляла мужа с полным разгромом французов. «Правда, сообщают, что они снова собираются над Гипускоа, — предупреждала она и добавляла: — Мне не хватает тебя», — побуждая его вернуться в Кастилию в качестве короля-консорта, где верные гранды ждали, чтобы поцеловать его руку. «Я сейчас тебя удивлю, супруг мой, — писала она, — дон Белтран де ла Куэва объявил, что он за нас! В этом мире каждый день приносит новые сюрпризы, приятные и не очень», — этой фразой Изабелла, как могла, выразила, какую страшную рану нанесла ей грянувшая как гром новость об архиепископе Саргосы.

Все еще злясь, Фердинанд написал в ответ, что не может приехать, пока не закончит одно срочное дело в Сарагосе. Он обещал ей, что это не займет много времени. Так оно и вышло.

Мэр Хименес Гордо получил наводящее трепет приглашение явиться во дворец. Принц Фердинанд желает, сказал посланец, встретиться с ним с глазу на глаз и высказать, насколько высоко он ценит его управление городом в военную пору.

Гордо, уже чувствуя на своей шее очередную наградную цепь, немедленно подчинился. К его удивлению, слуга у входа во дворец сообщил ему, что сегодня не приемный день, так что его высочество встретится с ним наедине в своих личных покоях. Гордо горделиво выпятил грудь, словно зобастый голубь. Он был еврей-выкрест, новообращенный христианин. Так что ему было чем гордиться. Однако отвращение Фердинанда к крещеным евреям уже приобрело печальную известность.

В личных покоях принца Гордо озадаченно огляделся. Там было совершенно тихо и пусто. Затем из-за одного настенного ковра вышел священник, а из-за другого — публичный экзекутор, он же сарагосский палач. Затем уже через дверь вошел сам Фердинанд.

— Мне жаль, что процедуру придется укоротить, — сказал король, улыбаясь. — Сначала исповедуйтесь в грехах святому отцу, чтобы покинуть этот мир с чистой душой, а потом я буду судить вас.

Гордо взвизгнул и бросился бежать. Палач свалил его ударом маленькой ручной секиры.

— Я знаю, что в душе он остался евреем, — сказал Фердинанд священнику. — Он даже не стал исповедоваться.

На другой день тело выставили на рыночной площади. После этого беспорядки в Сарагосе прекратились. Развев свой гнев в урагане крови и похоти, Фердинанд вернулся в Кастилию.

Если бы Изабелла была всего лишь женой крестьянина, а муж ее был обыкновенный пахарь, соседи на мило вокруг судачили бы о ее бедах, ведь ничто так не занимает людей, как чужая частная жизнь. Но она была королевой, а Фердинанд королем, так что сплетни распространялись по всей стране.

— Как она примет его? — с тревогой говорил Кабрера. — И прекрати реветь, Беатрис. Я не прячу в подвале незаконных детишек!

— Откуда мне знать! — крикнула Беатрис. Глаза ее были красны от слез.

— В этом нет ничего хорошего для страны. Мы ведь только что вроде бы объединились — и на тебе! Если уж монархи не могут жить в согласии, чего можно ожидать от простого народа? Теперь все разделится на сторонников Фердинанда и сторонников Изабеллы.

— Ох нет, только не это! Ты не знаешь Изабеллу. «Как она примет его?» — передразнила Беатрис мужа. — Она примет его как *королева*. Это единственный способ обуздать этого зверя!

С поджатыми губами, сухими глазами и болью в сердце Изабелла несколько дней подряд совещалась с лучшими законниками и самыми верными грандами из числа ее сторонников, среди которых были как светские лица, так и священнослужители. Каждый знал, что ей нанесено личное оскорбление. Хотя она ни разу не упомянула этого. Поскольку она должна жить во

имя Испании, она решила сделать Испанию достойной себя самой, каждого испанца и Фердинанда. Предостережение Беатрис уязвило ее в самое сердце: «Оценит ли он тебя, если ты проиграешь?»

Фердинанд не ожидал приема, который был ему оказан. Он избавился от раздражения и теперь был сдержан и готов к защите, собираясь сказать, что только мужчина должен быть хозяином в своем доме.

Она приняла его, сидя на троне в огромном дворцовом зале, с драгоценной диадемой на голове, окруженная блестящим обществом самых влиятельных аристократов Кастилии. Бледность лишь подчеркивала ее красоту; ее хрупкая фигурка почти терялась среди ее свиты; но сила власти словно волнами распространялась вокруг нее. Фердинанда до глубины души потрясло, что эта прекрасная, царственная женщина — его жена, вокруг нее собралось все древнее величие Кастилии, земли камней и святых. Он сразу заметил, что присутствует даже кардинал Мендоса. Как ей удалось привлечь кардинала на свою сторону? Лица придворных были серьезны, но не злы. Он вдруг почувствовал себя так, словно явился на суд.

Но Изабелла носила его кольцо; Изабелла носила его ожерелье. И его крест. Если он и на суде, то судья, по крайней мере, не враг ему.

Она поднялась, чтобы приветствовать его, и простерла руки, но не сделала ни шага навстречу. Он словно увидел себя со стороны: вот он поднимается на возвышение, падает на колени, целует ее руку. Потом, к собственному изумлению, он увидел, что от него, как от консорта Владетельной Королевы Кастилии, именно этого и ожидали. Потом, повинувшись порыву, он поцеловал ее в щеку, очень бледную. Изабелла слегка по-

розовела, и ликование, поднявшееся в полном зале, было вполне искренним. Но Фердинанд понимал, что все радуются не за него, а за его жену.

Изабелла пожала руку мужу, когда он сел на свободный трон рядом с ней. Она отклонила все возражения Геральдической коллегии и настояла, чтобы его трон был поставлен на одном уровне с ее собственным, хотя кастильская традиция требовала, чтобы трон консорта стоял на добрых три дюйма* ниже трона монарха. Это очень хорошо, подумал Фердинанд.

И как приятно было слушать крики: «Кастилия за дона Фердинанда, *Castilla por el Rey, por los reyes*, Кастилия за короля, за короля и королеву!» Он стал королем Кастилии.

Потом знатнейшие сеньоры, начиная с кардинала Мендосы, по очереди преклоняли колени и целовали ему руку, присягая на верность. И это кастильцы-то с их твердокаменной гордыней! В тот момент, отбросив всю присущую ему сдержанность, он горько пожалел о своем недавнем поведении в Арагоне, особенно об опрометчивых обещаниях, данных няне Алонсо.

Он продолжал открывать в жене все новые качества. Изабелла заставила себя сделать еще один шаг, восхитительно учтивый и гораздо более значительный, чем все прежние. Ее законники подготовили искусные комментарии к каждой оговорке их брачного контракта и доказали арагонцу, что с практической точки зрения все эти оговорки ничуть не унижают его, а, напротив, защищают его выгоду, равно как и благо Испании. А что до обнаженного меча правосудия, который пронесли перед королевой — именно эта деталь ритуала в свое время привела его в ярость, — то разве в интересах мужа королевы Кастилии, чтобы беспорядок, тво-

рившийся в пору царствования Энрике, продолжался и в пору его собственного правления? Неужто он хочет, чтобы в королевстве, где все указы подписывались совместно Фердинандом и Изабеллой — *Io el Rey, Io la Reyna*, — его указы не имели силы?

Если уж Изабелла не смогла околдовать его, да и не надеялась на это, то в том, что сумела его убедить, она была уверена твердо. Впрочем, она преуспела и в том, и в другом.

— А теперь, — сказал Кабрера, переведя дыхание, — она может приставить его к делу. Сражений для него найдется достаточно.

— Может, он не такая уж и скотина, — утрюмо подытожила Беатрис.

В супружеском алькове, полном томительного желания Изабеллы и угрызений совести Фердинанда, пренебрегшего ею ради няньки Алонсо, король шептал:

— Прости, что мне пришлось так долго оставаться в Арагоне.

— Ты сражался за благородное дело, — отвечала Изабелла. — Я была с тобой каждую минуту.

Он знал, что она имеет в виду, и ему стало неловко. Особенно при воспоминании о некоторых из этих минут.

Она не упоминала Алонсо, но Фердинанд понимал, что ему придется заговорить самому.

— Я даже не знал о тебе, когда водил знакомство с матерью мальчика. Понимаешь, я должен был его признать. Оно и к лучшему.

— Я не упрекаю тебя, дорогой.

Ему хотелось, чтобы она упрекала его. Он мог бы припомнить о древнем праве принцев на измену. Она не дала его гневу разгореться.

— Как тебе удалось заполучить кардинала Мендосу? Изабелла, мой маленький советник, это был мастерский удар!

— Он пришел сам, по доброй воле. Энрике не признал Ла Белтранеху даже на смертном одре, и Мендоса просто не мог признать ее притязаний. Знаешь, что теперь должно произойти с Ла Белтранехой?

— Я был так занят, — ответил Фердинанд, — что мне было не до нее. Так что же? Монастырь?

— Она собирается замуж за Альфонсо Португальского.

— О, нет! — рассмеялся Фердинанд. Его смех и ласки снова заставили ее душу петь. — Боюсь, это будет нелепо, дорогая моя, — серьезно сказал он в следующее мгновение.

— Так и есть. Людовик, король Франции, не признал ни тебя, ни меня; он поддерживает Ла Белтранеху. Мендоса думает, что нам придется воевать на два фронта: с Португалией и с Францией. Бедняга Энрике! Он мог так легко избежать войны за наследование. О, мой дорогой, мой милый, я так рада, что ты вернулся ко мне! У нас столько дел! Мы можем расправиться с ними только вместе.

— *Io el Rey, Io la Reyna*, — тихо произнес Фердинанд, смакуя слова.

Ему доставляло удовольствие именоваться, согласно кастильскому этикету, *Io el Rey*, «Я, король», и ставить свое имя первым, несмотря на то, что король в данном случае мог быть всего лишь консортом.

— А где Каррильо? — спросил он. — Делает золото?

— Надеюсь, с этим покончено.

— Или ревнует к кардиналу?

— Боюсь, что так.

— Плохо, плохо, — сказал Фердинанд. — Теперь мы наверняка потеряем его. Но это ничего. Я этого не допущу. Обещаю.

Изабелла была почти уверена, что ее старый друг, который публично оскорбил ее и Фердинанда, окончательно переметнулся к их врагам. Зато как хорошо было видеть, что лицо Фердинанда словно осветилось, когда он заговорил об их будущем. Как будто она впервые узнала его. Она давно не чувствовала себя такой счастливой — со дня их свадьбы, которая, казалось, была сто лет назад. Фердинанд тоже был счастлив — теперь он имел возможность участвовать в управлении государством, более обширном, чем Арагон.

— Но в нашей Кастилии, — он всегда говорил «в нашей», — невероятный беспорядок. Перед тобой ведь пронесли обнаженный меч правосудия, вот и бери его!

— Я и собиралась. По-своему.

— У меня в Арагоне случилось нечто похожее. В Сарагосе у власти стоял крещеный еврей...

— Я слышала о смерти Хименеса Гордо, Фердинанд. — Это было сказано тоном явно неодобрительным, но она позаботилась о том, чтобы это не прозвучало как открытое осуждение.

— При свете дня совершались убийства, по улицам было опасно ходить, лавки подвергались грабежам, всюду процветала продажность. Но здесь, в Кастилии, такое творится по всей стране. Необходима сила, моя дорогая.

— Силы достаточно. Но не твоей и не моей, в противном случае наши люди назовут это убийством под личиной закона, убийством без суда и следствия. Они скажут, что мы начали свое правление, обогрив руки кровью. Мы не должны допустить этого. — То ли Иза-

белла использовала королевское «мы», говоря лишь о себе, то ли она имела в виду и Фердинанда. Ему напомнили, что монарх — она, а он всего лишь консорт.

— И каков же будет *наш* план? — спросил он, напирая на слово «наш» с некоторым сарказмом.

Изабелла рассказала ему об одном старинном учреждении, которое некогда сложилось в Кастилии в годовину бедствий. То была Санта Эрмандада, Святое Братство*.

Фердинанд засмеялся:

— Это что, вроде моей инквизиции? *Ты* делаешь успехи!

Это совершенно не похоже на инквизицию. Это было общество добровольцев-горожан, следивших за порядком. Вначале эти местные стражи порядка занимались своим делом без всякой платы.

— Но мне не верится, что нынче можно восстановить Эрмандаду без средств, — задумчиво сказала Изабелла.

— Мне тоже, — хмуро кивнул Фердинанд. — Твое Святое Братство разбежится.

— Да.

Все же способ платить Эрмандаде существовал.

Изабелла собрала на кортесы представителей всех городов, подчинявшихся ей и Фердинанду. Она предложила восстановить Эрмандаду, но не в виде независимых отрядов, а как службу охраны порядка всей страны под единой властью главного старшины, назначаемого короной. Способ оплаты, придуманный ею, был прост: только те города, которые платили небольшой налог на поддержание Эрмандады, получали защиту от беспорядков. Кортесы полностью одобрили эту меру. То была первая из ее многочисленных ре-

форм — действенная, поскольку простая. А поскольку управление Эрмандадой находилось в руках самого населения, то люди и не жаловались на жестокость ее методов.

— Кого мы назначим главным старшиной? — спросил Фердинанд.

— Может, ты сам станешь им?

— Нет, думаю, не стоит.

— По правде говоря, я тоже так думаю. Эрмандада — плебейская сила, а король Испании — не простолюдин. Главным старшиной должен быть выходец из народа.

Фердинанд улыбнулся собственным мыслям:

— Изабелла...

— Да?

— А не взять ли моего сводного брата-бастарда*, герцога Вильяэрмоса? Он человек честный и способный управлять.

Изабелла рассмеялась. Фердинанд вздохнул с облегчением, услышав ее смех при упоминании бастарда.

— Ну, он уж точно человек из народа, — согласилась она. — Думаю, это прекрасный выбор. Тогда у нас в Кастилии снова появятся арагонцы, и дураки перестанут называть арагонцев чужаками. Наши люди должны учиться именовать себя испанцами, а не кастильцами или арагонцами.

Красавец и щеголь, герцог Вильяэрмоса снискал популярность в народе — он много сделал для борьбы с терзавшим страну беспорядком. Везде, где появлялась Эрмандада, преступления прекращались, ибо расправа с преступниками была короткой. Самым мягким наказанием для попавшихся впервые было отсечение частей тела — носа, руки, ступни, ушей. Попавшихся

во второй раз привязывали к ближайшему дереву и расстреливали из луков. Меч правосудия Изабеллы оставался таким же острым, каким был в день ее коронации. Но направлял его сам народ.

Как только утих беспорядок дома, во дворце и в стране, пришли в расстройство внешние дела.

Альфонсо Португальский вторгся в Кастилию с запада. Пройдя сорок миль в глубь страны, он остановился в Пласенсии, где к нему присоединился молодой маркиз Виллена, прискакавший из Мадрида со всеми своими вассалами. Вместе с Вилленой были Ла Белтранеха и ее мать королева Хуана, которая потеряла красоту, но не честолюбие.

В Пласенсии, на поспешно воздвигнутом помосте, тучный седой король торжественно обвенчался со своей тринадцатилетней племянницей, при бурном ликовании всех врагов Фердинанда и Изабеллы: «Да здравствует король Кастилии! Да здравствует королева Кастилии!» Они считали Ла Белтранеху наследницей короля Энрике и правительницей королевства. Так что теперь в этой древней стране, на этом щите христианского мира, было два короля, две королевы.

На юге зашевелились мавры Гранады; они перешли границу в горах, захватили несколько городов и наполнили свои тюрьмы пленниками, а дворцы — рабами.

С севера, от Пиренейских гор, король Людовик Французский прислал насмешливое письмо с поздравлениями новобрачным, к которым он обращался как к «сильнейшим и могущественнейшим, истинным и законным правителям Португалии, Африки, Кастилии и Леона». Затем его армии вторглись в Гипускоа, самую северную провинцию Кастилии.

Было и кое-что похуже. Архиепископ Каррильо из-

менил. Изабелла горько плакала, когда узнала, что он с двумя тысячами своих вооруженных людей перешел на португальскую сторону и принес клятву верности Альфонсо и Ла Белтранехе.

Фердинанд знал, что Изабелла редко плачет; но то, что она плакала, было вполне естественно, принимая в расчет ее чувства к старому другу и защитнику ее детства. Слезы лились и лились, словно она была не в силах их остановить.

— Милая, дела, конечно, плохи, но все же поправимы. Это непохоже на тебя. Каррильо не стоит ни единой твоей слезинки, а тем более — такого слезного ручья. Он оплачивает свои войска колдовскими деньгами, которые рассыплются в пыль, и тогда войска разбегутся. Ну вздерни свою прелестную головку, как ты всегда делаешь! — Он понарошку замахнулся на нее своим большим кулаком, чтобы заставить ее взглянуть на него.

— Фердинанд, ты хочешь принца?

От удивления он поднял брови на добрый дюйм.

Она спрятала лицо у него на груди.

— Давай будем молить Господа, чтобы на сей раз это был принц.

Он сжал ее в объятиях.

ГЛАВА 17

Если бы Фердинанд размышлял со спокойной душой и в холодном рассудке, то верно бы оценил соотношение сил против Кастилии и отступил бы. Но его жестоко мучила совесть. Ему нужна была скорая победа, чтобы оправдать себя в глазах Изабеллы и своих собственных. Это заставляло его спешить.

Изабелла, напротив, не думала о соотношении сил. Сердце ее было полно стойкой веры в свою правоту, так что места для тонких расчетов не оставалось. Хронисты в монастырях, описывая ее удивительные успехи, достигнутые за несколько тяжелых месяцев, не стеснялись называть ее святой при жизни. Она не была логична, но ее подвиги были великолепны.

Чтобы прогнать португальцев и французов, требовались деньги, войска и, кроме того, — воля к сопротивлению, которой трудно было добиться от страны, где за долгие годы продажности и нищенства утратилось чувство собственного достоинства, где усталость от войны была так сильна, что люди были готовы купить мир почти любой ценой. В рабстве есть соблазн безопасности.

Путь для вторжения с запада в наиболее населенные области Кастилии пролегал через долину Дуэро. И потому Изабелла основала ставку в городе Тордесильясе, который преграждал этот путь. Стояла зима, и войско толстого старого Альфонсо, забавлявшегося со своей юной женой в Пласенсии, отошло на зимние квартиры, как то было принято в военных кампаниях. Португалец был уверен, что Изабелла не станет ничего предпринимать до весны.

Но Изабелле было все равно, какое время года на дворе. Несмотря на неважное самочувствие, она целыми днями скакала верхом, и потому беременность ее протекала тяжело. Ей не было дела ни до чего, кроме Испании.

Фердинанд протестовал. Ее глаза в ответ полыхали зелеными искрами.

— Я должна делать все, что должна сделать, и ты тоже, — говорила она.

— По крайней мере, пусть твои дамы тебя сопровождают.

— Они будут только мешать мне.

— Тогда возьми с собой меня.

— Но ведь ты же должен собирать деньги, людей, провизию, оружие. По отдельности мы сможем охватить вдвое большую территорию и собрать вдвое больше того, что нужно!

— Нет, все-таки так нельзя!

— А допускать захватчиков в Кастилию можно?

Ему нечем было возразить.

Объезжая стороной вражеские города, она заходила в каждое селение, которое открывало перед ней ворота, вырывала у городских правителей обещания прислать отряды, у муниципальных казначеев — обещания дать денег, закупала припасы у торговцев. Ради Испании она могла торговаться, как на рынке. Любую, самую крохотную деревушку Изабелла считала достойной того, чтобы появиться на ее рыночной площади, если это сулило ей заполучить хоть полдюжины всадников, десяток пехотинцев или просто крестьян. В больших дружественных городах она ухитрялась выпросить пушку-другую. Медленно, под напором её просьб и красноречия, с которым она описывала грозящие опасности, армия начала расти.

Фердинанду не так повезло, хотя он тоже много трудился: даже в час смертельной опасности кастильская гордыня не сразу принимала чужака. Слыша о растущих силах Изабеллы, задетый тем, что слабая женщина способна на большее, чем он, Фердинанд открыл двери тюрем и выпустил мелких злоумышленников, которые решили заслужить прощение, завербовавшись на его службу. И тогда у него появилась армия! Когда

он присоединился к Изабелле весной, она с ужасом увидела его сборище безухих, с рваными носами бездельников.

— Не время привередничать, — сказал Фердинанд. — Я должен сделать то, что должен. Ты сама так сказала. Как твои дела, дорогая?

— Неплохо, — ответила она. Но ее ввалившиеся щеки и смертельная усталость в глазах свидетельствовали об обратном.

— Изабелла, я запрещаю тебе ездить верхом! Ты сотворила чудо. Но никто, кроме меня, не оценит этого по-настоящему. Довольно — значит довольно. Ради нашего принца ты должна отдохнуть. Отдохнуть здесь, в Тордесильясе, и оставить прочие дела войны мне.

— Боюсь, Фердинанд, что и в самом деле придется.

Он не ожидал от нее такой готовности. Это был тревожный симптом. Более, чем когда-либо, он нуждался в скорой победе.

Чувствуя его нетерпение, она предостерегла:

— Война на два фронта может затянуться. Терпение войск не беспредельно. Ты должен муштровать их, Фердинанд, чтобы их можно было удержать в руках в час победы, особенно если победа придет не сразу.

Она словно упрекала его за распушенность его войска или сомневалась в его надежности.

Фердинанд положил руку ей на плечо.

— Ты согласна оставить войну мне?

Изабелла вздохнула. И все же, подумала она, у нее нет причин сомневаться в военных талантах ее мужа.

— Сначала я раздавлю этого толстого червяка-кровосмесителя Альфонсо! Предательский Торо, который открыл перед ним ворота, получит хороший урок, когда я кое-кого повешу.

Кастильский город Торо, стоявший на реке, по которой пролегал удобный путь для вторжения, предался под власть Португалии. Туда-то и отступил Альфонсо со своей женой, чтобы возглавить и объединить захватчиков.

— Вешай только главных предателей, Фердинанд.

— Ну конечно, глупышка! Не делай мученика из овцы, когда можно повесить козла отпущения. Что за странные замечания ты нынче делаешь. — Он поцеловал ее в щеку. — Не волнуйся. Я знаю, что делать. Храни тебя Господь, и упаси Он тебя от верховой езды. Кажется, только Господь и может удержать тебя от этого. Носилки с мягкими подушками будут для тебя пока что самым безопасным местом, Изабелла.

— Я не хочу, чтобы меня таскали, как старуху или калеку! В том, чтобы носить ребенка, нет ничего ненормального или болезненного.

— Но тогда хотя бы езжай на спокойном муле.

— Ох, ну хорошо, — пообещала Изабелла.

Но она чувствовала себя неловко, когда на следующей неделе Фердинанд попрощался с ней, уделив несколько часов муштре своих солдат, большинство из которых были куда более искусны в обращении с кинжалом по ночам, чем с мечом при свете дня в битве, и привыкли наносить удары в спину, а не в грудь.

— Я обещал им добычу в Торо! — сказал он. — Это вся подготовка, которая им нужна.

Изабелла надеялась, что он прав. Но она хотела, чтобы он взял пушки, которые дали верные ей города. Однако Фердинанд пожаловался, что громоздкий груз только задержит его и что порох крайне дорог — этого она не могла не признать. Сундуки Кабреры никогда не были столь пусты, даже в правление короля Энрике.

Еженедельно казначей посылал ей сообщения о тающих средствах. Было довольно трудно собирать налоги даже в мирные времена, а уж когда страна вела войну на два фронта, это было совершенно невозможно. Кое-какие деньги на самом деле продолжали капать от дона Абрахама Старшего, главного раввина и генерального сборщика налогов Кастилии, финансового кудесника и верного сторонника. Но из Андалузии, где всегда царил хаос усобиц и которую теперь затопили толпы мавров, вообще нельзя было получить что-либо.

При взгляде на стены Торо последние слабые надежды Фердинанда на победу испарились. Расставшись с Изабеллой, он осознал истинную «силу» своего воинства. Торо был наполовину окружен Дуэро, естественным и непреодолимым защитным водным рубежом. Береговые укрепления на берегу были отвесными. Фердинанд с первого взгляда понял, что его тюремные крысы никогда не смогут преодолеть их. Более подготовленные войска Изабеллы, может быть, смогли бы. Но даже если бы они могли пожертвовать собой до последнего человека, осмелились бы его оборванцы пойти за ними следом по этим головокружительным стенам и завершить дело? В этом он очень сомневался. К нему вернулась вся сдержанность его предусмотрительной натуры, и он послал назад гонца за артиллерией, порохом и ядрами, с приказом купить их, даже если Кабрере придется окончательно опустошить королевские сундуки. Он был уверен — так он сказал, — что у Кабреры есть больше, чем то небольшое, что он показывает. В свое время Кабрера вводил в заблуждение короля Энрике. Очень похоже, что теперь он вво-

дит в заблуждение короля Фердинанда и королеву Изабеллу своими еврейскими штучками.

Тем временем он послал курьера с флагом перемирия к большим воротам Торо и с личным предложением королю Альфонсо, которое, по его словам, сулило большую выгоду как Португалии, так и Кастилии, поскольку могло сохранить бессчетное множество жизней и закончить войну в согласии с традиционными канонами рыцарства — то есть тем способом, который мог указать победителя милостью Господней. Альфонсо вежливо принял посланца и, побагровев до самых корней седых волос, прочел вызов от Фердинанда на личный поединок! Кто победит — тот и выиграл войну.

— Он куда увертливей моего доброго друга, короля Людовика Французского! — в смятении воскликнул Альфонсо.

Он призвал своих советников и попросил их найти выход из затруднительного положения, и более того — упрашивал их скрыть от его юной жены то, что он не способен выйти на поединок со стройным и сильным молодым королем Кастилии.

Однако он не мог и отказаться.

По совету своих министров он отослал герольда обратно с ответом, что он встретится с Фердинандом в любое время, но что Фердинанд должен согласиться на обмен заложниками.

— Поскольку я не сомневаюсь, — сказал Альфонсо с намерением оскорбить, но на самом деле отдавая должное Изабелле, — что, когда я убью ваше арагонское высочество, ваша жена продолжит войну без вас, презрев выражение воли Господней.

Фердинанд усмехнулся. И ответил, что будет рад обменяться заложниками.

Следующий герольд Альфонсо объявил, что заложниками будут их королевы. Изабелла за Белтранеху! Теперь уже Фердинанд вспыхнул от гнева. «Об Изабелле будут заботиться лучшим образом, — гласило послание Альфонсо. — Донья Беатрис Португальская, ее тетка по матери, которую она не видела со дней своей юности, будет рада приветствовать ее в своем доме и с любовью окружить ее удобствами и заботой. Что же до моей королевы, то я знаю, что вы обойдетесь с ней почтительно».

Когда его гнев утих, Фердинанд ответил с ледяной вежливостью, что состояние королевы Изабеллы не позволяет ей путешествовать. Он может, однако, послать заложницей свою дочь, инфанту.

Альфонсо отказался от инфанты, и на этом трагикомедия закончилась. Торговля заняла много времени. Война продолжалась, Фердинанд держал затянувшуюся осаду, войскам не было платы, припасы подходили к концу. Каждый день приходили обескураживающие новости об опустошениях, совершаемых французами, которым на севере не было никакого сопротивления. Изабелла писала, что пушки и порох можно доставить, не стоит отчаиваться; единственное препятствие — размытые дождями дороги. Но она приведет их в порядок.

Она в самом деле приводила их в порядок! Она лично следила за перевозкой оружия, подгоняла рабочих, сидя верхом с утра до ночи. Они работали для нее, словно негры-рабы, но прежде, чем работа была завершена, она вернулась в Тордесильяс в ледящем, паническом ужасе.

У нее был выкидыш. Она заклинала врача сохранить тайну, не говорить Фердинанду, что это мог быть мальчик, принц, которого он желал, которого требо-

вал. Врач сдержал свое слово, но, конечно же, Фердинанд узнал.

Он мигом оставил осаду Торо. Его мятежные отряды уже давно оставили ее, дезертируя по двое, по трое, а затем и дюжинами, проклиная чужеземцев, которые никогда им не заплатят и даже не накормят. Многие направились в Португалию, многие присоединились к баронам-разбойникам, чьи темные замки высились в холмах, многие сделались грабителями, наводя ужас на дорогах и грабя поселения. Эрмандада была занята охотой на них многие месяцы, пока по дорогам стало можно передвигаться, не натываясь каждую лигу на ограбленные трупы.

— Я говорил тебе. Я просил тебя — не ездь верхом, — упрекал ее Фердинанд. — Нет, я приказывал тебе.

В глазах Изабеллы вспыхнули зловещие зеленые огни. Никто не приказывает королеве Кастилии, даже ее консорт. Но она сдержалась.

— Принц! — мрачно пробормотал Фердинанд. — Будущий король Испании! Боже, какая ты дура! Я не отрицаю, ты делала то, что нужно. Но это же было безумие, безумие!

— Если мы не завоюем Торо, Испании не будет, — сказала она. И затем, более мягко, коснувшись своей рукой его: — Может, Господь пошлет нам другого, вместо нашего потерянного малютки.

Это была мольба, обращенная больше к Фердинанду, чем к Богу, просьба не отстраняться от нее, как он сделал после рождения инфанты.

— Может быть, — сказал Фердинанд.

И тут, в самую полночь их судьбы, пришла помощь — как чудо: с той стороны, откуда ее не ждали.

Кардинал Мендоса совершил самый выдающийся акт веры за всю свою долгую проповедническую карьеру, акт веры в человека. Вся Европа говорила о нем. Ничего подобного не случалось в истории христианства со времен крестовых походов.

ГЛАВА 18

— Эту Кастилию очень трудно понять, — сказал Фердинанд не слишком радостно, поскольку все это казалось безумством.

Это была страна, породившая Каррильо, архиепископа, который пытался получить нечто из ничего, пытался сделать золото. И однако эта самая страна, где все делалось до конца, породила и Мендосу, кардинала, который ныне высыпал в подол Изабелле все сокровища церкви одной огромной, непрошеной, нежданной грудой.

Зная, как она бедна, он заговорил с ней, предложив заем. Не деньгами — на самом деле церковь была так же стеснена в средствах, как и государство. Но в серебре и золоте, чтобы они были переплавлены в монеты. Срок — три года. Выгоды — никакой. Гарантии — одно лишь ее слово.

— Это неслыханное деяние, ваше преосвященство, — сказала Изабелла. Она была смущена, подавлена, но воодушевлена и оживлена сверх меры.

Кардинал ответил, что нынешние опасности тоже неслыханны, и неистовство мавров, португальцев и французов нельзя пресечь иным способом. Ибо если враги-христиане смертельно ослабят Испанию, неверные на юге возобновят продвижение по полуострову

на север, перейдут через Пиренеи и, возможно, захватят всю христианскую Европу, как однажды они едва ее не захватили. От Вальядолида до Парижа, от Парижа до Лондона, от Лондона до Скандинавии, как река, разольются орды мусульман, и повсюду Крест падет перед Полумесяцем. Одновременно с востока неудержимой волной хлынут турки, проходя через Польшу, Австрию, Венгрию, Италию, Священную Римскую империю, чтобы соединиться со своими братьями по вере, маврами, и стереть христианство с лица земли. Перед лицом полного уничтожения, говорил кардинал Мендоса, что за корысть церкви в том, чтобы сохранить сокровища и потерять душу? Серебро и золото, которые он предложил, были талантом, зарытым в землю. Настало время выкопать его и пустить в дело. На Божье дело. И, по случайному совпадению, на дело Испании — поскольку, если захватчики будут изгнаны и Изабелла утвердится на троне своих предков, мир и процветание вернуться вновь.

Он был бы рад, продолжал кардинал, если бы она приняла решение немедленно. Видя ее растерянность, он обрадовался, утвердившись в своей вере в нее.

— Это деяние великой отваги, ваше преосвященство. И еще, как мне кажется, несколько своевольное. Не все ваши клирики согласятся с вами. Некоторые могут даже утаить свои сокровища.

— Я облечен властью.

Изабелла тоже имела власть наказывать злодеев. Но она пользовалась властью Эрмандады.

— Не будет ли разумно собрать епископов, архиепископов, аббатов, приоров и спросить их мнения? Тогда, если они решат помочь мне...

— Они помогут, ваше высочество. Они не стали бы помогать Энрике. А Изабелле — да, помогут!

— ...тогда мнения равных по крайней мере уравновесятся. Никто не рискнет скрыть свои сокровища, и ваш акт обретет полную действенность.

Кардинал сердечно улыбнулся.

— Я всегда был высокого мнения о вашем высочестве. Собор, конечно, обезвредит несколько ядовитых жал и освободит меня от необходимости нести эту ношу в одиночку.

Она умела сочетать мягкость с совершенным искусством управления государством — это кардинал понял.

Собор был созван. Протестующие клирики — а такие были, как Изабелла и предвидела — умолкли, пристыженные своими более широко мыслящими собратьями. И те самые скупцы, которые собирались закопать свои сокровища, оказались больше других напуганы картинами грядущих действий и отдали даже больше, чем требовал кардинал — половину всех предметов из золота и серебра, столетиями копившихся в каждой церкви Кастилии. Неслыханное дело, невиданное голосование. Оно оказалось почти единогласным в пользу королевы. Каррильо голосовал против по доверенности, данной своему посланцу, поскольку вместе с королем Португалии находился в Торо.

И хлынул огромный поток крестов, дарохранительниц, подставок, чаш, сосудов для святой воды, сосудов для мирра*, крестильных кувшинов, всего, что создала церковь за столетия, чтобы обогатить и возвеличить христианство. Многие вещи были почтенного возраста и непревзойденного исполнения. Их безжалостно переплавили в золотые и серебряные кастильские мо-

неты, чистейшие, самые честные и полновесные из всех когда-либо отчеканенных монет. И вдобавок они были наполнены величественной историей того металла, из которого их столь чудесно отлили.

Чтобы оправдать новую чеканку, Фердинанд и Изабелла издали прагматику (своего рода королевский декрет без парламентской санкции), разрешавшую чеканить монету лишь монархам. То был шаг дерзкий и решительный. Прочим европейским правителям, которые объявляли о своем праве подобными эдиктами, не повиновались так же строго, как молодой испанской королеве. С некоторым смущением их советники указывали, что Изабелла каким-то образом сумела привлечь на свою сторону и народ, и Церковь. А как же иначе могла она рискнуть, чтобы одним всеобъемлющим самовластным актом лишит множество феодалов-грандов их древнего права чеканить и портить свои собственные баронские монеты?

Ответ был прост, как и всегда, когда речь шла об Изабелле. Ее представители от народа, Эрмандада, церковники на Соборе; — все поддерживали ее. Теперь в Кастилии существовало лишь пять монетных дворов, полномочных чеканить деньги, и все они были королевскими. Дерево королевской власти, усохшее и пошатнувшееся, обрело новые силы и стало расти ввысь. Ветер войны все еще хлестал его, но корни его были прочны, ибо теперь они глубоко вросли в твердую кастильскую почву и питались народной поддержкой. Так из сердца страны, видом подобной щиту, где начала свои труды королева, начала усиливаться нация, хотя на окраинах она все еще была ослаблена внешними и внутренними раздорами. Твердая новая монета принесла немедленные перемены в армию. Отрядам плати-

ли. В войско королевы, «*la reyna*»*, вербовались люди, обученные куда лучше прежнего. Но она не позволила войти в обращение этому названию. Это армия *los reyes**, указом постановила она, Армия Монархов, чьи титулы стояли рядом в любом документе — *Io El Rey, Io La Reyna* — и которые восседали на одном троне. Она знала, что со временем все должны привыкнуть к этому.

Она закупила еще оружия, пороха, ядер, выбирая только самые дальнобойные и скорострельные. Артиллерия была делом Фердинанда, но кошелек развязывала она. В его глазах к ее достоинствам прибавилось знание баллистики. Неохотно — ибо он все еще думал о потере нерожденного принца — он начал признавать, что женщина может стать знатоком не только шитья. Вокруг Вальядолида выросли литейни. Воздух был наполнен воинственной музыкой молотов, умножающих оружие и доспехи. Изабелла нарушила правила кастильского этикета, который предписывал держаться в отдалении от простого люда, и ходила среди кузниц, то пробуя пальцем острие копья, о котором потный мастеровой говорил, что оно необычайно острое, то примериваясь к недокованным мечам, то проверяя гранитные валуны, которые каменщик превращал в пушечные ядра. Фердинанду это казалось неподобающим для дамы делом, и он упрекал ее, но рабочие обожали ее.

— Я не верю, что унижаю себя, когда смотрю на оружие, которое означает жизнь для Испании, или на испанцев, которые делают его, — сказала она. — Чтобы заплатить за эти вещи, пришлось пустить в переплавку драгоценные реликвии.

— Ты в самом деле получишь оружие, стоящее этих

денег, — сказал Фердинанд. Он еще не видел, чтобы люди работали с таким жаром.

Изабелла покупала еду для рабочих, фураж для скота, боевых коней, вьючных мулов. Она неумолимо скакала верхом, инспектируя дороги. Ее интерес к дорогам перерос в страсть после неудачи со своевременной доставкой пушек в Торо.

— Неужто в доме Трастамара есть капля крови строителей старых римских дорог? — смеялся Фердинанд.

Утомительная работа радовала ее. Она смеялась еще громче.

— Боюсь, в крови Трастамара много чего понамышано, — ответила она.

Изабелла всегда бывала в хорошем настроении, когда ей представлялась возможность пошутить над незаконным происхождением ее рода, хотя этому скандалу было уже сто лет*.

К зиме 1475 года, пять месяцев спустя после неудачи под Торо, Фердинанд и Изабелла имели великолепно экипированную армию в пятнадцать тысяч отборных солдат, меньшую по численности, но лучшую по выучке, чем та, что растаяла весной.

Произошли изменения и в настроениях людей и городов. Небольшой городок Виллена, который дал имя титулу маркиза Виллены, снова восстал против молодого маркиза, перейдя на сторону Изабеллы. Она сразу прискакала туда, чтобы лично принять клятву верности от правителя алькасара Виллены. По такому случаю она надела корону и горностаевую мантию и была столь же прекрасна в своем королевском облачении, сколь земной и практичной появлялась в кузни-

це. Затем она предусмотрительно усилила местный гарнизон своими наиболее преданными офицерами.

В Мадриде потеря самого маленького, но первого из больших владений вызвала сильное беспокойство у молодого маркиза. Уж не служит ли он в этом меняющемся мире не тому хозяину? Королева Хуана, вдова Энрике и мать Белтранехи, которая уже долго была его гостьей, упрекнула его:

— Ты мог бы вернуть свою Виллену за день, если бы меньше времени проводил на охоте.

— Мадам, — ответил он с изысканным сарказмом своего отца, — я чувствую, что начал почти так же сильно любить охоту, как до сих пор любил красоту.

И он заключил стареющую красотку под стражу, украсив ее зарешеченные окна прелестным красным бархатом.

Хорошие карты, большие и четкие, были тем орудием войны, которое требовалось Изабелле. И когда некоторые детали были неясны, она высылала разведчиков обследовать местность. Долгими зимними ночами они с Фердинандом сосредоточенно изучали эти карты при свете лампы, сидя в доспехах — и он, и она — после смотра отрядов, который они проводили вместе. Красные линии на картах тянулись к Португалии там, где дороги были исправлены для прохода людей, лошадей, телег с амуницией, пушек. Вокруг Торо линии были особенно густы и ярки.

Вместе они строили планы, вместе размышляли, молились, не пренебрегая мелочами кампании, которую они собрались начать весной. Их мысли работали слаженно, в замечательном согласии. С одинаковым азартом оба придумывали обманный маневр против

Португалии, который нарушил бы тылы Альфонсо и заставил бы Гонсальво де Кордову пойти на риск.

— На этот раз жена доставит тебе твои пушки, — пообещала Изабелла, тепло улыбаясь. Ей казалось, что они опять становятся ближе. Уже давно он не вспоминал о ее выкидыше.

— Судя по карте, безопасная их перевозка может и в самом деле показаться делом решенным, — сказал Фердинанд, водя твердым пальцем по красной линии и не глядя на нее.

Она устало припомнила, что уже давно он не говорил и о возможности зачать другого принца. Он был по-прежнему крайне холоден. Однако тон его не был грубым. Просто деловым. Иногда, когда она уставала, маленький железный крестик таинственным образом делался тяжелее, но она, конечно же, знала, что это всего лишь иллюзия.

— Все легко, когда есть деньги, — он пожал плечами. — Вспомни, что в первый раз под Торо у меня не было ничего. Твой казначей, этот еврей Кабрера... Да нет, ничего.

— Он учитывал каждый мараведи! — с жаром сказала Изабелла. — Ты же видел его книги после Торо.

— Одну как-то видел.

— Ох, Фердинанд, Фердинанд. Разве ты совсем не замечаешь, когда люди любят тебя и верят тебе? Я вот могу. Я чувствую это.

Он вежливо потрепал ее по плечу.

Королева Хуана в своем бархатном узилище была испуганна, разгневанна и скучала. Она близко знала многих мужчин, и это научило ее не пропускать мимо

сердца того рокового часа, когда ее очарование перестает действовать. Вдобавок она чувствовала перемены в политике — молодой Виллена держал нос по ветру, как флюгер. Ее положение уже изменилось от почетной гостьи до почетной узницы. А скоро она станет попросту военнопленной, если Фердинанд и Изабелла победят. Перед ее мысленным взором появилась картина: она заперта в тесной келье какого-то монастыря — и под строгим надзором, насколько она знала Изабеллу! — отделенная от мира, который она любила и в котором она любила столь многое. Заключение на всю оставшуюся жизнь, уже недостойную жизни. Только в Португалии она останется свободной.

Сумрачные леса вокруг Мадрида стонали под порывами зимнего ветра, который проникал через лживые бархатные занавеси. Она проклинала короля Энрике, проклинала Виллену и даже дону Белтрана де ла Куэву, который бросил ее ради Изабеллы, Изабеллы недостижимой! Она проклинала всех мужчин и не могла смотреть в собственное зеркало. Она почти не ела — она, которая любила поесть и выпить! И тосковала по своей дочери, которая была теперь королевой при Альфонсо. Она писала Ла Белтранехе длинные письма, с поздно пришедшей мудростью советуя ей, как быть хорошей и верной женой. Но Ла Белтранеха не отвечала, и королева Хуана подумывала, уж не сжигает ли Виллена ее письма. Возможно, он колебался, ожидая, кто же победит, прежде чем принять ту или другую сторону. Иногда из своего окна она видела, как он выезжает со своими людьми. Но все они обычно были в охотничьих костюмах. Пока он не принимал ничью сторону. Дом Виллена соблюдал нейтралитет. Хуана раздумыва-

ла над тем, сколько других грандов делают то же самое. Наверное, многие.

От скуки и одиночества она заметила, что ее единственный слуга, тюремщик, который приносил ей еду, был хорош собой и слишком молод, чтобы быть опытным. В миг вдохновения она поняла, что он — и ключ от ее узилища, и волшебный ковер, который унесет ее сквозь бархатные преграды, над стонущими лесами, в Португалию. Через этого тупого деревенского парня она может проложить себе путь к свободе.

Однако без хитрости это было недостижимо. Хуана стала возиться со своими баночками. Ее губы стали влажными и красными. Зеркало заверило: «Неплохо, неплохо! Сойдет и для людей получше, чем этот».

— Посиди и поешь со мной, — сказала она однажды вечером. — Здесь слишком много для одной.

— Я уж ел, госпожа, все ж спасибо вам! — ответил ее тюремщик, сияя от оказанной чести.

— Ну тогда посиди и поболтай со мной. Я здесь совсем одна, никто меня не навещает. Никто никогда сюда не заглядывает, ни днем, ни ночью, даже в зал. Почему? Ведь если кто пойдет по этому длинному залу, мы услышим его за две минуты до того, как он подойдет к двери!

— Ну да, здесь пусто. Однако безопасно.

Очевидно, Фердинанд и Изабелла пока не победили. Маркиз все еще говорил своим слугам, что ее держат под стражей защиты ради.

— Безопасность — прекраснейшая штука. Здесь я в безопасности от любого вторжения, вообще от всех.

— Вам это нравится?

— В твоём обществе — да.

И следующим вечером:

— Здесь холодно.

— Позвольте, я подкину дров в камин.

— Нет, я просто подумала — не сможешь ли ты мне передвинуть мою кровать в угол? Там не так дует.

— Конечно, госпожа.

— Ох, не надо. Она такая тяжелая.

— Да нет, легкая.

Он двигал кровать трижды. Достаточно тихо, чтобы никто не услышал шума от перестановок.

— Ты удивительно сильный.

Она потрогала его руки, удивляясь твердости мышц и ширине плеч, которые выдержали тяжесть кровати.

— А, ерунда! — смутился он.

— Удивительно!

— Ну, я полагаю, что кое в чем я и правда силен, — тяжеломерно пошутил он.

Вдовствующая королева Кастилии и Леона захихикала.

— Готова поспорить, что это так!

На протяжении нескольких недель в том углу, что потеплее, они обсуждали ее побег. Он знал местность вокруг. Он хорошо все сделал, думала Хуана, даже нашел тележку с сеном, чтобы укрыть ее там после того, как спустит ее со стены. Так она с удобством доберется до Алькалы, где была резиденция Каррильо, и сможет найти там людей своей партии, которые доставят ее в Португалию.

Все, что было нужно — длинная веревка и крепкая корзина. Это и еще сильные руки, которые сейчас смогли бы осторожно спустить королеву со стены на землю. Сено и еще один верный крестьянин довершат остальное.

Веревка была крепкой. Но в двадцати футах* от

земли корзина не выдержала, и несчастная Хуана упала на каменистую землю у подножия стены, сломав ногу. Она не закричала, хотя боль была сильной, а забралась на тележку, хозяин которой был весь в поту от страха.

— Ваше высочество нужно немедленно показать врачу! — прошептал он, поняв, насколько серьезна рана.

— Я ничего такого не сделаю! Вези меня в Алькалу!

— Но, ваше высочество, когда корова ломает ногу и кости смещаются...

— Ты тупица! Свинья! Я не корова!

Зарывшись в сено, она плакала, сначала от ярости, потом от боли.

На следующее утро маркиз Виллена нашел безутешного любовника Хуаны с рассыпавшейся корзиной в его комнате, бормочущего, что он убил обожаемую женщину. Виллена посадил его в темницу, думая, казнить ли его за измену, если победят Фердинанд и Изабелла, или наградить за патриотизм, если победит Альфонсо. Вскоре королева Хуана умерла в Алькале, но ее любовник об этом не знал, пока Виллена не пришел к нему в темницу и не объявил ему, что его судьба зависит от хода войны, повлиять на который несчастный парень был не в состоянии. А война совершила важный поворот.

Другим путем для вторжения в Испанию была долина реки Тахо, которая текла по нагорьям Кастилии южнее Дуэро, обозначая границу с Португалией. Долина была довольно узкая, ниже прилегающей местности. Большие отряды могли перейти ее, оставшись незамеченными с высокого берега. Фердинанд и Изабел-

ла послали дона Гонсальво де Кордову со значительными силами в этот стратегический коридор, который был словно нарочно создан для внезапной атаки. Передвигаясь по ночам и скрываясь днем, де Кордова подкрался к португальской границе, а затем перешел ее. Он методично грабил страну, захватывая города и быстро покидая их, снабжая свою армию добычей, не неся почти никаких потерь и вызывая ужас среди местных жителей, которые никогда не знали, куда он направится в следующий раз. В Торо к Альфонсо прибывали гонцы, сообщавшие о внезапных поражениях и хаосе в самом сердце его владений. Каждый разоренный город просил его вернуться и защитить его земли.

Он не вернулся, но отослал Белтранеху в безопасное место, а затем разделил свои силы и послал половину из них быстрым маршем к Тахо, чтобы наказать кастильских захватчиков. Когда войско прибыло туда, кастильцы исчезли. Они бежали к Торо, чтобы присоединиться к Фердинанду. Обман удался блестяще.

Теперь Фердинанд бросил против ослабевшего португальского короля все пушки и людей, которых они с Изабеллой готовили всю зиму. Альфонсо предпочел вывести свои силы из города и сразиться в поле, чем быть медленно размолотым в пыль тяжелой артиллерией. Первого марта 1476 года, в пятницу, день, который всегда был счастливым для Кастилии, Фердинанд дал великую битву при Торо. Она была кровавой и долгой, но результат не подлежал сомнению. Альфонсо бежал всего лишь с четырьмя или пятью слугами и вернулся к своей супруге. Архиепископ Каррильо бросил оружие, бежал в Кастилию, пробравшись тайными тропами в свой город Алькалу, и послал Изабелле маловразумительное прошение о прощении. Она

отобрала у него семь городов, отобрала его годовой доход, резко напомнила о том, как надо себя вести, и простила его.

Фердинанд захватил восемь португальских военных знамен, включая королевское, и две тысячи пленных, за которых можно было взять выкуп.

Но много тысяч португальцев были убиты и плыли трупами вниз по Дуэро. Говорили, что некоторые, прежде чем сгнить, и в самом деле добрались до родных земель.

В Тордесильясе, хотя был март и стояли холода, Изабелла босиком прошла по обледенелым камням до собора Святого Павла, чтобы преклонить колени в благодарность за великую победу, и велела священнику не поминать ее в торжественной службе. Священник возразил, что это вряд ли справедливо. Королева сделала так много, больше, чем король, чтобы взять Торо. Все это знают.

— Я не теолог, падре, и не могу знать воли Господней, но очевидно, что Бог судил королю Фердинанду победить, поскольку Он отдал ему победу, и самое важное — велел моему народу любить моего мужа так же сильно, как я люблю его. А потому славьте его, а не меня.

Не слишком искренний панегирик во славу короля во многом угасил неприязнь кастильцев к иноземному происхождению Фердинанда.

После Торо не было никаких переговоров о мире, но война с Португалией утихла и почти прекратилась. Изабелла гадала, почему Фердинанд не возвращается домой.

«Разве она забыла о французах?» — писал он ей в ответ.

Он продвигался к северу со всеми своими пушками так быстро, как только возможно.

Ради того, чтобы увидеть его прежде, чем он окончится в другую кампанию, Изабелла просила его позволить его солдатам вернуться к их женам и детям с тем, чтобы хоть немного отдохнуть и насладиться триумфом для поднятия духа.

«Их дух и так высок», — отвечал Фердинанд. И если он сам отказывается от семейных радостей ради Кастилии, то таков и их долг.

Изабелла вздохнула. Ее сводило с ума то, что ей теперь приходится обращаться с мужем, как с каким-то уклончивым грандом, которого надо переманить на свою сторону. Она посылала осторожные письма о том, что сделала значительные запасы мушкетов и легких полевых пушек, которые легко перевозить и можно ставить на телеги, как на лафеты. Эти пушки могут разметать вражеский строй, как боевые колесницы древности, а мушкеты неоценимы в партизанской войне в Гипускоа, говорила она. И кроме того, ей нужны тяжелые пушки, чтобы повернуть их против Мадрида, если маркиз Виллена не принесет ей в скором времени присяги. Разумно, писала она, если Фердинанд будет рядом; чтобы тоже принять присягу от столь могущественного вассала. Виллена, по ее мнению, мог явиться к монархам довольно скоро, поскольку прислал ей письмо о том, что казнил предателя, который помог сбегать королеве Хуане, еще прежде чем та умерла.

Приманка в виде «летучей артиллерии» вернула Фердинанда, но только на срок, достаточный, чтобы забрать пушки и появиться на потрясающем праздновании победы, которое Изабелла устроила в его честь.

Затем он отбыл. Немногие недели, пока Фердинанд

отсутствовал, показались ей невыносимыми. Наконец стали прибывать гонцы с добрыми вестями из Гипускоа. Французы рассеялись, как листья, унесенные осенним ветром, сообщал ей Фердинанд.

Ища в письме слова, адресованные ее сердцу, Изабелла обнаружила, что он только благодарит ее за мушкеты и замечает, что повозки с пушками неприменимы на пересеченной местности и должны быть снабжены колесами с более широкими ободами. Зато он заботливо справлялся об инфанте.

Внезапно до Изабеллы дошли дурные вести об инфанте, и она, не успев ответить на послание Фердинанда, села на лошадь и поскакала в Сеговию. По дороге ее мучила та неприятная пустота в животе, которая однажды вызвала у нее рвоту прямо на виду смущенного эскорта. Но гордая кастильская королева, казалось, не обратила на свое недомогание внимания. Она безжалостно подгоняла коня острыми шпорами, которыми до того никогда не пользовалась. Нигде на всем пути она не останавливалась, чтобы ответить на приветствия. Люди, выходявшие приветствовать ее, в смятении смотрели, как ее эскорт пролетает город за городом. Она скакала, как одержимая, и лицо ее было белой маской фурии, однако фурии испуганной.

ГЛАВА 19

Большая часть жителей Сеговии, воспользовавшись отсутствием там Кабреры, который был занят чеканкой новой монеты, восстала против его жесткого правления. Они ворвались во внешние укрепления ци-

тадели. Только старая часть держалась. В высокой башне с немногими верными стражами и вместе с Беатрис де Бобадильей — как благодарить Господа за благоразумие Беатрис! — была осаждена ее дочь.

Всю дорогу Изабеллу мучили картины несчастий, грозивших ее ребенку: она могла упасть со стены, ее мог убить случайный выстрел, когда она смотрела непонимающим, невинным взором на бушующую снаружи толпу. Когда ребенка убивает безликая толпа, как найти и наказать виновника? Никакое наказание не будет достаточно суровым, даже те ужасные пытки, которым по закону подвергают за государственную измену. Изабелла, ожесточившись сердцем, начала понимать, как были созданы такие жестокие законы. Наконец, если твердыня алькасара все же держалась, инфанта могла голодать, как всегда голодают дети при осадах. Но это был ее ребенок, а в этом было все отличие от всех остальных несчастных! Ее и Фердинанда, но главным образом — ее.

— Изабелла, твоя мать не позволит тебе умереть! — говорила она себе снова и снова, пока измученный боевой конь ронял с боков кровь и с губ пену.

Изабелла была готова сделать все, что угодно, обещать все на свете, лишь бы войти в городские ворота — она знала, что они закрыты, — лишь бы войти в ворота внешних укреплений — они тоже могут быть закрыты — и через большую дубовую дверь башни, которая, конечно, тоже закрыта. Войти и обнять дочь.

— Если я не смогу пройти к тебе, если что-нибудь случится с тобой, я так отомщу Сеговии, что ненавистная память о Педро Жестоком* померкнет и ее место займет память об Изабелле Жестокой!

В городских воротах подвыпивший часовой, кото-

рый ожидал кого угодно, только не Изабеллу, покосился на ее маленький эскорт и велел убираться к черту.

— Пусть она войдет! — приказал офицер. — Теперь они обе у нас в руках!

Ворота открылись. Изабелла пришпорила измученного коня, и ее охранники, побледнев, сжали рукояти мечей. На улицах люди расступались, некоторые — видя ее бледное лицо, но в большинстве своем — боясь угодить под лошадь.

Внешние ворота алькасара оставались закрытыми еще несколько минут, хотя ее уже увидели со стен и узнали. Мрачный офицер выглянул в окошко.

— Ваше высочество, вам опасно входить. У нас есть жалобы, и жалобы серьезные. Мы не можем отвечать за вашу безопасность.

— Ты — мой вассал, а я — твоя королева, и ты будешь повиноваться мне! — ответила Изабелла, вздернув подбородок, и глаза ее горели, как два самоцвета.

Ее властное поведение — или, может, малочисленность эскорта — заставило стража пожать плечами.

— Хорошо, ваше высочество.

Ворота открылись. Изабелла въехала внутрь.

Перед воротами башни не было никого — окровавленные камни лежали там, где они упали на бунтовщиков, пытавшихся штурмовать башню. Но группы вооруженных людей стояли по обе стороны от них с копьями на изготовку, с обнаженными мечами и стрелами на тетивах.

Голос за дверью вскричал:

— Позор! Позор! Пусть королева войдет!

— Вы не войдете туда, — сказал офицер, преграждая ей путь.

— Предатель, я войду! Прочь с моей дороги!

Она почти вплотную подступила к нему, и медленно, очень медленно он отошел в сторону, но остальные приблизились, чтобы ворваться в дверь, едва та приотворится. Изабелла осознала страшную опасность — из-за нее башню могли взять приступом.

Высоко наверху открылось окошко.

— Встаньте так, чтобы вас было видно, ваше высочество! — крикнул кто-то. Десяток бунтовщиков столпился прямо внизу, там, куда мог упасть камень.

— Дураки! Глупцы! Отойдите и закройте окошко! Эти люди имеют жалобы, и я выслушаю их и дам им правосудие!

Они не ожидали такого. На самом деле они ожидали всего, чего угодно, после такого дерзкого обращения с королевой, чего угодно — только не таких слов.

— Мы требуем смещения Андреса да Кабреры, ваше высочество, — сказал командир более почтительно.

— Тогда я смешу его, — сказала Изабелла.

— Вы клянётесь в этом? — спросил предводитель, сощурив глаза.

— Кто осмеливается требовать от меня клятвы, если я дала слово?

— Нет, — пробормотал он. — Все знают, что вы никогда не нарушаете слова.

— Тогда я клянусь, — она улыбнулась.

Она одерживала верх.

В башне наверху Беатрис услышала о публичной отставке своего ни в чем не повинного мужа, и в ней поднялась ярость против королевы, сменившаяся пониманием. Изабелла была в отчаянном положении.

— Вы и ваши люди не войдете ли вместе со мной? С достоинством, вложив мечи в ножны. В сердце Кастилии нет врагов.

Она победила. Их настроение изменилось. Ни один испанец не мог устоять перед красотой и отвагой. А она поклялась им сделать то, чего они требовали.

Предводитель засмеялся, и этот смех отдался эхом по двору замка, удивив остальных мятежников, которые бежали посмотреть, что случилось.

— Нет, ваше высочество, — поклонился он, — нам не нужно сопровождать вас туда.

Последние ворота открылись. Изабелла взбежала по высокой крутой лестнице и обняла дочь, смеясь и плача, и целовала ее снова и снова.

— Изабелла, дорогая моя, маленькая Изабелла!

— Мамочка, в чем дело?

— Ничего, детка, теперь уже ни в чем.

— Тетя Беатрис не сказала мне ничего, только плакала.

Беатрис стояла рядом с поджатыми губами.

— Ваше высочество, вы ничем не можете помочь.

Не выпуская из своих объятий инфанту, Изабелла схватила Беатрис за руку — рука была холодной и вялой.

Изабелла сказала дочери:

— Не называй больше донью Беатрис тетей. У тебя есть тетя Беатрис, очень милая старая дама в Португалии, твоя двоюродная бабушка Беатрис. А эту Беатрис мы будем теперь называть сеньора маркиза!

— Почему?

— Потому что я собираюсь пожаловать ее мужу титул маркиза.

Позже, когда она отдохнула, настало время принять депутацию горожан, которые пришли со своими жалобами, и обсудить истинные причины дикого и безрассудного мятежа в Сеговии. Изабелла заметила, что выбор-

ные — сплошь старые христиане, ведущие родословные со времен крестовых походов, гордые, провинциальные и бедные.

Они возмущались тем, что Кабрера неуклонно заставлял исполнять все законы по книгам, сказали они, даже древние и отжившие, которые давным-давно утратили смысл.

Это всего лишь подход к делу, подумала Изабелла. Теперь они уже не были безрассудны, их ярость кончилась. И их жалобы вполне могли оказаться справедливыми. В обширном и неупорядоченном собрании кастильских законов, которые никогда не были должным образом кодифицированы, полно было таких, которые стали помехой. Правитель, чтобы ему сопутствовал успех, должен быть изобретателен и хитер, а не скрупулезно аккуратен, как Кабрера. Она решила когда-нибудь кодифицировать и упростить законы. Когда у нее будет время. А сейчас было много других дел, и прежде всего — этот мятеж.

Однако, продолжали выборные, был один закон, который дорог народу и который Кабрера, как стало известно, постоянно нарушал. Это был универсальный закон христианства, особенно лелеемый в Кастилии, который запрещал некрещеным евреям носить оружие.

Изабелла нахмурилась. Этот закон она считала достойным уважения.

— Мы уверены, ваше высочество, что дон Андрес — тайный иудей. Правда, мы не смогли найти ни одного свидетельства этому. Мы тщательно исследовали все, что он выбрасывает, ведь многие из его кухонной прислуги старые христиане, как и мы. Они нашли свинину, как в любых других кухонных отбросах. Они не нашли ни лука, ни чеснока, приготовленных в масле,

ни других еврейских лакомств. И мясо он ест приготовленное не на масле, как еврей, а на сале, как всякий добрый христианин. По субботам он не надевает лучших одежд*. И по пятницам не ест мяса, а в воскресенье ходит в церковь.

Как пристально следили эти простые горожане за привычками ее казначея! Среди них не было дворян. Это были простолюдины, и голос их был голосом Кастилии. Она слышала этот голос в собственной душе, поскольку не могла представить эпоху, когда станут терпеть тайных иудеев. Иудеев — да. Но тайный иудей, тот, который крестился и продолжал втайне следовать иудаизму? Нет, такие вторично впадают в ересь, и по закону их сжигают в любом христианском государстве.

— Поскольку, по вашему собственному признанию, нет никаких свидетельств того, что он тайный иудей, нечестно называть его таковым, — сказала Изабелла выборным и напомнила, что другой кастильский закон приговаривает к раскаленным щипцам за лже-свидетельство.

— Нет, нет, ваше высочество! Мы не обвиняем его. Мы только напоминаем, что его отец был еврей.

— А кто твой отец, друг мой? — спросила она одного из них.

— Ну, он медник, госпожа.

— А ты?

— Я мясник.

— Нет, я думаю, что ты скрытый медник. А ты? Кто твой отец?

Выборный напряженно улыбнулся.

— Мой отец был пекарь, ваше высочество, — он понял, куда клонит королева. Доводит до бессмысли-

цы. Ему это не понравилось. — А я каменщик. И никакой не тайный пекарь.

— Но твои руки в чем-то белом. Это мраморная пыль? Или это мука? Однако я тебе верю. Я всегда поддерживаю закон, но не применяю его без доказательств, ибо это тирания. А что до дона Андреса — если он разрешил евреям носить оружие, то он будет смещен. Нет, я все равно смешу его, поскольку я это обещала. Или нет — он уже смещен, а казначеем и правителем этого алькасара назначен дон Гутьерре де Карденас, хотя документы еще не обнародованы.

Гутьерре де Карденас происходил из весьма почтенной старой христианской семьи Кастилии.

Она не сказала довольным выборным, которые откланялись, что готов был и патент на титул, который сделает дона Андреса маркизом де Мойя, и что годовой доход его на новом месте будет выше. Она решила сделать его главным смотрителем монетного двора при новом казначее. Там его скрупулезность обеспечит честность чеканки новых монет.

Она написала Фердинанду полный отчет обо всем, что случилось в Сеговии, оправдываясь тем, что это было необходимо и «я надеялась, *mi secog*, что ты не сочтешь это двуличием. Я имею в виду уклончивость, с которой я обещала сместить дона Андреса, сделала это — и дала ему лучшее место».

Фердинанд уже торопился в Сеговию, зная новости раньше, чем до него дошло письмо. Гонец короля опередил его самого лишь на несколько часов. Письмо Фердинанда было самым теплым из всех, которые он ей посылал, — первым, которое начиналось словами *mi secora* — моя жена. Когда ее никто не видел, она целовала это письмо.

«Ты сделала все именно так, как сделал бы я». Она становилась похожей на него или он на нее? «Ты вознесла мошенника несколько выше, чем следует, но понятно, что под давлением обстоятельств. Бог тебя благослови. Целую руки и ноги обеим моим Изабеллам».

— По-прежнему ли хорошо идут дела с французами в Гипускоа? — спросила она гонца.

— Ваше высочество, все кончено. Там нет никаких французов, кроме мертвых.

Она едва успела встретить Фердинанда, который приехал с севера с обветренным лицом, красивый, без единой царапины, когда неожиданно в Сеговию прибыл маркиз Виллена во главе блистательного эскорта всадников. Он прислал к ней благородного юного пажа, одетого в бархат, достойный герцога, с просьбой об аудиенции. Она спросила о его намерениях.

— Мой господин желает преподнести ключи от Мадрида ее высочеству королеве Изабелле, — ответил юный кабальеро.

— Мы с королем примем их сегодня вечером.

Она поблагодарила пажа, улыбаясь так тепло и счастливо, что глаза мальчика загорелись. Затем, вспомнив об учтивости, он вспыхнул и откланялся. Своему хозяину он сообщил, что эта королева куда красивей, чем та, которой Виллена приносил присягу прежде.

— Я не потому ей присягаю, чертенок, — сказал Виллена.

Изабелла побежала к Фердинанду с хорошими новостями. Он выглядел ошеломленным.

— Мои агенты обычно хорошо меня осведомляют, — медленно сказал он. — Но об этом они не сооб-

щали. — Он рассмеялся. — Как ты этого добилась? Или ты и в самом деле перевела большие пушки с Торо на Мадрид? Об этом-то я бы знал!

— Нет, он просто взял и пришел.

— Может, он слышал, как ты одним взглядом разогнала мятежников? После такого он не рискнул выждать.

— Я бы скорее подумала, что он был лоялен все это время, только слаб.

— Однако ты так не думаешь.

— Нет, боюсь, не думаю. Он слышал о твоих победах.

— И о твоих, Изабелла.

— Мой дорогой, — возразила она, — я твердо верю, что вместе мы непобедимы.

— Я и сам так думаю. Вместе мы непобедимы.

Его лицо не дрогнуло, когда он повторил ее фразу, неосознанно выделив слово «вместе».

В тот вечер Виллена явился принести присягу королю и королеве, которые вышли почтить его, как будто он впервые выказывал свою верность. Он остался под большим впечатлением от оказанного приема. Виллена, как и его отец, любил красоваться. Но сейчас все имело значение. Большой зал алькасара был увешан трофейными португальскими и французскими знаменами, символами успеха и монаршей власти. В зале толпилась знать Сеговии, город был в волнении, на этот раз — верноподданном, все улыбались и толпились вокруг Фердинанда и Изабеллы. Рядом с ними стояла инфанта с тонким золотым венцом на голове, унаследованном от отца. Из-под венца выбивались медные кудри, унаследованные от матери. Они втроем являли собой самый разительный контраст с прежней

королевской семьей. Преклонив колено перед королевой, чья тактичная отвага усмирила жителей Сеговии, преклонив колено перед королем, сильные руки которого захватили на поле боя эти флаги, Виллена недоумевал, почему он не сделал этого раньше. И когда он вслух поклялся в верности, про себя он поклялся сдержать слово.

Присяга Виллены увеличила силы, собранные Изабеллой в центре Кастилии, и по мере того как делалось сильнее сердце, другие члены политического тела начинали ощущать его биение. Прекрасная Андалузия теперь обратилась к Изабелле ради избавления от вечных междуусобиц, которые разоряли эту провинцию так долго и так жестоко, что она была не способна собрать ни войско, ни налоги, дабы поддержать корону против португальцев или французов.

Первая просьба была высказана тайным посольством торговцев из Севильи, из самого сердца беспокойной провинции. Они нарисовали мрачную картину — дома сожжены, урожай уничтожен, города в осаде, арсеналы разграблены, корабли выходят в море с половиной команды и припасов. Они просили, чтобы она повела армию против герцога Медины Сидония или против маркиза де Кадиса, глав двух больших враждующих родов. Не имеет значения, против которого. Лишь когда один из них будет сокрушен, на юг придут мир и процветание и люди смогут безопасно жить в своих домах, а торговцы — торговать.

— Кто прав — Медина Сидония или Кадис? — спросила Изабелла.

Мнения посольства разделились. Фердинанд криво

усмехнулся. Он размышлял: почему они явились тайно? Что бы это могло значить? Кроме того, что они бо-
лялись?

— Ну хорошо, друзья мои, — сказал он. — У кого больше шансов победить? У герцога Медины Сидония или у маркиза Кадиса?

Последовало короткое обсуждение. У герцога, сказали они, больше людей. С другой стороны, маркиз — лучший полководец. Они — только торговцы, они не знают, кто может победить. Эта свара тянется годами.

— Мы обещаем, что с Божьей помощью сделаем все возможное, — сказала им Изабелла, согласившись, по их настоятельной просьбе, сохранить разговор в тайне. Посланцы вернулись в Севилью, пока их отсутствие не успели заметить.

— И что *мы* собираемся сделать на этот раз? — спросил Фердинанд. — Удостоверься, что мы выбрали сторону победителя.

— Никто из них не должен победить, и мы не будем воевать с кастильцами.

— Рад услышать это, — сказал он.

Он напомнил ей, что мир с Португалцией еще не заключен. Было бы неразумно разделять армию. Ему больше по нраву сначала покончить с одним делом, а уж потом — с другим.

— В тебе, *mi secora*, много хитрости. Хитрость в правлении... Меня это всегда смущает.

— Я не могу помочь, — вздыхала Изабелла, — я ведь только то, чем сделал меня Господь, и я далеко не простая женщина, чтобы быть попросту хитрой.

— Моя дорогая, я и не думал упрекать тебя.

Изабелла вспоминала герцога Медину Сидония с нежностью, несмотря на то, что он не поддержал ее в

войне с Португалией. Маркиза де Кадиса она никогда не видела, и в донесениях о нем было мало хорошего — нахальный незаконный сын графа Аркоса. Но явно одаренный, поскольку его отец предпочитал его своим законным сыновьям и оставил ему все титулы и владения, когда умер, — необыкновенное исключение в Кастилии. Северные народы были более строги в этом вопросе. Однажды, предположила Изабелла, когда-нибудь в будущем, мир может усовершенствоваться так, что бастарды не будут получать наследство и, конечно, их не будут делать архиепископами в возрасте шести лет.

Вторая просьба о помощи пришла в лице гонца от маркиза де Кадиса.

— Он напуган, — сказал Фердинанд. — Ему не хватает людей.

— Хотелось бы думать, что его сердце переменялось, что это — начало если не преданности, то смирения. Помни, он женат на сестре Виллены.

— Жены не оказывают никакого влияния на политику мужей.

Изабелла не смогла сдержать улыбку.

— Ну, разве чуть-чуть. — В эти дни Фердинанд был в хорошем настроении. — Особенно если они королевы. Но маркиза де Кадис не королева и не Изабелла.

Маркиз осторожно заметил, что готов принести присягу Изабелле, если она согласится помочь ему против Медины Сидония.

Она отослала гонца обратно с дружеским, но ни к чему не обязывающим ответом, обещая сделать все возможное, невзирая на его клятву, «которая есть священный союз между сюзереном и вассалом, заключен-

ный обеими сторонами к обоюдной выгоде, а не ради сделки».

В третий раз пришло высокомерное требование от самого Медины Сидония, с напоминанием о том, что он предлагал помощь, когда Энрике так упорно пытался выдать ее замуж за короля Португалии, и о том, что он клялся в верности, в то время как Кадис этого не сделал, и что он, герцог, служил Кастилии, освобождая Гибралтар от мавров. Вся беда, по словам Медины Сидония, была в маркизе Кадисе. Как верный вассал, герцог надеется на помощь своего сюзерена.

— Вот теперь они наши! — воскликнул Фердинанд. — Играй одним против другого до полного истощения обоих.

— Так поступал король Энрике и истощил лишь Кастилию.

— Людовик Французский преуспел в подобных делах, это краеугольный камень его политики.

— Кастилия — не Франция. Кастилия не похожа ни на одну страну в мире.

— Уступаю это дело тебе, — согласился Фердинанд. — Что ты будешь делать?

— Отправлюсь в Севилью, я полагаю.

— А что ты будешь делать там — молиться?

— Еще не знаю.

— Бессмысленно. Я этого не позволю. Слишком опасно.

Но он видел по ее лицу, что ее ничто не остановит.

Она послала гонца Медины Сидония обратно в Андалузию с сердечным, но тоже не обязывающим ни к чему посланием, гласившим, что вскоре она собирается посетить *свой город* Севилью и там даст ответ.

Фердинанд, крайне встревоженный, заручился по-

мощью кардинала Мендосы, который тоже пытался отговорить ее.

— Даже Даниил не входил в львиный ров по своей воле*, ваше высочество. Если я правильно помню Писание, его туда заставили спуститься, а вас никто не заставляет ехать в Севилью.

— Хотя бы возьми с собой меня, — просил Фердинанд, когда она отказалась последовать совету Мендосы.

— Ты и твоя армия необходимы, чтобы присматривать за Португалией. Ты прав в том, что напомнил мне, что мирный договор не заключен и Альфонсо может снова напасть.

— Мне не нравится, что моя жена отсылает меня от себя!

— На самом деле мы не расстаемся, Фердинанд. Не в этот раз. Нас разделяет только расстояние.

Фердинанд неохотно стерек португальскую границу, устроив охрану ее так, что даже мышь не проскочила бы через посты.

Изабелла отправилась в Севилью.

ГЛАВА 20

Весною в Севилье была настоящая благодать. Цапли возвращались из Африки и гордо расхаживали на красных лапах по болотам в нижнем течении Гвадалквивира. Орлы кружили в хрустальной синеве высокого неба Андалузии. Солнце изливало тепло на фруктовые деревья, одевая их голые ветви роскошной юной листвой разных оттенков зелени, полной новой жизни и обещания плодов — красных гранатов, золотых персиков, пурпурных оливок, желтых апельсинов. Слава

севильских апельсинов, которые мавры столетиями выращивали на испанской земле, — распространилась до Африки, откуда мавры привезли их диких предков. Некоторые гранадские мавры видели в апельсинах прошлое и будущее своего народа и были испуганы. Ибо арабы любили апельсины больше прочих фруктов. Именно они дали им имя — *naranj*. Прокатившись с завоеваниями по Африке и перекинувшись через Геркулесовы столпы в Испанию, арабы принесли апельсины с собой. И как они были грубы и суровы во дни их Пророка, так и апельсин был колючим и жестким. Теперь же и те и другие стали цивилизованными, может быть, даже слишком цивилизованными, а ведь чрезмерная цивилизованность — всегда начало упадка. А испанцы со своей молодой королевой стояли на пороге чего-то нового, сильного, великого и слишком опасного для мавров. И размышления некоторых мавров Гранады были подобны апельсину, ибо мавры — люди чувствительные.

Направляясь к Севилье по римской дороге*, потрясающе ровной, если учесть пятнадцать столетий непрерывного ее использования, Изабелла увидела, что могла бы дать изобильная Андалузия, и опечалилась при виде ее разорения. Обширные пространства красной плодородной земли были не ухожены, поля не засеяны. Крестьяне не сеяли там, где бароны могли потоптать урожай, как только настанет время его собирать — время, когда он хорошо горит.

Свидетельства опустошительной усабицы были повсюду. Столетние оливы лежали там, где подрубили их топоры войны. Тяжелые масляные прессы, с жерновами в три фута толщиной и восемнадцати футов в диаметре, способные обеспечить пищей и лакомствами

тысячи людей — и еще останется, что продать за границу, — годами стояли без движения, все их части были разбиты. Апельсиновые деревья тоже были покалечены, а за шелковицей, от которой зависит производство шелка, ухаживали небрежно. Признаки безнадежности были повсюду, даже на лицах людей. Королева с растущим нетерпением думала: неудивительно, что она не могла получить доход от Андалузии, которая должна была отдавать щедро.

Севиля выглядела по-мавритански, ее узкие улочки сплетались лабиринтом, над ними нависали балконы, почти касаясь домов по другую сторону улицы. Город был союзником герцога Медины Сидония, своего непосредственного феодального владыки. Он очень торжественно выехал навстречу Изабелле.

— Добро пожаловать в мой город, — сказал он.

Голос был достаточно дружелюбный, но ему не доставало теплоты, которую он выказывал тогда в Гибралтаре. Он выглядел старше и суровей.

— Добро пожаловать в мой, — сказала Изабелла. Она подумала, что тоже стала старше и суровей, по крайней мере она уже не была испуганной маленькой девочкой.

Он слегка улыбнулся. Ему нравилась отвага, особенно в мужчинах, но и в лошадях и женщинах — тоже.

— Я надеюсь, что вы, ваше высочество, с удовольствием останетесь в Севилье. Я ожидал, и я воистину был бы счастлив оплатить ваши расходы из своей казны, хотя моя распря с этим бастардом из Кадиса проделала в ней брешь. Но по некоторым причинам... — он выжидательно умолк.

— Да? — улыбнулась Изабелла.

— По некоторым причинам Совет Двадцати Четы-

рех опередил меня и ввел особый городской налог для этой цели.

— Будучи верны нам, они, должно быть, почувствовали, что вы потребуете этого, — сказала Изабелла, и снова по ее словам, произнесенным на тонком кастильском наречии, трудно было сказать, кого имела она в виду, говоря «нам»: себя и герцога Медину Сидония, себя и своего короля или только себя, королеву. Но в особом налоге Изабелла увидела тайную хитрую руку посольства торговцев, которые так отчаянно хотели мира. Налог был уплачен без недоимок бедняками Севильи — они верили королеве, которая уже сделала для Севильи так много.

Горожане надели самые праздничные наряды, весенние цветы увидели балконы, из окон свешивались цветные гобелены. Дон Алонсо де Солис, почтенный епископ Севильи, с гордостью повел королеву показать ей новый кафедральный собор, самую большую церковь мира, которая возвышалась на месте мавританской мечети, разрушенной в правление Фердинанда Святого, отбившего город у неверных.

— Здесь воздвигнем мы такой памятник Веры, — вдохновенно говорил епископ, — что потомки назовут нас безумцами!

Каменные арки нефа возносились на сто двадцать футов под самые небеса. От мечети ничего не осталось, кроме летящего минарета, столь прекрасно выстроенного и украшенного в восточном вкусе, что даже Педро Жестокий не решился разрушить его. Теперь с его вершины к молитве призывал не арабский распев, а звон христианских колоколов. Взойти наверх можно было по наклонным галереям без ступеней — так строили еще в Вавилоне.

Епископ отслужил для королевы приветственную мессу в воскресенье. Перед высоким алтарем двигался в медленном и торжественном танце хор мальчиков, сопровождая шаги стуком кастаньет. Этот обычай, которого не было на севере, был очень старым, как и изображение Девы, перед которой они танцевали. Статуя была византийской работы, из слоновой кости, волосы — из плетеного золота, а руки могли двигаться. Людовик Святой Французский привез ее из своего крестового похода и подарил Фердинанду Святому Кастильскому. Короли могут быть святыми, вспомнила Изабелла, хотя ее Фердинанд не таков, — и крестовые походы все еще возможны.

Все пытались ей угодить, потому что все чего-то хотели, а она ничего не обещала. Но вскоре она уже не знала, есть ли у нее власть обещать много. Характер у ее андалузцев был таким же, как их обычаи, думала она, — дикий и развязный, вспыльчивый и приветливый.

И, как она вскорости обнаружила, они небрежно относились к личной собственности. Поскольку она въехала в Севилью, не заглянув сначала в Утреру, которая была слишком мала и не по пути, головорез хозяин этого местечка послал банду грабителей украсть из ее конюшен лошадей, которые ему вдруг понадобились. И к тому же грабители убили ее грума*, который пытался остановить их.

— Я считала, что в вашем городе мне нет нужды выставлять охрану, чтобы стеречь свое добро, — резко сказала она.

Медина Сидония ответил:

— Севилья — ваш город, как ваше высочество накануне изволили напомнить мне. Я охраняю порядок,

как могу. Сожалею, но Утрера не подлежит моей юрисдикции. Король Энрике отдал ее нынешнему хозяину, маршалу Сааведре. Возможно, я должен добавить, что Утрера очень мала, но хорошо укреплена.

— Маршал Сааведра должен быть наказан за грабеж и убийство.

— Разумеется, ваше высочество.

Но Медина Сидония не предложил ей помочь в деле наказания.

Изабелла послала в Утреру герольда с суровым требованием, чтобы маршал вернул лошадей, принес ей присягу и выдал суду убийц ее груга. Слуги маршала избили герольда до бесчувствия, отобрали у него шитый золотом камзол и отослали герольда обратно верхом на муле. Изабелла осталась невозмутимой, но написала обо всем этом Фердинанду.

К удовольствию севильцев, в ее честь были устроены бои быков. Они проходили в амфитеатре, который построили римляне одновременно с дорогой. Театр, как и дорога, великолепно сохранился. Как же тщательно они строили, эти древние, свои сооружения, свои дороги и свою империю! Какими настойчивыми они должны были быть, чтобы завершить все это. Невеселые мысли были у королевы, которая должна была править потомками этих римлян.

Изабелла всегда смотрела в сторону во время жестоких представлений с обезьянами верхом на коне. Бои быков едва ли привлекали ее сильнее. Мавры, которые тоже сражались с быками, по крайней мере давали животным шанс, потому что сами стояли на песке арены и убивали умелым ударом меча. Но испанцы делали это, сидя на коне, с копьём в руке. Неизбежно происходили бессмысленные убийства ценных лоша-

дей, а иногда пикадор, на которого бросался разъяренный бык, падал с коня и погибал. Стремясь угодить ей на празднике в ее честь, тореадор рискнул без необходимости и был убит.

Грум Изабеллы, тореадор, избитый герольд, украденные лошади — она принесла в Андалузию только смерть и была опозорена. Она подозревала, что враждовавшие гранды втайне наслаждаются ее неудачами. Неудачи подтверждали ее беспомощность, а сами гранды были вольны творить что угодно.

С севера прискакал гонец с письмом от Фердинанда по поводу изменнического поведения маршала Сааведры: «Я не сплю от тревоги, *mi sesoga*. Я не хотел, чтобы ты ехала. Я просил, чтобы ты не ездила. Но ты поехала. Господь дал тебе терпение, так воспользуйся им и останься в живых — ради меня. Ты дала мне пушки. Я воспользуюсь ими».

Письмо было мрачное и немного несвязное. Изабелла положила его в серебряный ларец, где она хранила все его письма. Ключ от ларца она носила на цепочке вместе с крестиком, который сейчас казался очень легким.

Но она испугалась того, что он сделал. А вместе с ней утрашились Медина Сидония и маркиз де Кадис. Король явился на юг с двумя сотнями рыцарей, тысячей пехотинцев и двадцатью тяжелыми пушками. Не входя в Севилью, где его тоже могли принять с любовью, он осадил Утреру и безжалостно обстреливал ее сорок дней.

— Поскольку Утрера — коронное владение, — ответил он на протесты Изабеллы, — никто, даже твои андалузские гранды, не может упрекать меня в том, что я немного попорчу ее.

Он едва не разнес Утреру в мелкие обломки. Через сорок дней разрушенная крепость сдалась. Маршал Сааведра преклонил свои трясущиеся колени и принес присягу, радуясь тому, что спас свою жизнь. Фердинанд потребовал выдать убийц грума и конокрадов. Сааведра выдал их немедленно. Фердинанд устроил суд из уважения к понятиям Изабеллы о пристойности и повесил их всех, двадцать девять человек, прежде чем чернила на их смертных приговорах успели высохнуть. Затем он вошел в Севилью.

Изабелла плакала у него на плече.

— Я хотела бы, чтобы все устроилось по-другому. Но, дорогой мой, как я рада видеть тебя!

— Я хочу, чтобы ты уехала домой, — сказал Фердинанд. — По крайней мере, на то время, пока Медина Сидония и Кадис соблюдают перемирие.

Она хотела сказать: «Мой дом — вся Испания», но подумала, что он имеет в виду совсем другое. Она ответила:

— Если бы я могла.

— Ну, раз ты не можешь, тогда я остаюсь здесь. В Португалии все спокойно.

— Я хочу, чтобы ты был здесь. Ты нужен мне.

Она не воспользовалась королевским «мы».

— Я тоже этого хочу, — ответил он.

Герцог Медина Сидония пожал плечами при известии о взятии Утреры. Он был достаточно силен, чтобы не обижаться, если монархи проявят чуть-чуть власти в Андалузии. И лишь немного сильнее беспокоило его то, что Фердинанд и Изабелла запретили Сааведре восстанавливать его замок и конфисковали большую часть его имущества в пользу короны, чтобы хоть как-то наказать непокорного вассала.

Пылкий молодой маркиз де Кадис, однако, узнав об этом, удивил короля так, что у Фердинанда голова пошла кругом.

— Я только теперь начал понимать кастильцев. Андалузцы кажутся им безумными.

— Ты был таким же, когда приехал переодетым, чтобы жениться на мне. Ты разве забыл? — она улыбнулась.

— Кадис приехал не свататься к тебе, моя дорогая, — принял строгий вид Фердинанд.

— Он клялся в верности!

— Он даже не похож на испанца, — сказал Фердинанд менее строго.

Кадис был смуглый, с угольно-черными глазами и стройный — внешность, часто встречающаяся на юге, где все напоминало о маврах.

С единственным слугой он приехал в Севилью, город своего смертельного врага, и внезапно предстал перед королевой. Час был поздний, и она так изумилась, что вызвала секретаря, чтобы записать слова Кадиса. Без этого свидетельства она едва ли поверила бы в то, что случилось.

Кадис приехал, как он заявил, чтобы предать себя в ее руки, без сопровождения, без защиты. Его враги, особенно Медина Сидония, распространяли о нем ложные слухи. Его приезд доказывает его невиновность. Коварный герцог интриговал против него годами, разоряет его земли и даже как-то раз выгнал его из собственного дома.

— Он скажет, ваше высочество, что мои города Херес и Алькала укреплены против вас. Но я знаю, как великодушно вы обошлись с моим родичем, маркизом Вилленой. А потому, ваше высочество, возьмите себе

Херес и Алькалу, если вы нуждаетесь в них, для великих замыслов, ибо я вверяю ныне свое родовое наследие моей королеве так же, как сейчас в этой комнате я вверяю ей свою судьбу!

Преклонив колено, он принес присягу Изабелле и Фердинанду.

Перо Фернандо дель Пулгара, самого доверенного секретаря Изабеллы, обращенного еврея, скрипело по пергаменту.

«Королева, — отметил Пулгар, — была очень довольна (*miu contenta*), поскольку он говорил кратко и точно».

Помедлив, она ответила:

— Правда, я слышала о вас много плохого, но то, что вы сделали сегодня вечером, уверило нас в том, что многое можно сказать и в вашу пользу. Мы выслушаем обе стороны, и мы благодарны вам за ваш приезд.

Затем она коснулась чувствительной струнки, от которой тает вся андалузская гордость, если только правильно на ней сыграть.

— Мы в равной мере сюзерены Медины Сидония и ваши, и вы точно такой же наш подданный. Мы уладим ваш раздор, соблюдая честь вас обоих, так что вы оба останетесь в милости у нас и со всеми владениями, принадлежащими вам по праву.

Его черные глаза затуманились от благодарности, и счастливый вассал, поклонившись, покинул комнату. Королева пощадила его самолюбие.

— Мы немедленно вступим во владение Хересом и Алькалой, — сказал Фердинанд.

— Разумеется. Но без пушек. Только несколько отрядов.

— Нет, все же немного больше. Но я согласен —

никаких пушек. Пушки не умеют очаровывать. Изабелла, я думал, что это невозможно! Это куда более великая победа, чем взятие Утреры. Теперь Медине Сидония не с кем воевать, кроме как с нами, и он не отважится.

— Он мог бы, если бы не твой ужасный урок Утрере.

— Нет, нет. Ты очаровала его давным-давно, в Гибралтаре. *Mi senora*, ты иногда поражаешь меня своей властью над мужчинами. Какая жалость, что я мужчина.

— О нет, не говори так!

Медина Сидония рассердился, когда услышал о том, что враг изъявил покорность. Равновесие сил было теперь безнадежно нарушено — и не в его пользу. Фердинанд и Изабелла опубликовали прагматику, в которой запретили и ему, и Кадису въезд в Севилью до тех пор, пока они будут продолжать свои распри. После чего оба смутьяна разъехались.

Но король и королева остались.

До Медины Сидония дошли известия, что порядок в Севилье был установлен быстро и сурово. И это в то время, как много лет никого не достигало возмездие, поскольку преступники знали, что в армии того или другого воюющего феодала их примут с распростертыми объятиями. Изабелла немедленно ввела новое установление, снискавшее невероятную популярность в народе. Но герцог припомнил, что такой порядок был принят лет сто назад, когда короли и королевы были ближе к своим подданным.

Изабелла возродила пятничные аудиенции так же, как и Святую Эрмандаду. Каждую пятницу король и королева восседали на судейском месте в зале Мирадор, чтобы выслушивать жалобы, которые любой горожанин любого происхождения и положения мог подать

им. Прийти к ним мог любой, никого не прогоняли, и никакая несправедливость не оказывалась слишком мелкой, ни одно преступление слишком незначительным для монархов. Обычно Изабелла шепотом советовалась с Фердинандом, прежде чем вынести приговор. Но решающий голос оставался за ней.

Эти аудиенции с их простой и понятной всем процедурой могли выродиться в недостойные публичные скандалы. Но севильцы любили зрелища. Даже те, кого не касались разбирательства, набивались в зал в качестве *miradors* — зрителей, вполне оправдывая название, которое дали залу при его постройке мавры. Стройная красивая королева в своей короне, горностаевой мантии и рубиновым колье, которое подарил Фердинанд, устраивала для них эти зрелища. Фердинанд, скрывавший скуку за маской бесстрастности и суровости на своем красивом лице, казалось, удваивал ее силу. Севильским горожанам необыкновенно льстило то, что высший суд королевства терпеливо сидит неделю за неделей и разбирает их личные дела.

Однажды, когда монархи склонились друг к другу и, казалось, совещались насчет одного запутанного случая, Фердинанд прошептал:

— Ты не стряпчий, *mi senoga*. Это обманщик. Лучше отложить приговор.

Изабелла прошептала в ответ:

— Я знаю, кто прав, и собираюсь вынести приговор в его пользу. Существует так много законов, что стряпчие найдут какой-нибудь, который оправдает меня.

— Мастерское управление государством! — пробормотал Фердинанд.

Они выпрямились. Королева вынесла приговор. И точно, такой закон существовал. Репутация Изабел-

лы неизмеримо выросла в глазах ученых, которые никогда не могли даже предположить, что она действовала инстинктивно и исходя исключительно из здравого смысла.

Но аудиенции имели успех и проходили чинно еще и потому, что народ Андалузии жаждал безопасности, которую их феодальные владыки им не давали. Это смогли сделать только монархи, и народ всячески им помогал. Подобно Эрмандаде, аудиенции были популярны благодаря тому, что народ поддерживал их.

И так же, как Эрмандада, аудиенции дали быстрые результаты. Приговоры Изабеллы всегда соответствовали законам, но законы были жестокими. Палачи уставали затягивать гарроты* на шеях убийц, точно так же, как стрелы Эрмандады — пронзать сотни разбойников. На судах севильских торговцев не хватало весел для каторжников*.

— Вот так способ правления! — заметил Фердинанд. — Если бы только он не отнимал столько времени. Ты должна передать часть своих полномочий своим поданным.

— Это вовсе не одно и то же.

— Но в Арагоне это действует хорошо. Мои инквизиторы делают всю работу и выносят все обвинения. А я получаю всю выгоду*.

— Нас не обвиняют за наказанных преступников.

Пятницы в зале Мирадор представили королеве всю картину людской порочности. Изабелла услышала о таких вещах, о которых раньше не подозревала.

— Фердинанд, я думала, что только ад может вместить такое зло, как то, что творится в Севилье. Я хочу очистить ее!

— Тебе потребуется очень большая метла, *mi senora*,

и орудовать ею ты будешь до бесконечности, пока люди не перестанут быть людьми.

— Думаю, ты прав, — сказала она и взглянула на него.

Ему стало неловко под ее взглядом.

— Что такого я сделал?

— Дорогой мой, я только думаю о том, насколько ты мудрее меня.

Она требовала слишком многого.

Она требует слишком много, предупредил ее дон Алонсо де Солис. Он приехал на светлом андалузском муле, в лиловом епископском облачении. Только Град Божий может быть совершенно безгрешен, сказал он, а Севилья стоит так низко на высокой и крутой лестнице, ведущей к небесному совершенству. Многие сотни людей бежали из Севильи в страхе перед ее скорым и неумолимым правосудием; почти каждый в Андалузии за годы междуусобицы в чем-нибудь провинился. Он просил ее умерить пыл во имя христианского милосердия. Согрешивший город уже получил урок, сказал он.

Изабелла пошла на компромисс. Так же внезапно, как она объявила войну злу в Севилье, она прекратила ее, даровав общую амнистию за все преступления, связанные с междуусобной войной. Эта война тоже окончилась, потому что она послала герольда и к Кадису, и к Медине Сидония, предупредив их о том, что, хотя они и гранды, их могут изгнать (наравне с обыкновенными злоумышленниками!), если они немедленно не примирятся. Щадя их гордость, она пригласила их на бой быков. Их места, украшенные одинаково роскошно, были намеренно и сознательно устроены рядом.

Оба явились, и оба улыбались. При виде дружеско-

го обращения друг с другом двух главных виновников несчастий севильцев толпа в старом римском амфитреатре радостно орала до хрипоты.

Среди всеобщего восхищения другая реформа Изабеллы вначале осталась незамеченной. Она устала от гибели храбрых юношей, которые могли бы сражаться за Испанию. Она устала от убийств лошадей, которые несли их в битву.

Впервые в истории с тех пор, как люди устраивали бои быков на Крите*, со времен фараонов, рога быков стали обертывать кожей, чтобы защитить людей от их ужасных ударов.

— И этого я никогда не изменю! — сказала Изабелла и закрепила свое желание в прагматике.

— Народ этого не потерпит! — сказал Фердинанд, покачав головой, и вывел свое *Io El Rey* перед ее *Io La Reyna*.

Но это стерпели, потому что эдикт был уравновешен тем добром, что она принесла народу. Фердинанд снова и снова ломал голову над этой загадкой. Это был самый деспотический акт Изабеллы за всю ее королевскую карьеру. Не такой, как Эрмандада или аудиенции — их он мог понять, а это нововведение — не мог. Он сделал вывод, что у нее должны быть шпионы. Как иначе могла Изабелла знать душу народа, сама будучи аристократкой до мозга костей? Мысль о том, что у его жены есть шпионы, беспокоила его мужское сердце.

— Изабелла, — неловко сказал он. — Как можешь ты быть уверена, что обычные люди, которые любят кровавые представления, не взбунтуются, когда обнаружат, что ты затупила рога их драгоценных быков?

— Я не была уверена. Я просто надеялась. Не думала, что они взбунтуются.

Прищурясь, он смотрел на нее, не веря.

— Боюсь, я сама очень обыкновенная женщина, Фердинанд. Наверное, я знаю, что они чувствуют.

Он не считал ее обыкновенной. Они прогуливались в саду алькасара, и огромная андалузская луна изливала свой волшебный свет на мягкий шелк ее платья. Изабелла, как говорил ей сам Фердинанд, делилась своими чарами с луной и ароматом тела — с цветами.

— Ты медоточивый льстец! — Но она не могла припомнить, когда он был столь внимателен к ней. — Нравится тебе твоя обыкновенная женушка?

— Я никогда не назвал бы тебя обыкновенной, Изабелла.

Он сказал это с убеждением — он-то знал.

Часовые, охранявшие их, менестрели, которые пели им, и гитаристы, игравшие для них, танцоры, шуты и акробаты, развлекавшие их, — все, включая горничных, лакеев и поваров, шептались, подмигивали друг другу и по-андалузски бурно жестикулировали между собой — король и королева были влюбленной парой. Севильцы обожали их.

Когда город и провинция успокоились и стали безопасны, Беатрис де Бобадилья привезла к родителям инфанту. Лучший посол своего мужа, Беатрис принесла кое-какие новости от главного смотрителя монетных дворов. Это был большой лист, покрытый аккуратными цифрами.

— Я не притворяюсь, что понимаю это, ваше высочество.

— *Hija Marquesa**, — сказала Изабелла, добавив «милая» перед внушительным новым титулом Беатрис, — думаю, что и я не смогу этого понять.

Она знала, что может, но Фердинанд рассердился

бы, если бы она сначала не дала прочесть это письмо ему. Изабелла так и сделала, радуясь тому, что может освободить время для своей дочери. Фердинанд изучал цифры много ночей подряд и день ото дня мрачнел.

— Кабрера пишет более подробно, чем твой казначей, — наконец сказал он. — Ты имеешь представление о том, сколько стоит война с Португалией?

Изабелла призналась, что не имеет. Она была слишком занята и слишком счастлива со своим мужем, чтобы беспокоиться о войне, которая надолго замерла.

— Андалузия теперь сможет внести свой вклад, — сказала она.

— Не думаю, что этого хватит. Португальцы не нападают только потому, что я протянул стену из людей и пушек от Хереса до Торо, а это дорого обходится.

Тогда она тоже изучила цифры, и они привели ее в уныние. Ее казначей посылал ей краткие сообщения. Отчет Андреса де Кабреры, в котором была учтена каждая монетка, отражал куда менее утешительную картину. Война, даже затихнув, жестоко опустошала казну.

— Мы еще не разорены, — вздохнула Изабелла.

— Но скоро разоримся. Вот так и гибнут короли.

Это она знала.

Он предложил чрезвычайные военные меры. В Арагоне уже давно существовала инквизиция. Там, как и в Кастилии, было много новых христиан, которые втайне оставались иудеями и которые для того, чтобы защитить свое имущество, крестились и сделали вид, что искренне приняли новую религию.

— Вся прелесть инквизиции в том, что эта организация сама себя поддерживает и совершенствуется. Она не только выкорчевывает ересь, но и не требует почти никакого управления со стороны монарха. Все делает

народ. Мало кто ненавидит богатых тайных иудеев больше, чем бедные старые христиане. Это еще и самоочищение, от самого дна, как и Эрмандада. Что для нас сейчас наиболее важно — так это то, что имущество осужденных еретиков становится имуществом короны. Это почти бездонный и почти законный источник доходов.

— Я ненавижу шпионов, — сказал Изабелла.

— Больше, чем ересь?

Зеленые глаза сверкнули:

— Я ненавижу ересь больше всего на свете!

— Так за чем дело стало?

Фердинанд был неумолимо рассудителен. Он вызвал Великого Инквизитора Арагона. Тот просил королеву завершить великий труд очищения, который она начала в Севилье ударом по ереси, а ересь, по его словам, была всему причиной.

— Я все же ненавижу шпионов, — сказала Изабелла.

Он вежливо спросил — разве она не использует шпионов на войне? И разве искоренение тайных иудеев не есть война во славу самого Господа?

Фердинанд собрал подписи местных священнослужителей Севильи, которые были согласны с арагонцем. Это определенно послужит делу умиротворения провинции, заявили они.

Изабелла размышляла над советом, который дала ей делегация торговцев, приходившая тайно просить помощи. Их глаза сверкали от жадности.

— И кроме всего прочего, ваше высочество, тайные иудеи в Севилье должны быть истреблены.

Ничто, говорили они, не вредит так законной выгоде торговцев, как ненавистное состязание с тайными иудеями. Они должны быть изжарены в своем собст-

венном еретическом масле, на котором они готовят свою еретическую еду. Изабелла вспомнила жителей Сеговии, которые шпионили за Кабрерой. Ненависть к ересям была сильна, глубока и насчитывала почти пятнадцать веков.

— На основе закона ты проявила силу, источником которой было твое отчаяние, — нетерпеливо сказал Фердинанд. — Почему ты всегда отскакиваешь, как пугливый жеребенок, когда я говорю о необходимости укрепить один этот закон? Все хотят этого, кроме тебя. Но ты же не изменишь закон, не так ли?

— Нет, не изменю.

— Ты не сможешь, — прямо сказал он. — Даже ты. Слишком популярный закон.

Она не хотела ссориться с ним. Все ее советчики и все ее логические размышления вели к согласию с ним. Все ее воспитание было на его стороне. Только голос в глубине души шептал, что доноительство, даже во имя Господа, — это грех. Но этот голос был тих и слаб, и его доводы были нелогичны. Возможно, это был голос дьявола.

Фердинанд поздравил ее, когда она показала ему письмо к папе, в котором она просила у понтифика* полномочий для введения в Кастилии инквизиции.

— Теперь в руках твоих окажется такой Меч Правосудия, что тот, который несли перед тобой на коронации, станет похож на игрушку.

Он все еще не забыл тот день.

— Фердинанд!

— Да?

— У нас будет малыш. Может быть, мальчик.

— Тогда, Бога ради, держись подальше от лошадей, ладно?

Он воспринял ее признание сдержанно, показалось ей. Может быть, тревожные цифры Кабреры или инквизиция занимали его мысли, заставляя его отдалиться снова именно тогда, когда она думала, что он рядом.

Вскоре Фердинанд уехал на север, чтобы присмотреть, как он сказал, за португальской границей и не дать войне сожрать еще больше средств.

В Севилье, держась подальше от лошадей, Изабелла занялась новым странным изобретением, которому пророчила большое будущее. Немецкий ремесленник по имени Теодор, которого звали Теодорико Алеман, напечатал первую в Испании книгу.

Это была Библия. Если бы только тайные иудеи прочли Библию, ей, возможно, вообще не понадобилась бы инквизиция, ибо после отъезда Фердинанда тихий голос — совести или дьявола — начал опять тревожить ее. Серебряный ларец всегда был при ней. Королева решила, что, если при известной неторопливости папской переписки наконец придет булла о введении инквизиции, она запрет свиток в ларце. Крест тоже тревожил ее.

Тем временем она попросила кардинала Мендосу, который не больше, чем она, желал введения инквизиции, подготовить самый простой Катехизис*, который мог бы разъяснить еретикам их ошибки. Мендоса, по ее повелению, потратил на проповеди, блиставшие красноречием, целых два года.

От Фердинанда приходили письма, написанные в прежнем формальном дипломатическом стиле. Что-то его тревожило. Но он писал только, что надеется на рождение принца, и просил ее беречь себя.

«То есть беречь принца», — устало думала она.

ГЛАВА 21

Рано утром, в среду, 30 июня 1478 года, колокола огромной старой мавританской башни, служившей колокольной Севильского кафедрального собора, звонили так долго и громко, что встревожившиеся горожане выпрыгнули из своих постелей. Церковь за церковью подхватывала звон, пока весь город не загудел медью в честь Изабеллы.

За занавесями алькова Изабелла слушала звон колоколов сквозь туман боли. Она не произнесла еще ни слова. Некоторые из грандов, столпившихся в комнате, беспокоились о ней: в таком положении женщины обычно кричат. Их обидели задернутые занавеси, поскольку они имели привилегию, столь же древнюю, как и их титулы, — видеть рождение инфанта или инфанты Кастилии. Видеть собственными глазами, а не просто символически присутствовать. Но Изабелла потребовала задернуть занавеси. Гордыня и привередливость королевы, как полагали многие. Ни одного стога не сорвалось с ее сжатых губ.

— Все ли в порядке с королевой? — спросил Фердинанд. Он примчался с границы, едва гонец сообщил ему, что время подходит.

Сияющая повитуха кивнула, затем развернула пеленки, чтобы показать гордому отцу, какой великий дар преподнесла ему жена. Фердинанд величественно улыбнулся.

Изабелла шепнула повитухе:

— Это мальчик?

— Хорошенький мальчик, ваше высочество.

— Пожалуйста, не шутите со мной. Я выдержу.

— Подождите, сами увидите! Хорошенький, престный мальчик!

Фердинанд раздвинул занавески и поцеловал ее влажный лоб.

— Никакого сомнения, дорогая моя. Я едва могу удержаться, чтобы не заплакать от гордости и восторга.

Изабелла заплакала и возблагодарила Господа.

— Дай его мне, дорогой.

Это был крохотный младенец, но безупречный и хорошо сложенный. Волосики у него были светло-золотые.

— Глаза голубые, как у тебя, — сказал Фердинанд.

— Глупый, у всех младенцев голубые глазки.

— Посмотри на эти ручки!

Изабелла улыбнулась.

— Сильные, как у тебя.

Но сильными они не выглядели. Изабеллу беспокоило, что инфант такой слабенький на вид. Матери всегда волнуются, уверила она себя, да и что можно сейчас сказать!

— Как мы назовем его, Фердинандом?

— Сегодня день святого Иоанна Крестителя*, — сказал Фердинанд; его отец звался Хуаном Арагонским. — Я хочу назвать его Хуаном.

Она довольно кивнула.

— Дай его мне.

Изабелла взяла принца, прижала к себе и с радостью услышала громкий вопль, вырвавшийся из крохотного розового ротика.

— Хорошее горло, — сказал Фердинанд.

— Ты не оставишь меня с ним ненадолго?

— Что? А, конечно, конечно. — Он усмехнулся.

Гранды засуетились, на цыпочках покидая комна-

ту, и отправились пить за здоровье нового принца. Повитуха, веселая толстая простолюдинка, известная под именем Эррадера (Наседка), сотрясаясь от беззвучного смеха, покрутила пальцем у виска:

— Мужчины!

Королева поцеловала лобик младенца — совсем как у Фердинанда — и осторожно взъерошила его волосики. Такая хрупкая, такая беспомощная головка на слабой шейке — ей приходилось поддерживать ее рукой. Но когда-нибудь эта шея станет сильна, как шея Фердинанда, и голова будет держаться гордо и прямо. Она должна быть очень сильной. Она должна выдержать тяжесть трех корон.

— Маленький принц, — пробормотала она, — король Кастилии, Арагона и Сицилии.

Нет, может, даже четырех корон. Однажды принц Хуан женится. А кто может быть лучше, чем португальская принцесса? Король всей Испании — объединенной, единой, под одной этой коронованной головой, такой маленькой сейчас, когда он сосет ее грудь.

— Сейчас, ваша маленькая светлость, вы не выглядите так, как будто у вас большое политическое честолюбие. — Она улыбнулась.

Севилья и все королевство праздновали рождение принца Астурийского три дня и три ночи. Когда ему исполнилось десять дней, высокородные няньки пронесли его на красной парчовой подушке посреди торжественной процессии в кафедральный собор для крещения. Там, среди леса гранитных колонн, увешанных бархатом и шелком, украшенных флагами, кардинал Мендоса нарек его Хуаном. Снаружи, в толпе, которая не могла вместиться в собор, шут-карлик Фердинанда, едва ли не трех футов ростом, тащил на голове массив-

ное серебряное блюдо, так что можно было заглянуть в него и увидеть подношение по случаю крещения, сделанное монархами, — то был огромный золотой *escelente**, на который было переплавлено пятьдесят золотых дукатов.

На пиру король был в благодушном настроении — он выпил бокал вина, громко аплодировал танцам и ущипнул Беатрис де Бобадилью, когда та проходила мимо него. Беатрис ускользнула.

— Жеманница! — пробормотал король.

Изабелла взглянула на него, и глаза ее вспыхнули зеленым огнем. Он поставил кубок, сделал серьезное лицо и заговорил с папским легатом об итальянских делах.

— Я думаю, вам лучше сесть рядом со мной, сеньора маркиза, — сказала Изабелла, когда музыка смолкла.

Беатрис робко присела. У Фердинанда были сильные пальцы.

— Ты придешь ко мне сегодня вечером? Я хочу кое о чем поговорить с тобой.

— Ваше высочество! Я не виновата. Я уверена, это ошибка. Я просто наткнулась на него. Со всеми бывает.

— Ш-ш-ш! — улыбаясь, шепнула королева. — Это ерунда. Лучше ты, чем кто другой. Потому что тебя, Беатрис, я знаю, люблю и доверяю тебе. Это насчет того, что я случайно услышала сегодня на улице.

Во время шествия в собор она слышала разговор пары подвыпивших прохожих.

— Почему он путается с той арагонской сукой, если получил законного принца в Кастилии? — спрашивал один.

Другой, которого вино настроило на философский лад, ответил:

— Да он скоро бросит ее, друг мой. Эта арагонская сука преподнесла ему большое разочарование. Пресвятая Дева! А ты придержи язык! — Он широко ухмыльнулся. — Да здравствует королева! Да здравствует принц! Да здравствует...

Королева прошла мимо.

Вечером она спросила:

— Беатрис, что такое знают все, чего я не знаю?

— Я не понимаю, ваше высочество.

— Пожалуйста, Беатрис! Я слишком давно знаю тебя.

— Я, правда, не понимаю.

Она не заплакала, но глаза ее заблестели.

— Что это за арагонская сука, которая разочаровала моего мужа?

Такое слово из уст чопорной Изабеллы как громом поразило Беатрис.

— Ваше высочество запретили мне говорить о короле.

Слезы все-таки хлынули, как Изабелла ни сдерживала их.

— Пьяницы на улицах знают, только его жена ничего не знает. Я прошу тебя сказать мне, что такого знают все, чего я не знаю?

Беатрис присела на кресло Изабеллы и обняла ее. Она тоже плакала.

— Он ничего не мог поделать. Все мужчины таковы. А короли еще хуже. Он больше не встречается с ней. Говорят, что он запер ее в монастыре. Он знал ее едва ли неделю. О, дорогая моя подруга, как мне жаль, что ты узнала. Она была что-то вроде няньки. Никем более.

— Теперь понятно, что сделал король, — сказала Изабелла. Она говорила так тихо, что Беатрис едва ее слышала. — Он признал ребенка?

— Д-да.

— Публично?

— Да.

— Он очень честен, Беатрис. Для этого нужно было мужество.

— Да.

Изабелла помедлила.

— Этот ребенок — мальчик?

— Девочка.

— А!

Она раздувала угли в поисках искры надежды. Крохотная надежда была в том, что она подарила ему *принца*.

— Как назвали ребенка?

— Хуана.

— Хуана — имя его матери. У короля сильные семейные привязанности.

— Да.

— Сколько лет этой королевской дочери?

— Два, я думаю.

Она стала вспоминать. Это должно было случиться тогда, когда Фердинанд был обижен тем, что она короновалась одна. Больше она ничего не сказала, потому что говорить было нечего. Изабелла положила голову на плечо Беатрис. Беатрис была одета экстравагантно, как всегда. Бархатное плечо было мягким и теплым. Беатрис сказала:

— Принести тебе стакан молока?

— А не добудешь ли ты мне глоток чего-нибудь покрепче? Нет, не один глоток. И чтобы служанки тебя не заметили.

Беатрис побежала к себе в комнату. Трясущимися руками она налила крепкого вина из венецианского графина Кабреры. Маркиз де Мойя пошевелился в постели.

— Что, ради всех святых, ты делаешь?

— Спи себе! — зашипела она на мужа.

Изабелла не заговаривала больше об этом с Беатрис и ничего не сказала Фердинанду. Но она не могла скрыть потрясение и стыд.

Кабрера спросил у жены:

— Что ты делала с моим вином посреди ночи?

— Королева захотела выпить немного, — ответила Беатрис.

— Изабелла? Захотела *бренди*?

— Она прослышала о втором королевском бастарде.

— Кто же был так жесток, что сказал ей?

— Не я, уверяю тебя. Она услышала что-то на улице.

— Что за невезение! Что за проклятое невезение.

Однако... — Он пожал плечами. — Она должна была узнать рано или поздно о публичном признании в Арагоне.

— Фердинанд просто скотина.

— В лучших традициях монархов. По крайней мере, он признал их.

— Изабелла сказала, что с его стороны это было смелостью. Она храбрая. Я рада, что замужем не за ним.

Кабрера задумчиво потер подбородок.

— Нелегко быть замужем за королем.

Хотя Изабелла не упрекала короля, он ощутил глубокую перемену в ней. Он пытался шутить с ней, но она не смеялась. Он стал злиться. Она не спросила почему. Он окружил ее вниманием, не только ради династии, но и ради любви, потому что раз она родила

ему одного принца, он был уверен, что она сможет родить ему и другого. Изабелла была послушной, но... бесстрастной.

— Изабелла?

— Да?

— Что тебя тревожит?

Она посмотрела на него. Было больно видеть его виноватым, прячущим глаза. Она не хотела увидеть своего идола сокрушенным.

— Я догадываюсь, ты узнала что-то о Хуане, — выдал он. — Я не мог смотреть тебе в лицо после того, как признал ее, и я держался как можно дальше от нее.

Он честен, подумала она.

— Это было тяжело вынести, — сказала она. — Когда родился твой первый незаконный ребенок, ты даже не знал меня, а вот когда родилась Хуана, мы были женаты!

Его оправдание было остроумным. Если бы он не любил ее сильно, сказал он, разве боялся бы он того, что она узнает о ребенке? Разве короли не прогуливаются со своими любовницами на виду своих королев по всей Европе? Разве они не объявляют празднества по случаю рождения своих незаконных принцев? Он поступил так бессердечно, сказал он, потому что любил свою жену.

Это звучало искренне. Его красивое лицо было бледным и крайне серьезным. То, что он сказал о других королях, было совершеннейшей правдой.

— Но если я развлекался с распутницей из досады, это не означает, что я не люблю мое невинное внебрачное дитя, — выразительно добавил он.

Насколько же тяжелее понять одного мужчину, чем целый народ! Может быть, как говорил ей епископ Се-

вилы, она хочет слишком многого. Она страдала, когда слушала его оправдания. Она до такой степени ощущала свое единство с мужем, что чувствовала себя униженной вместе с ним.

- Я не ругаю тебя, Фердинанд.
- Было бы легче, если бы ругала.
- Не это у меня на сердце. Я люблю тебя.
- Я прощен?

Великий рационалист Фердинанд! Он хотел своего *ego te absolvo**, чтобы уйти с чистой совестью и снова делать свое дело.

- От всего сердца, — она улыбнулась.
- Клянусь своей честью, Изабелла, я никогда больше не огорчу тебя!

Для севильцев ничего не изменилось, и царственные любовники по-прежнему прогуливались в садах алькасара, хотя лето уже перешло в осень, цветы увядали, золотые плоды падали на землю и год стремился к спокойному зимнему отдыху.

Сознание, что она хочет слишком многого и не может получить, жило в сердце Изабеллы. Она снова вздернула подбородок. Если она не может попросить, что ж, значит, она сможет заслужить. Она не была суетной, но была слишком честна с собой, чтобы отрицать, что в ней есть кое-что еще, кроме красоты. В общении о любовнице Фердинанда не говорилось о том, что та красива. Поскольку видно было, что ему требовалось больше, чем просто красота, она решила, что заставит его уважать ее так, как ни один мужчина прежде не уважал женщину. Она читала гораздо больше, чем было принято у знати, читала даже истории

Боккаччо*, хотя и прятала озорную книгу, потому что знала, что Фердинанд этого бы не одобрил. Ее всегда поражала странная «традиция» — великих обольстительниц поначалу всегда считали просто необычными, а красивыми — гораздо... гораздо позже.

— Я не потеряю его, если достигну совершенства.

За пределами маленького мира ее души расстилался большой мир, занятый своими делами. Той зимой дела эти были в большинстве своем печальными.

В Барселоне в возрасте восьмидесяти трех лет внезапно умер во сне король Хуан Арагонский. Фердинанд должен был немедленно уехать в Арагон, похоронить отца с полагающимися почестями и принять его корону.

— Я неохотно покидаю тебя, моя дорогая. Это будет скучное и утомительное время. Но я решил, что каждый вассал моего отца должен лично принести мне присягу.

Она знала, что он составил полный их список, в алфавитном порядке, и список этот аккуратно уложен в одну из его седельных сумок. Имя каждого присягнувшего секретарь должен будет вычеркнуть толстым красным мелком.

— Я провожу тебя!

Он пристально посмотрел на нее.

— Ты уверена, что чувствуешь себя достаточно хорошо для верховой езды?

— Я никогда в жизни не чувствовала себя так хорошо, — засмеялась Изабелла.

— Мне придется ехать быстро.

— Я тоже умею ездить быстро.

Испанцев с их любовью к зрелищам и почтением к смерти вовсе не удивила длинная королевская кавалькада, которая на покрытых траурными чепраками конях неслась на север через города, погруженные в траур и звонившие в погребальные колокола. Толпа торжественно приветствовала короля, который спешил отдать последние почести своему покойному отцу, и королеву, которая составила компанию своему супругу.

Когда они миновали Сьерра, Морену и оказались на кастильской возвышенности, щеки Изабеллы так покраснелись от ветра, что Фердинанд сравнил их с южными персиками. Она назвала его медоточивым и посмеялась вместе с ним.

Позади них Беатрис де Бобадилья тихо сказала мужу:

— Я страшно беспокоюсь. Она уже три месяца как беременна, а король ничего не знает.

Изабелла сопровождала его до Толедо.

— Мне так хочется, чтобы ты смогла поехать дальше, — сказал Фердинанд. — Арагон никогда не видел мою королеву.

— Арагон встретит меня куда теплее, когда мы привезем их принца, — рассудительно сказала она.

— В любом случае, я полагаю, что один из нас должен остаться, чтобы стеречь границы. Португалия ударит снова, я уверен, причем ударит именно тогда, когда я окажусь в отъезде.

Изабелла улыбнулась.

— Я так не думаю.

— Твои предчувствия иногда сбываются.

Ее уверенность основывалась не только на предчувствии, но она не могла сказать ему, на чем именно,

чтобы не обидеть его. Изабелла впервые в жизни занялась тайной дипломатией.

Кавалькада разделилась. Король и его эскорт поспешили в Барселону, королева и ее свита остались в гостях у кардинала Мендосы.

Беатрис робко подошла к Изабелле:

— *Отдохните*, ваше высочество.

Изабелла чувствовала себя очень плохо.

— Да, придется мне немного отдохнуть, Беатрис.

Но только немного. Ее опечалили известия об усиливающемся недуге Каррильо, которые передал ей Мендоса. Каррильо был в отставке и жил в Алькала де Энарес, всего в нескольких милях от Толедо. Она послала ему теплое приглашение. Каррильо капризно ответил, что он не может путешествовать, будучи разорен, как он это назвал, конфискацией своего дохода. Изабелла не хотела ссориться с больным старым другом и повысила выплачиваемую ему сумму до размеров, которые позволяли вести обеспеченную жизнь, но недостаточную, чтобы платить личной армии или вести дорогостоящие алхимические опыты. Потом она поехала навестить его, раз уж он не желал ехать к ней.

Архиепископ прискорбно изменился, состарился и пал духом. Он был слишком слаб, чтобы подняться и приветствовать ее. Некромант и астролог выскользнули за дверь. В воздухе чувствовался запах химикалий. Каррильо заговорил о ее юности — ворчливо, по-стариковски. О будущем он не говорил. Это был мучительный разговор, и Изабелла недоумевала, зачем она приехала. Но несколькими днями позже она радовалась тому, что поехала, потому что архиепископ Каррильо умер.

Потом она поняла, почему в его доме по-прежнему

пахло химикалиями. Он влез по уши в долги, чтобы продолжать свои бесполезные эксперименты. Изабелла заплатила его долги и приготовила приказ об изгнании доктора Аларкона и Эль Беато. Но мерзавцы, которые обманывали жадного и глупого старика, успели ускользнуть, и их кошельки были набиты настоящим золотом, которое они не могли сделать для старика.

Пока гонцы мчались по дорогам между Толедо и Римом, Изабелла поехала в Аревало, чтобы повидаться с матерью. Она нечасто отрывалась от своих обязанностей, чтобы совершить паломничество долга, предпочитая обеспечивать вдовствующей королеве все удобства и заботы через слуг, которым она доверяла. Могилу отца Изабелла навещала с радостью и спокойствием истинной христианки; но вид живого склепа, в который превратилась ее мать, внушал ей ужас. Однако она должна была нанести визит. Каррильо умер. Отец Фердинанда умер. Ее мать тоже умирает.

Но ее поездка имела и другую причину. Ее любовь к Фердинанду не слабела, но он перестал быть для нее идолом. Ей хотелось прибежать к матери, как в детстве она бегала к ней за утешением, когда падала и плакала от боли.

То желание оказалось ошибкой. Реку времени невозможно повернуть. Женщина не может снова стать ребенком. Нет, роли поменялись, и теперь ребенком была мать. Старая королева, хотя и была жива, теперь шла по жизни вспять: обратно к детству. И теперь она была в полном порядке: розовая, толстая и радостно лопочущая, как младенец.

Изабелла наклонилась и поцеловала редкие белые волосы на голове матери, едва не удивившись тому,

что не заметила биение пульса в младенческом «родничке».

С матерью нельзя было поговорить. Лица, жесты, слова — все утратило для нее значение.

Изабелла на цыпочках вышла из детской, в которой усталое дитя заснуло.

Будь беспомощная калека кем другим, а не ее матерью, Изабелла не была бы так опечалена. Все, что могли сделать деньги и привязанность, было сделано. Но некогда она пребывала в чреве этой безумной женщины, а теперь сама носила дитя. Где-то в глубине сознания, загнанный туда неистовым усилием воли, всегда жил страх, что и ее тело может оказаться вместилищем безумия.

ГЛАВА 22

В Португалии обитала одна сметливая старая дама королевской крови, сестра матери Изабеллы, бывшая, кстати, и португальской принцессой. Иногда Изабелле казалось, что природа жестоко пошутила, наделив всеми дарами одну сестру и обделив другую. Ибо тетя Беатрис, которую Изабелла в детстве называла «тетушка Португалка», была настолько же разумна, насколько ее мать ребячлива. Похоже было, что природа утомилась, наделяя разумом тетушку Португалку, и матери Изабеллы не досталось ни капли соображения. Что-то в этом было пугающее.

Благодаря причудам королевских брачных союзов, тетя Беатрис Португальская была еще и невесткой португальского короля. Беатрис не любила его и считала

его декабрьскую свадьбу с малюткой Белтранехой вершиной недостойного сумасбродства. Более того, она следила за своими расходами, а война между Испанией и Португалией разоряла ее, потому что опустошала португальскую казну. Она тайно написала Изабелле, выразив свое отвращение к этой войне и спрашивая мнения Изабеллы.

«Мой деверь, король, отправился во Францию выпрашивать помощь у этого мошенника Людовика. Людовик месяцами не принимал его, не говорил ни да ни нет, хитрил и юлил и ни разу не встретился лично. Это может означать только то, что Людовик считает нашу войну зашедшей в тупик, потому что он всегда присоединяется к победителю. А тем временем Кастилия и Португалия обе платят огромные деньги армиям, которые ничего не делают. Даже ребенком ты была поразительно разумна. Поделись со мной мыслями, моя дорогая племянница. Ты можешь переписываться об этом со мной в полной тайне через моего гонца, который, на мой взгляд, со своей арфой и в шутовской одежде выглядит как *самый настоящий* менестрель.

Несомненно, ты надумаешь посоветоваться с Фердинандом. Но я бы этого не хотела. Он может истолковать это мое послание только как свидетельство слабости Португалии. Поверь мне, мы так же сильны, как и вы. Вот в чем горе этой войны — и вот почему она зашла в тупик. Из-за равновесия сил и упрямства гордых мужчин».

Поскольку тетя Беатрис выказала пренебрежение Фердинанду, Изабелла не стала показывать ему письмо, чтобы не уязвить его гордость. Да она и не хотела. Потому что нашелся случай закончить войну. Фердинанд будет уважать ее, если она сможет прекратить

войну на условиях, достаточно благоприятных для Кастилии.

Не давая никаких обязательств, она ответила, что Фердинанд вот-вот уедет, смерть отца требует его присутствия в Арагоне. Несомненно, тонко замечала она, он соберет там большую армию, чтобы воевать с Португалией. Это было бы грустно, поскольку она тоже хочет мира. Она не думает, что Португалия так же сильна, как Кастилия.

Были и другие секретные послания, но хорошее начало было положено, лед тронулся.

В начале мая Изабелла с уже заметным животом проехала верхом сто сорок миль от Толедо до Алькантары на границе с Португалией, взяв с собой только своего секретаря Пулгара, Беатрис де Бобадилью и небольшой эскорт. Их можно было принять за каких-то мелких дворян из незначительного владения.

От езды на лошади ее больше не тошнило, но ребенок стал тяжелым, и она не могла ездить быстро.

Тетя Беатрис Португальская уже была там, ждала ее. Она выглядела точно так, как должна была бы выглядеть мать Изабеллы.

Тетушка с чувством приветствовала племянницу, и в этом чувстве было больше, чем семейная привязанность.

— В какую красавицу ты превратилась, *sobrinya mia**! У меня тоже когда-то были такие волосы. Знаешь, это в нас говорит кровь англичан-блондинов, — ее зоркие глаза опустились ниже. — Пресвятая Дева! Я не имела понятия! Ты не объявляла об этом. Я никогда не рискнула бы предложить эту встречу, если бы знала.

— Даже Фердинанд не знает.

Тетушка Португалка не спросила почему. Она была

слишком пронизательна, чтобы не влезать в чужую личную жизнь, особенно после того, как Фердинанд признал двух бастардов.

Но она была рада, что Фердинанд далеко. Она знала, что не смогла бы выжать из него уступки. Отсутствие мужчин с их болезненной гордостью и их вечным препирательством о мелочах позволяло ей и ее племяннице быстро разобраться с сутью дела.

— Думаю, ты не захочешь оставаться надолго, — сказала она. — По счастью, ты можешь говорить за Кастилию. Что до Португалии, я льщу себя мнением, что смогу убедить Альфонсо, этого старого глупого козла.

— Я останусь здесь столько, сколько должна, милая тетя. Мы попытаемся убедить наших мужчин.

Тетушка Португалка прекратила поединок остроумия, в котором была просто превосходна, уверенная в том, что Португалия получит выгоду от любых переговоров, в которых лично она принимает участие.

— Альфонсо не должен был жениться на бедной малютке, — сказала Изабелла. — Это противоестественно.

Беатрис Португальская пожала плечами.

— Я говорила ему, что не стоит делать этого, но теперь вреда не исправишь.

— Я думаю, это можно исправить, — сказала Изабелла, улыбаясь.

— Только через его толстый труп! Он никогда не отдаст свою жену.

— Тогда ты должна заставить его. Этот ужасный брак — главное препятствие для мира.

— Моя милая, даже у моих широких возможностей есть предел.

Этот брак был еще и наибольшим достижением португальской дипломатии.

— Тогда я помогу тебе уговорить его.

Не зря гонцы Изабеллы помчались в Рим и в Португалию. Ее представители при папском дворе энергично опротестовали буллу, которая позволяла Альфонсо жениться на Белтранехе, указав на то, что этот брак привел к войне между христианскими народами, в то время как христианский мир должен сражаться с турками, которые продолжают завоевания на востоке, и маврами, которые поднимают беспорядки в Гранаде.

Полученный ответ Изабелла показала своей доброй, но и рассудительной португальской тете. Он был написан осторожным языком, но не оставлял сомнений в том, что папа обдумает это дело и запретит спорный брак. Беатрис Португальская остолбенела.

— Это уже тяжелая артиллерия, моя милая. Как твои пушки под Торо. Я не вполне готова к этому.

— Тетушка Португалка, а имеет ли *право* старый дядя жениться на несовершеннолетней племяннице?

— Святой отец, кажется, согласен, что нет, — она вздохнула. — Ты оставила мне очень мало возможностей для торга, Изабелла.

Изабелла оставила Португалии еще меньше, чем думала тетя Беатрис. Во Франции хитрый король Людовик благодаря своей шпионской сети вызнал, что готовилось при папском дворе и кто может выиграть, и сделал быстрый поворот в своей внешней политике. Он отменил официальное приглашение Альфонсо и отослал его на тихоходном корабле в Португалию с пустыми руками, сопроводив прощание словами насчет греховности браков с несовершеннолетними. В то же время он обменялся письмами с Изабеллой и с Фердинан-

дом, обращаясь к ним как к «Самым Высоким и Могущественным, Истинным и Законным Монархам Кастилии, Леона, Арагона и Сицилии». Он хитро поздравил Изабеллу с ожидаемым инфантом или инфантой и выразил надежду, что она и ее тетя встретятся для обсуждения мирного договора.

Вскоре папа издал буллу, в которой объявил брак Альфонсо с Белтранехой аннулированным и недействительным *ab initio* — в основе своей.

Фердинанд написал из Арагона: «Как же так вышло, *mi secora*, что я должен узнавать от короля Франции, что моя жена ждет ребенка? Как так получается, что ты вовлечена в дипломатические интриги, о которых я не знаю ничего? И все же благослови тебя Бог за все твои славные устремления с тем, чтобы они принесли счастливые плоды. Я стремлюсь быть рядом с тобой. Только упрямство некоторых непокорных вассалов удерживает меня вдали от тебя. Я сокрошу их. Сделай то же самое. Сокруши Португалию, предпочтительно — браком наших детей с португальскими инфантами. Целую твои руки и ноги. Господь да хранит тебя: Фердинанд».

Беатрис Португальской тоже нравилась идея брака, связывающего королевские фамилии, — это было в согласии с традицией и гарантировало сохранение единства заключенного мира.

Вскоре Изабелла смогла написать мужу: «Я посылаю тебе условия договора, *mi secor*, которому не хватает только твоей подписи (и подписи Альфонсо, конечно же — он все еще в море), чтобы вступить в действие и закончить эту невыгодную войну. Я во здравии телесном и духовном. Люблю тебя. Твоя жена».

Это был договор, которого годы войны не смогли выжать у Альфонсо Африканца.

Альфонсо отказывался от притязаний на трон Кастилии и соглашался даже убрать со своего знамени кастильскую четверть — жалищий упрек его гордыне.

Маленькая Ла Белтранеха, снова оказавшаяся на рынке невест, с ее опасными притязаниями на Кастилию согласилась выйти замуж только за принца Хуана, сына Изабеллы, который был тринадцатью годами младше, или уйти в монастырь. Фердинанд от души посмеялся над этим. Изабелла действенным способом предотвратила союз Ла Белтранехи с кем бы то ни было, — кроме принца, который был слишком мал, чтобы заключить такой союз. С ее поблекшими претензиями на корону Энрике Бессильного Ла Белтранеха выбрала монастырь, как Изабелла и ожидала.

Но был и еще один королевский брак — их дочь, инфанта Изабелла, должна была выйти замуж за младшего сына португальского короля. Это имело шансы на успех, потому что дети были примерно одного возраста.

Фердинанд гадал, какие гарантии дала Изабелла проницательной тете Беатрис, что этот брак состоится, когда дети подрастут. До тех пор договор ничего Португалии не давал. Пробежав глазами список условий, он нашел гарантии, дань гордости Португалии. И впервые он был озадачен. Принц Хуан и инфанта Изабелла вверялись заботам Беатрис Португальской. Было непохоже, что Изабелла хочет разлучиться с детьми. И тут он улыбнулся. Они и не разлучатся. Инфанты и вправду будут жить со своей двоюродной бабушкой, но не в Португалии и даже не в одном из пограничных городов. Беатрис Португальская согласилась поселиться в

городе Мойя, неподалеку от Толедо, в самом центре Кастилии!

«Трудно сказать, — писал Фердинанд, — кто здесь заложник — дети или тетушка Португалка. С географической точки зрения заложником точно становится твоя тетушка. Альфонсо останется в дураках, если подпишет этот договор. Да он и есть дурак. Не задерживайся слишком долго в Алькантаре. Если ты не поедешь в носилках, я отправлю всех твоих коней».

«На самом деле никто не будет заложником, — писала Изабелла в ответ. — Это только кажется. У детей будут свои учителя, как обычно, а тетушка Португалка будет просто вести дом. Она очаровательная, образованная и разумная. Мы будем проводить там много времени. Дети выучат португальский. Я всегда радовалась, что знаю его. А что до моего возвращения домой, то обещаю тебе, что поеду в носилках, так что не нужно травить коней, их у нас в королевстве и без того мало. Ну почему в Испании столько людей предпочитает ездить на мулах? У меня сейчас странные мысли». Она очень устала. Больше всего она беспокоилась, как она и говорила Фердинанду, что Альфонсо может отказаться подписать договор, «хотя на самом деле я не вижу, как он сможет выкрутиться».

Когда Альфонсо, измученный в дороге морской болезнью, сошел с корабля в Лиссабоне, он обнаружил, что его брак аннулирован, его невеста в монастыре, а невестка — в Кастилии. Силы, которые Изабелла пустила в ход против него, были так велики, что договор был в действии и без его подписи. Он увидел с чувством разочарования, что никого не заботит, подпишет он договор или нет.

Он был сражен — причем женщиной. В ярости

Альфонсо нацарапал свое имя на документе, который он ненавидел, называя его так, как все уже называли его втайне — «*Договор Фигового Листка*», — проклиная всех женщин, особенно Изабеллу Кастильскую.

Потом он сделал удивительную вещь. Он отрекся. Он сорвал с себя меч и корону и сменил их на веревочный пояс и тонзуру монаха. Он скрылся в монастырь Варатохо на холодном и ветреном океанском мысу, где он отныне мог смотреть на беспокойные волны, по которым в молодости он плывал сражаться с маврами и получил за победу над неверными прозвище Африканец. Его старший сын Жоао взошел на трон.

Договор, который прекратил Португальскую Войну за Наследство и который Изабелла устроила почти в одиночку, недешево обошелся ей. Тело ее требовало отдыха, а разум — покоя. Вместо этого она покрывала сотни миль и проводила бессонные ночи, читая и диктуя сложную дипломатическую корреспонденцию, где каждое слово было выверено проницательными и скрупулезными политиками. Хорошо мужчинам, насмешливо думала Изабелла, им-то не надо беречь часть сил на то, чтобы принести дитя в этот мир. Душевное и физическое напряжение было жестоким. Но когда она, не торопясь, на носилках возвращалась в Толедо, читая похвалы себе в письмах Фердинанда, ей казалось, что усилия ее оправдались. Народ тоже был воодушевлен. На каждом перекрестке ее приветствовали толпы, особенно простые солдаты, которые возвращались домой после окончания своей долгой службы на границе, что теперь стала мирной.

В Толедо она родила дочь. Ребенок был странно,

старчески сморщенный, вялый и хилый. Его лоб был бугристым и высоким, слишком высоким, непохожим на лоб Фердинанда.

Фердинанд все еще был в Арагоне.

Она быстро окрестила ребенка, не зная, выживет ли он.

«Я назвала нашу дочь Хуаной, по твоей матери, — написала Изабелла. Она не могла честно сказать, что девочка некрасива. — Она очень тихая и славная».

ГЛАВА 23

Изабелла видела, как первый горячий поток восхищения Фердинанда переходит в холодное признание ее государственных талантов. Правда, сказал он, она закончила войну на очень выгодных для Кастилии условиях. Правда, он не мог бы добиться таких условий, не пролив потоки крови и реки денег. И правда, сказал он, сам он сделал бы именно то, что сделала она, если бы он был на ее месте и у него была тетушка Португалка.

Она заставила его уважать себя. Но она осталась с неприятным чувством, как будто что-то у него украла.

Его поджатые губы и натянутость, с которой он говорил об уродливой маленькой принцессе, тоже говорили о многом, приводя ее в уныние. Он не упрекал ее, он не сказал, как мог бы сказать другой мужчина: «Ты ездила верхом в последние месяцы беременности, и вот почему наш ребенок выглядит как слабоумный».

— Но в следующий раз он выиграет войну, — поклялась она себе.

Потому что Фердинанд, судя по его поведению, завидовал ей.

И еще он был подозрителен. Она слишком многое сделала сама.

— Что еще ты скрываешь, Изабелла? Дипломатия — как деготь: однажды испачкаешься — никогда не отмоешь.

Она призналась, что из Рима пришел ответ папы и что Святой Престол учредил инквизицию, чтобы выкорчевать ересь в Кастилии.

Он подпрыгнул, как тигр, услышав это.

— Это важная новость! Это тот Меч Правосудия, который мы должны были занести над страной уже давно. Но я не вижу в Кастилии инквизиции.

— Я спрятала ответ папы в моем ларце.

— Ты вложила свой меч в ножны, — произнес он тоном обвинителя. — Как, скажи, ты собираешься расплатиться за войну? Как ты отдашь свой долг Церкви? Если память на цифры меня не подводит — а она не подводит, уверяю тебя, — ты должна тридцать миллионов мараведи, и срок платежа уже вот-вот подходит.

— Церковь не давит на нас.

— Будет давить.

— Мы заплатим.

— У тебя самая обескураживающая манера говорить «мы», моя дорогая.

— Это потому, что мы делим все.

— Мне очень неприятно разделять долг в тридцать миллионов мараведи.

— Мы справимся.

— Как мы выплатим тридцать миллионов мараведи без инквизиции? Будь разумна, Изабелла.

Он вдруг подумал, что папская булла может быть ограничена в чем-то. Или, может, Изабелла только говорит, что получила ее.

— Позволено ли будет королю Кастилии прочесть переписку королевы?

— Фердинанд, не издевайся, пожалуйста.

Она сняла ключ с цепочки, на которой висел ее крестик. Он откинул крышку серебряного ларца и понял, что смотрит на беспорядочный склад вещей, которыми дорожила Изабелла и которые хранила в тайне от всего мира — выпавший молочный зуб их дочери, его собственные письма, начинавшиеся словами *mi senora*, помятые и потертые, драгоценности, которые он подарил ей, когда, переодевшись, приехал, чтобы жениться на ней. И еще там был тяжелый пергаментный свиток.

Он сказал смягчившимся голосом:

— Я не хотел издеваться. Я только боялся, что ты искажаешь правду, чтобы сделать мне приятное.

Он развернул свиток и прочел ответ папы. И вдруг присвистнул от удивления.

— *Seniora mia*, ты, должно быть, очаровала самого святейшего отца! Я в Арагоне не имею такой власти, какую это письмо дает мне в Кастилии!

Его лицо сияло от удовольствия — нигде в булле Изабелла не именовалась отдельно, ее имя стояло рядом с его.

— Вся прелесть, — воскликнул он, потрясая свитком так, что свинцовые печати на цветных шнурках зазвенели, — вся прелесть этой бумаги в том, что мы с тобой сами назначаем инквизиторов. Церковь отказывается от контроля за нашей инквизицией. Это что-то совершенно новое в королевских полномочиях. Ты основательна, Изабелла.

— Стараюсь, — сказала она.

Хватит ему хвалить ее. Она не сказала, как упорно

доказывала право назначения инквизиторов. Рим далеко, он занят делами всего мира, а она рядом и может охладить рвение своих испанских инквизиторов, потому что они будут исполнять свои обязанности, только пока она ими довольна. Она может даже, если захочет, вообще никого не назначать.

— Мы должны сразу объявить об этом, — сказал Фердинанд. — Мы заплатим все наши долги в неделю и завоюем множество душ для Господа.

Она ответила:

— Мне кажется, ты пускаешь телегу впереди лошади.

Она вздернула подбородок, глаза загорелись зелено, и Фердинанд понял, что говорить надо осторожнее, особенно на эту тему. Она взяла буллу и снова заперла в ларце. Он пожал плечами, улыбаясь. Он не мог в одиночку объявить о булле. Но он был терпелив.

— Если ты не хочешь действовать таким путем, моя дорогая, тогда что?

— Катехизис кардинала Мендосы уже распространен повсюду. С его помощью многие обратились.

— Немногие. Я следил.

— Даже немногие, обращенные без страха, хороши для начала.

— Они все бедны.

— За ними последуют многие, и богатые и бедные.

— Медленно, медленно, медленно.

— Такая работа и должна идти медленно.

— А наш огромный долг?

— А вот его надо заплатить сразу.

Он удивленно посмотрел на нее.

— Я собираюсь вернуть все коронные земли, которые раздал Энрике.

Мало-помалу грандиозность ее простого предложе-

ния дошла до Фердинанда. Энрике Бессильный, который никогда не отказывал просителям, раздавал направо и налево наследие короны — замок одному, земли другому, ренты, пенсии, титулы, привилегии, и все это с безрассудной расточительностью. Годами он грабил самого себя, обогащая прожорливых вассалов. Все, что он разбазарил, Изабелла собиралась теперь вернуть. Это будет бесспорно самовластное деяние.

Фердинанд нахмурился.

— Ты, конечно, права, — медленно сказал он. — Я должен сделать в Арагоне то же самое, но в меньших масштабах. Я помогу всем, чем смогу. Ты знаешь, нас перестанут любить. Будет большое кровопролитие. Это означает войну с твоей собственной знатью. Понадобятся все твои пушки.

— Мы попробуем сделать это голосованием.

— Голосованием? — расхохотался он. — Голосованием?

Такого не могло произойти в Арагоне, который был обращен к морю, дышал теплым воздухом и умел идти на компромиссы с душой. Произошло это в Кастилии, в земле камней и святых, где ничего не делалось наполовину, а чудеса были обычным делом. Изабелла созвала в 1480 году кортесы, парламент, который немедленно прославился на всю Европу беспрецедентной преданностью королеве.

Это было самое блистательное собрание, какое видела Кастилия за много лет. Епископы в золотых митрах, рыцари Сантьяго Компостельского в своих белых мантиях, украшенных изображением меча святого Иакова с лилейной рукоятью, рыцари Калатравы с их зелеными лентами и крестами, герцоги, маркизы и графы в своих горностаевых мантиях и драгоценных

коронах и многочисленнее всех грандов и прелатов — рассудительные и гордые представители городов. Эти горожане были одеты в бархат, ибо страна процветала и жила в мире. Фердинанду казалось, что лица кастильцев очень похожи, как будто все они родственники друг другу. В арагонских собраниях он не встречал ничего подобного этому семейному сходству. Но, может, думал он, это странное сходство просто следствие того, что они все думают об одном и том же.

Они не смотрели на него. Их глаза были устремлены на красивую женщину, которая была их королевой, королевой по праву, которая довела войну до победного конца. Корона, которую король Энрике лишил блеска, сияла огнем на ее медных кудрях. Рубины, подаренные Фердинандом, пламенели на груди. Рядом с ней стояла сильно подросшая принцесса Изабелла — миниатюрное подобие королевы. За ее спиной сидела седовласая Беатрис Португальская при всех регалиях — живой символ португальской дружбы — и остальные инфанты. Изабелла восстановила порядок там, где прежде была анархия, справедливость — там, где было беззаконие, процветание — где была бедность, мир — где была война. Теперь она хотела чего-то от них. Она заметила новое великое дело, потому что ее труды только начались.

С откровенной прямоотой, без следа сомнения она сказала им, что корона желает не из милости, а по праву исправить ошибку.

— Ибо если вы придете к нам по прямой дороге, вместо того, чтобы искать обходных путей, и скажете нам, что наши предшественники незаконно лишили вас определенных владений, вы должны поверить нашему слову: мы вернем их вам.

Она никогда не нарушала слова. Они верили ей.

Даже если кто из грандов ничего не терял, подозревал Фердинанд, они будут заявлять, что теряли. Клир, общины и большинство знати были твердо настроены против них.

Речь королевы открыла поток денег от богатейших феодальных домов Испании: Великий адмирал лишился 240 тысяч мараведи из своего годового дохода, герцог Медина Сидония — 180 тысяч. Кардинал Мендоса дал очень много, а дон Белтран де ла Куэва в романтическом порыве преданности оказался лишен куда большего, чем кто-либо, — огромной суммы в 1 миллион 400 тысяч мараведи. Все говорили, что восстановление имущества короны дало Изабелле много больше, чем было нужно для покрытия ее долгов. Она вернула деньги церкви.

— Ты получила свои тридцать миллионов, — сказал Фердинанд, — не на год, а на всю жизнь! Каррильо не мог сделать золото всей своей магией, а ты смогла какой-то своей черной магией. Изабелла, Изабелла, из чего ты сделана?

— У нас были голоса, — сказала она.

Он покачал головой.

— Сначала у тебя были их сердца. Это то искусство, которым я никогда не буду владеть.

— Зато я владею, а я с тобой.

— Ты знаешь, что я имел в виду. — Он улыбнулся.

Изабелла и ее консорт Фердинанд вышли из знаменитых кортесов 1480 года абсолютными монархами. Изабелла начала тратить свои огромные доходы так, что вначале он счел эти траты глупыми. Зачем ей пла-

тить пенсии вдовам и сиротам погибших солдат из собственных средств или давать за счет короны покалеченным ветеранам небольшие фермы? Никто прежде этого не делал; по крайней мере, со времен Цезаря*.

Но она тратила и на себя. Она сделала Фердинанду подарок, о каком он и мечтать не мог. Далеко на юге, в Новой Кастилии, за Сьерра Мореной, рыцари Сантьяго собрались на торжественный конклав. Великий магистр ордена умер. Как кардиналы избирают нового папу, так вожди ордена голосовали за закрытыми дверями, чтобы избрать одного из них на этот пост. Но, в отличие от кардиналов, они не придерживали языки. Кандидатуру преемника магистра обсуждали вслух, и она перестала быть тайной. Тут было нечто, что она могла дать Фердинанду.

Плохо было то, что рыцари пререкались. Они спорили только в мирное время, когда не было прирожденного вождя, завоевавшего власть доблестью на поле брани. Но она даже надеялась, что эти пререкания будут продолжаться, пока она не доберется до них.

Она села на коня в Вальядолиде и поскакала почти так же быстро — недоставало только острых шпор, — как скакала в Сеговию спасать дочь. Она приехала под проливным дождем, промокшая до костей. Постучала в большую запертую дверь и попросилась войти.

Крайне удивленные появлением их королевы, рыцари впустили ее в тайное собрание, в которое прежде не ступала нога женщины.

Ее вид тронул их сердца и повысил шансы на избрание. Она устала и была вся в грязи, ее мокрая одежда облегала стройное тело. Рыцари сидели в тепле и уюте, их развевающиеся мантии были незапятнанно чисты.

Она так хотела кое-чего не для себя, а для своего

мужа, что проскакала сорок лиг. Она не могла приказывать оказать ей честь. Но она пристыдила рыцарей.

— Мы склонялись к тому, чтобы избрать дона Алонсо де Карденаса, ваше высочество, — сказал ей один из собравшихся. Дон Алонсо был известным грандом из великого дома Карденас.

— Король должен по праву вести рыцарей, как ведет он всех других воинов Испании, — ответила она. — Изберите короля, и я обещаю, дон Алонсо будет в чести у него, если титул Великого магистра будет принадлежать короне.

Дар Изабеллы королю был устремлен в будущее, он был предназначен не только для Фердинанда или маленького принца Хуана, он касался всех будущих королей Испании, в жилах которых будет течь ее кровь, смешанная с кровью Фердинанда.

Рыцари избрали Фердинанда. Она разрешила сложную проблему, не задев ничью гордость, потому что сразу от имени Фердинанда назначила Алонсо де Карденаса главой ордена.

Она пришла с ветром и ушла с ветром — ей не терпелось преподнести Фердинанду одну из самых вожделенных привилегий Кастилии — право назначать Великого магистра самого большого военного ордена.

Позже рыцари гадали — может, то была красивая ведьма, порожденная черными крыльями бури. Но к тому времени они уже ничего не могли поделать, и вскоре герольд принес им огромный свиток, подписанный *Io El Roy, Io La Reyna*, который утверждал дону Алонсо де Карденаса на его высоком посту Великого магистра Сантьяго. Он был достойным человеком и бесконечно благодарил Изабеллу.

— Ты должен назначать предводителей и в других

орденах, — сказала Изабелла Фердинанду. — Теперь это будет легко.

Ничто так не радовало ее с рождения принца Хуана.

— Мне кажется, ты прилетела на крыльях летучей мыши, — сказал он, целуя ее.

— Фердинанд!

— Да, моя дорогая? — Он все еще улыбался.

— Я хочу от тебя кое-чего.

— Все, что угодно.

— Этот конь невыносимо медлительный.

— Он из самых быстрых на конюшне.

— Я хочу лучших коней Испании.

— Я тоже. Но я уверен, что никому, даже тебе, не удастся когда-либо ссадить испанца с его мула.

— Мы можем попытаться.

— Хм. Испанские кони считались лучшими в мире, пока не кончились крестовые походы.

— Я не уверена, что они кончились, как испанские кони. Порода все еще хороша, но им всем не хватает быстроты. Не хочешь ли ты возобновить лошадиные бега среди наших грандов? Это улучшит породу.

— Тише, Изабелла, тише! Не так быстро. Чья порода будет улучшена — лошадей или грандов?

— Ты нарочно сбиваешь меня с толку. — Она засмеялась. — Конечно, лошадей. Английские короли постоянно устраивают бега.

Он видел, что она говорила серьезно.

— Я попробую.

Но испанцы не приняли лошадиных бегов. Бега были бесцветны по сравнению с корридой и казались бесцельными. Один кабальеро сказал ей:

— Ведь и без того известно, что одна лошадь может

скакать быстрее, чем другая. Зачем это еще проверять, ваше высочество?

— Они любят тебя, — сказал Фердинанд. — Но я думаю, они обидятся, если ты затупишь рога их быков.

— Тогда попробуем что-нибудь другое. Я не любитель запрещать развлечения, но я терпеть не могу бессмыслицу. Есть ведь и другие состязания.

Она стала устраивать охоты по случаю праздников, без счета приглашая знать принять в них участие. Изабелла и король должны были зачастую состязаться с гостями. Но королевские призы были столь весомы и вручались так изящно, что Изабелла все же сумела ввести моду на быстрых коней. Гранды старались перещеголять друг друга быстротой и выносливостью своих скакунов. Изабелла послала корабли на берберское побережье за арабскими жеребцами, и затея оказалась столь удачной, что новую породу назвали «испанский бербер».

Во время одной такой охоты два юных кабальеро, граф де Луна и граф де Валенсия, повздорили из-за какого-то пустяка. Поскольку рядом была королева, такая краевая в своем зеленом охотничьем костюме, с зеленым пером на шляпе и развевающимися по ветру волосами, они изо всех сил старались показать себя. Мечи покинули ножны. Тут же образовался круг — посмотреть, как молодые «петухи» убьют друг друга.

— Останови их, Фердинанд.

— Моя дорогая, никто не останавливает дуэли.

— Останови их, я сказала!

Разозлившись, Фердинанд бросил свою лошадь между ними.

— Господа, — сурово сказал он, — возможно, вы не слышали еще о нашем указе. Я напоминаю вам, что

победитель дуэли есть обычный убийца и как таковой будет повешен.

Они вложили мечи в ножны, честь была спасена. Они поклонились королеве, радуясь тому, что живы. Нет, заявили они, они не слышали о новом эдикте.

— Спасибо, что спас этих храбрых глупцов, — шепнула Изабелла мужу. — Если хотят воевать, пусть воюют с турками или маврами.

— Теперь, я полагаю, мы должны опубликовать эдикт, запрещающий дуэли, — проворчал Фердинанд. — Ты лишаешь жизнь всякой радости.

— О, ты высказался совершенно точно. Мне так не суметь.

На другой охоте она заметила голые холмы во многих местах Кастилии. Во время правления Энрике ленивые крестьяне рубили все деревья подряд на дрова. Почва страшно размывалась, потому что не оставалось корней, чтобы удержать ее. Изабелла наняла сотни крестьян сажать тысячи деревьев за такую цену, что Фердинанд содрогнулся. Никто никогда не производил посадку деревьев в масштабах страны.

— Ты транжиришь деньги.

— А ты бы предпочел транжирить испанскую землю, такую плодородную?

Для Изабеллы то было счастливое время, когда она копила победы в мире великих дел и в маленьком мире своей души. Но победы могли размыться, как холмы Кастилии, она знала это. Счастье — непрочное владение. Оно имеет склонность ускользать, как вода, стоит только недоглядеть. Может, в счастье есть первооснова, как говорили ученые, первоэлемент воды, который и вызывает его испарение. Изабелла была начеку со своим счастьем. Она честно признавалась себе, что в

центре его стоит Фердинанд, а потому она ревновала его. Она даже хотела иногда придираиться к нему.

Фердинанд всегда любил играть в карты. Она не признавала карточной игры, поскольку та была источником азарта. Гранды, как известно, теряли свои владения из-за карт или броска костей. Потом они спорили, потом они затевали дуэли, потом славно, гордо, с молитвой на устах умирали. Азартные игры были одной из трагедий беспутного царствования Энрике.

Странно, но лучшими игроками в карты при дворе были прелестные молодые дамы из прислуги. Изабелла подозревала, что они втайне так наловчились играть потому, что Фердинанд выбирал их своими партнерами. Достигшие совершенства, как некая Магделена Перес, были особенно опасны. Изабелла высоко ценила Магделену с ее превосходным интеллектом. И правда, донья Магделена не навязывалась Фердинанду, как некоторые. Он был красив — что совсем не обязательно для короля! — и теперь он был еще и одним из самых могущественных христианских монархов. Однако, кроме доньи Магделены, были и другие, не столь добродетельные. Имея такого мужа и расчетливых соперниц, у которых есть и намерение, и возможность, как может жена предотвратить неизбежное?

Изабелла отказывалась верить во что-то неизбежное.

Как-то она преподнесла Фердинанду прагматику, которую собиралась опубликовать. Она уже была подписана ее именем. Он прочел ее с удивлением.

— Ты запретишь карточные игры? Моя дорогая, ты опустошишь дом.

— Они ведут к азарту.

— Я точно не впадаю в азарт. И не рискую ни единым мараведи.

— Я знаю, но другие люди не могут делать то же самое, что король, и они проигрывают.

— Ну хорошо, — и он подписал эдикт.

Он тоже подчинился этому эдикту — греховная игра в карты при дворе прекратилась и вышла из моды. К несчастью для Изабеллы, Фердинанд так же сильно любил шахматы, которые не были азартной игрой.

Теперь донья Магделена Перес сделалась еще большей любительницей шахмат, чем прежде была любительницей карт. Хуже того, в шахматы можно играть только вдвоем, когда игроки подолгу в молчании изучают доску — или лица друг друга, чтобы угадать следующий ход противника. Умное лицо доньи Магделены было крайне привлекательным. И беседы — тоже. Игра в шахматы, объясняла она своим музыкальным голосом, пришла с легендарного Востока. Она была изобретена королевой Индии, которая была так богата, что не занималась больше ничем. Потом они проникли в Персию, Аравию и на запад. Даже сейчас это любимая игра гранадских мавров. Она знала мавританские названия фигур: епископ был, конечно, не похож на епископа в игре неверных. Он был заменен слоном, а слон, поясняя она, звался *алеф-хинд*, или индийский бык, а из этого слова произошло христианское *элефант*.

— Поистине удивительно, — сказал Фердинанд.

Изабелла всегда выказывала заметный интерес к благосостоянию женщин. Она платила пенсии вдовам и открывала школы для беспутных девиц. Это было нововведение, которое основывалось на ее убеждении,

что женщины имеют такие же права, как и мужчины. А теперь, думала она, если женщина может быть королевой, почему бы женщине не быть профессором? Она обсудила это дело с Фернандо дель Пулгаром, своим ученым секретарем.

— В самом деле, ваше высочество, когда-то в древности женщины бывали профессорами и читали лекции в Афинской академии и в мудрости не уступали мужчинам. Но я не уверен, что нечто подобное случилось потом.

— Мне кажется, скоро это случится у нас в Кастилии. Таланты доньи Магделены растрачиваются при дворе впустую.

Вскоре освободилось место на кафедре истории в университете Саламанки. Магделена Перес заняла его с достоинством — ей очень шло университетское облачение. Академический мир был потрясен до самых основ таким нарушением традиций, но ухмыляющиеся профессора, которые валом повалили на ее лекции, обнаружили, что их страхи напрасны — ее знания были превосходны.

Лекции доньи Магделены стали весьма популярны.

«Я счастлива здесь, — писала донья Магделена королеве, — и я была бы неискренна, если бы не призналась в гордости, которую я испытываю оттого, что я — первая в Кастилии женщина-преподаватель. Единственное, что меня смущает, так это то, что я не могу из приличия принимать подношения моих студентов».

Изабелла поинтересовалась, что это за подношения. Оказывается, в обычае студентов было подносить своим учителям еду.

— Это странно, — сказала королева Пулгару.

Тот ответил:

— У профессоров маленькое жалованье, ваше высочество. Под их мантиями — заплаты. Они не голодают, но они очень бедны.

Изабелла немедленно повысила жалованье всем учителям во всех учебных заведениях Испании. Их было немного, и расходы казны не были велики, но все же это были расходы. Фердинанд жаловался на это.

Изабелла видела, что он скучает. Он скучал на аудиенциях, которые происходили каждую пятницу. Он не понимал кастильских законов — так он говорил. Законы были слишком противоречивы, их было слишком много, и он не мог инстинктивно принимать решения, как это делала она. А еще она видела, что он бездельничает. Это было плохо.

Изабелла написала донье Магделене в университет Саламанки: «Кто сейчас самый великий знаток кастильских законов? Мы хотели бы встретиться с ним».

«Несомненно, тот человек, который вам нужен, — ответила донья Магделена, — это доктор Алонсо де Монтальво. Это широко мыслящий, любезный и необыкновенно эрудированный ученый. Он отнесся ко мне весьма вежливо, когда я впервые появилась здесь».

Изабелла сразу же призвала доктора Алонсо и предложила то, что было близко его сердцу. Она сказала, что хочет поручить ему огромную работу — не более и не менее, как кодифицировать все эдикты, прагматики, ордонансы и законы, которые составляют *corpus juris** Кастилии, выкинуть те, которые устарели, упростить те, которые непонятны, и согласовать те, которые противоречат друг другу. А когда он закончит, новый кодекс будет напечатан, потому что она желает

поддержать это новое и сулящее выгоду искусство правосудия.

Было одно важное условие, касающееся Фердинанда, — он должен был заниматься делом, в котором был знатоком.

— Поскольку Арагон и Кастилия теперь объединились, мы должны быть очень осторожны, чтобы законы двух королевств не вступали в противоречие. Я не знаю арагонских обычаев. А потому вы должны спрашиваться по всем вопросам у короля, моего мужа, имеющего большой опыт и знания. Я жду, что вы захотите встречаться с ним для работы ежедневно. Попросите его позволения. Но не намекайте, предупреждаю вас, что это я вам посоветовала.

Доктор Монтальво понимающе улыбнулся.

— Он будет утомлен моими просьбами о помощи, ваше высочество.

Фердинанд занялся новым делом со всей присущей ему энергией и вниманием к деталям. Монтальво прибавил к ним эрудицию. Результат был впечатляющий. Знаменитый *Ordencas de Montalvo*, должным образом «отпечатанный с литер» и необходимый всей стране, был таким простым, таким ясным и понятным, что ему суждено было пройти через многие столетия, пережив Фердинанда и Изабеллу. А еще Изабелла велела печатать гимны.

Пока Кастилия занималась мирными делами, христианскому миру внезапно был нанесен удар в самое сердце. Вместе со стремительным восточным ветром, подобным ветру, сокрушившему Иону*, турки-завоеватели налетели в пролив Отранто и высадились в Ита-

лии во владениях Фердинанда. Эти арагонские земли были частью королевства Сицилии, королем которой он был. Лежали они точно под «каблуком» итальянского «сапога»*. И стали ахиллесовой пятой.

ГЛАВА 24

Изабелла была рада тому, что у ее мужа широкие плечи, так что он сумеет справиться с тяжелой ношей. Отранто был большим морским портом, населенным и разбогатевшим от торговли. А теперь гонец за гонцом мчались к королю с сообщениями о катастрофе, постигшей город.

Турецкий флот, вооруженный тяжелыми орудиями и машинами для метания негасимого греческого огня, внезапно появился в гавани и открыл ураганную стрельбу. Стены рухнули, начался и быстро разгорелся пожар. Народ ударился в панику. И тут орда неверных в тюрбанах, взывая к Пророку, ринулась на берег. Резня была всеобщей, тела усеяли улицы. Турецкие янычары* столь искусно владели своими острыми ятаганами, что могли с одного удара развалить надвое любого — и мягкое тельце ребенка, и упругое тело женщины, и жилистое тело воина.

Хмурясь, Фердинанд читал донесения. Некоторые из них он пытался утаить от Изабеллы. Он повидал много сражений и знал, что всегда при взятии и разграблении города творятся отвратительные вещи. Однако она настаивала на том, чтобы видеть их все, и содрогалась, читая о том, как отрубленные части тел складывали женские с мужскими, так что получалось

нечто неестественное — наполовину мужчина, наполовину женщина.

Ее ненависть к мусульманам, и без того сильная, превратилась в страсть, холодную, ясную и твердую, как алмаз, и столь же прочную.

Фердинанд видел некоторую надежду в самих жестокостях, творимых турками в Отранто.

— Когда солдаты ведут себя так отвратительно, они обычно действуют сами по себе, не подчиняясь командирам. Кампании самого султана, как правило, не столь ужасны, злодейств меньше, хотя, конечно, красивые девушки и юноши всегда обречены становиться наложницами и евнухами в гаремах. Это часть турецкого уклада жизни, и я не ставлю им этого в вину.

— А я ставлю.

— Учти, что Отранто далеко от Турции, но близко от нас. Будем молиться, чтобы это был всего лишь пограничный набег. Возможно, за ним ничего не последует и у нас будет время строить планы. Видит Бог, нам нужно время.

— Я помогу, Фердинанд. Все мои корабли я присоединю к твоим, арагонским, и построю еще.

— Благослови тебя Бог! Хотел бы я, чтобы итальянские князья помогли тоже, но они, конечно, не помогут. Они слишком заняты распрями друг с другом.

В этом он был прав. Италия была разделена на множество мелких республик и княжеств, городов-государств и папских владений. Карта этого полуострова куда больше напоминала старый заштопанный чулок, чем сапог. Итальянцы были так заняты соблюдением собственного равновесия, что на борьбу с захватчиками не оставалось никаких сил. Тысячу лет назад, на закате имперского Рима, варвары нахлынули с севера и

превратили закат в долгую ночь, в которой лишь христианство хранило свет цивилизации. Теперь, тысячу лет спустя, новое и более фанатичное племя неверных угрожало этой цивилизации с юга и уже ступило на древнейшую в Европе христианскую землю. Но поскольку Отранто находился в сицилийском владении Фердинанда, Европа сочла, что турецкое вторжение — это личное дело Фердинанда, и занималась другими делами.

И вновь земля Испании, имеющая форму щита, взвалила на себя свою историческую миссию защиты христианства. Прожив семь столетий под властью мавров, простиравшейся до гор, испанцы были самыми яростными христианами из христиан в мире. Изабелла родилась в самом сердце этого щита.

— Португалия тоже поможет, — сказала она. — Я знаю.

— Надеюсь, — ответил Фердинанд.

Изабелла настаивала, чтобы Беатрис Португальская вернулась в Лиссабон и попросила у юного короля Португалии корабли. Беатрис сказала:

— Жоао — сын Альфонсо Африканского. Я знаю, он захочет сделать все, что в его силах. Но он неопытен и может промедлить.

— Я знаю, что *ты* не промедлишь, тетушка Португалка.

Отважная старая дама поцеловала на прощание испанских инфантов, велела им следить за своими манерами и, презрев предложенные ей носилки, отправилась в путь на крепком белом муле в сопровождении эскорта всадников. И вскоре она смогла написать: «Дом Жоао согласился помочь, как я и предвидела. Однако работы остановились из-за болезни, распро-

странившейся среди корабельщиков. Я слышала известия о такой же болезни в Андалузии и молюсь, чтобы они оказались преувеличенными».

Но известия о поветрии в Андалузии не были преувеличены. Трудно преувеличить внезапную вспышку чумы, которая поразила южные провинции. Она началась удушливо влажным и жарким летом. Быстро скисало молоко, странный красный налет появлялся на хлебе, будто тот кровоточил. Дым вяло поднимался от костров и иногда тяжело опускался на землю. Вода в реках поднялась необычайно высоко, хотя дождей было не больше, чем обычно. В Марисмесе, в устье Гвадалквивира, над болотами горели призрачные голубые огни, и зловоние распространялось от взбаламученной воды. Журавли улетели в Африку раньше обычного. Некоторые видели в этом знак надежды, ибо это означало раннюю холодную зиму с более чистым воздухом, но осень не принесла облегчения, а зима все не приходила.

В Севилье, самом большом порту и центре кастильского судостроения, умерло пятнадцать тысяч человек. Постройка кораблей остановилась, замерла и вся другая деятельность. Как всегда во времена большого страха, прекратились путешествия, опустели рынки, люди делали запасы, а цены фантастически выросли. По Севилье прокатились ужасные погромы.

Фердинанд опасался еще одной высадки турков и едва мог верить своим гонцам, которые неделя за неделей сообщали ему, что ничего такого не происходит и вторжение пока не распространилось за пределы Отранто. Но теперь, когда у него было времени собрать сильную армаду против неверных, он не мог ни строить корабли, ни вести их в море. Его военный опыт оп-

лакивал упущенную возможность ударить по врагу, вся присущая ему практичность обратилась в ненависть против разоренной страны, вся его жестокость понуждала обвинять Изабеллу.

— Это твоя вина. Господь дал тебе меч, а ты спрятала его в серебряный ларец. Что хорошего в вере без деяний веры? Господь наказывает тебя, потому что ты бездействуешь. Я вижу Его кару во всем: в турках, в чуме, в твоей умалишенной дочери!

Изабелла пошатнулась, как будто он ударил ее. Раньше он никогда не упрекал ее за Хуану.

— Она медлительна, но она здорова. Врачи говорят, что она со временем вырастет из своих странностей. Я никогда не поверю, что она нездорова. О, Фердинанд, Фердинанд, не говори, что она безумна!

Изабелла заплакала. Он не любил, когда она плакала.

— Время покажет, — пожал он плечами.

Видя Изабеллу в таком потрясении, он не стал продолжать разговор о Хуане, но безжалостно настаивал на том, чтобы она исполнила буллу, учреждающую инквизицию в Кастилии. Будет лучше, доказывал он, если немногие тайные иудеи будут казнены после честного суда, чем будут убиты тысячи во время погромов, вообще безо всякого суда. Не прекратится ли тогда накопление припасов и не пойдут ли и вниз цены? Не отступит ли чума? И разве не сможет он тогда построить корабли и ударить по туркам?

— Я не знаю. Я не знаю. Кардинал Мендоса считает, что от инквизиции мало проку.

— Напоминаю тебе, что мы с тобой, а не кардинал Мендоса или какой другой церковник, облечены особыми полномочиями назначать инквизиторов Испании. Чего ты боишься?

— Не знаю, — устало ответила она. Тихий голос в ее сердце, который мог быть голосом дьявола, уже не мог отрицать его справедливые аргументы. Не подлежало обсуждению то, что за преступления гораздо честнее и милосерднее наказывают умеренные судьи, чем дикая фанатичная толпа. А что до шпионов, то нелепо, имея турков в Италии и мавров в Гранаде, говорить, что она предпочитает не использовать тайных агентов в священной войне.

Она достала папскую буллу из ларца, в котором та пролежала два года. Твердо начертала свою подпись под эдиктом о ее выполнении. Фердинанд поставил свою подпись.

— Мы ограничим его действие Севильей, и это будет временная военная мера, — сказала Изабелла.

И эдикт так и был опубликован, в самых недвусмысленных выражениях.

— Естественно, — согласился Фердинанд.

Через шесть недель после высадки турок в Отранто ради несчастных севильцев устроено было новое зрелище — шесть тайных иудеев, сурово допрошенных и признанных виновными, были сожжены на площади Севильи. При этом многие в толпе теряли сознание. Другие просто падали на мостовую, не в силах подняться, и умирали от чумы.

Фердинанд и Изабелла направились в Арагон.

ГЛАВА 25

Вышвырнуть турок со священной земли Италии — это было предприятие, которое воспламенило воинственный дух в Изабелле. Мысленно она уже видела,

как неверные сброшены в море. Колокольни Отранто, с которых нечестивые руки сбросили колокола и с которых торжествующие муэдзины распевали ненавистный арабский призыв к молитве, — в ее воображении снова звенели колокола. Крест был вновь водружен там, где его заменил полумесяц, и очищены алтари, которые турки, как утверждали очевидцы — и чему она верила, — осквернили человеческими жертвами, чтобы показать свое отвращение к вере, которую она любила и которой жила. Ее кастильские корабли плыли на соединение с кораблями Фердинанда в гавани на арагонском побережье.

Но это была не ее война. Она поклялась, что в этой войне должен победить Фердинанд, ему должна принадлежать слава победы, все почести и празднества, бои быков, музыка и пиры. После сражений воины будут пить за воинов, гранды — за короля. Фердинанд будет сидеть во главе пиршественного стола и слушать длинные поздравительные речи, и в зале будет царить этот дух мужского товарищества, который, на взгляд Изабеллы, был столь же смешон, как и болтовня женщин за шитьем. Она многое узнала о мужчинах за время своего замужества, и, кроме того, она научилась не воровать у мужчин их победы. Это была его война.

Тетя Беатрис была вместе с Изабеллой в огромном отряде рыцарей и солдат, грандов, горожан, стряпчих и дам, которые ехали в Арагон, чтобы увидеть *gescopimiento** маленького принца Хуана, его формальное признание кортесами в качестве наследника арагонского трона. Он уже был наследником трона Кастилии по рождению.

Тетя Беатрис с ее острым язычком никогда не упускала случая выразить свое низкое мнение о мужчинах.

Они склонны скорее быть правы, чем счастливы. Они чувствуют себя неловко рядом с достойной женщиной. Они считают себя сильными и молчаливыми, но, как только представляется случай, они начинают сплетничать, как рыбные торговки. Любая легкомысленная размалеванная проститутка может одурачить лучших из них.

Изабелла засмеялась:

— Только ненадолго, тетушка Португалка. Лучшие всегда возвращаются.

— Ты называешь это утешением, *sobrina mia*?

Инфанта Изабелла ехала рядом на небольшом крепком пони, которым она управляла с легким изяществом. Ее золотые, как у матери, волосы, сверкали на солнце, большие глаза горели от удивления: о чем таком говорят старшие?

— Вернись назад, к носилкам маленького принца, и посмотри, спит ли он, — велела ей королева.

Инфанта неохотно прищипорила своего конька и направилась к другому концу длинной процессии, где ее брат, окруженный свитой из графинь, маркиз и прочих высокородных дам, лежал в пурпурных носилках, которые висели на кожаных посеребренных ремнях между двумя андалузскими мулами.

— Прекрасная посадка, — сказала Изабелла, гордо провожая дочь взглядом.

Беатрис Португальская сказала:

— Прекрасная принцесса.

— А что до вашего вопроса, тетушка, то ответ — да, это утешение, то, что лучшие возвращаются.

— Но такими грязными, моя дорогая, такими грязными!

— Дорогая тетя, когда Господь создал мужчину в

садах Эдема, из чего он его слепил? Разве это не была грязь? А когда мужчина согрешил в Эдеме, кто заставил его? Разве не женщина?

— Бога ради, да на чьей ты стороне?

— Фердинанда.

— Я не буду с тобой спорить, — вздохнула старая дама. — В последний раз, когда я спорила, я проиграла с договором в Алькантаре.

Изабелла была готова возразить, что тот договор положил начало продолжительному и выгодному миру и что этот мир объединил Португалию с остальным испанским полуостровом против турков, но ее тетя улыбнулась.

— Я всего лишь шучу, Изабелла. На самом деле я выиграла, потому что получила общество и привязанность инфантов.

Принцесса Изабелла прискакала обратно и сказала:

— Хуан проснулся и скулил, как щенок...

Королева улыбнулась.

— Предметное мышление, как у Фердинанда, — сказала Беатрис Португальская.

— ...пока маркиза де Мойя не дала ему колбаску пожевать.

— Дай ему еще апельсин, если колбаска его не успокоит.

— Я дала, — сказала инфанта, — и еще чернослива и мавританских фиг. Он, конечно, утомился, но, клянусь всеми святыми, это ненадолго...

— Верно, но немного преувеличено воображением, — сказала Беатрис Португальская. — Когда-нибудь Португалия будет счастлива с такой королевой, а я буду счастлива, что приложила руку к ее воспитанию.

— Это и есть моя настоящая победа в «договоре фигового листка», — сказала Изабелла.

И они обе рассмеялись.

От таможни, через которую когда-то Фердинанд, переодевшись купцом, проник как контрабандист со своими драгоценностями в Кастилию, чтобы жениться на Изабелле, остались только развалины.

— Господи Боже! — воскликнул он, подъезжая к границе. — Хотел бы я, чтобы эта таможня все еще стояла и я мог предъявить сокровища, которые возвращаю в Арагон!

— Так лучше, — сказала Изабелла. — Никаких границ внутри единой страны.

— Но я хочу отметить место. Я хочу, чтобы о нем помнили. Я построю здесь церковь.

Изабелла кивком выразила свое согласие и посмотрела на Беатрис Португальскую, которая прочла в ее взгляде: «Ты видишь? Вот мое утешение».

— С другой стороны, — рассудил Фердинанд, — здесь, среди этой пустоши, живет слишком мало народу, чтобы им нужна была церковь. Придорожная рака из местного камня и дерева подойдет больше. И будет много дешевле, а этим соображением нельзя пренебрегать в такое время, как сейчас. — Он развернулся и прищипил коня, пробормотав: — И в любое другое.

— Он все такой же, ничуть не постарел, — сказала Изабелла. Беатрис понимающе искоса глянула на нее.

— Не больше твоего.

Было бессмысленно привлекать внимание Изабеллы к тому, что лоб Фердинанда становится все выше. Король Кастилии, Леона, Арагона и Сицилии поменьку лысел.

Для Изабеллы, выросшей на суровом нагорье Старой Кастилии, где погода меняется внезапно и неистово, ласковый бриз, несущий в Арагон весну с теплого голубого Средиземного моря, казался чем-то греховным, как не вполне пристойный любовник. Направляясь к Калатайуд, они проезжали мимо замков, окутанных по утрам серебристой дымкой и купающихся по вечерам в жидком золоте заката. И повсюду могучие крепости вассалов ее мужа украшались флагами и салютовали в честь короля и королевы. И в честь маленького принца Хуана в его пурпурных носилках, который дремал или орал, когда хотел.

В Калатайуде, в соборе Сан Педро де лос Франкос, представители Арагона, собравшись на кортесы, признали ребенка истинным и законным наследником трона и принесли ему присягу. Действо было торжественным и высочественным: монархи в горностаях — на троне перед алтарем, в окружении военных знамен, принц — в маленькой алой мантии, на алой подушке, лежавшей на коленях у Беатрис Португальской. Но церемония была проста: каждый вассал преклонял колени перед принцем Хуаном и приносил клятву, затем целовал руки монархам — сначала Фердинанду, потом Изабелле — и отходил.

Один очень молодой дворянин, ровесник принцессы Изабеллы, исполнил свою обязанность с исключительным изяществом. Его лицо было мужественным, красивым и открытым. И очень знакомым.

— Кто этот очаровательный кабальеро? — спросила шепотом Изабелла.

Фердинанд вспыхнул от удовольствия.

— *Mi Senora*, это дон Алонсо де Арагон. Он несколько лет не носит свое архиепископское облачение.

Сердце Изабеллы сбилось со своего торжественного ритма, но мальчик смотрел на нее глазами Фердинанда, умоляя, чтобы его клятву приняли. Он быстро отошел со скромностью, которая делала ему честь. Некоторые королевские бастарды важничают сверх меры.

— Мы должны поскорее принять его по какому-нибудь подходящему случаю, — сказала Изабелла, зная, что ее слова должны звучать возмутительно высокопарно. Но она не знала, что еще сказать.

Фердинанд снова покраснел от удовольствия.

— Благослови тебя Бог, моя дорогая, — прошептал он так горячо, что его шепот разнесся по всему собору. По всем балконам, на которых дамы шушукались под прикрытием вееров, и по всем рынкам, где сплетничало простонародье, прокатился слух, что у гордой чужеземки, королевы Кастилии, сердце горячее, как у арагонки. Дон Алонсо был невероятно популярен.

Фердинанд хотел сразу же уехать в Барселону, посмотреть на флот. Его преследовали видения новой турецкой высадки в Италии. Но заседания кортесов все продолжались.

— Ты должна будешь председательствовать там, пока меня не будет, — сказал Фердинанд.

Изабелла достаточно знала арагонские законы, чтобы понимать, что арагонские королевы были просто консортами. Женщина не могла самостоятельно править этой страной. В Кастилии и Англии женщины могли править. В Арагоне и Франции правителем должен был быть мужчина.

— Не думаю, что они примут меня, — сказала она.

— Но почему бы не попробовать?

Он улыбался и был похож на человека, который знает какой-нибудь секрет.

— Верно, тебе надо собирать корабли, — запинаясь, сказала она.

— Дорогая, ты очаровала их. Никто не знал, как ты отнесешься к моему сыну. Они надеялись, что ты не станешь презирать его. На самом деле я навел справки, прежде чем просить тебя председательствовать, поскольку мои арагонцы народ буйный. Не было ни одного голоса против!

Когда Изабелла села на троне Фердинанда, бледная, суровая и такая маленькая в этом массивном кресле, сделанном для воинов, она стала единственной королевой в истории, которая когда-либо председательствовала в арагонских кортесах. День или два в зале царило цветистое красноречие. Приветствия были долгими и теплыми, ибо женщина, сидевшая в центре, была красива, а весна пробуждала у самых серьезных «депутатов» внезапный прилив поэзии. Но к концу заседания выяснилось, что сделано огромное количество дел, особенно касающихся вооружения и снабжения флота. Они поняли, что Изабелла Кастильская не просто декорация. Она имела большой опыт в деле набора армий. Арагонские представители разъехались, по-новому оценив свою королеву.

В мае она поехала в Барселону через цветущую, плодородную страну к Фердинанду. Свидетельства деятельности ее мужа были повсюду. Дороги были исправлены руками сервов*, сословия крестьян, которого не было в Кастилии. Их можно было продать вместе с землей, они немногим отличались от рабов, однако платили налоги. Городские стены были приведены в порядок, и это тоже была работа сервов. Крестьяне трудились на плодородных полях, прерываясь только, чтобы снять пропотевшие шляпы и выпрямить спины,

приветствуя королеву, а потом снова возвращались к тяжелой работе, потому что королевские сборщики налогов были безжалостны. В каждом поселочке стояла виселица, на каждой виселице висел труп, вывалившийся язык и открытый рот которого предупреждали о быстром и неумолимом правосудии Фердинанда. Изабелла хотела было остановиться и приказать похоронить самые старые трупы, но она стремилась поскорее увидеть Фердинанда, а кроме того, она знала, что он не поблагодарит ее за вмешательство в арагонские дела.

Барселона была совершенно не похожа на кастильские города. Она не была похожа даже на Севилью, хотя Севилья тоже казалась морским портом, со всей его безнравственной, шумной и разноплеменной братией. Барселона жила торговлей с библейских времен, когда здесь высадились несколько греческих купцов из Фокиды*, которые полюбили это место за его красоту и остались здесь торговать. Изабелла не любила порты. Торговлю считала делом презренным для высокородного кастильца. Даже для Изабеллы торговля была лишь дозволенной необходимостью, ибо в Писании сказано, что любовь к деньгам — корень всех зол.

Барселона была обращена на восток и торговала с Востоком. В ней было полно экзотических запахов перца, пряностей и индиго из Трапезунда*, масла с Берберского побережья и русских мехов из портов Крыма. Рядом с пристанью был район, полный моряков и торговцев из дальних земель, одетых в чужеземные одежды и говорящих на чужих языках. В дешевых тавернах подавали странную еду — сирийцы ели салаты из овечьих глаз, арабы смаковали сладости из квашеного молока под названием йогурт, египтяне ели жареную саранчу. Всюду там сновали черноглазые девицы с рас-

крашенными лицами, в цветастой одежде, с туго повязанными на талии шарфами. Они бродили вокруг мужчин, как гарпии*, торгуя собой.

Все это не было Изабелле в новинку, потому что то же самое было и в Севилье. Но в Барселоне все эти диковины бросались в глаза. Поскольку Изабелла ничего не могла с этим поделать, она утешила себя тем, что Барселона поможет ей понять Арагон, а Арагон — Фердинанда. Времена этих бастардов, благодарение Богу, прошли и не вернуться. Он и она были теперь захвачены могучим стремлением, общим для их христианских сердец.

С возвышенности над городом Фердинанд с гордостью показал ей армаду из пятидесяти кораблей, стоявших на якоре в гавани. Большинство из них были узкими стройными галерами, которые шли на веслах, — в этом отношении военное дело мало изменилось со времен римлян. Но были здесь и новые парусные корабли с тремя мачтами, с высокими полубаком и кормой. Эти крутобокие суда были построены для того, чтобы нести тяжелые пушки, и каждое могло перевозить три сотни вооруженных людей.

— Десять тысяч человек уже готовы отплыть, как только я отдам приказ! — заявил Фердинанд.

— И они уже на кораблях?

— В тебе говорит кровь кастильских горцев! Нет, моя дорогая, если корабль в порту, не ищи матросов на борту.

— Когда ты отдашь приказ?

Он задумчиво потер подбородок.

— Я хочу быть совершенно уверен в победе. Я жду

португальский флот. Вся Европа смотрит на меня, Изабелла. Поскольку я назначен главнокомандующим союзного флота, я не собираюсь проиграть эту войну. Я должен дождаться кораблей дома Жоао. Он слишком медлит.

— А разве не достаточно десяти тысяч человек и пятидесяти кораблей?

— Может быть. Но я не рискну.

— Но будут ли люди готовы к сражению после стольких недель праздного ожидания в портовых кварталах?

Он вскинул брови.

— Что? Ах, это! К тому времени, как мы достигнем Отранто, они вполне подготовятся. Каким прекрасным апостолом для язычников ты могла бы стать, Изабелла.

Он делал по-своему и ждал. Изабелла не торопила его — она тоже была бы рада подкреплениям из Португалии. Тем временем весна перешла в приятное лето, поскольку Средиземное море, которое умеряло холод зимы, точно так же умеряло и летнюю жару. Солдаты и матросы, заполнившие город, томились от безделья, в портовых кварталах вспыхивали уличные драки.

— По крайней мере, они не едят корабельных припасов, — ворчал Фердинанд.

В конце августа дом Жоао прислал известие, что его флот из двадцати кораблей наконец покинул Лиссабонскую гавань и готов присоединиться к флоту Фердинанда и Изабеллы. Флотилии встретились в море.

Второго октября эта могучая армада с огромными крестами на парусах приплыла к Отранто под парусами с двенадцатью тысячами солдат, благословленных на крестовый поход и рвущихся в бой с турками во имя Господа и короля Фердинанда.

Но на входе в гавань их встретил маленький корабль с посланием.

Непредсказуемые турки уже покинули город.

ГЛАВА 26

Война Фердинанда против турок, в которой, как решила Изабелла, победить должен был он, и в самом деле окончилась победой, но победой по умолчанию. В Отранто не было турок. Они ускользнули через залив так же внезапно, как и пришли, оставив город в развалинах. Читая депеши Великого адмирала, Изабелла благодарила Бога за то, что Италия очищена от неверных без кровопролития. Но эта победа не принесла лавров королю.

— Они убралась из Отранто потому, что боялись тебя, *mi senor*, — сказала она.

Фердинанд спокойно ответил:

— Они убралась из Отранто потому, что турецкий султан умер незадолго до прибытия флота. Ты читала донесения о его смерти, и ты знаешь это так же, как и я. Но все равно благодарю тебя.

— Если бы он не умер так кстати, ты все равно добился бы того же.

— Несомненно. Я хорошо подготовился.

Мухаммеда Второго, злого гения ислама, султана, который завоевал Константинополь, Великого Турка, именем которого пугали христианских детей, больше не было, и христианский мир мог ожидать передышки, по крайней мере, пока не появится кто-то равный ему, а этого в ближайшие годы ждать не приходилось.

— Что ты будешь делать с флотом, Фердинанд?

— Разумеется, распушу его. Дом Жоао уже отозвал свои корабли в Португалию. А мои понадобятся для торговли, как обычно.

— У меня такое чувство, что мы не должны распускать его так быстро.

— У тебя чувство! На чем оно основано? На предчувствии?

— Турки могут вернуться.

— Никогда.

В потоке новостей со всего мира промелькнуло незамеченным письмо от герцога Медины Сидония, жаловавшегося на то, что его старинный враг, маркиз Кадис, посягнул на его владения, «ради фуража, ваше высочество, и охоты в угодьях, которые я ценю выше всего. Он, правда, мило извинился, выгораживая своих фуражиров тем, что приказал им запасти много сена. Он укрепляет свои конюшни от мавров, которые, как всегда, устраивают на него набеги. Но они грабят и меня, а я не посягаю на владения маркиза Кадиса, чтобы прокормить своих коней».

Изабелла настаивала:

— Даже если турки не вернутся, гранадские мавры выказывают все больше свирепости. Мы можем воспользоваться флотом, чтобы научить их вести себя более сдержанно.

Фердинанд прочел письмо Медины Сидония и недоуменно отложил его.

— Твои два андалузийца по-прежнему ненавидят друг друга, разве не так? Если бы не их обещания, данные тебе, рискну сказать, что они схватывались бы друг с другом просто так. Кадис приплек мавров ради извинения.

— Раньше мавры не были столь воинственны в это время года. Не тот сезон.

— Я обязательно распушу свой флот и переоборудую его для торговли, — миролюбиво сказал Фердинанд. — Экспедиция в Отранто была прискорбно дорогостоящей.

— Думаю, я могу пока придержать кастильские корабли, — сказала Изабелла. Она сказала это мягко, как будто замысел принадлежал ей только наполовину, поскольку не желала отстраняться от мужа в политических делах. Но про себя она решила дать приказ Великому адмиралу пройти строем мимо гранадских портов, чтобы показать силу.

Фердинанд пожал плечами.

— Это твой флот. Вполне осознаю, что не я им командую.

Он собрался было обидеться. Изабелла упрекнула себя за то, что раздражает его. Губы ее слегка подрагивали.

Он приподнял ее подбородок и изучающе заглянул в лицо.

— Когда они, — он коснулся губами ее глаз, — смотрят так таинственно, а губы, — он коснулся ее губ, — дрожат, я всегда гадаю, что же ты скрываешь от меня.

— Ничего, Фердинанд, клянусь честью.

— Ну, значит, ты и в самом деле ничего не скрываешь и можешь ездить верхом. Нам предстоит долгая поездка. — Явление Изабеллы кортесам Калатайуд так подняло его популярность, что он замыслил еще несколько таких явлений. — В Сарагосе соберутся кортесы и потом еще в Валенсии, а еще будут приемы по дороге, с боем быков и ужинами, и аудиенции...

— Ты будешь раздавать помилования на аудиен-

циях? — Мысленно она вернулась к телам повешенных, гниющих на цепях.

— Я всегда милую нескольких человек, чтобы подтвердить, что милосердие короля таково, как о нем говорят. Но прощать слишком много преступников — значит, низвести мое милосердие до ничего не стоящей привычки.

В его словах, как всегда, был смысл. И весьма суровый.

— Фердинанд, не мог бы ты сделать так, чтобы повешенных хоронили побыстрее?

— Сколько они висят там предостережением для других злодеев — определяют погода и местные законы, а вовсе не я.

От Барселоны до Сарагосы было 160 миль, от Сарагосы до Валенсии — 200, и от Валенсии до Кастилии — еще 300. Везде по дороге для короля с королевой устраивались праздники. Но пиры потеряли свою привлекательность для Изабеллы по мере того, как долгий путь подходил к концу, а последние три сотни миль она знала, но не говорила, что ездить верхом для нее теперь небезопасно. Было неправильно держать в тайне от Фердинанда ее состояние, и она чувствовала себя виноватой. Но он не получил воинских почестей. Она была рада, что вместо этого его приветствовал народ и что она могла помочь ему. Казалось, что он наслаждается всем этим.

В Кордове она пошутила:

— Надо бы мне пустить своего коня пастись до июня, *mi señor*. Он, несомненно, растолстеет, точно как я.

Фердинанд не торопясь сосчитал на пальцах — получался октябрь — и подумал о сотнях миль, которые

она проехала верхом, о десятках торжественных выходов, которые она сделала без единой жалобы.

— Ты должна была сказать мне. Мы могли прервать путешествие. Я бы предпочел сделать именно так. Народ бы понял. Они сошли бы с ума от радости — я обнаружил, что они всегда сходят с ума в таких случаях. Ох, Изабелла, глупая ты женщина!

Но он не очень сильно ругал ее и не заговаривал о Хуане, потому что маленькая принцесса, казалось, с возрастом помаленьку избавлялась от своей вялости.

В июне Изабелла родила ему еще одну золотоволосую голубоглазую принцессу. Фердинанд, услышав от лакея, что родилась девочка, удалился в уединенную комнату, велел принести бокал вина, что бывало редко, и просидел над ним в раздумьях целый час, борясь с разочарованием. Потом он вышел из комнаты и принимал поздравления от придворных с видом олимпийского спокойствия, как всякий приличный король, династия которого в безопасности.

Ну что ж, горячо говорил он Изабелле, может, это и не ее вина, что дети их преимущественно девочки, хотя медицина говорит обратное. Может, так судил Господь Бог в неизреченной мудрости Своей. Слишком много было принцев, которые сражались друг с другом за отцовскую корону, как сыновья Карла Великого, который разделил свою империю*, в то время как принцессы могут выходить замуж, создавать друзей государству и приносить единство.

— Он меняется, смягчается и от горя обвиняет нас в том, что мы не мужчины, — счастливо шептала Изабелла своему крошечному хорошенькому младенцу, который был столь же разумен и сообразителен, на-

сколько бедная маленькая Хуана была странной и тупой.

Кардинал Мендоса окрестил девочку Марией, к удовольствию всех и каждого, потому что это было имя доброй половины испанских девушек и второе имя многих усатых драчливых мужчин. Изабелла выбрала это имя из преданности — Фердинанд степенно согласился, что это демократичный жест.

Он хотел бы уехать на север, чтоб сбежать от андалузской жары, которая в этом году была суровой. Но врачи советовали Изабелле не начинать путешествий сразу после рождения ребенка. Роды были трудные, и Изабелла оправлялась не так быстро, как обычно. Видя, что Фердинанду нечего делать и он начинает толстеть, она презрела бы советы врачей и выезжала бы с ним на охоту в холодные леса, окружавшие Мадрид, если бы не тревожные сообщения, которые маркиз де Кадис продолжал посылать ей. Мавры таращат свои глаза из-за гор, как тигры из клетки, предупреждал он.

— Ерунда, — сказал Фердинанд. — Не сезон. Меня соблазняет мысль сделать несколько вылазок через границу самому, потому что, кажется, нам не советуют охотиться сейчас.

— Когда начнется война, это будет не забава.

Фердинанд потрепал ее по подбородку и усмехнулся. Она все еще лежала в постели, а в другом углу апартаментов сидела нянька с маленькой инфантой.

— Больная, беспомощная — и уже рвешься в битву! Моя дорогая, по-моему, у тебя лихорадка. — Он поцеловал ее в лоб. Лоб был холодным. — Нет, лихорадки нет. — Но он уважал ее предчувствия, даже когда смеялся над ними. — Ты серьезно так считаешь?

— Меня раздражает, что я вынуждена лежать в постели так долго.

Он задумчиво кивнул. Она явно не шутила.

— Думаю, летом мы можем ждать только обычных пограничных набегов, — сказал он, — а когда приходит зима, они убираются вон. Так они делали семь столетий. Почему это должно измениться?

— Все меняется.

— Не настолько.

— Я думаю, что меняется.

— Только не война.

— И война тоже.

Он засмеялся.

— Ты самое упрямое, неразумное и прелестное создание в мире!

— Фердинанд, ты соберешь флот Арагона для войны!

— Теперь я точно уверен, что у тебя лихорадка.

Но он принял меры, а «инспекция» их королевств удовлетворила его. Чума в Севилье прекратилась, урожаи повсюду были обильны, в стране и за ее пределами было тихо, налоги поступали вовремя и сполна, дороги были безопасны, а бандитов, подлежавших повешению, нашлось немного. Наконец Изабелла поднялась с одра болезни, слишком похудевшая, на взгляд Фердинанда, и бледная от многочисленных кровопусканий.

— Я хочу, чтобы врачи тоже что-нибудь изменили, — сказала она. — Это ужасное лечение. Я всегда слабею после кровопускания.

Фердинанд приказал кардиналу Мендосе пропеть благодарственную молитву *Te Deum* в соборе на Рождество и от души присоединился к молитвам всех испанцев о благополучии королевы. Во время ее долгого вы-

здоровления его посетила странная мысль — возможно, Изабелла умрет раньше его. Он всегда считал, что умрет первым, возможно — в бою, и этот риск он принимал хладнокровно. Но риск гибели при родах, казалось, был равен риску в битве. Он прогнал мрачные мысли, потому что знал, что если он будет развивать их шаг за шагом, как он обычно обдумывает все, что ему приходит на ум, то вскоре подвергнет сомнению мужскую отвагу: в то время, как воину на поле битвы помогают товарищи, рожающая женщина сражается в одиночку.

— Во всякой логике кроется глупость, — сказал он себе и обратился к приятным мыслям.

Идет весна, они с Изабеллой будут охотиться под Мадридом, а потом на ее щеках расцветут кастильские розы.

Пока кардинал Мендоса распевал рождественскую молитву, мавры Гранады совершили такой военный подвиг, что сами были удивлены его полным успехом. Они напали на Захару и взяли ее.

Захара была кастильским пограничным городом, который считался неприступным. Он громоздился на гранитной скале, дороги к нему были так круты, что пришлось вырезать ступени в них. Стены цитадели были отвесны, и сама крепость стояла на такой высоте, что иногда стражи на башнях глядели сверху на проплывающие внизу облака. Захара была столь неприступна, что с ней иногда сравнивали женщин. Если кто пытался заигрывать с красивой девушкой и обнаруживал, что она холодна к ухаживаниям, а добродетель ее непоколебима, он говорил: «Неприступна, как Захара». И отправлялся на поиски более легкой жертвы.

Прекрасная, неприступная Захара пала на Рожде-

ство после дерзкой внезапной атаки. Под покровом шторма, под слепящим дождем мавры, никем не услышанные и не замеченные, взобрались на гору, вскарабкались на стены и не обнаружили там ни одного часового, потому что кто же захочет стоять на часах на стене такого города в такую непогоду и в такой день, когда весь замок пирует?

В глазах Изабеллы вспыхнули зеленые огни ярости, когда примчался гонец с совершенно неожиданными вестями от маркиза Кадиса. Изабелла прижала руку к груди, как священник при отпущении грехов, и проговорила:

— Моя вина! Моя вина! Я не уберегла свое наследие. — Она смяла письмо и бросила его в огонь, где оно ярко горело несколько секунд и наконец рассыпалось в прах. — Так будет с неверными! Так сгинут все враги святой веры!

— Именно, — сказал Фердинанд. — Чувство, которое я полностью разделяю.

Она быстро ходила по комнате, ее юбки шумели, как ветер, каблуки стучали по каменному полу. В углу, как ненужное платье, висел ее доспех рядом в доспехом Фердинанда. Она подошла к нему, коснулась и отдернула руку.

— Пыль, — произнесла она тоном упрека, которым иногда пользовалась при разговоре с нерадивыми слугами. Но этот упрек был адресован ей самой. — Фердинанд, я опозорена.

Ее щеки пылали.

— Должен признать, тебе это идет. Да здравствуют мавры!

— Прекрати, Фердинанд!

— Нет, моя дорогая, я только шучу. Но если это то

лекарство, которое возвращает розовый цвет твоим щечкам, я могу от всего сердца объявить, что потеря Захары не такое уж непоправимое несчастье.

— Но оно непоправимо!

Он оставил свой шуточный тон.

— Я хочу, чтобы ты успокоилась. Даже от мужчины, если он болел и лежал в постели, нельзя ожидать, что он сможет вникнуть во все подробности.

— Захара не подробность.

— Я не преуменьшаю потерю Захары. Но ясно, что это не твоя вина. Никто не мог предвидеть нападение, которое было крайне безрассудным с точки зрения мавров.

— Оно было успешным.

— Только потому, что ленивые стражи лакомились рождественским ужином вместо того, чтобы стоять на часах. Если они мне попадутся, я преподам им урок.

Гнев Изабеллы угас, когда она вспомнила, что теперь весь гарнизон Захары брошен в мавританские темницы. Одним из ее детских воспоминаний, картиной, которую она никогда не забудет, были белые руки, покрытые шрамами, искривленные и распухшие, — руки Педро де Бобадильи, отца Беатрис, ее подруги. Он тоже томился узником в темницах Гранады, пока его не выкупили.

— Нет, они уже получают хороший урок в эту самую ночь, стая под тяжестью оков, которые терзают их плоть. Они уже достаточно наказаны. А что касается женщин, то моли Бога, чтобы он дал им утешение в их позоре.

Фердинанд неторопливо кивнул. Он будет молиться, вся Испания будет молиться. Но такие молитвы очень редко доходили до небес. Некоторые женщины

принимали ислам и поднимались до высокого положения. Жена эмира Гранады сама была некогда христианской пленницей. Она была так красива, что мавры называли ее Зоройя, Утренняя Звезда, и она поднялась от рабыни до жены эмира и родила ему первого сына, который теперь был наследником трона неверных.

Успокоившись, Изабелла приказала своему секретарю написать султану и торговаться за выкуп пленников, как было принято с обеих сторон, и у мавров, и у христиан, после пограничных набегов. Эмир Абу-ль Хасан ответил прекрасным свитком изящных арабских писем, который сам по себе был произведением искусства. Он писал, что согласен следовать традиционной процедуре. Но он был стар и капризен, да еще и распален нежданной победой. Он потребовал непомерный выкуп.

— Да эти предатели сгниют, прежде чем я заплачу за них такие деньги, — сказал Фердинанд.

Изабелла ответила:

— Нам понадобятся эти солдаты.

И выкупила их всех. Она хотела бы выкупить женщин, но мавры никогда не отдавали их.

— Возможно, я верну женщин весной, — сказал Фердинанд, — если их мужья примут их и если они захотят вернуться.

Он оставил свои планы насчет весенней охоты и теперь ждал пограничных стычек как более захватывающего дела. Он не мог принять всерьез предчувствия Изабеллы, что вот-вот начнется долгая и изнурительная война, которая может окончиться полным поражением одной из сторон. Такую мечту и в самом деле многие испанские кабальеро лелеяли в юности, но они

достигали возраста и мудрости Фердинанда, а мечта оставалась мечтой.

Трудности в завоевании Гранады казались невыносимыми. Понадобилось семь столетий, чтобы отодвинуть границу с маврами от северных провинций до линии гор на юге Андалузии, где она теперь и проходила уже много лет. На протяжении всего царствования Энрике Бессильного только однажды была предпринята попытка, приведшая к показательному захвату Гибралтара. Сделал это герцог Медина Сидония.

Но маркиз Кадис не стал ждать весны. Человек сильных чувств, дважды женатый, бездетный, рыцарственный для вида — свыше всякой меры (он отпускал даже пленных мавританских женщин) — и неистовый ревнитель своей чести, он воспринял захват Захары как личное оскорбление. Захара была рядом с его городом Хересом, в котором делали то вино, которое англичане называли шерри, и недалеко от его столицы Кадиса, по которой маркиз и именовался.

Он уже через месяц представил королю план немедленных действий. Он узнал от своих разведчиков, сказал он, что некий мавританский город охраняется почти так же безответственно, как Захара.

— Ничего нет полезней в военном деле, ну и в государственном тоже, как хорошая сеть шпионов, — заметил король. — Прошу, продолжайте.

Город Альхаму, сказал маркиз де Кадис, можно захватить за день, имея небольшой отряд и немного дерзости!

При слове «Альхама» Фердинанд недоуменно посмотрел на него. Кадис предлагал самую безумную авантюру. Альхама лежала точно в географическом центре королевства Гранада, в пятидесяти милях от ис-

панской границы. Даже если бы это расстояние было меньше, план был очень похож на то, как если бы мавританский военачальник предлагал захватить Толедо в самом центре Кастилии.

— Если вы захватите город, то будете отрезаны, окружены вражескими крепостями. Что вы будете делать тогда?

— Конечно же, удерживать его, ваше высочество, пока не будут захвачены окрестные города.

Фердинанд подавил улыбку. Он не любил безрассудных поступков в жизни, он не любил и больших рывков на войне. Они не оставляли пути к отступлению.

— Я думаю, вы должны изложить свой план королеве, — сказал он. — По моему мнению, в этом предприятии недостаточно уверенности в победе, чтобы оправдать риск, но решать должна королева, потому что это будут ее войска. Что бы она ни решила, сеньор маркиз, ваш план делает вам честь и доказывает превосходное воображение.

Маркиз Кадис вышел от короля с чувством поражения, уверенный, что его выставляют с вежливыми словами и что Изабелла даст ему мягкий, но окончательный отказ.

Изабелла ничего такого не сделала. Этот план обрадовал ее. Ее лицо просветлело. Она велела принести карту и увлеченно следила, как Кадис показывает тайные ущелья и горные проходы на высоте облаков, которыми можно тайно провести большие силы и ударить внезапно, так же, как мавры напали на Захару.

— Да хранит Господь вас в вашем славном стремлении, — сказала она, — и да вернет Он мне невредимым столь верного и отважного вассала!

Маркиз ушел от нее в столь же приподнятом состоянии духа, в сколь подавленном вышел от Фердинанда.

Фердинанд сказал жене:

— Солдат должен относиться к войне так же, как к куску мяса — сначала откусывать с краю, потом съедать середину.

— Это тоже хороший способ, — сказала Изабелла.

— Это единственный способ.

— Кадис говорил, как поэт, так он был воодушевлен своим планом. Но он еще и практичен. Он должен объяснить его тебе более подробно.

— Я полагаю, что не дам ему на это времени, — рассмеялся Фердинанд. — Артисты в правительстве, а теперь еще поэты на войне! Я просто не доверяю им, Изабелла.

— Его убьют, если он ошибся, — сурово сказала она.

— Ну, мужчина не может рисковать большим, чем собственная жизнь. Не скажу, что восхищаюсь им. Скрываться днем, идти ночью по скалистым горам — и никакой надежды захватить Альхаму.

В феврале маркиз Кадис встал во главе своего войска. Скрываясь днем, передвигаясь ночью, по каменистым склонам, через горы, длинная колонна испанцев прокралась по вражеской стране незамеченной до Альхамы и яростно напала на нее. Разведчик, который остался позади, чтобы смотреть за боем с соседней высоты, проделал обратный опасный путь в одиночку пешком и вернулся к королеве с известием, что Альхама пала. План маркиза Кадиса был успешно выполнен.

Но сразу же окрестные земли заполонили мавританские отряды. Кадис проник глубоко, как острие копья, но древко сломалось. Фердинанд хмурился:

— Теперь он отрезан, как я и предсказывал. Я предупредил его, но он меня не послушал.

— Это еще не весь его план, — сказала Изабелла. — Мы поддержим его и захватим земли между границей и Альхамой.

— На этот раз «мы» означает «я», полагаю, — сказал Фердинанд и мрачно занялся организацией освободительного похода. — Кадис шел налегке, он может жить только теми припасами, которые он нашел в Альхаме — самое большее месяц или два. Я не хочу, чтобы у него начался голод. Но потребуется время, чтобы добраться до него, Изабелла, понадобится время.

Изабелла надеялась, что времени потребуется немного.

— Я помогу всем, чем смогу.

Благодаря красноречию Изабеллы и трудолюбию Фердинанда была собрана армия. Горы оружия и припасов начали расти. Но проходили месяцы, а Фердинанд все считал, что сил недостаточно.

— Я хочу, чтобы Медина Сидония привел свой отряд, — задумчиво сказала Изабелла.

Фердинанд поперхнулся.

— Медина Сидония весьма рад затруднительному положению своего врага. Я говорил тебе, что они с Кадисом от души ненавидят друг друга.

— Это не так.

— Это факт. Почему ты никогда не смотришь фактам в лицо?

Потихоньку Изабелла вызвала герцогиню Медину Сидония в Кордову и попросила ее.

— Герцог — ближайший сосед Кадиса, — сказала она. — И может быть его ближайшим другом! Какой позор, какая жалость, что испанцы продолжают раздо-

ры друг с другом, когда другие испанцы голодают в Альхаме!

— На самом деле, я думаю, — сказала герцогиня, — мой муж ждет только приглашения от вашего высочества, чтобы предложить свою помощь. Я знаю, как сильно он вас любит, но он любит и свою честь.

— Он не утратит чести, сражаясь с маврами.

Несколько напряженно герцогиня ответила:

— Герцог и прежде сражался с маврами, ваше высочество, если ваше высочество помнит, как он преподнес Гибралтар вашему брату Энрике.

Фердинанд потом ворчал:

— Приказать старому дураку! Он твой вассал или нет?

Было тяжело приказать высокородной андалузской даме, и было невозможно через жену приказывать мужу. Изабелла могла только просить.

Медина Сидония, успокоив свою гордость, ринулся в дело. Он написал верноподданное письмо Изабелле с благодарностью за возможность снова сражаться с маврами и обещанием немедленно повести своих людей, чтобы освободить своего доброго соседа маркиза Кадиса.

— Можно подумать, он только что услышал о положении в Альхаме, — сказал Фердинанд. — Я уже склоняюсь к тому, чтобы поторопиться самому и идти освобождать его. Я уже почти готов к походу.

Однако к тому времени, как он выступил, Медина Сидония проложил себе дорогу через гранадскую территорию и под торжественные фанфары подошел к стенам Альхамы. Осажденные христиане открыли ему ворота, и длинная вереница тяжело груженных мулов вошла в город, везя огромное количество оружия и

припасов для защитников. Затем, демонстрируя полное примирение, маркиз и герцог прилюдно обнялись, что вызвало у видевших это солдат слезы и радостные улыбки. В Альхаме, городе, который один взял штурмом, а другой освободил от новой осады, два бывших врага похоронили свою старую вражду и поклялись быть друзьями на всю жизнь. Никто не сомневался в серьезности их объединения, потому что уединенность Альхамы придала их встрече благоговейную торжественность. Альхаму окружали просторы непокоренной страны, и колокольный звон, созывавший христиан на молитву, достигал слуха неверных.

Фердинанд, услышав о подвиге Медины Сидония, мрачно развернул свою колонну обратно и вернул в Кордову. Изабелла ласково встретила его и пустилась в долгие славословия в его адрес:

— Я не сомневаюсь, что Медине Сидония было бы намного труднее, если бы ты не шел за ним следом с таким сильным войском, — сказала она, потому что снова битва ускользнула от ее мужа и лавры достались Медине Сидония и Кадису.

— Если ты вообразила хотя бы на миг, что я завидую твоим диким андалузским грандам, *mi senora*, то это не так! Однако будет неплохо с их стороны согласовывать свои действия с королем.

Оставив Альхаму с сильным гарнизоном и большими запасами, герцог и маркиз вернулись в Кордову в сопровождении такого маленького эскорта, что стали поговаривать, что их, верно, сопровождали целые сонмы ангелов-хранителей. Радостные толпы, которые приветствовали их, объясняли их чудесное возвращение хитростью и удачей всех андалузских жителей границы. Политический нюх Фердинанда подсказывал

ему, что ветер дует с юга, и его ясный аналитический ум находил событиям вполне земные объяснения. Мавры выглядели удивительно ненаблюдательным народом.

Кадис и Медина Сидония явились к своим монархам, которые торжественно приняли их и позволили сидеть в своем присутствии.

Несмотря на заверения Фердинанда, что он не завидует, Изабелла знала, что это он лжет. Завоеватели Альхамы были бы рады вернуться в свои владения и немного отдохнуть, а Изабелла предвидела долгое уныние в своем доме.

— В твоем плане был еще один весьма важный поворот, сеньор маркиз, — приветливо сказала она Кадису. — Покорение городов между границей и Альхамой. Какой будет первым?

Кадис сразу же ответил:

— Лоха, ваше высочество.

Она повернулась за подтверждением к Медине Сидония.

— Несомненно, Лоха. Но для Лохи нужны пушки. Ее стены не столько высоки, сколько толсты, с сильными укреплениями в глубине. Мавры в Лохе никогда не дремлют.

— Пушек у нас в избытке, — сказал Фердинанд.

Медина Сидония продолжал:

— Состояние дорог ужасающее. Будет трудно перевезти пушки.

— Я не думаю, что пушки необходимы. Предчувствие говорит мне, — Фердинанд покосился на Изабеллу, — что не все в порядке среди правителей врагов. Не умаляя ваших успехов, *mis primos**, я думаю, мы должны сразу штурмовать Лоху. Есть веские причины тому, что тысячи людей смогли пройти пятьдесят миль по

землям мавров не единожды, а дважды, и без сражений.

— Я последую за вами куда угодно, ваше высочество, — сказал Кадис королю, но смотрел на королеву.

— Вас поведет король, — сказала Изабелла. — И все же, мой дорогой, — она повернулась к Фердинанду, — разумно ли, в самом деле, идти без пушек? Наши знатоки советуют остеречься.

— Я ненавижу ненужный риск. Я издал закон о запрещении азартных игр. Рискну сказать, что я единственный в Испании человек, который продолжает повиноваться этому эдикту. Кроме того, я хорошо знаком с преимуществами артиллерии, которую использовал с некоторым успехом против французов. Но я настаиваю, что в Гранаде произошло что-то, что сделало мавров ненаблюдательными и рассеянными.

— Нам неслыханно повезло, — допустил Медина Сидония.

— Взятие Лохи будет славным делом, — отозвался маркиз.

Фердинанд повел их в Лоху, но или предчувствия обманули его, или что-то, что испортилось в Гранаде, теперь восстановилось. В Лохе мавры были начеку. Пушки обстреляли христианское войско со стен и причинили большие потери. Затем мавры вышли и дали сражение. Фердинанд далеко пробился в их ряды, разозленный на преследующие его неудачи и обманувшие его предположения. Корона на его шлеме и золоченые доспехи были очень заметны и делали его особой добычей. Он был окружен толпой ревущих фанатиков, жадных до королевского выкупа. Его меч разил и свистел как молния в гуще вражеских тел, и Кадис и Медина Сидония были поражены этим зрелищем, как Анд-

рес де Кабрера в свое время. Он рубил мечом с такой силой, что головы врагов слетали с плеч и вокруг хлестала кровь. Если бы Фердинанд умер в этот миг, он умер бы счастливым.

Смерть и в самом деле подступила к нему, потому что поток мавров не иссякал, а он оставался один. Видя его в окружении и зная, что он не сможет отступить, даже если бы хотел, маркиз Кадис и семьдесят всадников прорубились к нему через кипящую схватку. Они не могли видеть его лицо, но слышали сквозь стальное забрало, что он клянет их. Он не хотел спасения. И за эти проклятия в таких опасных обстоятельствах они в душе простили ему все его ошибки.

Он удивился, осознав, как эти дикие андалузцы уважают его после этой неудачи. Христианам ничего другого не оставалось, как отступить. Нападение на Лоху было прискорбной ошибкой.

Фердинанд торжественно поклялся:

— Я вернусь и возьму Лоху, даже если это будет последнее, что я сделаю в этой жизни.

Кадис и Медина Сидония сказали:

— И мы тоже, ваше высочество, стоит вам только приказать.

Год и война подошли к зимнему спокойствию, но жизнь испанских монархов проходила в гуще людей более, чем когда-либо, не только благодаря военным приготовлениям к весне, но и благодаря многочисленным политическим делам — как внешним, так и внутренним.

Чтобы ускорить иностранную переписку, Изабелла выучилась писать и говорить по-латыни — подвиг, ко-

торый поразил ее секретаря Пулгара, который учил ее, и вызвал у ее андалузских грандов почти такое же сильное восхищение, как головы, которые рубил Фердинанд своим мечом.

По всей Испании люди благословляли своих короля и королеву. Дьявол послал им Энрике Бессильного, но сам Господь даровал им Изабеллу и Фердинанда.

Альхама, однако, оставалась в изоляции.

ГЛАВА 27

Неудача под Лохой неотступно раздражала Фердинанда. Он не мог успокоиться. Ошибка казалась необъяснимой, а он ненавидел необъяснимое.

Изабелла успокаивала его, называя его поражение превратностями войны. Она хвалила его храбрость в сражении — все говорили об этом. Она подробно излагала оказанную им Испанией услугу в примирении Кадиса и Медины Сидония, то, «чего бы я никогда не добилась, и вдобавок ты завоевал их великую преданность, а этого нелегко добиться от южан».

— Все это может быть правдой, Изабелла, и я люблю тебя за то, что ты так говоришь. Но я все еще думаю, что все объясняется временными неурядицами в гранадском командовании.

— Пожалуйста, не ищи случая опять ввязаться в такую затею, Фердинанд.

— Изабелла! Я еще не стар, несмотря на это. — Он со смехом провел рукой по редющим волосам. — Лоб как у профессора из Саламанки, разве нет? — Одной из лучших его черт было отсутствие суетливости. —

Может, мне действовать так же — добыть толстую кобылу и спокойно стоять позади во время битвы?

— Королей не называют за это трусами. Ты заслужил свои шпоры давным-давно.

— Изабелла, я умру.

— Тогда я умру тоже.

— Дело в том, моя дорогая, что я был страшно зол в том сражении и меня не заботило, что случится.

— А меня это заботит.

— Теперь, конечно, я благодарен Кадису за то, что он пришел мне на помощь, хотя тогда это казалось оскорблением.

— Кадис и с ним еще семьдесят человек, Фердинанд! Понадобился семьдесят один всадник, чтобы отбросить мавров, с которыми ты бился в одиночку. Пожалуйста, будь осторожней, любимый. Я не хочу стать вдовой.

Над словами Изабеллы он размышлял уже под стенами Лохи.

Политическое чутье Фердинанда его не подвело, только немного запоздало. В самом деле, в верхах Гранады произошло нечто, вызвавшее большое смутение среди мавров. В столице Гранады вспыхнул и быстро завершился успехом дворцовый переворот.

Старый султан Абу-ль Хасан влюбился в хорошенькую юную наложницу и женился на ней. Зоройя, Утренняя Звезда, чья красота слегка поблекла к середине жизни, неистово ревновала повелителя к остальным его женщинам. Сын Зоройи, горевший нетерпением править, затеял заговор против своего отца.

— Вот все зло многоженства, — сказал Фердинанд, услышав эту новость.

— Согласна, — отозвалась Изабелла. Без иронии, как и он.

Зоройя и ее сын Абдалла, наследный принц, нашли много сторонников. Сражение вышло за пределы дворца и распространилось по улицам. Закончилось оно вничью, но обе стороны продолжали ненавидеть друг друга.

Чтобы не оставлять свою молодую жену, Абу-ль Хасан оставил свою столицу, отступив в Малагу на побережье Средиземного моря. Юный Абдалла был, как положено, провозглашен правителем города Гранады, а Абу-ль Хасан оставался эмиром всего остального мавританского государства. Так что царство мавров распалось на две части, как Кастилия во времена Энрике Бессильного.

— Чудесная весть для христианского мира, Изабелла!

Изабелла возблагодарила Бога не только за то, что он ослабил врагов Испании, но и за Фердинанда, который понимал, как войны могут ослабить целое королевство. Нет, теперь она больше не волновалась. Его поведение всегда было образцовым. В тесном единении они вместе работали, думали и строили планы. Она была уверена в его любви, и мучительные образы соперниц померкли. Иногда она была даже немного рада тому, что он лысеет, потому что как бы хорош собой он ни был в ее глазах, она не считала, что другие женщины найдут его столь же неотразимым, каким он был в двадцать лет. Но тут она вспоминала, что внешность короля не имеет значения. Он может быть носатым, беззубым, старым и отвратительным, как смертный грех, но это не имеет значения, потому что он король. И когда она об этом вспоминала, она хваталась за свой крестик, улыбалась и просила Господа уберечь

Фердинанда от хитростей интриганок точно так же, как и от опасностей в сражениях.

Мысли Изабеллы были заняты продолжением мавританской войны, мысли Фердинанда — ее оплатой. Помощь опять пришла от Церкви. Папа Сикст послал в Испанию корабль с великолепным подарком — не ссудой, а именно подарком в виде ста тысяч золотых дукатов. Но папский легат, который привез золото, привез и кое-что еще такое, что Фердинанд воспринял с крайней досадой — письмо, в котором папа протестовал против инквизиции в весьма энергичных выражениях.

«Много крещеных евреев из вашего города Севильи прибыло к нам, — писал святейший отец, — жалуясь, что ваши инквизиторы не принимают искренности их обращения и обходятся с ними как с тайными иудеями, а в результате эти новообращенные, которых должно принимать с распростертыми объятиями, как принимает пастырь заблудших овец, боятся за свои жизни и покинули свои дома и свою страну».

В Риме, заявлял папа, он предоставит им убежище до того времени, пока испанские монархи переменят не собственное рвение в вере, но безжалостную поспешность своих инквизиторов в Севилье.

Севильская инквизиция пользовалась особым покровительством Фердинанда с самого ее учреждения. Он хотел распространить ее на другие города.

— И нужно же было этому письму прийти именно тогда, когда начались выплаты! — жаловался он Изабелле.

Эта временная мера была необходима, как никогда, говорил он, именно теперь, когда война стала затяжной. Но верховный глава христианского мира запретил ее!

Фердинанд предполагал распространять инквизицию постепенно, методично и законно, но он знал, что надо осторожно говорить с Изабеллой о предмете, который кажется ей отвратительным.

— За последние два года число преступлений странным образом возросло, — сказал он.

— Боюсь, что так всегда бывает во время войны.

— Сейчас слишком многие ушли из Эрмандады в войска.

— Нам нужно все больше и больше солдат.

— Но они пренебрегают своими охранительными обязанностями, особенно во время кампаний.

Изабелла вздохнула:

— Я знаю.

— Мне пришло на ум, что во многих случаях Эрмандада не имеет достаточных полномочий. Многие владельцы больших поместий враждуют с аббатами, епископами и другими церковниками. Может быть, преступления в таких местах инквизиция может сдерживать более действенно, чем Эрмандада, которая постоянно отсутствует? Это сняло бы с наших плеч тяжелую ношу и заметно укрепило порядок.

— Полагаю, что если какое-то владение принадлежит духовному лицу, то инквизиция может навести там порядок в случае ереси.

— Что хорошо для одного места, годится и для другого, не так ли?

— Мне никогда это не нравилось в Севилье, как и кардиналу Мендосе, и его святейшеству.

— Погоди-погоди. Не будем ссориться. Севильская инквизиция никогда и не настаивала на расширении границ своего правосудия. Я полагаю, что мы сами просим наших духовных наставников взять на себя оп-

ределенную ответственность, если в церковных владениях совершено преступление: убийство, двоеженство, изнасилование, поджог, воровство, ростовщичество, ворожба, приворот. Со всеми этими преступлениями приходится разбираться Эрмандаде, и зачастую она не справляется, поскольку люди Эрмандады не могут служить в армии и поддерживать охрану порядка одновременно.

Доводы были весомые, и он видел, что Изабелла колеблется. Он поспешил упрочить свой успех.

— Я, конечно же, знаю, что ты не любишь шпионов. Но «шпион» — всего лишь непривлекательное слово. Лучше будет сказать «добровольный помощник». Любой правитель нуждается в таких помощниках. В Англии есть Звездная Палата*, а Людовик, король Франции, славится тем, что его секретные агенты добывают самые верные сведения. Чем же отличаются методы инквизиции от дел наших знаменитых и уважаемых родственничков за границей?

Изабеллу терзали противоречивые чувства. Владения Церкви огромны. Королеве нужно было принять правильное решение...

— Я не могу противостоять твоей логике, Фердинанд, но сердце подсказывает мне, что мы сеем семена будущих несчастий.

— Мы не можем предвидеть, что грядет в будущем, — ответил Фердинанд. — Без сомнения, у будущего свои заботы.

— Ты позволишь мне самой назначить Великого инквизитора?

Фердинанд понял, что победил, и просиял:

— Конечно, моя дорогая! Не важно, насколько он будет мягок.

— Мне нужен не мягкий, а честный человек, бесстрашный, привычный к трудам, человек с широкими взглядами. Я знаю такого человека, но его скромность так велика, что он, наверное, откажется от назначения. Он был моим наставником в Аревало, когда я была совсем юной.

— Кого только пожелаешь, любовь моя.

Изабелла отозвала фра Томаса де Торквемаду из монастыря-Санта Крус, что в Сеговии. Ему было шестьдесят четыре года. Он прошел двести тридцать миль, весь путь от Сеговии до Кордовы, босой. Постирал одежду и полатав ее своей иглой, которую всегда носил с собой на всякий случай, он предстал пред Изабеллой.

— Вы звали меня, *mi princesa*?

Фердинанд редко испытывал благоговейный трепет, но Торквемада впечатлял — осанка римского императора, босые ноги нищebroда. Даже в Кастилии, земле камней и святых, Фердинанд не встречал такого величественного достоинства вкупе с самоуничижением. Этот человек не пытался притвориться святым. Его одежда не была оборвана и истрепана; пятки были вымыты; казалось даже, что он старался прихорошиться. Фердинанд изумился, услышав обращенное к королеве «*mi princesa*», как если бы она оставалась маленькой девочкой. «Этот человек не стяжает богатств, — подумал Фердинанд, присмотревшись к старику, — а если и стяжает, то не крадет. Если есть на свете неподкупность, она сейчас передо мной».

Изабелла объяснила бывшему наставнику, что ему предлагают занять недавно созданный пост; и спросила, согласен ли он стать Великим инквизитором Испании.

— Боюсь, вы станете очень непопулярны, — призналась королева. — Поскольку мы с королем, обеспокоенные преступлениями, которые неизмеримо множатся из-за войны, вынуждены передать в ваше ведение часть мирских дел. И виновные, которые безропотно приняли бы наказание из рук городских судей, возмутятся тем, что их за те же грехи преследуют и наказывают судьи духовенства. Но с преступлениями должно быть покончено.

— Карающая десница никогда не была популярной, фра Томас, — заверил его Фердинанд.

— Меня не заботит, что думает обо мне мир, — ответил Торквемада. — По крайней мере, пока я исполняю свой долг.

К удивлению Изабеллы, Торквемада стал весьма популярен. Жители тех областей, которые не входили в церковные владения, теперь просили (а Торквемада отказывал) ввести у них инквизицию. Как и Эрмандада, как и военное положение, инквизиция давала жителям безопасность в тяжелое военное время. К тому же в городах, где заправляла инквизиция, проводились публичные сожжения еретиков. Во Франции, например, казнили Жанну д'Арк, а в Германии, по словам германского посла, недавно вспыхнуло просто какое-то ведьминское поветрие, в результате которого тридцать тысяч колдуний было изжарено на медленном огне. Фердинанд про себя делил это число надвое, зная склонность немцев к преувеличению. В Испании такого не водилось, равно как ни прелестных шуточек в стиле венгров, которые замучили Яна Гуса*, ни тщательно выверенного обряда, по которому во Франции предателей варили в масле. Изабелла же постановила удушать преступников перед сожжением. Этот указ

сводил все развлечение на нет и страшно разочаровал народ, как и ее повеление спиливать быкам рога перед корридой.

— Твой страх за будущее, — любил поговаривать Фердинанд, — касается, должно быть, уж очень отдаленного будущего.

Вскорости умер папа Сикст. Новый папа сразу ввязался в мирские дела. Враждующие группировки, сцепившиеся по всей Италии, как и папский Рим, упустили из виду инквизицию, будучи вовлечены в круговорот более значимых событий.

Война с маврами доставила Фердинанду новое, хотя и сомнительное, удовольствие. Оно вознаградило его за позор в Лохе. Но радовался он втайне, поскольку для Испании это было жестоким ударом. Непобедимый маркиз де Кадис, как оказалось, тоже может проиграть сражение.

К северу от Малаги, среди гор, пряталась плодородная долина. Жили там мавры, разбогатевшие на тучных пастбищах, виноградниках, многочисленных стадах и селившиеся в небольших городках. Богатая добыча, а для армии — провиант. В эту долину маркиз повел большой вооруженный отряд, уповая на легкую победу. Его рыцари и солдаты были веселы и пели на марше.

Но мавры затаились на склонах ущелья и под покровом ночи спустились и напали на христиан, когда те расположились на отдых. Маркиз успел спастись бегством. Двести испанских рыцарей попали в плен и в Малаге вместо ожидаемых толедских доспехов надели кандалы, хотя еще надеялись, что Фердинанд и Изабелла их выкупят. Изабелле пришлось признать, что с выкупом стольких знатных кабальеро придется подо-

ждать, поскольку Абу-ль Хасан, на страну которого позарились испанцы, потребовал огромную сумму за их освобождение.

— Это невероятно! Он идет против традиций, против воинской этики, этот старый негодяй! — бушевал Фердинанд. — Либо он сказочно богат и деньги ему не нужны, либо он безнадежно беден и надеется, что мы его озолотим.

Изабелла покачала головой. Лицо ее было хмуро и задумчиво.

— Ни то, ни другое, Фердинанд. Просто он не желает, чтобы эти воины вернулись в Испанию. Он понимает, как и я, что это война на выживание!

— Но короли всегда выкупали своих рыцарей, всегда!

— Не в такой войне, как эта.

— Не вижу различий, — проворчал он. Но мало-помалу она заразила мужа своим мнением о необычном характере этой войны; мужа, а затем — и всю страну. Фердинанд наконец внял ее мольбам и снарядил несколько кораблей из Арагона, которые должны были блокировать всю прибрежную часть Гранады. А когда Великий адмирал Кастилии захватил богатую добычу, Фердинанд снарядил еще несколько арагонских кораблей. Но на суше он продолжал держаться привычной приграничной тактики — налеты и вылазки. Часто он сам руководил ими, лишний раз доказывая свою храбрость.

Во время одного такого набега, который вел, к сожалению, не он, удача улыбнулась испанцам. Под одним мавром убили лошадь. Он был высокий и красивый, с более светлым лицом, чем его товарищи. Когда лошадь упала, он соскочил на землю и начал драться пешим. Пехота кастильцев сразу же окружила его.

Мавр крошил их на куски своим ятаганом, украшенным самоцветами. Но нападающих было слишком много, и он, сраженный усталостью, выкрикнул свое имя и был взят в плен простым солдатом по имени Мартин Хуртаго. Храбрый и красивый светлокожий мавр оказался Абдаллой, молодым эмиром Гранады. Он шел в битву с надеждой добыть победу и славу. И его полонил простой крестьянин.

Крестьянин сдал пленника своему капитану, капитан — королю. Фердинанд после говорил:

— Итак, Изабелла? Как теперь применить твою глупую теорию войны? А ты ведь почти убедила меня, что смыслишь в военном деле больше, чем мужчины!

— Моли Бога, чтобы подобные чудеса случались и в будущем, — отвечала королева.

— Прекрасный способ избежать ответа на вопрос.

Воспользовавшись замешательством мавров после пленения одного из их эмиров, маркиз де Кадис предпринял наступление на Сафру, дерзкое, но успешное. Он вступил в город среди бела дня, не потеряв ни одного воина.

— Что скажешь, Изабелла?

Она была вне себя от счастья; Альхама уже не была отрезана и теперь наверняка могла выстоять.

— Чудеса продолжаются, — пробормотала она.

— Возможно. Или мы доказали, что, прихватив зубами край, мы догрыземся до самой середины.

— И эта Сафра, неприступная дева, однажды утратив свою неприступность, в следующий раз отдастся легко.

— Хорошо, что Кадис тебя не слышит.

— Я благодарю Господа за эти победы, и мне безразлично, по чьей теории мы выиграли.

— Дорогая, война еще не закончена.

— Это скоро произойдет.

Они собрали кортесы, чтобы решить, что делать с эмиром — оставить пленником или отдать за выкуп. Но до того, как кортесы собрались, Фердинанд послал гонца к Абу-ль Хасану, грозя предать смерти юного эмира, если все двести кабальеро немедленно не будут выпущены на свободу. У Абу-ль Хассана не было особой любви к сыну, восставшему против него, но он и не хотел его смерти. Он отпустил всех испанских рыцарей.

— Что скажешь, Изабелла?

Она немедленно ответила:

— Разве ты казнил бы его, Фердинанд? Его мать когда-то была христианкой. Его можно было обратить в нашу веру.

Фердинанд рассмеялся от души.

Затем во Франции неожиданно умер король Людовик, и его смерть нарушила равновесие в Европе.

— С тех пор, как война закончена, — начал Фердинанд, — это прекрасная возможность вернуться в Арагон и захватить Руссильон и Сердань, которые Людовик украл у моего отца.

Изабеллу испугало, что он собирается бросить силы на войну с христианами, в то время как войнам с неверными еще не пришел конец.

— Мы не можем ввязываться в войну с Францией, — сказала она.

— Это не война, а простой набег.

— Он приведет нас к войне, в которую втянется вся Испания. Ты нужен для битвы с маврами.

— Чепуха.

— Я боюсь, Фердинанд.

— Ты боишься? Ты ничего не понимаешь. Даже если мы никогда не победим в схватке с маврами, мы и так сделали для Реконкисты больше, чем все прежние испанские короли, вместе взятые.

— Фердинанд, ты нужен мне.

— А?

— Жена всегда хочет, чтобы ее муж был рядом.

— Я тебя не понимаю.

Она взглянула на него. Раньше он всегда понимал.

— Я останусь, пока кортесы не решат судьбу Абдаллы, — сказал он. — Я хочу при этом присутствовать, чтобы что-нибудь им посоветовать.

— Скоро у нас появится еще один принц или принцесса, — объяснила Изабелла.

— Ну-ну, для этого я тебе не нужен. Кроме того, этот будет пятым, не так ли? И наверняка девочка.

Внезапно она рассердилась, глаза ее полыхнули зеленым огнем.

— Божья Матерь тоже была девочкой!

— Это замечание я нахожу крайне непочтительным, — холодно сказал Фердинанд. — И отнюдь не подходящим.

— Может быть, но зато это правда, — тихо ответила она.

Приступ гнева миновал, но на сердце легла тяжесть. Последние роды на несколько месяцев приковали ее к постели, и она со страхом думала о том, что ее ждет на этот раз. Жаль, что Фердинанд так быстро обо всем забыл.

— Я знаю, что ты очень занят, — начала она; но он не поддержал робкую попытку примирения, считая, что она еще не выместила свой гнев. Он внимательно изучал свои ногти.

Изабелла улыбнулась.

— Если ты останешься на заседания кортесов, а потом быстренько отвоюешь Руссильон и Сердань, то поспеешь как раз вовремя.

Он немного смягчился, но слишком дипломатично и неубедительно. Королева поняла, что ему что-то нужно от нее.

— Действительно, — примирительно заявил Фердинанд. — Я тоже хотел бы остаться с тобой. Но... — она знала, что за этим последует; о, она знала его очень хорошо! — ты сама признала, что Руссильон и Сердань нужно взять как можно быстрее. Мне понадобятся деньги, храбрые военачальники, солдаты. Ну, не смотри так неприязненно. Я не прошу кастильских денег. Я добуду их в Арагоне. Но кастильские офицеры и солдаты уменьшили бы риск и ускорили победу. А затем я поспешу к тебе, чтобы поприветствовать нового малыша!

— Фердинанд, Фердинанд, нельзя оттягивать солдат, воюющих с маврами.

Она хотела сказать, что их личная жизнь не должна мешать делам государственным. Казалось, это злое щий знак — то, что он собирается выставить еще не рожденного ребенка как орудие политики, чтобы увести ее солдат и офицеров в далекий рейд, который она не одобряет. И он знал это: Он поступал как торговец, и ее кастильский характер противился этому. Не к добру все это. Но она ничего не сказала. Не смогла. Она, которая просила снять пушки со стен крепости на нужды войны, не смогла попросить для себя доброго слова.

Каждый день он настаивал на своем, и каждый день она отказывала. Эти разговоры причиняли все

большую и большую боль. Неприязнь, выросшая из-за несхожести взглядов на политику, переросла в нападки друг на друга.

Все чувствовали, что король с королевой больше не уживаются. Над дворцом висело облако уныния. Полководцы в их присутствии ходили на цыпочках, словно при покойнике, и старались ни словом не упоминать о войне. Таким образом, все приготовления к войне застопорились. Придворный врач, видя, в каком напряжении пребывает царственная чета, подумывал о том, что королю, судя по его злому и желчному взгляду, следовало бы прописать успокоительного, а королеве не помешал бы подкрепляющий настой, дабы вернуть румянец ее побледневшим щекам. Но его никто не спрашивал, а навязывать свои услуги самовольно врач не осмелился. Повара в дворцовых кухнях жаловались, что их высочества совсем ничего не кушают, и уныло обсуждали, что могло бы быть тому причиной. О Пресвятая Дева! Разве женщине, носящей ребенка, не следует восстанавливать кровь, тем более после болезни, вызванной предыдущей беременностью?

Беатрис де Бобадилья говорила своему мужу:

— У меня просто сердце разрывается оттого, что я не могу ее обнять и утешить! Но я давно уже научилась не осуждать ту жестокую холодную рыбу, за которую она имела несчастье выйти замуж!

— Тс-с! — шепотом отвечал маркиз де Мойя. — Не говори такого вслух! Хотя, конечно, король был не прав, объявив войну французам вместо того, чтобы сражаться с маврами!

— Так бы и придушила его!

— Ничего, в конце концов она своего добьется. Она всегда рано или поздно одерживает верх.

— На сей раз я в этом не уверена, — заметила Беатрис.

Фердинанд ненадолго задержался, чтобы побеседовать с кортесами и высказать свое мнение. Долго обсуждали судьбу Абдаллы. Некоторые из депутатов стояли за то, чтобы казнить его; другие предлагали потребовать огромный выкуп.

Решение Фердинанда было хитроумным и таило в себе тонкий расчет. Он приказал, чтобы молодой мавританский эмир был отпущен на свободу, и притом безо всякого выкупа. Пусть возвращается к себе в Гранаду и правит как прежде. Но пусть прежде даст клятву верности испанскому государю. Отныне он будет владеть своим городом как вассал и поклянется — Христом или Пророком*, это Фердинанду было безразлично — никогда впредь не поднимать оружия против Испании.

— Конечно, — сказал Фердинанд, — эмир Абдалла не станет истинным испанцем, но перестанет быть настоящим мавром, а это нам только на руку. Таким образом главный оплот наших врагов окажется обезврежен. Всех мавров охватят раздоры и смятение, и, когда придет время, королевство, раздираемое внутренними распрями, легко падет пред нами!

А чтобы Абдалла не поддастся искушению снова развязать войну, Фердинанд предложил оставить заложником его малолетнего сына, которого Абдалла обожал. Мальчика должны были казнить в тот же час, как только Абдалла вздумает нарушить условия, на каких его освободят.

Кортесы единодушно одобрили предложение Фердинанда. У Абдаллы не было выбора. Он подписал унижительный договор, поклялся королю в верности и

с рыданиями уехал, оставив в испанской темнице ясноглазого отрока, своего сына. Абу-ль Хасан и прочие мавританские королевства продолжали войну.

Вскоре после этого Изабелла объявила о том, что Фердинанд собирается посетить Арагон по важному делу, которое смерть короля Людовика сделала неотложным, требующим личного присутствия его высочества. Она старательно подчеркивала, что его длительное пребывание в Кастилии было благотворным для нации, а его участие в войне с маврами неоценимым. Поэтому можно было ожидать, что в своем родном Арагоне он тоже останется надолго. Она говорила, что уверена в том, что все кастильцы будут молиться о скорейшем завершении его миссии и будут радостно приветствовать его по возвращении, как и она сама.

Фердинанд уехал со свитой, целиком состоящей из арагонцев. Королева и некоторые фрейлины сопровождали его часть пути. Он молчал, пока не наступил час расставания. Тогда он произнес тщательно продуманную и выверенную прощальную речь — словно по бумаге читал. В ней он говорил, что целует ей руки и ноги, и при помощи многочисленных официальных фраз заверял королеву в глубоком к ней почтении. Потом он развернул коня, пришпорил его и скрылся из виду.

Королева тотчас же собрала военный совет. Все ее верные кастильцы были при ней: маркиз де Кадис, герцог Медина Сидония, Гонсальво де Кордова, Великий магистр ордена рыцарей Святого Иакова, Великий адмирал — все люди, которые любили ее и были ей многим обязаны. Когда Фердинанд уехал, королева преобразилась. Куда делась вся ее вялость и апатия! Она сделалась решительной и деловитой, исполненной

боевого пыла. Ведь эта война была причиной ее ссоры с Фердинандом! Она ненавидела ее; и поскольку королева не умела ненавидеть отвлеченно, она просто еще сильнее возненавидела мавров. Никогда еще яростная решимость разрушить все царство неверных не пылала в ней столь сильно.

Военачальникам было нелегко угнаться за ее стремительными распоряжениями. Приобрести пушки, отстроить дороги, набрать войска, заготовить пороху, выточить каменные ядра, отлить чугунные бомбы — это было новое изобретение, которое буквально разрывало врагов на куски. Они также разбивали в щепки борта вражеских кораблей.

Пусть Великий адмирал озаботится этим. Он кивнул, удивляясь ей. Поскольку королева часто председательствовала на военных советах после смотра войск, ее привыкли видеть в доспехах.

Но доспехи стальные, а сталь не гнется, подобно ткани платья. Поэтому скоро Изабелла устала от них. И от военных советов тоже.

Она все еще отдавала приказы, но они сделались мягче. Ее собственное состояние напомнило ей о раненых, о больных, о страданиях, которые всегда влечет за собой война. Почему никто никогда не задумывается о том, чтобы облегчить муки раненых?

Изабелла послала за дворцовым лекарем. Тот решил, что ей нужно пустить кровь: казалось, что она в лихорадке. Лекарь привел помощника, который нес нож и небольшую бронзовую чашу. Королева отказалась.

— Вы должны устроить передвижные госпитали для армии, — сказала она. — Пусть там будут хирурги, умеющие лечить раны.

— Но ваше высочество, — изумился врач, — госпи-

тали — это большие каменные строения, и они не могут двигаться!

— Зато шатер можно сдвинуть с места, сеньор лекарь. Почему бы не устроить госпиталь в шатре? Попробуйте. Натягивайте их или сворачивайте, если армия выступает. Зато много храбрых воинов не умрут от ран и много жизней будет спасено. Сделайте это.

— Это смелое нововведение в традиционную медицинскую практику, — прошипел он. Изабелла видела, что он готовится высказать массу возражений.

— Я спокойна, ибо мой доверенный лекарь возьмется за это трудное дело, — тихо сказала она, но взгляд ее был непреклонен. — Или вы считаете, что лучше пригласить кого-то другого?

Понять можно было двояко: кого-то другого назначить на должность главного королевского лекаря или кому-то другому поручить организацию передвижных госпиталей. Его должность была высокой и прибыльной; не хотелось ее терять.

— Я полагаю, что могу сам заняться этим благим и нужным делом, — ответил врач и не только не выдвинул возражений, но даже принялся уверять, что затея эта вполне осуществима: — Несколько запасных тенгов, легкие повозки для инструментов, лекарств и носилок, десяток крепких молодцов, которые будут при носилках и сохранят хладнокровие под огнем... Ваше высочество, солдаты будут молиться за вас!

Пока Изабелла управляла государством сама, без Фердинанда, не получая даже весточек от него, в мире решили, что королева Кастилии рождена быть воином. Но как-то раз, беседуя с Беатрис де Бобадильей о том,

как проложить в горах дорогу для перевозки тяжелых пушек, она запнулась на середине фразы и сказала: «Он даже не попросил меня не ездить верхом. Раньше он всегда просил». Затем она продолжила и довела до конца идею о горной дороге.

ГЛАВА 28

Из Тарасоны, где он созывал арагонские кортесы, Фердинанд наконец написал письмо Изабелле и послал Франсиско де Вальдеса, как самого подходящего для роли гонца, доставить письмо королеве. Она всегда выделяла Вальдеса среди других, еще с тех пор, как помогла юному пажу скрыться за границу от гнева и неестественной привязанности Энрике. Письмо Фердинанда было тонкой смесью дипломатии и домашних дел. Хотя письмо было адресовано ей и начиналось со слов «*mi señora*», оно явно было предназначено не только Изабелле, но и всем ее военачальникам.

Фердинанд признался, что испытывает некоторые затруднения со своими кортесами: они наотрез отказались дать королю средства на войну с французами. «Но я не сомневаюсь, что, если бы здесь была ты и если бы ты обратилась к ним, как было однажды в прошлом, ты могла бы заставить их изменить решение и сделать возможным предприятие, которое я считаю столь важным для интересов обоих наших королевств». Фердинанд писал, что если она не может приехать, то пусть напишет послание, которое он мог бы зачитать арагонцам, «дабы показать, что наши помыслы и сердца едины, что печемся мы о великой и объединенной Испании». Это очень помогло бы ему. Военачальники убе-

дятся, что сражаются против Франции за правое дело, и кортесы не смогут отказать в требуемой сумме. «Спешу заверить, — писал он, — что нет нужды в выплате этих денег, достаточно того, что мои вассалы возьмут свой отказ обратно». Он предлагал парламентский маневр. Запрашивая деньги у кортесов, писал Фердинанд, достаточно будет дать им понять, что необязательно выплачивать эти деньги; ему нужно всего лишь доказательство преданности кортесов Арагона.

Изабелла вздохнула. Это не способ убедить кастильцев. Так можно только разгневать ее кортесы, поскольку они давно поставили свою гордость на коммерческую основу и не бросаются обещаниями в ответ на пустые жесты. «Он никогда не поймет кастильцев, — думала она, — и, может, потому, что я сама кастильская дама до кончиков ногтей, он никогда не поймет меня».

Она тщательно следила за своим здоровьем все время с отъезда Фердинанда. Каждый день она по несколько часов отдыхала, а когда приходилось путешествовать, она ездила в носилках. Королева приняла гонца Фердинанда в гостиной собственных апартаментов; она сидела в широком кресле, под ногами лежала подушечка, а на коленях — бархатная шаль, поскольку погода стояла холодная. Рядом находились кардинал Мендоса, Беатрис де Бобадилья и несколько слуг. Прочитав письмо, она отослала слуг.

- Как здоровье короля, дон Франсиско?
- Его высочество пребывает в добром здравии.
- Он румян? Настроение бодрое ли? Он охотится?
- Он проводит много времени в седле, и у него хороший цвет лица. Но постоянное присутствие в кортесах не оставляло времени на охоту.

— Хороший ли у него аппетит?

— Лучше, чем когда бы то ни было, — ответил Вальдес, не рискнув сказать правду.

— Спокоен ли он в мыслях своих?

— Трудно сказать, ваше высочество. Все его помыслы заняты планами нападения на французов.

— Он все еще играет в шахматы в минуты досуга?

— О да, ваше высочество.

— Он так много работает. И тем не менее находит время для отдыха. Он всегда один?

— Уверяю ваше высочество, что король не одинок.

Беатриса де Бобадилья метнула на Вальдеса тревожный взгляд. Гонец безмятежно улыбался. Кардинал Мендоса нахмурился. Но Изабелла оставалась спокойной.

— Я бы не хотела, чтобы он оставался один, — сказала она. Это говорило ее собственное одиночество.

Вальдес погасил свою улыбку и поспешил добавить:

— Я очень часто играю в шахматы с его высочеством, как и многие другие из его свиты.

— Славный юноша! — одобрительно проворчал кардинал Мендоса.

Беатрис промолвила:

— Почти все сейчас играют в шахматы. Даже я начала учиться этой игре, хотя она требует изрядного умственного напряжения.

Внезапно Изабелле показалось, что ее придворные друзья слишком уж рьяно обсуждают пользу игры в шахматы.

— Мы немедленно составим ответ королю, — сказала она Вальдесу.

Тот понял, что его отпускают, поклонился и пошел

к двери. Когда он вышел, Изабелла повернулась к де Бобадилье:

— Постарайся научиться играть хорошо, чтобы король по возвращении выбрал своим партнером тебя!

— Постараюсь, — пообещала Беатрис.

— Я тоже иногда люблю отдохнуть за доской, — сказал кардинал Мендоса. И все же он продолжал доказывать, что шахматы — не более чем безобидное развлечение. Впрочем, трудился он напрасно: Беатрис знала, что Изабелла тоже заметила самодовольную ухмылочку Франсиско де Вальдеса и поняла ее значение. Очевидно, король Фердинанд действительно не был одинок в Арагоне.

Зная, что письмо предназначено ее военному совету, Изабелла отдала его своим полководцам без комментариев. Они яростно протестовали против любого участия Кастилии во французской аванюре Фердинанда и умоляли ее не созывать кортесов для обсуждения плана Фердинанда, ибо очевидно было, что король намерен присвоить деньги и возвращать их не собирается. Эта скользкая тактика возмутила их до последней степени.

Изабелла написала ему ответное письмо. Она постаралась смягчить их отказ, но недвусмысленно сообщила, что кастильцы не намерены заниматься ничем, что может отвлечь их от войны с маврами. Фердинанд снова погрузился в молчание. На письмо Изабеллы он не ответил. Он оставил ее, будучи в гневе, и пребывал в этом состоянии долго. В декабре, когда родился их ребенок, он все еще был в Арагоне, боролся со своими кортесами, которые по-прежнему отказывались финансировать французскую кампанию. Они говорили, что на границе много лет все было тихо и мирно, и они

предпочитают, чтобы так шло и дальше. О том, что кортесы упрямо отказывают своему королю в деньгах, разумеется, было известно всем. Изабелла тоже слышала об этом, и, хотя она была согласна с решением кортесов, вздыхала по поводу унижения, которое, как она знала, испытывал Фердинанд.

Однако до ушей Беатрис де Бобадильи дошли слухи, которые Изабелле были неизвестны. Фердинанд отвлекался от мыслей о своих невзгодах в объятиях какой-то девки из Барселоны, которая танцевала соблазнительную каталанскую пляску в наряде, состоявшем, как поговаривали, в основном из колокольчиков на щиколотках, розы во рту и пары кастаньет.

— Грязные сплетни! — сурово отрезала Беатрис и пригрозила фрейлинам Изабеллы, что, если кто-то из них шепнет об этом хоть словечко королеве, она, Беатрис де Бобадилья, маркиза де Мойя, лично позаботится о том, чтобы сплетница во что бы то ни стало лишилась места при дворе. Они знали, что Беатрис способна на это. Поэтому фрейлины держали язычок за зубами.

— Но я уверена, что это чистая правда! — говорила Беатрис мужу.

— Людям рот не заткнешь! — усмехнулся маркиз. — Я об этом тоже слышал.

Беатрис тряхнула своей изящной головкой.

— Они не проболтаются! Вы, мужчины, всегда стоите друг за друга. Я боюсь только женщин.

— Знаешь, Беатрис, из тебя тоже вышла бы неплохая королева.

— И чтобы мужем у меня был такой король, как Фердинанд? Нет, Андрес, спасибо!

— Ну, не совсем такой, я надеюсь, — сказал маркиз. — Но путать «короля» и «мужа» несправедливо.

Король он совсем неплохой. В дипломатии он прямо-таки творит чудеса. Вспомни хотя бы договор с Абдаллой!

— Но муж из него просто отвратительный, а одно от другого неотделимо!

— Ты могла бы попробовать...

— А королева не может.

— Это потому, что она женщина.

— О Господи! А что, королева может быть мужчиной?

— Болтушка ты, Беатрис! — рассмеялся маркиз. — Но ты правильно сделала, что подавила эти слухи. На самом деле, может быть, это и неправда.

— Хочешь пари на новое платье?

— Хм-м... нет. Нет, пожалуй, не стоит.

— Тогда я себе его куплю. Ты уже проиграл.

Когда Изабелла наконец нашла в себе силы и мужество, она написала Фердинанду, что их очередной ребенок действительно оказался девочкой, «но она очень милая и славная, и в один прекрасный день, как и ее сестры, вступит в брак, который окажется выгоден Испании». Новую инфанту окрестили Каталиной. Фердинанд ответил, что он уже слышал эту новость, и просит прощения, что не поздравил ее раньше. Он оправдывался тем, что день и ночь занимается арагонскими делами. «День и ночь» было неудачное выражение. Изабелла расплакалась. «Впрочем, — сказала она себе, — меня должно утешить то, что Фердинанд никогда не употребил бы это выражение, если бы его можно было бы истолковать в непристойном смысле».

Она написала ему, что ужасно хочет увидеть его снова и что, если дела задержат его в Арагоне еще долго, она сама намеревается приехать к нему, как

только врачи позволят ей путешествовать. «Роды прошли легко, — писала она, — но врачи ужасно беспокоились из-за всяческих мелких симптомов, совершенно пустяковых, словно никогда не видели, как женщина рождает».

«Я дивлюсь перемене твоих мыслей, — ответил Фердинанд, — ибо могу расценивать твое обещание приехать только как предложение обратиться к арагонским кортесам по поводу моих планов войны с Францией. Но слишком поздно, *mi senora*; я побежден, и тебе не стоит присоединяться ко мне в моем падении. Поэтому оставайся дома и делай все, как велят тебе врачи — до меня дошли слухи, что роды были довольно тяжелыми. Ты напрасно скрyla это от меня».

— Король скоро вернется! — радостно сказала Изабелла Беатрис. — Он этого не говорит, но я это знаю!

Она чувствовала, что душой он уже здесь, а это для нее было главным.

— Мой муж говорит, что я все еще плохо играю в шахматы, — ответила Беатрис, — но я чувствую, что с каждым днем у меня получается все лучше и лучше.

Она все время держалась настороже, выслушивая сплетни о короле, но после рождения Каталины все слухи внезапно прекратились. Молниеносные романы Фердинанда никогда не затягивались.

— Думаю, в шахматах нет необходимости, — ответила Изабелла. — Я напрасно ревновала, и теперь мне стыдно, что я могла так плохо думать о нем.

— Да, ваше высочество, — послушно ответила Беатрис.

Изабелла улыбнулась.

— Ты меня не обманешь, Беатрис. Знаешь, почему я уверена, что ревновала напрасно?

— Честно говоря, понятия не имею.

— Он на самом деле верит, что я собиралась приехать в Арагон ради того, чтобы помочь его планам! Он явно не думает ни о чем, кроме политики, и все это время только ею и занимался.

Беатрис кивнула и улыбнулась, старательно делая вид, что верит словам королевы. И ей это удалось, поскольку королева так отчаянно верила этому сама.

Еще не оправившись после болезни, Изабелла созвала военный совет и вместе с ним замыслила нанести мощный удар по маврам. Задумано было ни больше ни меньше, как бросить вызов всему царству неверных: кастильцы должны были напасть на морской порт Малагу, резиденцию Абу-ль Хасана. Кастильский флот заранее оцепил Малагу с моря, парализовав сообщение по морю, так что продукты и припасы приходилось доставлять туда нелегкими сухопутными дорогами. Маркиз Кадисский поначалу колебался, указывая на то, что эта морская осада заранее выдает их планы и лишает их того преимущества, которым обладает внезапное нападение.

— Не будем рассчитывать на внезапность, — возразила Изабелла. — Пусть мавры видят нашу железную решимость! Пусть все грандиозные приготовления производятся у них на глазах! Пусть привыкнут верить, что любой город, осажденный нами, обречен, ибо, встав под стенами, мы не обратимся вспять, пока они не будут разбиты, или же пока голод не принудит их пасть на колени.

Это была война на износ, война беспощадных осад, война до победного конца, о которой всегда мечтала Изабелла. Ее целью было окончательно стереть Гранаду с лица земли. В отсутствие Фердинанда она разра-

ботала грандиозную стратегию этой кампании, и осада Малаги была лишь началом. Величие ее замысла вдохновило полководцев; ее абсолютная уверенность в успехе передавалась им и влекла их вперед. Великий адмирал, пожилой и глубоко религиозный человек, который еще помнил Жанну д'Арк, временами задумывался, какой ангел коснулся ее своим крылом, и молил Бога, которому было угодно дважды в одно столетие ниспослать христианскому миру женщин, которые превосходили своей отвагой любых воинов, чтобы он не допустил ей попасть в руки мавров, которые, несомненно, обошлись бы с ней куда более жестоко, чем англичане с Жанной*.

Маркиз де Кадис, боясь, что его первоначальные колебания могут запятнать его честь, просил дозволить ему встать во главе войск, осаждающих Малагу.

— Скоро вернется король, — ответила Изабелла. — Он и поведет всех нас.

А тем временем она начала вставать с постели, сменив ее сперва на кресло, потом на носилки, потом на мула и, наконец, на боевого коня. Вскоре она уже снова разъезжала по войскам в доспехах, набирая новобранцев, проверяя, ободряя, поощряя и приобретая припасы в невиданных прежде количествах. Цена была высока. Но это была цена ее высокой мечты. Она ездила так быстро, что ее свита утомилась, не поспевая за ней. Она неожиданно объявлялась в дальних городах, отказываясь от этикета и церемоний ради того, чтобы посетить как можно больше мест, проповедуя свой крестовый поход. И всюду, где она появлялась, местные жители сбегались на рынки и соборные площади, чтобы послушать ее. И уезжая, она оставляла им свою мечту о завоеваниях. Ибо люди не могли забыть свою

королеву, облаченную в доспехи, верхом на белоснежном скакуне, королеву с зелеными глазами, сияющими верой в правоту дела, с волосами, огнем полыхающими на солнце, королеву, призывающую их на бой голосом, подобным победным фанфарам.

Фердинанд прослышал об этом и с отвращением распустил свои арагонские кортесы. Он возвращался в Кастилию, обескураженный, оскорбленный своими советниками, мучаясь угрызениями совести и с жадной проявить себя и отличиться.

Но внешне он был спокоен.

— Я испытаю твой способ вести войну, — сказал он.

— На Малаге?

— Да, и скоро.

Но когда Изабелла показала ему новорожденную дочь, лицо его помрачнело.

— Если Бог посылает девочку, тут уж ничего не поделаешь, — набравшись мужества, сказала Изабелла.

— Да, я успел в этом убедиться, — сказал Фердинанд тихо, как мог бы сказать любой другой мужчина, не отец ребенка; но потом он повторил эти слова громче, и голос его трепетал от непонятого чувства, так что Изабелле стало страшно. — Ах, черт побери, черт побери, черт побери, как хорошо я успел в этом убедиться!

— В чем дело, Фердинанд?

Внезапно он схватил обе ее руки и принялся целовать их снова и снова, а потом крепко прижал их к своим щекам.

— Фердинанд, в чем же дело?

— У меня было трудное время, — сказал он. Он снова сделался самим собой и по-прежнему владел своим голосом и выражением лица.

Руки королевы стали влажными там, где их касались его глаза и губы.

— Дорогой мой супруг, я никогда прежде не видела, чтобы ты плакал!

— Плакал? Я?

— Эти слезы... — она показала ему свои руки.

— Это не слезы, глупышка! Просто я так давно не целовал тебя, что, наверно, немного погорячился. Вот и все.

Это происшествие встревожило Изабеллу, но она никогда более не упоминала о нем; в душе Фердинанда были темные глубины, проникать в которые она не решалась, опасаясь обнаружить там нечто ужасное.

Отношение Фердинанда к войне с маврами было куда понятнее. Окинув взором великолепные результаты приготовлений к ней, король яростно ринулся в битву. Войска пылали рвением. Кастильцев было пятьдесят тысяч. Офицеры всегда восхищались своим королем. Он встал во главе войска и разрушительным смерчем пронесся по Гранаде до самых стен Малаги, разоряя все земли на своем пути.

«Я мог бы взять ее, если бы хотел, — писал он королеве, — но жаль было бы тратить такую подходящую погоду на долгую осаду — а осада Малаги потребует много времени, это тебе может сказать даже маркиз де Кадис». Изабелла не стала торопить его, радуясь его успеху.

Взявшись за настоящее дело, король воспрянул духом. Изабелла решила, что его странное поведение при виде их дочери никак не могло быть возмущением, ибо гонец привез с собой подарок для Каталины: мавританское лакомство — бусы из цветного прозрачного

сахара, сверкающие, как драгоценные камни, — красивая диковинка.

— Его высочество повелел мне передать вашему высочеству, — сказал гонец, — чтобы ваше высочество не давали ее светлости инфанте глотать нитку — она несъедобна.

Фердинанд один за другим захватил мощные города Иллору, Сетенил и Ронду и несколько городков поменьше. Не прошло и года, как сердце мавританского мира стало напоминать ткань, потраченную молью и испещренную дырами. И в каждой «дыре» стоял кастильский гарнизон. Все крепости были хорошо вооружены и хорошо снабжались. Прошло время, когда кастильцы нападали лишь на рубежи мавританских земель.

Один маленький мавританский городок, Бенамаквес, захваченный кастильцами, осмелился восстать. Восстание было предательством, ибо Фердинанд, как и любой другой феодал, захватывая город, прежде всего требовал от его жителей принести клятву верности. Он тотчас двинулся на Бенамаквес и обрушился на него, подобно буре. Он сровнял город с землей, принудив мавров своими руками срыть собственные дома и лавки. Потом подрыл стены, заложил мины и взорвал их вместе с трупами ста восьми человек, которых он велел повесить на стенах в назидание.

Сколь стремительны ни были победы Фердинанда, они заняли большую часть года: ведь даже небольшой городок требовалось взять, провести необходимые мероприятия и оставить там свой гарнизон, и на все это требовалось несколько дней; а таких городков было семьдесят. Фердинанд никогда не нападал на следующий город, не разобравшись с предыдущим: он прини-

мал присягу и облагал местных жителей налогом. Налоги были умеренные, иначе местные жители могли бы восстать, подобно Бенамаквесу. Умеренность короля проявлялась и в том, что он разрешал своим новым подданным сохранять мусульманские законы и религию. Так возникло странное сочетание Креста с Полумесяцем. Могло показаться, что Фердинанд проявил терпимость. Бывало, что в тот самый час, когда в христианских церквях звонили колокола, созывая к мессе, мусульманский муэдзин восходил на свой минарет, чтобы объявить час мусульманской молитвы. Но язык колокола сделан из железа, а язык человека — всего лишь из слабой плоти, и потому не было сомнения, что в конце концов колокола одержат верх.

Король гордился своими победами и мечтал о новых. Он одобрил способ ведения войны, предложенный королевой, и готов был продолжать войну даже зимой. Он говорил, что теперь намеревается двинуться на Лоху, город, который она просила захватить прежде Малаги. После первой попытки король был вынужден отступить с позором, но поклялся захватить его, даже если это будет стоить ему жизни. Король говорил, что успел убедиться в том, что способы ведения войны могут меняться. Поэтому он нарушил древний обычай прекращать военные действия с наступлением зимы.

Изабелла тоже была бы рада вести войну в любое время года. Но весна и жатва остаются весной и жатвой, и именно огромная армия, которая была причиной успехов короля, заставила его теперь остановиться: пятьдесят тысяч воинов, большая часть из которых — крестьяне, должны были вернуться к своим работам и весенней пахоте. Этого требовали и гранды, на чьих землях они трудились. Иначе страну постиг бы

голод. А гарнизоны семидесяти городов, которые поневоле приходилось оставить, и так вынуждены были нанести серьезный ущерб хозяйству Испании.

Фердинанд неохотно оставил поле битвы, где ему удалось завоевать славу и похоронить кое-какие воспоминания, тревожившие его совесть. Он вернулся в Кордову, к своей королеве. Он пылал желанием захватить Лоху и хотел, чтобы Изабелла разработала план, который позволил бы сделать это как можно лучше и быстрее.

И обнаружил, что Изабелла принимает у себя какого-то моряка-генуэзца, который носится с дикими и совершенно непрактичными планами, основанными на дурацком предположении, будто между востоком и западом нет никакой разницы.

ГЛАВА 29

Король Фердинанд слыл и был реалистом. Рожденный в семье мореплавателей, он многое знал о мореходном искусстве. Умел обращаться с компасом, древним восточным инструментом, который в упрощенной форме использовали китайцы, чтобы водить караваны в беспредельных песчаных пустынях Центральной Азии, так схожих с пустынями западных морей. Теперь усовершенствованную модель использовали на кораблях все европейские нации. Компас неоспоримо доказывал, что запад и восток — диаметрально противоположны, если кому-то не хватало здравого смысла понять это без помощи приборов. А этот обнищавший моряк, докучавший королеве, доказывал, что если все

время плыть на запад, то доберешься до Индии. Это заявление ошеломило Фердинанда, как если бы ему предложили ехать из Барселоны в Арагон через Лиссабон, что в Португалии.

Но он добродушно попустительствовал Изабелле. Она была всего лишь женщиной, выросшей в высокогорьях Старой Кастилии, вдалеке от моря, а потому ей можно было простить некоторое фантазерство. Раздражало его другое: она отказалась помочь своему мужу в борьбе с Францией, а сама подпала под чары этого иноземного путешественника, и притом до такой степени, что готова вот-вот раскошелиться на его сумасбродную идею. Кстати, он мог попросту прихватить эти деньги, и поминай как звали. Королей часто надувают подобные шарлатаны.

Впрочем, этого человека поддерживали такие высокопоставленные особы, как Беатрис де Бобадилья и кардинал Мендоса. Беатрис, как и все романтические натуры, была падка на увлекательные истории. Но в то, что кардинал Мендоса дал себя уговорить какому-то проходимцу, верилось слабо. Тут король припомнил, что в юности кардинал переводил «Одиссею» Гомера с греческого и «Энеиду» Вергилия с латыни. Пожалуй, в нем заговорила прежняя любовь к стихам и прочей ерунде.

Фердинанд подавил свое раздражение, поскольку у него были причины избегать в это время размолвок с Изабеллой, особенно по такому пустяковому поводу. Он решил избавиться от итальянца-попрошайки, опозорив его. И постарался узнать о нем побольше.

Кто-то сказал, что его имя Колом, и Фердинанд насторожился. Недавно в Севилье сожгли еретика-еврея по имени Колом. Но вскоре выяснилось, что этот

Колом — не еврей. Родители его происходили из генуэзских буржуа среднего класса, были добрыми христианами и были слишком бедны и заняты своим ремеслом красильщиков шерсти, чтобы выказывать свое благочестие. Имя «Колом» — это просто неудачное произношение его итальянского имени. Еще его называли Колумо или Коломбо. При дворе многие звали его Кристобалем Колоном. В письмах же этот мужлан именовал себя по-латыни Христофором Колумбом, как будто являлся фигурой международной значимости.

Он был так же высок, как и Фердинанд, с крупной головой, чисто выбритым подбородком и высоко вздернутыми бровями. Голос у него был глубокий. Держался он очень непринужденно, что плохо вязалось с изношенным плащом и залатанными туфлями. Когда он говорил по-кастильски, слушать его без смеха было невозможно. Но его итальянский был выше всяких похвал, лучше, чем у простого моряка. Он заявлял, что получил образование в университете Павии. Выглядел он чуть моложе сорока.

С ним был шестилетний мальчик, которого он называл своим сыном. Фердинанд сразу же заинтересовался, но ничего дурного не обнаружил. Колумб был вдовцом, это был его законнорожденный ребенок, плод брака с одной португальской дамой, небогатой, хотя и знатного рода — Филиппой Монис де Перестрельо. «По крайней мере, теперь понятно, откуда у него такие амбиции, — ворчал Фердинанд себе под нос. — У них вся семья помешанная». Жена Колумба была дочерью капитана Бартоломео Перестрельо, который из простого штурмана дослужился при дворе Энрике до губернатора недавно открытого острова Мадейра, расположенного далеко в Западном океане. Конечно, не так

далеко, как другие острова, принадлежащие Португалии, вроде Азорских; но все деловые люди знают, что Азоры лежат на краю света и там нет больше ничего, кроме туманов, водоворотов, морских чудищ и верной гибели.

Колумб не производил впечатления делового человека, потому что не боялся всего этого. Он побывал на Азорах и нашел, что океан там ничем не отличается от обычного. Еще он работал на укреплениях Сан-Хорхе ла Мина в португальской части Африки; и там тоже не нашел ничего особенного. Та же картина ждала его в восточных водах, где он побывал на греческом острове Хиос и видел оттуда горы Турции. Он плывал и в Англию. Этому Фердинанд поверил, поскольку, невзирая на расстояния, Англия была хорошо известна; а еще в Исландию, что было уж совсем невероятно. Именно в Исландии, сказал Колумб, он слышал старинные легенды о викингах, которые плыли несколько дней на запад и нашли неизвестную землю. Это наверняка была Азия. Выходит, в Азию можно попасть, если плыть все время на запад вокруг земного шара!

«И впрямь легенды!» — подумал Фердинанд.

На суше Колумб зарабатывал себе на жизнь тем, что рисовал обычные и навигационные карты для капитанов кораблей. Фердинанд видел некоторые из них и был вынужден признать, что исполнены карты точно (насколько он сам мог опознать изображенное место) и искусно. Чертежи были великолепны. «Художник и мореплаватель? — улыбнулся король. — Неудивительно, что он понравился Изабелле». Но мореплавание даже больше, чем политика или война, остается уделом не художников, а людей практичных.

Шпионы Фердинанда выяснили то, что этот моряк

пытался скрыть от королевы. Изабелла и Фердинанд были не первыми монархами, которым он поверял свою идею. Вначале он пришел к королю Португалии Жоао. Король Жоао отказался, поскольку требования Колумба были такими же дерзкими, как и его мечта. Но король Португалии без ведома Колумба послал на запад корабль, чтобы проверить безумную теорию; путешествие это держалось в тайне. Колумб никакого отношения к нему не имел, поэтому в случае успеха не получил бы никакого вознаграждения. Но оно успеха не имело. За Азорскими островами океан почернел и угрожающе заволновался, матросы отказались продолжать плавание, и капитан, напуганный не меньше их, повернул обратно. Оказавшись в Лиссабоне, он написал королю, что добраться до сокровищ Индии, плывя на запад, невозможно и что он лучше обогнет южную оконечность Африки, если Африка имеет таковую. По крайней мере, Африка расположена на востоке, как и Индия. Король Жоао согласился с ним, король Фердинанд — тоже.

Вооруженный такими сведениями, Фердинанд пришел к Изабелле и рассказал все, что он разузнал о Колумбе.

— Даже если так, почему ты не выслушаешь его? — спросила королева.

— Я заинтересованная сторона, *mi senora*. Ведь если вы дадите денег ему, почему бы не дать и мне?

— Он просит совсем немного, Фердинанд.

— Для войны с маврами не следует жалеть ничего! Ты сама так говорила. Я не жалел даже себя.

— Да, мой дорогой. Но если он действительно достигнет берегов Индии, он заново откроет торговый

путь, который турки почти полностью перекрыли. Это путешествие тысячекратно окупит все расходы.

— Призыв к моей низменной торгашеской душе попал в цель, — улыбнулся Фердинанд. — Выстрел мастерский, но совершенно бесполезный. Его идею уже проверяли. И потерпели неудачу.

— Я полагаю, что это португальский капитан потерпел неудачу. Он струсил перед своей командой и перед морем. Колумб ничего не боится. Прошу тебя, выслушай его.

— Тебя увлекла его мечта.

— Я верю в него.

— А как же Лоха?

— В тебя я верю тоже. Ты покоришь Лоху.

— Я покорю Лоху; но мне бы не хотелось, чтобы ты растрачивала деньги и корабли у меня за спиной на химерические планы открытий. Я уважаю твою военную теорию, Изабелла; утоми их, измучь их голодом и смеги их с лица земли! Это действенная теория. Но, кроме всего прочего, мне нужна вся сила твоего духа, цельная, неделимая. Поскольку я до сих пор околдован тобой, как последний солдат.

Она смутилась. Она рассмеялась так, как не смеялась уже давно, и погрозила ему пальчиком:

— Подлиза!

— По крайней мере, не давай денег на путешествие, пока не выиграна война с Гранадой.

— Наверное, ты прав, — сказала она уже серьезно. — Гм, ты действительно прав. Но Колумб предложил прекрасную идею, он продает ее, и я полагаю, что мы ее купим.

— Когда наши солдаты пройдут триумфальным маршем по улицам Гранады и мы получим сокровища

Альгамбры*, я первый скажу, что мы покупаем не только идею, но даже самого Колумба. За хорошую цену.

— Какую же?

— Звание адмирала, титул дона, титул вице-короля и генерал-губернатора всех островов и континентов, которые он откроет в западных водах; десять процентов всех товаров и ценностей, которые поступят в будущем из этих земель, включая золото! И если этого покажется ему мало, то закрепим эти титулы и звания за ним пожизненно, с правом передачи по наследству.

— Дева Мария! От меня он не требовал ничего подобного.

— Еще потребует. Эти требования он выдвинул королю Португалии. Неудивительно, что кузен Жоао послал своих людей на проверку!

— Колумб не похож на человека, который отступит от того, что он взлелеял в своем сердце. — В голосе Изабеллы слышалась нотка сомнения.

— Ни от мечты, ни от награды, — заметил Фердинанд.

Изабелла рассмеялась.

— Меня всегда поражало, как ты тщательно вникаешь в любые, даже малейшие, подробности. Я узнаю обо всем только в последнюю минуту.

— Хм-м, — Фердинанд задумчиво потер подбородок. — Конечно, это чудесно, Изабелла, что ты не любишь шпионов. Это не очень разумно для королевы, но зато хорошо для женщины. Шпионаж — дело грязное.

— Конечно, мы должны дождаться окончания войны, а уж после воплощать в жизнь замыслы нашего бравого мореплавателя, — подытожила Изабелла.

Фердинанд победил; он избавился от настырного

попрошайки и мог позволить себе побыть великодушным.

— Конечно, если ты пожелаешь, а я всегда рад исполнить твою просьбу, я, пожалуй, поговорю с этим чудаком. Да, человек с такой верой в себя заслуживает того, чтобы его выслушали; но пока мы не можем ничего обещать. Лоха ближе, чем Индия, и путь к Лохе мне известен.

— Благослови тебя Бог, храни тебя Бог, Фердинанд. Только об этом и молю Господа.

— Я думаю, Он слышит твои молитвы, — ответил Фердинанд без тени непочтительности.

Король верил, что ее молитвы не пропадают втуне. За семьдесят сражений он не получил ни единой раны, не потерял ни капли крови.

— Молись за меня.

— Милый, ну конечно!

— Я знаю, что порой бываю невыносим. А может, и всегда таким буду. Наверное, я уже не изменюсь.

— Как и моя любовь, — тихо произнесла королева.

На него нахлынули странные чувства; самоуничтожение не было ему присуще, но она была рада, что он сказал это. Железный крест на шее потеплел, как будто тепло шло от самого сердца, а сердце ее пело.

Воскресным полднем, в минуту краткой передышки в грандиозных приготовлениях к осаде Лохи, Фердинанд сказал королеве, что сейчас самое время выслушать Колумба, если тот еще ждет приема.

— Или он уже уплыл на луну?

— Нет, их приютила Беатрис, его и мальчика. Сказала, что у них голодный вид.

— Беатрис — экстравагантная и сентиментальная дама. И всегда была такой. Маркиза де Мойя приютит

любую голодную тварь и накормит, чтобы посмотреть, как она будет вилять хвостом.

— Напротив, Колумб задрал нос и заявил, что они не нуждаются в милостыне. Он даже пригрозил, что поедет во Францию и расскажет свой план королю.

— Превосходная идея! Я пожалею ему мула.

— Я бы не подписала разрешение, — улыбнулась Изабелла.

Для путешественников верхом на муле недавно ввели специальные разрешения. Фердинанд и Изабелла изъяли у испанцев всех мулов на нужды войны.

— Вряд ли ты пожалеешь ему коня, — сказала она.

— Конечно, нет, — отозвался король. — Кто кормит нищего, который отказывается принимать милостыню? Ты? Возможно.

— Нет, Беатрис пощадила его гордость...

— Боже мой! Теперь мы щадим его гордость!

— ...и наняла его учителем шахматной игры. Бедняжка Беатрис все еще надеется научиться хорошо играть.

Фердинанд рассмеялся. Он сыграл пару партий с маркизой и потому был далек от вежливого ответа:

— Колумб нашел постоянный заработок.

— Она говорит, что он чародей.

— Посмотрим.

— Королю не пристало сидеть за шахматами с простым моряком! — с легкой тревогой отозвалась Изабелла.

Фердинанд пожал плечами и улыбнулся:

— Хорошо, хорошо. Удивительно, как в тебе сочетаются стальная гордость и нежное сердце.

— Но это невозможно, Фердинанд!

— Человек, который хорошо играет в шахматы, не

может быть простым мошенником, — задумчиво произнес Фердинанд.

Изабелла изумленно посмотрела на мужа:

— Я тоже об этом подумала.

Она велела передать Беатрис, что король и королева примут Колумба немедленно. Обрадованная и взволнованная Беатрис бросилась к сундуку и извлекла оттуда богатый бархатный плащ, принадлежавший ее мужу.

— Вы идете к королеве! — воскликнула она. — Ради всего святого, постарайтесь произвести хорошее впечатление.

Он поблагодарил, но отказался.

— Однажды я предстану не просто перед королевой, а перед Господом Богом, — сказал он, — и главное будет, кто я, а не во что я одет.

— Сам король, Великий адмирал, кардинал — все будут там.

— Я рад, что могу рассказать о моем предложении стольким достойным личностям, — ответил Колумб и отправился как был — оборванный и в то же время величественный.

Фердинанду как королю случалось присутствовать на многих заседаниях, быть судьей во многих судебных разбирательствах. Он привык к красивым речам. Сам великолепный оратор, он питал слабость к мастерам слова. Колумб был лучшим из всех, кого королю доводилось слышать.

Колумб не стал приводить доказательства того, что Земля круглая. Многие образованные люди знали это. Королеве это поведал фра Томас, когда в детстве она училась у него. Фердинанд верил в это наполовину. Колумб начал объяснять, почему его план хорош и вы-

полним. Держался он открыто; его глубокий голос звенел искренним вдохновением; ни у кого не возникло сомнений в том, что он страстно верит в свою мечту, верит самозабвенно, неистово. Но представлял свой план он вполне реалистично. В эту минуту он походил на искушенного судью, перед которым схлестнулись несколько различных интересов, притом надо было учесть каждый.

Королеве и кардиналу он развернул картину дальнейшего распространения Слова Божьего. Индия населена ордами несчастных язычников, которые никогда не слышали о Боге. Но когда он, Колумб, проложит путь, целые флотилии ринутся по новому маршруту. Путешествие, которое сегодня кажется невероятным, станет обычным. За исследователем потянутся миссионеры, чтобы пробудить дремлющие души и направить их по истинному пути христианства.

«Хорошо начал», — подумал Фердинанд, глядя, как хрустальные глаза королевы полыхнули зеленым огнем, а кардинал Мендоса закивал головой в знак одобрения.

Королю, до этого безучастно внимавшему его речам, Колумб нарисовал волнующую картину процветающей торговли. Старые маршруты закрыты: путь через Красное море, путь через Персидский залив, даже караванный путь через Трапезунд. Повсюду, на суше и на море, христианских купцов поджидают кровожадные турки, взимающие такую непомерную дань, что другого выбора не остается, как поворачивать обратно. Но он, Колумб, покажет новый путь, который позволит избежать подобной опасности: плыть на запад. Огибая земной шар, добраться до Индии с обратной стороны.

— Действительно, — сказал король, — сообразительный торговец направляется вокруг дома к задней двери, если парадная окажется запертой. Но в нашем случае дом слишком велик.

Не слишком, отвечал Колумб. Земля относительно невелика; меньше, чем принято считать. Азорские острова расположены недалеко от Азии. Этому есть доказательства. Лоцман Мартин Винсент из Португалии попал в шторм, который отнес его на четыреста лиг от Лиссабона, и там (в этом месте Атлантический океан не страшнее, чем обычно) Винсент выловил из воды обломок странного дерева, покрытого резьбой, которую не знают в Европе. Другой португальский лоцман, Педро Корреа, свояк Колумба, нашел необычный предмет, который Колумб видел собственными глазами. В Порто Санто на Мадейре Корреа обнаружил в воде палку из бамбука, чрезвычайно большого диаметра. Она была обработана человеческими руками и, вероятно, предназначалась для хранения жидкостей. В нее входила кварта вина. Бамбук такой толщины растет только в Азии. Европа и Азия расположены не очень далеко друг от друга.

— И бамбук был целый? — спросил король. — Может, он носился по волнам многие годы?

Колумб ждал этого вопроса.

— Конечно, это возможно, государь, хотя я видел его сам и он казался недавно срезанным. Но были найдены и другие предметы, портящиеся быстрее. Они убеждали глаза в истинности явления не меньше, чем слова апостолов. Ведь человеческие тела не могут долго пребывать в воде, когда дух покинул их. А на Азорах, во Флоресе, как поведал Колумб, нашли выбро-

шенные прибоем мертвые тела двух мужчин. Это не были тела моряков, погибших при кораблекрушении.

— Поскольку были они широколицы, с прямыми волосами и отличались от христиан цветом кожи. Нашедшие говорили, что они похожи на азиатов.

Понятно, что мертвые тела недолго будут носиться по морю, прежде чем сгниют и пойдут на дно.

Чтобы заинтересовать Великого адмирала, Колумб напомнил о недавних новшествах в кораблестроении, которые позволили предпринимать длительные путешествия. Раньше корабли оснащали одной мачтой, которая несла один большой прямоугольный парус или один косой треугольный парус. Потому одни корабли предназначались для того, чтобы ходить по ветру, а другие — против ветра; ни один корабль не мог совместить и то и другое. Десять столетий кораблестроители бились над трудной задачей. И вот в мгновение ока все изменилось. В кораблестроении произошел переворот. Корабли обрели новые, прекрасные, неожиданные формы. Тысячелетняя задача была решена как раз тогда, когда христианскому миру было так нужно это решение. Были совмещены два вида парусов. Большой прямой парус и большой косой разделили на несколько частей и поместили на разные мачты. Управляются эти маленькие паруса отдельно, при сильном ветре их сворачивают, а в тихую погоду разворачивают, чтобы поймать даже малейшее дуновение ветра. Теперь один корабль может ходить как по ветру, так и против него. Что же до гребцов на веслах, потребность в них отпала сама собой. Бог дал человеку неистощимую силу ветра и научил управлять ею.

— Я твердо знаю, — закончил Колумб, — что та же божественная мудрость, что вела нас на восток, невзи-

рая на угрозу Турции, теперь призывает взглянуть на запад, для испытания твердости нашего духа, для спасения неисчислимых душ заблудших, для возмещения убытков наших в торговых делах, ибо Он говорит нам в Святом Писании, что не пошлет нам испытаний больших, чем мы в силах снести, и укажет путь к спасению, чтобы мы могли выстоять в испытаниях. И невозможно объяснить возрождение кораблестроения какими-то иными причинами.

Так, одного за другим, Колумб убедил всех, кроме короля. Фердинанд понимал, что они согласны. Он был искусственным политиком. Одиночка всегда проигрывает против мнения большинства.

— Мы с королевой поражены изложенными вами предложениями, — изрек он. — Они сулят большие, как духовные, так и материальные, выгоды. Но необходимо тщательно все выверить.

Он пообещал назначить специальную комиссию для проверки.

Колумб удалился, чтобы снова ждать и надеяться.

Шли месяцы. Наконец комиссия дала неблагоприятный ответ.

Колумб исчез.

ГЛАВА 30

Теперь на пути Фердинанда не было даже мелких неурядиц. Он снова выступил против Лохи, исполняя клятву, данную в черный час стыда и поражения, в час его первой попытки. Фердинанд всегда добивался своего.

На этот раз он хорошо подготовился. Большие

пушки Изабеллы и неисчислимые припасы, ее военные дороги и воодушевление ее военачальников, помноженные на страстное желание самого Фердинанда отомстить, заранее обрекли город на гибель. Бешеным пушечным огнем был разрушен центр города. Пушечные ядра разбивали стены, разнося каменную кладку; защитники крепости падали, как колосья под серпом. В ночи раскаленные ядра христианских пушек светились багрянцем. Горящие снаряды метались в ночном небе и обрушивались на город железным градом, их свистящий вой походил на смертный крик. Пылали дома.

Через неделю Лоха сдалась, но не прежде чем Фердинанд полностью удовлетворил свое самолюбие. Импульсивный маркиз де Кадис неосторожно дал себя окружить. Фердинанд направил в общую схватку самых лучших рыцарей и спас его. Кадис был вне себя от благодарности.

— За мной был долг, а я не люблю долгов, — сказал Фердинанд. — Граф де Эскалас, сеньор Стантум и многие другие тоже заслуживают благодарности.

Англичане не узнали бы под именем «граф де Эскалас» своего лорда Скелса, как и ирландцы в «сеньоре Стантуме» — Хьюберта Стонтонна. Но многие высокородные иностранцы рвались в войско Изабеллы, чтобы завоевать славу и деньги в войне с маврами, особенно теперь, когда победа казалась так близка.

В Лохе Фердинанд оставил Гонсальво де Кордову для командования поверженным городом. И Кордова и маркиз де Кадис говорили на языке мавров, как и многие благородные уроженцы Андалузии, но Кордова отличался большей дипломатичностью и лучше соответствовал должности правителя мавров.

Из Лохи король двинулся на Моклин. Когда заговорили две тысячи пушек, каменная пыль взметнулась над стенами, как дым. Казалось, будто камни горят.

Фердинанд пребывал в хорошем настроении. Он писал королеве: «Мавры называли Лоху «правым оком Гранады». Моклин они зовут «щитом». Я ослепил око. Приезжай же, чтобы увидеть, как разлетится вдребезги щит вражеской столицы. Твое присутствие всегда воодушевляет войска не меньше, чем оно воодушевляет меня.

Твой Фердинанд».

Изабелла чувствовала, что нужна мужу. Он уже долгое время находился в походе, командовал армией. Прошла еще одна весна. Пятьдесят тысяч крестьян, которых забрали в солдаты, страстно желали побросать копья и взяться за рукоятки плугов и снова ощутить запах свежеспаханной земли, а не пороховую гарь. Да, правда, они гордились своими победами, но война шла беспрестанно, и каждый наступающий год всегда приносил с собой новые победы. А тем временем их жены и дети оставались одни, а земля приходила в запустение. Солдаты хотели домой, чтобы обеспечить своих близких пропитанием.

Она отправила ответ:

«Конечно, я приеду. Но достаточно ли хорошо расположены твои войска, чтобы можно было не опасаться неожиданностей? Настороже ли аванпосты? Не может ли лагерь подвергнуться внезапному нападению мавров?»

Это было необычно со стороны Изабеллы — задавать подобные вопросы. «Дорогая моя, — ответил Фердинанд, — я надежно сдерживаю мавров. Не бойся ни-

чего. Ты будешь в такой же безопасности, как и в Вальядолиде. Приезжай».

После этого Изабелла удивила мужа. Она удивила всех. Она приехала, и приехала не одна. Она взяла с собой двух царственных детей. Инфанта Изабелла ехала рядом с матерью на рослом белом коне, точно таком же, как конь самой королевы. Поводья были из малинового атласа, дамские седла сверкали золотой и серебряной отделкой. Сейчас был неподходящий момент для того, чтобы показываться на людях закованными в сталь. Обе Изабеллы были одеты в пышные зеленые бархатные платья с нижними юбками из шуршащей алой парчи и в женственные черные шляпки, отделанные жемчугом и вышитые золотом.

За ними на пони ехал юный инфант Хуан; на нем были ярко-желтые замшевые штаны и короткий черный плащ. Инфант был слишком молод, чтобы носить шпоры и меч, но его рука твердо лежала на рукояти украшенного драгоценными камнями кинжала, который висел на поясе. Инфант хмурился так яростно, словно въезжал в Моклин. Рядом с ним ехал кардинал Мендоса — на муле, чтобы не слишком возвышаться над инфантом. Когда кардинал смотрел на спокойное лицо юноши, в глазах его появлялся блеск.

— Терпение, ваше высочество. В следующем году или, возможно, еще через год вы тоже сможете сражаться с маврами.

За кардиналом шествовала группа босых монахов в рясах. Монахи шли по двое и несли над головами огромный серебряный крест, сверкавший на наконечнике позолоченного копья. Крест был привезен из Рима. Папа подарил его Фердинанду и Изабелле, благословляя их на крестовый поход. С основания креста свиса-

ли обрывки цепи, в которую когда-то был закован пленный христианин в мавританской тюрьме.

На следующий день король и королева, сопровождаемые детьми, провели смотр войскам. Смотр проходил на залитой солнцем равнине перед Моклином, на виду у мавров, которые бесновались и завывали на стенах. Отряд за отрядом проходили мимо королевской четы и склоняли штандарты, салютуя Фердинанду и Изабелле. Лошади были вычищены до блеска. Оружие ярко сверкало на солнце. Теперь боевой дух войск был на высоте. Здесь, неподалеку от вражеского стана, королева и ее дети символизировали для солдат их семьи и ту Испанию, за которую они сражались.

Со стен Моклина яростно сверкали глазами мавры. Они ненавидели этот серебряный крест. Они ненавидели испанские знамена, так гордо реявшие вокруг королевы, — башни Кастилии, львов Леона и малиновые полосы Арагона, зловеще похожие на тюремную решетку. Они ненавидели это пятидесятитысячное войско. Но больше всего они ненавидели эту женщину в зеленом платье, находившуюся за пределами досягаемости их пушек, женщину, ради которой проводился этот грозный воинский смотр, — Изабеллу. Она воплощала в себе силу христиан так, как это не удавалось никому со времен Карла Великого. Она настолько презирала мавров, что даже не взглянула в сторону Моклина. Она была настолько уверена в победе, что привезла с собой своих детей. Ее гений привнес совершенно новые понятия в самую долгую за всю историю человечества войну. После семисот лет войны, которую вели испанцы против мавров, появилась эта невероятная женщина, презиравшая опасность и открыто заявившая о своем намерении перейти в наступление.

Мавры не были готовы к этому. Для них в этом было нечто сверхъестественное, подобное явлению ангела, или демона, или внушающей благоговейный страх безличной воле Аллаха, которую они называли словом «кысма» — предопределение, рок. Точно так же, как появление Изабеллы подняло дух ее армии, мавров оно заставило погрузиться в глубокое уныние.

Через день после того, как Изабелла с инфантами вернулась в Кордову, Фердинанд проложил себе путь в Моклин.

Теперь на очереди была Малага. Изабелла с самого начала войны стремилась захватить этот город. Чтобы добраться до Малаги, армии Изабеллы требовалось пройти от кастильской границы до Средиземного моря — то есть пересечь вражескую страну с севера на юг. Сперва Фердинанд называл план жены великолепной мечтой, но теперь многие города, находившиеся на пути к Малаге, уже были завоеваны. Их можно было использовать как опорные пункты во время похода, точно так же, как человеку, перебирающемуся через опасный поток, вереницу камней, по которым можно перебраться через реку. Теперь Фердинанд согласился с тем, что настало время захватить Малагу и тем самым рассечь Гранаду надвое. Но сперва король с королевой отвели армию в Кастилию (лишь часть войск была оставлена в захваченных городах), чтобы вырастить урожай. С каждым годом гарнизонов на отвоеванных землях становилось все больше, и это ложилось дополнительным бременем на всю Испанию. Грань между достатком и бедствием стала опасно тонкой, и лишь благоприятная погода помогала создать достаточные запасы денег и продовольствия. Новый неурожай мог

привести к таким зловещим последствиям, что об этом не хотелось и думать.

Между тем победы христиан над Гранадским эмиратом встревожили весь мусульманский мир. Земли исламского мира простирались от Турции до Танжера*, и его, как и христианский мир, раздирали внутренние разногласия. Танжер и Тунис спорили за господство над морем, Каир и Триполи ссорились из-за торговли, а тем временем Стамбул, могущественнейший из всех, гордо держался в стороне, предоставляя прочим продолжать грызню, а сам плел интриги ради упрочения своей власти. Но угроза, исходившая от испанской королевы, была столь велика, что мусульмане на время забыли о распрях. По всему Северному побережью Африки пронеслась весть о том, что Аллах послал бедствие, дабы испытать веру правоверных. «Лавайте же позабудем о нашей вражде, чтобы помешать этой красивой и наглой ведьме-гяурке уничтожить нас всех!» В Египте султан, чей священный лик был скрыт от взглядов простых смертных черной вуалью, торжественно провозгласил указ: «Да поднимется зеленое знамя пророка, на котором золотом написана тысяча имен Аллаха!» Крестовый поход Изабеллы породил встречный поход. Даже турки согласились помочь гранадским братьям-мусульманам и пообещали напасть на Мальту, жизненно важную для Фердинанда.

В Гранаде эмир Абдалла отрекся от присяги, которую он приносил Испании, и помирился со своим отцом. Его отец лежал на смертном одре — старый, немощный и измученный, — но он был счастлив наконец-то примириться с сыном. Понимая, что жизнь его идет к концу, и с решимостью фанатика желая воспрепятствовать захвату Малаги безжалостной христиан-

ской королевой, старый Абу Хасан отправил сыну нескольких мулов, нагруженных сокровищами, и длинную колонну закованных в цепи христианских пленников, посоветовав ни в коем случае не освобождать их. Перед смертью старик благословил Абдаллу, назвав его «блудным, но возлюбленным сыном чресел моих». Таким образом Гранадский эмират снова стал единым. Сердце Гранады укрепилось, и она опять была готова сражаться за свою жизнь.

Изабелла неумолимо сжимала морскую блокаду по побережью эмирата, сосредоточив основное внимание на Малаге. Фердинанд усилил кастильский флот, присоединив к нему корабли Арагона, поскольку теперь он был всецело покорен превосходной стратегией жены — окружить врага, выждать, взять его измором и разгромить. Когда урожай был собран, а новый — посеян, Фердинанд повел армию, численность которой увеличилась до шестидесяти тысяч человек, через Гранадский эмират, от одной крепости до другой, и там, где он проходил, оставалась полоса выжженной земли. Наконец Фердинанд вышел к побережью и окружил Малагу с суши. Одновременно с этим флот начал обстреливать Малагу с моря.

Малага была так прекрасна, что при взгляде на нее перехватывало дыхание. Ряды пальм дарили тень улицам. Огромные деревья, плотно увитые цветущими лозами, и заросли бамбука украшали парки и площади. Воздух был напоен ароматом, который в поэмах мавров с восточной цветистостью сравнивался с открытым флаконом мускуса. Теплое синее море, омывавшее берег, было чистым, словно драгоценный аметист, а испещрявшие его белые барашки волн были белыми, словно жемчужины в ушах райских гурий.

Но теперь этот прекрасный город выглядел мрачно и воинственно. Тщательно выращиваемые висячие сады, столетиями украшавшие стены, были безжалостно уничтожены, дабы они не послужили лестницами для атакующих врагов. Высоко взметнувшиеся каменные стены оцетинились пушками, приготовившись защищаться от орд христиан.

Фердинанд хитро улыбнулся. Существовал и другой способ преодолеть стены — вовсе не обязательно на них взбираться. Накопив достаточное количество людей, так же, как он копил деньги, Фердинанд написал жене: «Взятие Малаги будет несколько затруднено, а мне не хочется затягивать осаду. Пришли сюда тяжелые орудия. И пришли еще продовольствия — не обязательно хорошего качества, но чем больше, тем лучше. У меня есть на то особые причины. Не отказывайся, если только ты любишь Бога и меня!»

Изабелла прислала мужу пушки — семь тяжелых бомбард. Их низкий хриплый рев мгновенно узнавался среди бесконечной канонады. Сторожевые башни рассыпались горами обломков. От взрывов в крепостных стенах образовались зияющие бреши. Они становились все больше и в конце концов превратились в проломы, которые уже невозможно было заделать.

С продовольствием Изабелла рассталась куда менее охотно — ей очень не хотелось опустошать неприкосновенные запасы. Но все же она прислала Фердинанду несколько кораблей с зерном. Фердинанд успешно выгрузил зерно на берег вне досягаемости мавров, которые следили за этой операцией голодными глазами. Их запасы почти исчерпались. Цены на съестное взлетели на такую высоту, на какую могла поднять их лишь угроза голодной смерти. Фердинанд на это и рассчиты-

вал. Зерно было более смертоносным оружием, чем любые пушки, причем не только против Малаги, но и против всей Гранады.

На десятую неделю осады ослабевшие и изголодавшиеся жители Малаги подняли мятеж против правителя города. Они отправили к Фердинанду депутацию выборных горожан под белым флагом, чтобы узнать условия капитуляции. Фердинанд отказался принять эту депутацию. На вид они еще недостаточно наголодались и не совсем отчаялись. Они еще могли начать торговаться из-за условий.

Через несколько дней депутация вернулась снова, чтобы заявить, что жители города решили собрать стариков, женщин и детей в цитадели, поджечь город и выйти за стены, чтобы умереть в бою.

— Да, пожалуйста, — любезно сказал Фердинанд. — Хотя мне было бы жаль сжигать ваших беспомощных родичей. Я собирался накормить их так же, как и вас, как только вы сдадите город. Но вы, — Фердинанд пожал плечами, — решили по-своему.

Он угостил послов роскошным обедом и отправил их, страдающих от болей в ссохшихся желудках, обратно в Малагу. Едва депутация вошла в город, как залп семи тяжелых пушек изрешетил городские ворота.

Наконец послы вернулись — их вынудили к этому частично голод, частично обещанная вожделенная пища — и сказали, что город сдается на милость победителя, безо всяких условий.

Таким образом запасы, сделанные Изабеллой, превратились в оружие. Фердинанд наладил прямо в сдавшемся городе выпечку хлеба — пресного, по мавританскому обычаю, — и накормил изголодавшееся население. Среди мавров тут же распространился слух о том,

что суровый испанский король умеет быть милостивым к побежденным.

«Твое зерно, — написал Фердинанд Изабелле, — оказалось ценнее пороха!»

Судьба евреев, проживавших в Малаге, оказалась даже более благоприятной. Их проживавшие в Испании единоверцы, возглавляемые Абрахамом Старшим, главным раввином Кастилии и одним из наиболее доверенных министров Изабеллы, выкупили всех малагских евреев, и с этого момента они стали свободными, насколько это позволили испанские законы.

А вот судьба христиан-отступников была печальна. Двенадцать пленников, некогда попавших в Малагу, приняли ислам. Фердинанд приказал закопать их по шею в песок, и целый день, пока праздновалась победа, группы всадников упражнялись в меткости стрельбы. Они галопом проносились мимо и швыряли дротики в эти круглые и нелепые мишени, попадать в которые было почти так же трудно, как в дыни, но гораздо забавнее, потому что «дыни» кричали и дергались.

— Теперь ничто не мешает нам завоевать всю Гранаду! — ликовал Фердинанд.

— Ну так в чем же дело? — спросила Изабелла.

ГЛАВА 31

На самом деле помех было предостаточно. Среди малагских бедняков вспыхнул мор, выплеснулся за стены сдавшегося города и пошел гулять по южным провинциям. Люди умирали тысячами. Всю зиму над Андалузией бушевали свирепые бури. Реки вышли из берегов и затопили поля. Урожай погиб. Французы

принялись устраивать налеты на арагонскую границу. Пришлось отрывать войска от сражений с маврами, чтобы дать отпор этим набегам. Хуже всего было то, что в порту Триполи собирался турецкий флот, явно намереваясь напасть на владения Фердинанда — Мальту. Если Мальта падет, путь для вторжения в Италию снова будет открыт. Король с королевой отправились в Арагон, чтобы остановить новую угрозу с Востока. Крестовый поход против Гранады пришлось отложить.

Но это была всего лишь отсрочка. Инерция победы была сильна. Привычка к победе вошла в плоть и кровь нового поколения испанцев, которые уже забыли недобрые времена Энрике Бессильного.

Изабелла хорошо помнила эти времена. Порой воспоминания о них пробуждались против ее воли. Однажды вечером, когда Фердинанд трудился над кипой унылых отчетов, каждый из которых свидетельствовал о дефиците бюджета, и докладов, сообщающих об уменьшении запасов, он пришел к жене с небольшим листком бумаги, исписанным латынью, — какой-то слишком занятой секретарь не удосужился его перевести. Он устало протянул листок королеве.

— Дорогая, ты не могла бы прочесть, что тут написано?

Изабелла взглянула на листок, дважды прочла его, потом ледяным тоном произнесла:

— Мать настоятельница монастыря Святой Магдалины в Барселоне сообщает, что дочь короля, Мария, снова заболела крупом. — Она посмотрела на мужа. — Мария? Я не знаю никакой королевской дочери по имени Мария.

Фердинанд выругался и выхватил письмо из рук жены, потом медленно протянул его обратно.

— Это случилось три года назад, — сказал он сердито и в то же время виновато. — У меня были трудности с кортесами. Они отказывались поддержать меня в моей борьбе с французами. И ты тоже отказалась. Я оказался один против всех. Я был сердит и искал хоть какого-нибудь утешения. Но клянусь честью — это никогда больше не повторится! Умоляю тебя, Изабелла, поверь мне!

— Ты признал эту Марию?

— Да.

Изабелла вздохнула. Раз уж она не может переделывать Фердинанда, придется любить его таким, каков он есть.

— При крупе хорошо помогает луковый пластырь на грудь, — сдавленным голосом произнесла она. Помолчав, Изабелла добавила: — Ты хочешь, чтобы мои корабли помогли тебе с Мальтой?

— А ты дашь их мне? Прежде ты отказывалась помогать.

— Я отказывалась поддерживать твою борьбу против христиан, но не против турок.

— Мне в самом деле нужны корабли. Множество кораблей! Но не для Мальты. Нет необходимости защищать Мальту. — На лице Фердинанда появился отсвет какого-то грандиозного плана. — При помощи твоих кораблей я раздавлю турков в их африканском порту прежде, чем они оттуда отплывут! Чему я научился, Изабелла, так это поражать врага в самое сердце!

— Глубоко и хладнокровно? — пробормотала Изабелла.

— Что?

— Наноси удар по Африке, — сказала королева. — Ты совершенно прав.

Она выделила на это дело пятьдесят кораблей из числа тех, что все еще продолжали блокировать побережье Гранады. Эти корабли под командованием адмирала Кастилии, сына старого адмирала, который теперь отошел от дел, присоединились к флотилии Фердинанда и пересекли Средиземное море. В триполитском порту они прямо на рейде сожгли турецкий флот. Это была одна из самых славных побед христиан. Турки ушли обратно на восток. Мусульманский союз оказался расколот. Мальта была спасена. Италия — тоже.

В знак признания их непрерывных побед глава христианского мира пожаловал Фердинанду и Изабелле титул Их католических величеств, ставивший их выше всех западных королей, за исключением одного лишь короля Франции. За недолгое царствование Изабеллы, еще не достигшее своей вершины, Испания поднялась до положения сильнейшего государства Европы, и никто из людей не мог предвидеть конца ее могущества. Королева все еще была молода. И можно было надеяться, что взлет Испании никогда не окончится.

В войне с маврами наступил перерыв, а действия против турок развивались успешно, и тогда Фердинанд и Изабелла решили отправиться в паломничество к гробнице святого покровителя Испании. Они постились, чтобы разделить лишения со своими подданными, и молились о победе. То была уединенная гробница святого Иакова Компостелльского*, находившаяся на холодном побережье Атлантики, среди серых гранитных скал Галисии. Это угрюмое место как нельзя лучше подходило к мрачному настроению королевы и нынешним небезопасным временам. Фердинанд с готовностью сопровождал Изабеллу и даже превзошел ее

в набожности, отправляясь молиться в гробницу в черном одеянии кающегося грешника.

В Вальядолиде их встретил герольд, принесший весть о полном успехе африканской экспедиции, и папский нунций* со свитком, подтверждающим их титулы. Путь паломничества королевской четы пролегал через весь полуостров, но где бы они ни проезжали, повсюду их окружали земли объединенных испанских королевств. Они побывали повсюду, увещевая и ободряя своих подданных, собирая солдат, пушки и запасы продовольствия. Испанский народ вновь собрался с силами для последнего, решающего наступления на Гранадский эмират.

Теперь Фердинанд возглавлял восьмидесятитысячную армию, самую большую из всех, которые он когда-либо собирал. Он разбил свой лагерь под стенами Гранады.

Хотя прочие мусульманские государства Испании уже были повержены, гранадские мавры намеревались сражаться за свою прекрасную столицу до конца. Семь столетий история покровительствовала этому городу. Для мусульман Гранада была бесценной жемчужиной в короне ислама. Пока мавры удерживали Гранаду, мусульманский мир мог надеяться, что завоевания Пророка в Европе не утеряны безвозвратно. Все еще могло обернуться иначе. Христианская королева могла умереть. На испанском троне вновь мог оказаться суверен, подобный Энрике Бессильному, и зеленое знамя Пророка, на котором золотом вышита тысяча имен Аллаха, могло снова повести неисчислимые полки правоверных на север, как это уже бывало много веков назад, и тогда окончательно сокрушить христиан.

Но столицу эмирата защищали не только вера и

традиции. Среди виноградников и фруктовых садов скрывались укрепления, возведенные в предчувствии осады. Заполненные водой рвы мешали наскокам кавалерии. Мирного вида сельские здания на самом деле скрывали пушки, а на верхушках мельниц прятались наблюдатели. Большинство этих сооружений были построены руками христианских пленников. Помимо многих тысяч мавров-беженцев, население Гранады пополнилось и за счет множества военнопленных, которых пригнали сюда, чтобы они работали на строительстве укреплений.

Фердинанд принялся систематично и неспешно вырубать сады, виноградники и рощи, которые мавры, великолепные земледельцы, лелеяли веками. После нескольких прискорбных случаев с ловушками на мельницах король приказал сжигать каждое строение, сравнивать с землей каждый дом, засыпать каждую яму и каждую лощину, не трогая лишь ирригационные каналы. Испанцы не оставляли ничего, в чем могла скрываться вражеская ловушка. Уничтожалось все. Пространство между лагерем христиан и красными стенами Гранады превратилось в выжженную, безжизненную пустыню. А затем в течение семи месяцев, в то время, когда флот блокировал земли Гранадского эмирата с моря, Фердинанд ждал, пока голод, болезни и угасающая надежда не возьмут свою неизбежную дань.

Когда Фердинанд решил, что воля мавров к сопротивлению уже наверняка ослабла, он отправил к Абдалле герольда под белым флагом. Король напоминал эмиру о том, как мягко он обошелся с Малагой, и обещал так же поступить и с Гранадой.

Но подходящий момент еще не назрел.

Вместо ответа Абдалла прислал королю злобного

тощего пса. Фердинанд пожал плечами и велел в течение недели откармливать пса. Когда тот стал толстым и ручным, Фердинанд отослал его обратно с запиской: «Незачем голодать. Все, что нужно — это сдаться». В ответ на это эмир прислал отрубленную голову несчастного животного. Об этом случае с собакой много говорили, считая его свидетельством того, что Гранада предпочитает умереть от голода, но не сдаться.

Потом маркиз де Кадис повел большой отряд копейщиков на штурм Гранады. Защитники города отталкивали приставные лестницы длинными шестами с крюками. Из потайной калитки высыпала вопящая орава мавров, вооруженных кривыми саблями, и набросилась на атакующих. Испанцы оказались прижаты к подножию крепостных стен между обломками приставных лестниц, и пришли в замешательство. Многие из них при падении переломали себе руки или ноги. Фердинанд тут же послал отряд на помощь, но несколько сотен кадисцев были перебиты.

Несмотря на артиллерийский обстрел, стены Гранады каждую ночь чинили. Захваченный во время вылазки мавр презрительно заявил: «Вы, испанцы, прекрасные каменщики. Наилучшая смерть для христианских пленников — смерть от огня христианских пушек! Или ваше высочество предпочитает, чтобы мы уморили их голодом?»

Фердинанд добела закусил губу и приказал продолжать обстрел.

Поначалу испанцев преследовали неудачи, как это случалось всегда, когда ими предводительствовал Фердинанд. В лагере вспыхнул пожар, уничтоживший огромное количество шатров. Осада длилась уже семь месяцев — никогда еще испанская армия не находи-

лась в походе столь долгий срок. Армия Фердинанда была чересчур велика. Поскольку из-за прошлогоднего неурожая налоговые поступления снизились, король не мог выплатить жалованье своим войскам. Фердинанд написал Изабелле, которая в это время находилась неподалеку от театра военных действий, в Кордове: «Не только я, но и маркиз де Кадис, и герцог Медина Сидония, и Гонсальво де Кордова, и все мои капитаны советуют отложить боевые действия до следующего года. Особенно стесняет нехватка денег. Сообщите мне, что ты думаешь по этому поводу».

Изабелла ответила: «Ни в коем случае не снимай осады. Победа будет за нами!»

Фердинанд отправил еще одно письмо: «Окончательная наша победа не вызывает сомнений, поскольку Бог, пушки и голод сражаются на нашей стороне, но, похоже, до этой победы еще далеко. Прошу тебя ни в коем случае не приезжать в лагерь. Это небезопасно. Мавры в любой момент могут предпринять вылазку».

В то же время король с улыбкой сообщил своему совету:

— Сеньоры, я полагаю, что вскоре к нам присоединится ее величество. Будьте так добры, приготовьте королеве удобное место.

Фердинанд был прав. Изабелла прибыла в лагерь безо всякого предупреждения, со свитой из видных вассалов и привезла с собой кое-что — вскорости выяснилось, что это новое, необычное оружие. Королева привезла с собой сорок серебряных колоколов. Колокола были запрещены Кораном. Они приводили мавров в ярость. Но их звон был слышен даже среди чудовищного рева канонады. Христианам он напоминал о

наиболее торжественных моментах богослужения, и еще он нес весть надежды пленникам в Гранаде.

Вместе с королевой прибыли кардинал Испании, инфант Хуан, инфанта Изабелла, Беатрис Португальская, Беатрис де Бобадилья вместе со своим мужем Андресом де Кабрерой, управляющим монетного двора, — ее друзья, ее дети, ее сила, ее вера. В обозе также находился тщательно охраняемый мул, который с трудом тащился под тяжестью двух сундуков с монетами. В это же время морем был доставлен груз: новые пушки, новое снаряжение, продовольствие для людей и корм для лошадей.

Фердинанд, у которого не было денег для того, чтобы заплатить войскам, встретил жену довольно резко.

— Что за странное и неожиданное изобилие, дорогая?

Выяснилось, что Изабелла заложила драгоценности кастильской короны.

— Другого выхода не было, — просто ответила королева.

— Моя изумрудная корона?

— Да.

— Мои бадахшанские рубины?

— Да.

— Моя сапфировая брошь?

— Да.

— Только не крест святого Фердинанда!

— И он тоже. Андрес де Кабрера устроил это для меня через некоторых банкиров в Валенсии.

— Я их знаю. Они евреи.

— Ну и что?

Теперь белая шея Изабеллы не была украшена никакими драгоценностями. Она носила лишь железный

крестик, который подарил ей Фердинанд, когда прибыл из Арагона под личиной торговца для того, чтобы обвенчаться с ней.

Фердинанд задумчиво прикоснулся к крестику.

— Надо было заложить и его. Он один стоит больше всех драгоценностей, вместе взятых.

— Ни за что, — ответила Изабелла.

Серебряные колокола Изабеллы задели за живое одного святого человека по имени Ибрагим Альджебри. Он был дервишем* из Триполи. Почувствовав, что Аллах призывает его идти и проповедовать своим гранадским братьям, Альджебри покинул африканскую пустыню и на корабле пересек Средиземное море. Он сказал, что ему нужно четыре сотни добровольцев, готовых вместе с ним пробраться ночью в лагерь христиан, что они будут благословлены как освободители ислама, и что он видел во сне, ниспосланном Аллахом, как христианская королева умрет от их рук.

Приготовившись при помощи поста и молитвы, добровольцы последовали за ним, но были очень быстро рассеяны отрядом кадисцев. На рассвете кадисцы обнаружили Ибрагима Альджебри, стоявшего на коленях у подножия скал. Он молился, и его зеленый тюрбан склонился к пыльной земле. Солдаты доставили его к маркизу де Кадису. Маркиз заговорил с Альджебри по-арабски.

Ибрагим Альджебри заявил, что он является одним из тайных агентов Фердинанда и что он располагает некими сведениями относительно пленных, находящихся в Гранаде, но сообщит их только самому королю или королеве. Маркиз пожал плечами. У Фердинанда

было много агентов. Вполне могло оказаться, что этот человек говорит правду. Он под стражей отправил Альджебри в шатер Беатрис де Бобадильи, чтобы тот побыл там некоторое время. Было около полудня, король отдыхал, и его нельзя было беспокоить. А королева находилась в одном из полевых госпиталей.

Шатер Беатрис был самым ярким во всем лагере. Он был шит из розовой ткани и украшен зелеными шелковыми шнурами, и над ним реяло большое знамя с гербом Мойя. Ибрагим Альджебри подумал, что они направляются в королевский шатер, и мысленно возблагодарил Аллаха.

В шатре красивая женщина играла в шахматы с внушительного вида мужчиной. Серьезное лицо мужчины и висящая у него на груди цепь, которую носили лишь очень важные лица, заставили Альджебри убедиться в том, что это был король. А красивая женщина, несомненно, была королевой. Альджебри попросил воды. Стражник услужливо пошел за водой.

Оторвавшись от игры, Беатрис и дон Альваро Португальский увидели смутлолицего фанатика в тюрбане, который извлек из складок своего бурнуса кинжал и кинулся на них. Лезвие кинжала просвистело над головой Беатрис и ударило ее в плечо. Беатрис с криком упала на пол. Ибрагим Альджебри испустил ликующий вопль, повернулся к дону Альваро и нанес ему несколько ран в плечо и в шею. Потом в шатер вбежали стражи и закололи мавра. Умирая, Альджебри возблагодарил Аллаха. Он думал, что избавил мир от короля и королевы Испании.

Маркиз де Мойя, которого эти крики пробудили от сиесты*, вбежал в гостевое отделение шатра и поднял свою жену, лежавшую в обмороке. Клинок убийцы

скользнул по высокому воротнику, обшитому золотым галуном, и не причинил Беатрис никакого вреда. Она всего лишь потеряла сознание.

— Я никогда больше не буду укорять тебя за то, что ты слишком много тратишь на наряды!

Но вот дон Альваро едва не умер. Он присутствовал при испанском дворе как военный наблюдатель со стороны дружественной Португалии. Его смерть могла бы повлечь за собой значительные затруднения.

Гнев Фердинанда был ужасен. Мертвое тело Ибрагима Альджебри зарядили в катапульту и перебросили за крепостную стену Гранады. В отместку мавры содрали кожу с одного знатного испанского пленника и набили из него чучело. Эту страшную оболочку человека привязали к спине мула и погнали животное в лагерь христиан. Даже закаленным ветеранам делалось дурно при виде этого бескостного чучела, члены которого при каждом шаге мула извивались, подобно змеям и которое совсем недавно было человеком. Фердинанд поклялся страшной клятвой: «Я превзойду мавров в изобретательности, и да поможет мне Отец Зла в аду!»

Но Изабелла призвала прекратить взаимные зверства. В гранадских темницах томилось более тысячи христианских пленников — не только военнопленных, захваченных в ходе последней войны, но и множество других людей, жертв давних пограничных набегов. Эти люди уже не один год томилась в цепях. Существовала опасность, что впавшие в отчаяние мавры могут перерезать их всех.

— Есть и лучшие способы выказать нашу веру и посягать на неверных, — сказала королева.

Вокруг все еще виднелись свидетельства злосчаст-

ного пожара, опустошившего лагерь христиан. По приказу Фердинанда все следы разрушения уже были убраны, но среди плотно сомкнутых рядов палаток то там, то тут зияли черные выгоревшие проплешины, а уцелевшие палатки были сверх обычного забиты солдатами.

— Когда люди вынуждены жить в такой тесноте, они начинают ссориться из-за пустяков, — пожаловался Фердинанд.

— Мне это не кажется чем-то значительным, — сказала Изабелла. — Если они и ссорятся, так это потому, что им нечем себя занять.

— Боюсь, с этим пока что ничего нельзя поделать. На каждый час, проведенный в сражении, приходится неделя безделья. Такова скучная арифметика твоего способа ведения войны, моя дорогая. Возможно, пока дело снова дойдет до драки, все обленятся.

— Ты прав, нельзя больше позволять солдатам засиживаться в палатках.

Безделье внезапно закончилось. На равнине перед Гранадой вместо тонких, легко воспламеняющихся палаток начал расти город из прочных, каменных или кирпичных построек. Солдаты превратились в ремесленников, а офицеры — в десятников. Равнина заполнилась до странности неуместными здесь звуками стройки. Звенело железо, стучали топоры, обтесывался камень, и целыми днями скрипели телеги, развозящие строительные материалы по заранее размеченным местам. На глазах у изумленных мавров выросли не только прочные жилища, но и конюшни, кузни, оружейные мастерские, кухни, прачечные, амбары и, конечно, церковь. Это наглядное свидетельство уверенности Изабеллы в том, что она завоюет эти места, подорвало

дух мавров больше, чем дюжина проигранных сражений.

Это был превосходный план — построить город на совершенно пустом месте. Чтобы усилить смятение мавров, были проложены две широкие, мощные главные улицы. Они пересекались под прямым углом. Таким образом, когда мавры смотрели на орды своих врагов, они видели христианский крест, увековеченный в камне.

Через три месяца после прибытия королевы в лагерь строительство закончилось. Был уложен последний камень и покрыта последняя крыша. Изабелла приказала высадить вдоль улиц деревья.

— Вряд ли они нам понадобятся, — рассмеялся Фердинанд.

— Это единственный город в Испании, который никогда не был осквернен присутствием мавров, — сказала Изабелла. — Деревья будут давать тень будущим поколениям испанцев и напоминать им о минувшем и о необходимости хранить бдительность. Пусть этот город живет и процветает вовеки.

— Войска хотят, чтобы этот город был назван Изабеллой, — сказал король. — Я бы не возражал.

Но королева назвала его Санта-Фе, в честь святой веры, возведшей этот город.

Постройка Санта-Фе обошлась недешево. Проверяя счета расходов — он делал это не менее тщательно, чем любой банкир из Валенсии, — Фердинанд споткнулся взглядом о счет: «Для картографической службы — десять тысяч мараведи». Под счетом стояла подпись: «Христофор Колумб, из свиты маркиза де Мойя».

— Эй! — воскликнул король. — Это еще что такое? — и протянул бумагу королеве.

— По правде говоря, не знаю.

— Твой итальянский моряк вернулся?

— Беатрис ничего о нем не говорила.

— Ну, кто бы там он ни был, платить я не стану. Пускай маркиз де Мойя и платит. Господи Боже! Десять тысяч мараведи! Для картографической службы!!! Только не из моего кармана!

— Действительно, это очень большие деньги, — сказала Изабелла. — Я спрошу, что он сделал для того, чтобы заработать их.

— А если ничего?

Колумб вернулся. Он, как и вся Европа, чувствовал, что война с маврами вот-вот закончится. И он знал, что после конца войны появится драгоценная возможность, какой никогда не случалось раньше и может никогда не представиться впредь — лично подать прошение властителям Испании. Ему как-то сказала об этом Беатрис де Бобадилья.

Колумб отнюдь не бездействовал и не предавался пустым мечтаниям относительно будущего путешествия. Это было не в его натуре — бездействовать, особенно среди бурной деятельности, окружавшей его со всех сторон, когда Санта-Фе строился и рос. Колумб попросил маркиза де Мойя найти ему службу.

— И какую же? — скептически спросил маркиз. Он был не против того, чтобы итальянский навигатор отработывал свое содержание, но ему хотелось знать, каким образом тот намерен это сделать.

Колумб обладал внушительными знаниями и не собирался преуменьшать их. Он спросил, помнит ли господин маркиз португальский порт в Африке, Сан-

Хорхе Ла Мина, где хранились несметные сокровища в золотых слитках до тех пор, пока португальцы не перевезли это золото в Лиссабон, где оно пополнило казну португальского короля. Конечно же, маркиз помнил этот порт. Он был надежен, словно главная башня Севовии. Искусно обнесенный кольцом стен, он оцетивался пушками на все четыре стороны света и был так же хорошо защищен со стороны моря, как и со стороны джунглей. Сан-Хорхе Ла Мина был неприступен.

— Я, Христофор Колумб, составил план этих укреплений, — сказал Колумб и извлек из объемистого морского сундучка четыре карты собственной работы, подтверждающие его заявление.

Маркиз Мойя предложил Колумбу сделать ряд карт для строителей Санта-Фе. Эти карты позже представляли собой огромную ценность, потому что они были выполнены прекрасно, понятно и подробно. На картах были указаны не только улицы и здания, но даже система канализации.

— Он просит за них немалую цену, — признала Беатрис. — Я подложила его счет в целую кучу других, которые Андрес приготовил для короля.

— Но почему, дражайшая маркиза?

— Андрес никогда не подпишет приказ о выдаче суммы в десять тысяч мараведи.

— Так же, как и король.

— Король обнаружил счет?

— Он набросился на него, словно ястреб.

— О Господи! Я надеялась, что Фердинанд не заметит его среди прочих счетов. — В голосе маркизы проскользнули умоляющие нотки. — Нам нельзя упускать Колумба! Он все рассчитал. Ему угрожают. Колумб об-

ратился к английскому королю, который прислал ему заинтересованное письмо, и сейчас договаривается о возможности лично представить королю свой проект. Английский король — человек проникательный и хваткий. Колумб никогда не вернется в Кастилию.

— Я не позволю ему уехать, но и платить десять тысяч мараведи я тоже не стану, — решительно сказала Изабелла. — Скажи маркизу, чтобы он ежемесячно выплачивал Колумбу по три тысячи мараведи из моего фонда. — Это было почти столько же, сколько получал профессор Саламанкского университета. Такая сумма должна была утешить Колумба. — Скажи маркизу, чтобы он продолжал эти выплаты до окончания войны. А потом посмотрим.

— Ты избавляешь меня от жестокого спора с мужем, — сказала Беатрис. — Он просто приходит в бешенство от моих поступков.

— Ну а я теперь должна пойти и встретиться лицом к лицу со своим мужем, — улыбнулась Изабелла.

— Ты выбрасываешь деньги на ветер, — проворчал Фердинанд. Но это были ее деньги, и это сумма была меньше той, которую просил Колумб за свои картографические услуги.

Колумб принял предложенное жалованье и не покинул Кастилию. Он уже предлагал свою мечту четырем христианским властителям: Жоао, королю Португалии, Карлу*, королю Франции, и Генриху*, королю Англии. И только Изабелла, королева Испании, в последние часы чудовищной войны выслушала Колумба и показала, что верит в него, предложив ему регулярное жалованье, позволяющее вести достойный образ жизни. Причем жалованье это платилось из фонда, возникшего, как это было известно Колумбу, благодаря

тому, что Изабелла заложила драгоценности испанской короны. Вера Изабеллы придала Колумбу сил, и он принялся ждать, преисполненный благодарности и надежд.

Осенью 1491 года от рождества Господа нашего Иисуса Христа в осажденной и с моря, и с суши Гранаде начался голод. Кипевшие в городе внутренние раздоры вылились в мятеж против эмира Абдаллы. С красных городских стен мавры смотрели на равнину, где возвышался волшебный город Изабеллы, Санта-Фе. Через равнину тянулись бесконечные колонны мулов, нагруженных припасами, которые тут же переправляли в амбары. Щедрый урожай снова наполнил житницы Испании, но мавры, вынужденные питаться вареной кошатиной, мясом бродячих собак и добавлять в муку истолченные пальмовые листья, голодали, болели и умирали. Кроме того, было замечено, что болезни, свирепствующие в осажденной Гранаде, не затронули христиан. Санта-Фе был слишком чистым и ухоженным городом, расположенным к тому же в благоприятном месте, чтобы в нем могла укорениться болезнь. Больницы Санта-Фе, отмеченные красным крестом Сант-Яго, пустовали.

Печальные и голодные подданные эмира явились к нему, сперва умоляя о мире, а потом уже требуя его. Абдалла посмотрел на их изможденные лица и пообещал, что даст им мир. Переодетый крестьянином посол мавров выбрался из Гранады глухой ночью. В складках его тюрбана был спрятан клочок пергамента, на котором Абдалла поставил зелеными чернилами отпечаток своей правой ладони. Это была верительная грамота, позволяющая послу обратиться к врагам от имени эмира.

Так начались тайные переговоры о мире. Гонсальво де Кордова, искусный дипломат и превосходный знаток языка мавров, часто встречался по ночам с представителями Абдаллы. Иногда встречи происходили в какой-нибудь деревушке за стенами города, иногда — в самом сердце Гранады, в Альгамбре.

Ночь за ночью, шаг за шагом обговаривались условия капитуляции. На вид условия договора были весьма умеренными, щадящими неистовую гордость мавров. Мавры сохраняли свои законы. Им позволялось исповедовать свою религию. Но ни у кого не было ни малейших сомнений, кто же является победителем.

На протяжении семи веков сорок испанских королей поочередно боролись с маврами — и имена их постепенно стирались из памяти людской. И теперь, по прошествии стольких веков и стольких королей, мавры оказались повержены женщиной, Изабеллой.

Двадцать пятого ноября 1491 года последний гранадский эмир покинул свою столицу, чтобы в последний раз встретиться с теми, кто победил его, и передать им свою корону. Последнее, что он приказал своим подданным, — замуровать ворота, через которые он выехал из города. Приказ был выполнен. Ворота были замурованы. Ни один мавр никогда не прикоснулся бы к камням, запечатлевшим позор их эмира. Ни один испанец никогда бы не стал разрушать монумент, напоминающий о славной победе христианского мира.

В шатре, разбитом на берегу Хениля, посреди воинства христиан Абдалла золотыми чернилами начертал арабской вязью свое имя под договором, гласящим о вхождении гранадского эмирата в состав Испании, и разрыдался, поставив подпись. Затем договор скрепила своей подписью Изабелла, а за ней — Фердинанд.

Подпись Фердинанда под договором о капитуляции было едва ли не последним, что Абдалла видел в своей жизни. Он отправился в Африку, во владения султана Феса, предложившего ему убежище после падения Гранады. Потом султана начал раздражать Абдалла — это живое напоминание о потере исламской Испании. Султан ослепил Абдаллу и сослал его в отдаленное поместье, где тот вскорости и умер.

Сразу же после подписания договора сильный отряд под командованием кардинала Мендосы занял Гранаду, успокоил и накормил изголодавшееся население и ко въезду короля и королевы навел в городе порядок. Вскоре в ярких солнечных лучах на самой высокой башне Альгамбры заплескалось огромное знамя крестового похода с серебряным крестом. Восемь тысяч испанцев, с нетерпением ожидавших этого знака, принялись радостно кричать, опускаться на колени, падать ниц и целовать землю, которая отныне была испанской. Некоторые из них всю свою жизнь провели в сражениях с маврами. Теперь все они носили имя конкистадоров*. Закончилась не только война — закончилась целая эпоха. Эпоха чужеземного господства, господства чуждой культуры подошла к концу. С торжественным ощущением выполненной великой миссии Фердинанд и Изабелла вступили в свое новое королевство.

Истощенные узники, звеня цепями, выбрались из темниц, целовали ноги королю и королеве и орошали землю слезами. Сострадательные товарищи разбивали их цепи — медленная и болезненная работа, ведь мавры ковали прочное железо. Но преисполненные радости пленники даже не морщились, если попадали молотком по живому. И когда мучительная тяжесть, ко-

торая так долго угнетала их, бесформенной грудой падала на землю, пленники принимались плясать, размахивая худыми руками. Они пели и радостно кричали сквозь слезы, струившиеся по впалым щекам и длинным бородам. Изабелла разослала их цепи по всем церквам Испании и приказала повесить их на стены, словно священные реликвии. В тот радостный час избавления люди равно славили Бога, короля и королеву.

Изабелла рука об руку с мужем гуляла по тихим садам Альгамбры. Впервые с начала царствования ей выпала возможность отдохнуть от опасности, забот, тяжелых трудов и войны.

Воздух в садах был напоен запахом цветущего мирта и апельсиновых деревьев. У ног королевы в прозрачной воде мавританских бассейнов скользили и всплывали золотые рыбки с киноварным отливом. Вечернюю тишину нарушало лишь журчание множества фонтанов и отдаленный колокольный звон. Стояла весна, мягкая и прекрасная весна 1492 года, полная обещания изобилия, процветания и мира — мира, наступившего после войны, затянувшейся на многие поколения.

На королеве снова было шелковое платье и ее рубиновое ожерелье. Фердинанд открыл сокровищницу мавров и составил краткую опись их почти что неисчислимых богатств. Башни Альгамбры отдали золото, накопленное за семь столетий грабежа, и бесценные произведения изысканного мавританского искусства христианам-победителям. Изабелла смогла выкупить свои драгоценности у валенсийских банкиров.

Прогуливаясь среди фонтанов и цветов на не-

котором расстоянии от их королевских величеств Беатрис де Бобадилья сказала своему мужу:

— Изабелла больше нравится мне, когда она одета в шелк, а не закована в сталь. А тебе, Андрес?

— Она хороша во всяком одеянии, — ответил маркиз.

— Это ты сделал ее королевой, Андрес.

— Оставь.

— Да, это сделал ты. В тот самый день, когда ты провозгласил ее королевой, отдал ей ключи от Сеговии и обеспечил средствами для ее первой военной кампании.

— Ну, возможно, я ей помог.

— Тогда вся Испания была в твоих руках. Ты мог сделать королем кого угодно и королевой тоже. Кого угодно. Ты никогда не сомневался в правильности своего выбора?

Маркиз де Мойя пригладил бородку.

— По правде говоря, я никогда не видел другого человека, который мог бы занять ее место.

— Тогда ты действительно очень умен, мой Андрес.

— Я был тогда совершенно прав.

— Теперь ее доспехи начнут ржаветь.

— Полагаю, что так.

— Ей это не понравится.

— Но так лучше.

— Хотя в этом есть что-то грустное. Больше не нужно ничего завоевывать. Изабелла любила говорить, что Испания возникла как щит христианства, и лишь край его был замаран. Теперь щит очищен от неверных. Все враги, от Гибралтара до Пиренеев, повержены. Она владеет всем.

— Гм-м, — протянул маркиз де Мойя.

Беатрис тихо рассмеялась и погладила мужа по руке.

— Нет, она не владеет ничем. Я владею даже большим, чем она. У меня есть ты, а она владеет лишь Фердинандом, да и то не всецело. Я бы никогда не стала терпеть его неверности. Он ведь трижды изменял ей. Я поражаюсь терпению Изабеллы.

— Я полагаю, короли бывают разными.

— В таком случае я рада, что ты не сделал королевой меня!

Маркиз улыбнулся.

— У меня были другие планы относительно тебя, дорогая.

— Теперь Изабелла будет скучать от безделья. Она воплотила в жизнь свою мечту об Испании, но воплотившаяся мечта умирает. В этом она проиграла.

Маркиз де Мойя прижал палец к губам.

— Тише, Беатрис, нас могут услышать.

Они не заметили, как приблизились к королю и королеве на расстояние слышимости.

И услышали, как Изабелла говорит Фердинанду:

— Не думаешь ли ты, *mi secor*, что теперь мы можем, ничем не рискуя, позволить моему терпеливому и настойчивому итальянскому моряку совершить задуманное им путешествие?

— Это Христофору Колумбу? — презрительно фыркнул Фердинанд. — Этому фантазеру? Этому оборванному, непрактичному мечтателю? Конечно, нет.

Она чуть вздернула голову, и на лице ее появилось то самое выражение, по которому Фердинанд, Беатрис и даже мавры понимали, что Изабелла Кастильская приняла какое-то решение. Ее рубиновое ожерелье вспыхнуло алым пламенем в лучах заходящего солнца.

— Тогда я снова заложу драгоценности, чтобы помочь Колумбу!

— Ну хорошо, госпожа моя, — неохотно согласился Фердинанд. — Я полагаю, теперь мы можем оказать поддержку Колумбу, раз ты так сильно этого желаешь. Пускай себе плывет хоть на край света. По крайней мере, он больше не станет докучать мне.

— А откуда нам знать, — улыбнулась Изабелла, — вдруг он все-таки вернется?

— Нет, она не станет скучать, — радостно прошептала Беатрис на ухо мужу. — Она сменила одну мечту на другую. Изабелла никогда не состарится и не зачахнет настолько, чтобы более не мечтать и не воплощать свои мечты в жизнь.

— Я знаю Колумба, — рассудительно сказал маркиз. — И мне кажется, что этой новой мечты ей хватит очень и очень надолго.

ПРИМЕЧАНИЯ

стр. 28. Инфанта — в Испании и Португалии титул принцесс королевского дома; принц именовался инфантом (от лат. *infans* — юный, дитя).

Жанна д'Арк (ок. 1412 — 1431) — национальная героиня Франции, происходившая из крестьянской семьи. В ходе Столетней войны (1337 — 1453) возглавила борьбу французов против английских захватчиков. В 1429 году освободила Орлеан от осады. В 1430 году попала в плен к бургундцам, продавшим ее англичанам; те объявили ее колдуньей и предали церковному суду. Обвиненная в ереси, она была сожжена на костре в Руане. В 1920 году католическая церковь признала ее святой.

стр. 30. *Энрике IV Бессильный* — король Кастилии, правивший в 1454 — 1474 годах. При нем Кастилия пережила эпоху смут и междоусобиц.

Вальядолид — столица средневековой Кастилии; Мадрид стал столицей Испании при короле Филиппе III (1578 — 1621).

стр. 31. *Сантьяго!* — обычный возглас испанца (вроде нашего «Боже мой!»), обращенный к святому апостолу Иакову, небесному покровителю Испании. Во времена Реконкисты этот возглас служил также боевым кличем в сражениях с маврами.

...фра Томас... — обычное обращение к людям духовного звания: «фра» буквально означает «отец».

стр. 32. Он был подобен пустынноикам, которые жили на столбах... — В первые века христианства в пустынях Египта утвердилась особая традиция аскетического подвижничества — христианские отшельники поднимались на вершины скал или больших камней и проводили там в глубокой молитве и почти полной неподвижности весьма длительные периоды времени.

Приор — настоятель католического монастыря.

Санта Крус — известный монастырь «Святой Крест» принадлежал доминиканцам — нищенствующему монашескому ордену, основанному в 1215 году монахом Домиником. В 1232 году в ведение ордена была передана инквизиция.

...для него это стало бы его первыми кругами чистилища. — В католической традиции чистилищем называют «загробное пространство», где души умерших грешников очищаются от не искупленных ими при жизни грехов.

стр. 33. Во всех странах Европы жили учителя-доминиканцы... — в России... — Доминиканцы-миссионеры действительно старались насаждать католицизм во многих странах, в том числе стремились и в русские земли.

стр. 34. Саламанкский университет — один из древнейших городов Испании, Саламанка, упоминаемый с V века до н. э., славился по всей Европе своим университетом, основанным еще в 1218 году.

стр. 36. Томас де Торквемада (ок 1420 — 1498) — первый духовник королевы Изабеллы Кастильской, с 80-х годов глава испанской инквизиции. Инициатор изгнания евреев из Испании (1492 год).

стр. 37. Кабальеро — дворянский, рыцарский сословный разряд в Испании; более подробно об этом сословии сказано во вступительной статье (раздел ИСПАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА).

стр. 39. Кортесы — собрания представителей от трех сословий — дворянства, духовенства и городских общин, игравшие значительную роль в поддержании политической целостности государства.

Гранды — название представителей высшей знати. «Рикос омброс» («богатые люди») были переименованы в «грандов» в пору правления Изабеллы и Фердинанда.

стр. 41. Дом рыцарских орденов Компостелла, Калатрава, Алькантара... — Реконкиста выдвинула необходимость создания полувосенных-полудуховных орденов, наподобие орденов иоаннитов, тамплиеров и других. Старейшим был Леоно-Кастильский орден Алькантара, учрежденный в 1135 году. Вторым был кастильский орден Калатрава (основан в 1157 — 1158 годах). Леонский орден Сант-Яго Компостелла был учрежден в 1175 году.

стр. 47. Паладин! Сид! — Паладинами называли рыцарей королевской свиты, а также рыцарей-воинов, беззаветно преданных идее священной войны против неверных или же своей Прекрасной Даме. Сид (настоящее имя Родриго Диас де Вивар) — испанский рыцарь, живший в 30 — 90-е годы XI века, прославившийся военными действиями как против мусульман, так и на их стороне, которые он вел на свой страх и риск; стал героем фольклора и многих прозведений средневековья.

стр. 49. ...произвести хорошее впечатление на короля Франции. — Французский король Людовик XI (годы правления: 1461 — 1483) с его мощной централизованной политикой и посягательствами на соседние территории был, несомненно, опасен для испанских королевств, поэтому и требовалось произвести на него хорошее впечатление.

стр. 50. Ваше высочество — в тот период между европейскими королевскими домами существовал закон, со-

гласно которому титул-обращение Ваше величество «носил» только король Франции.

стр. 60. Прелат — в католической церкви звание, присваиваемое высокопоставленным духовным лицам.

стр. 63. Мечи делали из окованной серебром моржовой кости. — Более чем вероятно, что эта деталь — лишь фантазия автора: если такие мечи и существовали, то имели чисто декоративное значение и уж никак не применялись на турнирах.

стр. 70. Примас — в католической и англиканской церквях почетный титул главнейших епископов.

«Символ веры» — краткое изложение христианских догматов, безусловное признание которых православная и католическая церкви предписывают каждому христианину. Был сформулирован Вселенским собором 325 года. В дальнейшем католики внесли в «Символ веры» изменения, не признанные Православием.

стр. 75. Лишь нейтральная Наварра... — Небольшое Наваррское королевство, расположенное на северо-востоке Пиренеев, всегда испытывало мощное давление со стороны могущественных соседей — Кастилии, Арагона и Франции. Утратило свою самостоятельность в 1512 году, когда было завоевано арагонским королем Фердинандом.

стр. 82. Менестрели — профессиональные певцы и музыканты во Франции и Англии в XII—XIII веках; в Испании такое название не использовалось.

стр. 83. Дом Трастамара — династия кастильских королей, ведущая свое начало от Энрике II (изначально носившего титул графа Трастамарского), который правил в 1369 — 1379 годах, и завершающаяся по мужской линии королем Энрике IV Бессильным, правившим Кастилией в 1454 — 1474 годах.

стр. 87. Альфонсо Африканец — португальский король

Альфонс V, правивший в 1438 — 1481 годах. Прославился своими экспедициями на Африканское побережье, где сражался с маврами.

стр. 97. Вассалы — здесь: дворяне, служащие в свите и войске короля за пожалованные им королевские земли.

стр. 110. Конкорд — латинское слово, означающее «соглашение».

стр. 111. ...без согласия на то трех сословий королевства. — Имеются в виду кортесы, состоявшие из представителей трех сословий — знати, духовенства и горожан — и принимавшие многие решения, в том числе касавшиеся брака королей или инфантов.

стр. 112. Вериги — жесткие и тяжелые цепи, обручи, пояса и т. п., носимые на голом теле, как один из видов высшего аскетизма.

стр. 115. Гроссмейстер — глава духовно-рыцарского ордена.

стр. 118. Анналы — средневековые летописи.

стр. 122. Ричард Йоркский — будущий английский король Ричард III, правивший в 1483 — 1485 годах. Занял престол, отстранив малолетнего Эдуарда V. В битве при Босворте (1485) потерпел поражение и был убит.

стр. 127. Item — таким образом, также (*лат.*).

стр. 128. Рабби — здесь: глава еврейской общины.

стр. 129. ...с помощью своего внука Фердинанда Арагонского. — Фердинанд Арагонский был связан кровными узами с кастильским домом Трастамара по линии Фердинанда (или Фернандо) I, короля Арагона. В этом генеалогическом хитросплетении Великий адмирал Кастилии приходился дедом Фердинанду, будущему супругу Изабеллы.

стр. 138. ...при прежнем короле Хуане — Имеется в виду король Кастилии Хуан II, правивший в 1406 — 1454 годах.

стр. 139. «Os beso las manos y los pies» — буквально «Я целую вам руки и ноги» (*исп.*).

стр. 144. Maria Santisima! — буквально «Святейшая Мария!» (*исп.*); так зывали к Марии Богородице.

стр. 147. Во мне течет кровь Плантагенетов... — Плантагенеты были королевской династией в Англии в 1154 — 1399 годах. Боковые ветви Плантагенетов — Ланкастеры и Йорки.

Во мне есть кровь Капетингов.... — династия французских королей в 987—1328 годах.

Мой предок Людовик IX Французский... — речь идет и французском короле Людовике IX Святом (годы правления 1226 — 1270), который получил свое прозвище благодаря благочестивому образу жизни и активной организации двух Крестовых походов — 7-го и 8-го.

Связь Изабеллы с английскими и французскими королевскими династиями выглядит следующим образом. Король Англии Генрих II Плантагенет (1133 — 1189) кроме прочих детей (среди них — Ричард Львиное Сердце) имел дочь Элеонору, отданную замуж за Альфонса VIII Кастильского; у них родилось две дочери — Беренгуэла, королева Кастильская, и Бланка; первая, будучи замужем за королем Леона Альфонсом IX, родила Фердинанда III Кастильского, а вторая, став супругой Людовика VIII Французского, родила будущего короля Франции Людовика IX.

стр. 152. Арбалетные болты — стрелы, применявшиеся в арбалетной стрельбе, назывались болтами.

стр. 156. Эликсир из рога единорога — это средство считалось чудодейственным при лечении импотенции.

стр. 160. Инвеститура — в средневековой Западной Европе юридический акт введения вассала (или иного знатного лица) во владение земельным участком.

стр. 169. Мажордом — начальник всех служб дворца сеньора и всех людей, служащих во дворцовом хозяйстве.

стр. 173. ...и был переименован в Стамбул... — Константинополь, главный оплот Византии и ее столица, был взят турками в 1453 году и переименован в Стамбул.

стр. 175. Дублет — узкая одежда на подкладке, которую носили поверх рубашки в эпоху позднего средневековья.

стр. 177. Мидас — царь Фригии в 738 — 696 годах до н.э. Согласно мифу, имел способность обращать в золото все, к чему прикасался.

Консорт — буквально «соцарствующий» (от лат. «consortium»); так именовали супругу (супруга) правителя (правительницы), указывая таким образом, что основная власть принадлежит последнему.

стр. 183. ...добытой в крестовых походах. — Не совсем точно: завоевание норманнами Сицилии, происшедшее в XI веке, не носило характера крестовых походов.

Римская курия — совокупность учреждений, подчиненных папе римскому как главе католической церкви.

стр. 199. ...когда упавшая подвязка дамы стала знаком отличия в Англии. — Имеется в виду британский орден Святого Георгия, учрежденный королем Эдуардом III в 1350 году, имевший также название ордена Подвязки. По одной из легенд, орден «имел происхождение» от чулочной подвязки графини Солсбери; упавшую у всех на виду на пол подвязку якобы поднял один из знатных кавалеров и, прикрепив ее на свою одежду подобно королевской награде, произнес ставшую крылатой фразу: «И пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает».

стр. 202: Мухаммед Завоеватель — имеется в виду Мехмед II Фатих (1432 — 1481), турецкий султан в 1444-м и в 1451 — 1481 годах. Проводил завоевательную политику в Малой Азии и на Балканах. В 1453 году захватил

Константинополь и сделал его столицей Османской империи, положив таким образом конец существованию Византии.

стр. 205. Благословенна ты в женах... — фраза одной из наиболее известных христианских молитв «Богородице Дево».

стр. 207. Te Deum — Тебе, Господи (*лат.*).

...обновленной Испании, восстановленной в своем древнем величии. — Вероятно, автор имеет в виду мощное христианское королевство визиготов, охватывавшее почти весь Пиренейский полуостров в VI веке.

стр. 212. Трансепт — в европейской церковной архитектуре — поперечный неф (см. ниже) или несколько нефов, пересекающих продольный объем в крестообразных по плану зданиях.

стр. 213. Неф — вытянутое помещение, часть интерьера (обычно базилики), ограниченная с одной или с обеих продольных сторон рядом колонн или столбов.

стр. 221. Инквизиция — в католической церкви в XIII—XIX веках судебное-полицейское учреждение, созданное для борьбы с ересями. Судопроизводство велось тайно, с применением пыток.

стр. 227. Иудеи — поселения евреев.

стр. 243. ...из рода Маккавеев. — Братья Маккавеи возглавляли народное восстание в Иудее против эллинистической власти Селевкидов во II веке до н.э.

стр. 247. Урия Хетт — один из воинов еврейского царя Давида; царь, влюбившись в жену Урии, послал его в битву на верную смерть.

стр. 251. Швейцарские наемники — швейцарцы считались в Европе лучшей, наиболее профессионально подготовленной военной силой.

стр. 255. Франциск Ассизский (1181 или 1182 — 1226) — итальянский проповедник и святой, прославившийся своим аскетическим образом жизни, основатель нищенствующего монашеского ордена францисканцев.

стр. 226. In extremis — в крайнем случае (*лат.*).

стр. 262 ... в перчатках, на которые были надеты кольца... — Кольца, надетые сверху на перчатки, символизировали епископскую власть.

стр. 263. Фердинанд III Святой — король Леона и Кастилии в 1217 — 1252 годах; при нем были завоеваны Кордова, Севилья, Медина-Сидония, Херес, Кадикс и ряд других крупных населенных пунктов мусульманской Испании.

стр. 269. Констебли — здесь имеются в виду городские полицейские чины, однако автор вольно переносит название из Британии и к тому же из гораздо более поздних времен.

стр. 274. Дюйм — дюймовая единица длины в системе английских мер: 1 Д = 1/12 фута = 0,0254 м.

стр. 278 ... Санта Эрмандада, Святое Братство... — крупный союз городских общин, созданный в 1480 году при поддержке Изабеллы и Фердинанда для борьбы против феодальной знати.

стр. 279. Брат-бастард. — Бастардами именовались незаконнорожденные.

стр. 292. Мирра — ароматическая смола, получаемая подсежкой коры тропических деревьев из семейства бурзеровых (юг Аравийского полуострова, Северо-Восточная Африка). Применяется для ароматических курений при религиозных обрядах и как пряность.

стр. 294. В войско королевы, «la reyna»... — В данном случае испанское слово обозначает, что войско принадлежит исключительно королеве.

Это армия los reyes — здесь испанское слово подчеркивает, что войско должно принадлежать обоим королям.

стр. 295. ...хотя этому скандалу было уже сто лет. — Основатель Трастамарской династии в Кастилии, Энрике II (см. Генеалогическую таблицу), был одним из пяти незаконнорожденных сыновей короля Альфонса XI и знатной севильской дамы Элеоноры де Гусман. Энрике II добился трона в очень упорной борьбе и правил Кастилией в 1369 — 1379 годах.

стр. 300. Фут — единица длины в английской системе мер; $1\text{Ф} = 0,3048\text{ м}$.

стр. 306. Педро Жестокий — король Кастилии в 1350 — 1369 годах. Подавляя внутренние смуты, он беспощадно расправлялся со знатью, за что и получил свое прозвище.

стр. 311. По субботам он не надевает лучших одежд. — Субботний день у иудеев является священным днем, посвященным Богу. В этот день запрещается трудиться и следует надевать лучшие одежды.

стр. 319. Даже Даниил не входил в львиный ров по своей воле... — Еврейский пророк Даниил, о котором рассказано в Ветхом Завете, жил в Вавилоне в VI веке до н.э. Он обладал большим авторитетом и властью, однако по навету недоброжелателей был помещен персидским наместником в огромную яму, в которой держали львов. Львы не тронули Даниила, и он был отпущен.

стр. 320. Направляясь к Севилье по римской дороге... — Основные, лучшие дороги на Пиренейском полуострове, как, впрочем, и по всей средневековой Европе, были проложены еще во времена Римской империи.

стр. 323. Грум — конюший; он же мог быть и возницей экипажа.

стр. 331. Палачи уставали затягивать гарроты... — Гаррота являлась специфически испанским орудием казни; представляла собой веревочную или железную петлю (или обруч), которую палач медленно затягивал на шею сидящего человека, обычно стоя у него за спиной.

...не хватало весел для каторжников. — Обычным наказанием для каторжников служил изнурительный труд гребца на галерах.

А я получаю всю выгоду. — Хитроумный Фердинанд намекает на то, что обычно имущество осужденных переходило в казну.

стр. 333. ...бои быков на Крите... — Имеются в виду своего рода акробатические упражнения с живыми быками, которые проводились на религиозных праздниках в Крито-Минойском царстве (III — II тысячелетия до н.э.).

стр. 334. Hija Marquesa — «Дочь Маркиза» (т. е. «Дочь моя, Маркиза», *исп.*).

стр. 337. Понтифик. — В дохристианские времена понтификом именовали высшего жреца; в христианское время — главу католической церкви, папу римского.

стр. 338. Катехизис — религиозная книга, излагающая основы христианского учения в виде вопросов и ответов.

стр. 340. Сегодня день святого Иоанна Крестителя — Иоанн крестил Иисуса Христа в водах реки Иордан; день его памяти празднуется в конце июня (в России — 24 июня).

стр. 342. Золотой escelente — здесь: обозначение ритуального блюда.

стр. 347. Ego te absolvo... — «полное отпущение» (*лат.*) греха.

стр. 348. ...читала даже истории Боккаччо... — Имеется в виду «Декамерон» Джованни Боккаччо (1313 —

1375), великого итальянского писателя, рассказы которого считались достаточно вольными, если не скабрёзными.

стр. 354. ...sobrina mia! — «племянница моя!» (*исп.*)

стр. 368. ...со времен Цезаря. — Имеется в виду римский император Юлий Цезарь (102 или 100 — 44 годы до н.э.).

стр. 376. Corpus juris — свод законов (*лат.*).

стр. 377. Иона — еврейский пророк, живший в VIII веке до н.э. Посланный Богом проповедовать в языческий город Ниневию, он пытался отказаться от своей миссии и бежать, однако, отплыв на корабле, был застигнут бурей, брошен корабельщиками за борт и поглощен китом, откуда затем спасся чудесным образом.

стр. 378. ...под «каблуком» итальянского «сапога». — Город Отранто находится на юго-восточной оконечности Апеннинского полуострова, имеющего форму сапога.

Янычары — турецкая регулярная пехота, созданная в XIV веке. Первоначально набиралась из пленных юношей, позже путем насильственного набора мальчиков из христианского населения.

стр. 384. Reconocimiento — «признание» (*исп.*).

стр. 390. Сервы — наиболее закрепошенная прослойка крестьянства, ограниченная в правах наследования, свободы заключения брака и пр.

стр. 391. Фокида — область в центральной части Греции.

...индиго из Трапезунда... — Трапезунд (ныне Трабзон) был столицей православной Трапезундской империи; возникшей после падения Византии в 1204 году в результате IV Крестового похода. Завоеван турками в 1461 году. Славился многими товарами, в том числе индиго — кубовым красителем синего цвета, добывавшимся из растений.

стр. 392. Гарпии — в древнегреческой мифологии богини вихря, крылатые чудовища-гитицы с девичьими головами.

стр. 398. ...как сыновья Карла Великого, который разделил свою империю... — Карл Великий (742 — 814) был сначала франкским королем, а затем императором. Его завоевания Лангобардского королевства и области саксов привели к образованию обширной империи, которая распалась вскоре после его смерти. Автор неточен: фактически империю разделил между сыновьями не он, а его сын, Людовик Благочестивый (814 — 840), что привело к длительным междуусобицам и смутам.

стр. 411. Mis primos — «мои кузены» (*исп.*). По обычаю, так король называл аристократов, к которым особо благоволил, но которые, разумеется, не были ему двоюродными братьями.

стр. 419. Звездная Палата... — высший административно-судебный трибунал в Англии, учрежденный в 1488 году Генрихом VII; первоначально предназначался для водворения порядка в стране и обуздания феодалов; получил свое название по украшенному звездами потолку зала, в котором проходили заседания.

стр. 421. Ян Гус (1371 — 1415) — национальный герой чешского народа, вдохновитель народного движения в Чехии против немецкого засилья и порочных обычаев и порядков, насаждавшихся католической церковью (торговля «прощениями грехов», чрезмерно высокие права духовенства и пр.). Осужден как еретик церковным собором в Констанце и сожжен. Замечание, что Яна Гуса замучили венгры, остается на совести автора.

стр. 429 — ...и поклянется — Христом или Пророком... — Под Пророком имеется в виду Мухаммед (ок. 570 — 632), основатель религии ислама; соответственно его именем мог клясться только мусульманин.

стр. 441. ...обошлись бы с ней куда более жестоко, чем англичане с Жанной. — Жанна д'Арк, попав в руки англичан, была объявлена ими колдуньей и сожжена на костре.

стр. 452. *Альгамбра* — название дворца эмиров Гранады.

стр. 465. *Танжер* — город и порт на Северном побережье Африки (ныне территория Марокко), в устье Гибралтарского пролива; был одним из важнейших торговых и стратегических пунктов Средиземноморья.

стр. 472. *Иаков Компостелльский*. — По преданию, тело апостола Иакова, старшего брата Иоанна Богослова, было перенесено в 829 году в Компостеллу, главный город королевства Галиции, и погребено в склепе. С тех пор апостол Иаков стал в Испании наиболее почитаемым из всех святых.

стр. 473. *Папский нунций* — постоянный дипломатический представитель римского папы в иностранных государствах.

стр. 478. *Дервиш* — в мусульманстве нищенствующий аскет-мистик; дервиши были объединены в общины и ордена.

стр. 479. *Сиеста* — в Испании, Италии и некоторых других южных странах полуденный (послеобеденный) отдых; самое жаркое время дня.

стр. 485. *Он уже предлагал свою мечту... Карлу, королю Франции, и Генриху, королю Англии.* — В этот период во Франции правил король Карл VIII (годы правления: 1483 — 1498), а в Англии — Генрих VII (годы правления: 1485 — 1509).

стр. 488. *Конкистадоры* — собирательное название испанских «рыцарей»-авантюристов, отправлявшихся завоевывать новые земли на свой страх и риск.

Об авторе

Лоуренс Ловелл Шуновер (1906 — 1980) начинал свою карьеру специалистом по рекламе. Весьма успешно проработав более двадцати лет руководителем рекламного отдела в различных фирмах, вторую половину жизни он отдал другому призванию — литературе. Его перу принадлежат всего несколько романов, в основном посвященных европейским событиям, происходившим в XV — XVI веках, и каждый из них стал ярким полотном средневековой жизни. Наиболее известными книгами писателя стали «Изабелла Кастильская», «Золотая ссылка» (о приключениях английского рыцаря, попавшего в Индокитай), «Благородный нехристь» (о падении Константинополя) и «Блеск клинка» (о временах Столетней войны).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Смирнов. Изабелла Кастильская и ее время</i>	
Дома Кастилии и Арагона.	
ИЗАБЕЛЛА КАСТИЛЬСКАЯ. Роман	
Примечания	
Об авторе	

Литературно-художественное издание

Лоуренс Шуновер

ИЗАБЕЛЛА КАСТИЛЬСКАЯ

Редактор *С. Смирнов*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технические редакторы *Н. Носова, Т. Комарова*

Корректор *М. Минкова*

OCR - Давид Титиевский, июнь 2017 г., Хайфа

На первой стороне обложки использована работа
художника Франсуа Пурбуса Младшего
«Портрет королевы Изабеллы»

Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с оригинал-макета 06.11.98.

Формат 84×108 ¹/₃₂ Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,9. Уч.-изд. л. 20,1.

Тираж 10 000 экз. Зак. № 1076.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»,
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

Изготовлено с оригинал-макета в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Изабелла Кастильская

Прекрасная и воинственная, рассудительная и темпераментная, как сама Испания, — такой была Изабелла Кастильская. Она выстояла в вихре кровавых междуусобиц, затеянных гордой испанской знатью, и дворцовых интриг, направленных против нее королем Энрике Бессильным и его коварной супругой. Поднявшись на трон, она приняла истерзанную страну и превратила ее в могучую державу.

Королевой милостью Божьей, "королевой на все времена", изобразил Изабеллу в своем ярком романе известный мастер исторической беллетристики Лоуренс Шуновер.

ISBN 5-04-001854-1

9 785040 018543 >

7351

29-00